

ВСЕЛЕННАЯ

И

МЫ

*Жизнь в целом довольно
просто понять, а вот просто жить,
осознавая что делаешь – очень,
очень трудно.*

Alexander Swidsinski
Berlin, Charite, Gahro

Март 2023

УДК
ББК
К

A. Swidsinski

ВСЕЛЕННАЯ И МЫ. — Москва, 2023. —?с.

ISBN

Все права защищены. Данная книга полностью защищена законом об авторских правах. Воспроизведение этой книги или ее части в любом виде или любым методом, включая копирование, хранение в базе данных, запись на видео- или аудиосистемах, публикация в Internet или пересылка по электронной почте, запрещены без письменного разрешения автора.

Ссылка на электронную
страницу автора – <http://swidsinski.de>

Просто отсканируй смартфоном!

ISBN

Предисловие

Перед сном детишкам рассказывают что-нибудь доброе. Пусть крошки беззаботно отдыхают и радостно встретят завтрашний день. Поведанное не обязательно должно быть простым, но непременно оканчиваться безоблачно. Данное повествование задумано именно для этой цели. Оно адресовано всем детям Земным, для всех случаев жизни. В нём собраны вопросы и ответы к нашему прошлому, настоящему и будущему. Каждый вопрос даёт повод задуматься и отрешиться от безоглядной спешки.

Постижение нового и светлого отодвигает тягости денного, придаёт уверенность в захватывающем продолжении завтра, послезавтра — всегда.

Повествование распределено на три книги:

Созидание (законы жизни)

Дар (нашего тела)

Посыл (что, куда и зачем человечеству?)

Последняя книга обобщает предыдущие, не вдаваясь в полемику по специальным деталям физики, биологии, генетики и социального, типичную для первых двух. Разъяснений там мало. Особо дерзкие и нетерпеливые могут начать сразу с неё. А там уж, как выйдет.

Содержание:

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ I

СОЗИДАНИЕ.....	1
ЖИВОЕ.....	4
ЭВОЛЮЦИЯ.....	7
Камень или компьютер?.....	7
ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ.....	8
Целесообразность.....	8
Мутации.....	10
Несуразности.....	11
Преступления.....	22
ИНСТРУМЕНТЫ ЭВОЛЮЦИИ.....	24
ПОЛОВОЕ РАЗМНОЖЕНИЕ.....	25
Узы оплодотворения.....	27
ОБУСТРАИВАНИЕ ЖИЗНИ.....	29
Рождение.....	32
Индивидуальное развитие.....	33
Самоотдача.....	38
Детство — взросление — старость.....	39
Продолжительность жизни.....	40
Смерть.....	42
ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО.....	45
Агрессия.....	45
Территории.....	46
Величие.....	47
СОЦИАЛЬНОЕ.....	49
Рой, косяк, стая, стадо, табун.....	49
УПОРЯДОЧИВАНИЕ.....	51
Паразитизм.....	52
Кооперация.....	54
Супружество.....	55
ИСТОРИЯ ЖИЗНИ.....	56
ОКЕАН.....	56
Бактерии.....	56

Полимикробные сообщества.....	57
Эукариот.....	58
Многоклеточные.....	59
Трилобиты.....	60
Позвоночные.....	60
СУША.....	61
Растения.....	61
Насекомые.....	62
Амфибии.....	63
Рептилии.....	64
ПЕТЛИ ЭВОЛЮЦИИ.....	66
Протискивание.....	68
Штурм.....	68
Гегемония.....	69
Гигантомания.....	69
Мельчание.....	70
Закат.....	72
Последовательность.....	73

ЧАСТЬ II

ЗАРОЖДЕНИЕ.....	76
Катализ — Автокатализ.....	76
Жизнеобеспечение.....	77
Рассудительность.....	78
НАКОПЛЕНИЕ ОПЫТА.....	79
Гены.....	80
Собирание своего.....	81
Связывание отдаленного.....	83
Диплоидное обогащение.....	84
Беспроегрывная самоотдача.....	91
Вне-генетический опыт.....	91
Взаимопонимание.....	92
Воспитание.....	93
Духовность.....	93

ЧАСТЬ III

РАЗУМ.....	95
Рефлекс.....	95

Стимул и реакция	97
Условное и безусловное	98
Стремления	98
Органы	99
Врождённое	99
Мыслящее животное	100
ВОСПРИЯТИЕ	103
Представление	106
Воображение	106
ПОЗНАНИЕ	107
ЯЗЫК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ	109
Имя и содержание	113
Истина в середине	115
Да не так!	116
Логика вздора	117
Существующее и нет	120
Достоверное	121
Понимание	122
Взаимопонимание	123
Мышление кувалдой	124

ЧАСТЬ IV

МИР	126
ФИЗИКА	127
Пространство и материя	128
Двойственность света	129
Отталкивающая сила тяжести	131
Антигравитация энтропии	134
ВРЕМЯ	134
ПРИЧИНЫ	135

ЧАСТЬ V

ЦИВИЛИЗАЦИЯ	138
КУЛЬТУРА	139
Насилие, обмен, поощрение	140
Контроль	142
А что так можно?	143
Вожди	146

Власть	149
SIC TRANSIT GLORIA MUNDI	152
Сумерки богов	154
(У)Вещеватели	156
ПРИРОДА	157
Искусство и искусственное	163
ЭКОНОМИКА	164
О чём?	165
Ценности	166
Состояние	166
Стоимость	167
Товар	168
Цена	168
Торг	169
Интерес	171
Доступность	172
Спрос	173
Претворение	175
Рынок	175
СОБСТВЕННОСТЬ	177
Как пришло, так и ушло	181
ФИНАНСЫ	184
Деньги	185
Золото	187
Кредит	188
Банки	188
Национальные валюты	189
КОНЪЮНКТУРА	194
Рецессия	194
Занятость	195
Пределы роста	197
МАТЕМАТИКА РОСТА	200
ИДИОЛОГИИ	204
Лжеучённость	206
Овеществление	210
Костры ереси	210
Да что Вы говорите!	212

Пафос	213
Порешить	213
Как ты мне, так и я тебе!	214
Терпимость	215
Много врагов, много чести!	216
ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО	217

КНИГА ВТОРАЯ

ДАР	218
Откровения хвори	219
Потребности	225
Необходимость	228
Влечения	232
Ты куда? Если удастся — вперёд!	234

ЧАСТЬ II

ИСТОКИ	241
Искра жизни	242
Генезис	242
Возможность	243
ПОСТИЖЕНИЕ	245
Рецептор-Стимул-Восприятие	246
О ГЕНАХ	248
Как нам выпадут генные карты?	253
Так что рулит телом?	254
Гены и книги	260
Неологизмы	264
Новое, старое, косное	266
ЭГО И ЭРОС	270
Разветвление	270
Объединение	271
ОБЩЕЕ И СВОЁ	272
Взаимность	275
СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	276
Взгляд за горизонт	276
Незыблемость	277
Последовательность новаторства	278
Безмятежность стремления	279

Свобода без анархии	280
Пока смерть их не разлучит	283
Вечное вместо суетного	285
Самоотверженность	286
ОСТРОТА СЕКСУАЛЬНЫХ ТЕМ	287
К чему пол?	290
Гомо-транс — и прочий секс	291
„Me too“	292
Блуд	292
Забота о потомстве	293
Сексуальные практики	293

ЧАСТЬ III

ТЕЛО И ЧУВСТВА	294
КУЛЬТУРА ЧУВСТВ	296
АНАТОМИЯ ВЛЕЧЕНИЙ	298
Задаток	298
Алчность	303
Искушения	305
Опьянение	305
Исступление	307
Нетерпение	307
Экстаз	308
ОБУЗДАНИЕ ИСКУШЕНИЙ	309
Знаковое	310
Пауза	310
Подвижность	311
СОН	313
СТРАХ НАШ НАСУЩНЫЙ	315
Бичевания	316
Противоядия	318
ЛЮБО-ДОРОГО	320
(Не)Обходимое	322
СВОЁ	328
«Я»	328
Одиночество	329
Величавость	331
Престиж	333

ЧАСТЬ IV

МУДРОСТЬ	334
Прекрасное и не совсем	334
Это сладкое слово «свобода»	335
Доброе и доброта	336
РАДОСТЬ БЫТИЯ	337
Мрак и чаяния	338
Негаданное	339
Заветное	340
Угасание?	342
ОЧЕНЬ ДАЖЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ	342
Смысл жизни	343
Убеждения	344
Правда?	345
ПОЧТИ РЕЛИГИОЗНОЕ	347
Бессмертие	348
Тело	350
Духовность	350
Претворение	352
СОЗНАНИЕ	353
Чистый разум	355
Эпилог и предисловие	357

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПОСЫЛ	359
ИСТОКИ	360
УКАЗАТЕЛИ ПАМЯТИ	360
Геном	361
Культура	363
Сознание	365
Духовное	365
ИНДИВИДУАЛЬНОЕ	367
УЗЫ ВЗАИМНОСТИ	371
ОБЩЕСТВЕННОЕ	374
Руководство	375
Насилие и право	377
Компетентность	379

Ответственность	379
Советы	380
Легитимность	381
Творчество	383
ДУХОВНОЕ	383
Эго	384
Сообщества	386
Сексуальность	388
Восхождение разума	389
КАЖУЩЕЕСЯ	396
Война дворцам	398
ДЕМОКРАТИЯ	400
Кибернетика демократии	401
Дедемократизация	402
Фашизм	406
Мандаты	413
Отчётность	416
Свобода слова	420
Балаганище	421
ТРИУМФ ДУХА	423
Поехали	426
ОСНОВНОЙ ЗАКОН	429
ЦЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	431
ЛЮДИ БУДУЩЕГО	436
ДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	438
Звезда пленительного счастья	439

Всё цитированное выражено *курсивом*,
если упоминание авторов не важно и легко
определяемо любой поисковой машиной

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ I

СОЗИДАНИЕ

Когда-то звёзды были главными путеводителями.

Глядя на ночные светила, крестьяне отслеживали подходящие времена для посева и жатвы. Охотники гнали дичь в непроглядных дебрях и безошибочно возвращались к стоянкам и семьям. Воины, пираты и купцы-первопроходцы прокладывали пути к неизведанным царствам.

На тропах времён тяга к звёздам как-то растерялась, да и звёзд в городе уже почти не видно. Уличные огни и световая реклама затмили ненавязчивое мерцание светлячков небосвода. Земной шар давно измерили, поделили и распродали. Идти, вот просто так, стало уже некуда и непозволительно. А ведь настоящее путешествие к звёздам так и не началось!

Нити галактических сверхскоплений тянутся от нас на необразимые миллиарды световых лет. Их определяемые границы с каждым годом отодвигаются наукой всё дальше и дальше. Одна только наша спиральная галактика занимает 100 000 световых лет. Но воистину захватывающими являются не столько размеры вселенной, большая часть из них пуста, сколько грядущие люди, которые покорят эти дали.

Ближайшая звезда Проксима Центавра, отдалена от нас расстоянием в 4,2 световых года. До граничащей с нашей галактикой туманностью Андромеды ещё дальше и где-то около двух миллионов световых лет.

Даже эти ближайшие цели непреодолимы для человечества с сегодняшней продолжительностью жизни, какими бы техническими новшествами оно ни приросло. Но и отсидеться нам не дано. Размеренность земного существования обманчива. Большая часть жизни нашего светила, увы, позади.

Однажды человеку придётся покинуть солнечную систему и заселить другие созвездия. Для этого прыжка недостаточно двигателей и ракет, а вот активная жизнь в 10 000 лет была бы очень кстати. Полет длительностью в 100 лет стал бы тогда приятным времяпрепровождением учебного отпуска, вполне достаточного для саморазвития по вольно избранной теме. Только где взять, как достичь такой жизни?

Рог промышленного изобилия завалил человека благами, сделал бытие максимально приятным. Лучше от этого человек не стал.

Наоборот! Сидя в жестянках транспорта по дороге от работы к универмагу, он одряхлел, ожирел и раскис. Какое там — выше, быстрее, дальше, он с трудом справляется с тем, что уже нагромодилось вокруг него. Изумленно внимает он достижениям своих предков, ставших неподъёмными ему, и вынужден в бессилии замещать себя «умными» машинами, становясь их придатком.

Куда дорожка? — Довольно очевидно. Но время ещё есть и каждому стоит задуматься, а что ему, собственно, важно: пресыщенное, самодовольное «Я», однобоко коротающее будни на пути в дом престарелых, или тело из стали с неугомонным разумом, рвущимся к звёздам?

Будущее жаждет новых людей! Людей, тянущихся не к бренности невоспользованного обладания, а к безграничным ресурсам энергии, пространства и времени для своих начинаний. Дальнейшее развитие человечества должно идти не по пути роста его численности, а по пути преумножения возможностей, даруемых каждому из его детей и позволяющих им полнее жить, учиться, дерзать и творить.

Главная предпосылка для этого — увеличение продолжительности жизни от сегодняшних десятилетий до сотен и тысячелетий.

Я уже слышу — ну и дурь. Это же невозможно!

Давайте перенесёмся в 1900 год и попробуем за чаем растолковать собеседнику, что ожидает его в 1914, 1939, 1961, 2022 году. (Я ещё встречался с представителями того времени и знаю о чём говорю.) Поверит ли собеседник описаниям ракет, атомной энергетики, интернета? Откуда наша уверенность, что что-то, сегодня недостижимое, в принципе невозможно, а удлинение жизни невысказанное, в принципе невозможно, а удлинение жизни невысказанное, где закон, ограничивающий человеческое бытие, в каких «сакральных писаниях» он изложен?

Мы, как и люди из прошлого, тоже видим завтрашний день и день 2100 года ограничиваясь известным, а поэтому подобными сегодняшнему, только дальше, больше и в чём-то шире.

Так ли это? А если нет, чем порадует нас грядущее: сотами многоэтажек; газонами с бесконечными рядами шезлонгов и тренажёров? Что мы видим, заглядывая в магический шар судьбы?

Макдональдсы в промежутках с электрическими вышками заправок для голограмм в камуфляже деревьев? Всё под куполом, защищающим от своевольной погоды и солнечных лучей?

Превратится наша синяя планета в запотевшую изнутри реторту, кишащую от ферментирующих в ней, бесформенно ожиревших и дрожжеобразных людей?

Хоть всё и движется именно к этому, мне как-то не по себе при мысли о таком исходе, а тем более не по пути. Для иного будущего нужно не много. Каждый шаг, делающий отдельного человека умнее, сильнее, выносливее приближает человечество к звёздам.

ЖИВОЕ

— Слушай волк, отстань от козлят, вот тебе пирожное!
Моя дочь любит играть возле письменного стола, где я работаю.
— Волки не едят сладкое, — замечаю я, не задумываясь.
— Волк, возьми морковку!
— С морковью у волков тоже нелады.
— А что любят волки? Голубые глазки внимательно смотрят на меня. Теперь уже я в растерянности.
— Хм? Котлеты.
— Волк, бери котлету. Она очень вкусная!
Дочурка играет дальше, а мне уже не до работы.
Бывает, вопросы веселят и освежают не хуже удавленных шуток, бывает, пугают и осаживают, как выстрел среди тишины.
Они живут своей жизнью: непослушные, балаганящие, беспокойные. То срываются при приближении, как пугливая живность, то, как хищники, крадутся угрожающе по пятам, и не дают шансов уйти. Их бестелесность обманчива. Многие потрясения начинались с безобидных вопросов:
— Если Земля плоская, почему длина солнечной тени в зените различается с юга на север, но не с востока на запад? Может, Земля — это шар? И если так, то можно ли рассчитать её окружность по удлинению тени, двигаясь от экватора к полюсам?
— Если тяжелое (пушечное ядро) падает быстрее, чем лёгкое (перышко), почему два пушечных ядра разного веса падают на землю одновременно? Что, если скорость падения не зависит от массы, а постоянна?
— Если смерть неизбежна, к чему тогда жизнь? Может вовсе не смерть завершает человеческие деяния?
Обыденность полна мистерий. Величайшие тайны прикидываются банальным и повседневным. Их истинное значение не видно, пока вы не наткнетесь на противоречие между действительным и ожидаемым.

Тут же пробуждаются демоны сомнения, рушатся представления, тает уверенность. Неопределенность пугает. В потрясении основ люди зачастую предпочитают твердыни-заточения — бескрайности неизвестного; отговорки — терзающим сомнениям; окрики догм — зову истины. Лучше не страшась оставаться, где есть — чем, не дай бог, оступиться, двигаясь не ясно куда.

Жаль, ведь противоречия — это не проклятия и не бремя, а ценнейшие из находок, позволяющие нам преодолеть завалы заблуждений.

Пожив в новой, хоть ему и не особенно понятной реальности, человечество угомонилось и смирилось с тем, что Земля круглая, а Вселенная бесконечна. Самые смелые гипотезы физики больше никого особенно не тревожат. Умные головы нашли и записали где-то достойный ответ. Только вот с осмыслением жизни успокоения нет и пока не предвидится. Куда не подашься, везде боязливая самоцензура и табу. Простейшие вопросы, касающиеся бытия (особенно нашей собственной данности), лезут под кожу, жгут и колют. Мы чураемся их, мыкаемся с завязанными глазами на краю к неизведанному и верим выводам науки только в той мере, в какой они потворствуют нашей самоуспокоенности.

Задача этой книги и последующих двух — понять живое, не уваливая от вопросов, какими каверзными они бы ни были.

Отдельные разделы первой книги расположены так, чтобы без купюр связать неорганические молекулы с живыми клетками. От них перейти к органам и их производным: восприятию, разуму и миру, который разум охватывает.

Цель повествования — пройти по эволюции жизни от низшего до высшего, показав, что биология, мышление, физика, культура, социология, коротко, вся существующая наука — это не холодные абстрактные формулы чего-то определённого и разграниченного, а проявления одного и того же стремления жизни к освобождению от пут физического мира.

Жизнь не следует физическим законам. Она подчиняет их своей воле. Это подчинение и есть познание реальности.

ЭВОЛЮЦИЯ

Камень или компьютер?

Знание — это объём того, что жизнь в состоянии с реальностью целенаправленно предпринять.

В зависимости от достигнутого уровня возможностей, представления жизни об окружающем не просто углубляются, а кардинально меняются. Образы реальности до и после обуздания материи оказываются несравнимыми друг с другом. Мир для вируса, бактерии, цветка, мухи и обезьяны различны, хотя реальность, в которой они обитают, одна и та же. Видимый мир и мир человека, расщепившего атом несопоставимы!

Вторая книга заточена на вопросах, посвященных отдельному человеку: его телу, чувственности и сознанию.

Третья книга освещает духовность человека и вытекающие из этого цели и задачи, а так же обобщает содержание первых двух.

Повествование всех трёх книг направлено от примитивного к высшему и соответственно построено. Тем не менее освещение отдельных разделов неравномерно.

Всё, что и так ясно, затронуто вскользь или вообще не упомянуто. Наоборот, ставшие аксиомами искажения жизни разобраны обстоятельно, завалы предрассудков расчищены до просветов, в уверенности, что читатель без мелочной опеки сам сумеет пройти открывающийся взгляду путь.

Как камень, так и микропроцессор выглядят на поверхности среза одинаково причудливо. Там и здесь сложно переплетающиеся линии, геометрические фигуры, изгибы. Тем не менее их не перепутать. Камень материализует летопись обстоятельств. Кто понимает язык окаменелостей, безошибочно читает в слоях отложений — физику становления, условия образования и переменчивые события доисторических времён. На срезе микропроцессора всего этого не найти. Природные условия не имеют отношения к его построению. Компьютер — результат направленного созидания.

Если соединить восходящей линией незатейливую физику минералов с комплексной самобытностью духовного и служащих ему органов и приборов, где расположится жизнь на шкале между камнем и компьютером?

Первую помощь в поиске ответа оказывает язык. Уже понятие «органического» отнекивается от «неорганического», т.е. неживого. Но в чём?

Орган — это в переводе с греческого ещё и «инструмент». Слияние инструмента и принадлежности живому в одном слове преднамеренно. Без инструмента, как неотъемлемого свойства, определение органического теряет смысл. Полиэтилен, латекс, нейлон и другие продукты «органической» химии не имеют отношения к живому, а вот панцири морских животных, состоящие из «неорганического» фосфата кальция — имеют и непосредственно.

Материал, из которого строится жизнь, не важен. Органическое должно служить жизни и быть его производным, состав является результатом. С этой смысловой точки зрения мы, несомненно, ближе к компьютеру, чем к камню, ближе к смыслу, чем к случайности. Происхождение и структура минералов давно расшифрованы. Но когда и откуда появляется в природе смысл?

Из чего он состоит и как возникает? Откуда берёт жизнь свои органы, почему эти инструменты становятся всё совершеннее? Которые, кто компоновщик компьютера? Где и в чём скрывается он? Как и чем пользуясь, он созидает свои творения?

ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ

Благодаря палеонтологии мы узнали, что жизнь развивалась от простого к сложному, что одноклеточный организм стал многоклеточным, породив человека. Две основные теории эволюции пытаются разъяснить этот процесс.

Целесообразность

Ламарк (1744–1829) объяснял эволюцию устремлением к лучшему. Так, по его мнению, шея жирафа росла из-за того, что первобытное животное тянулось к всё более высоким ветвям, обретая новые свойства и наследуя достигнутое от поколения к поколению.

С точки зрения тогдашних современников, у объяснения Ламарка был изъян. Первоначально считалось, что наследование — это непосредственная передача свойств, приобретённых родителями, их детям. Это предположение оказалось ложным.

Биолог Вейсманн обрубал мышам хвосты несколько поколений подряд. Длина хвоста новорожденных грызунов оставалась прежней. Другие исследователи, пользуясь более изощрёнными экспериментами, всегда приходили к схожему результату.

Изменения, прижизненно привнесённые многоклеточным организмам, не переходили на детей. Опыты, доказывающие обратное, впоследствии оказались самообманом или фальсификациями. Кроме того, в начале XIX века исследования под микроскопом показали, что высшие организмы и их органы не цельны, а состоят из отдельных клеток. Каждая клетка развивается сама по себе.

Клетки не возникают заново, а отделяются от клеток-предшественников. В ядрах клеток расположены гены, кодирующие их построение. При росте клетки, гены удваиваются и после деления распределяются на дочерние клетки. Перехода содержания из одной клетки в другую вне размножения не наблюдается. Высшие организмы состоят из тысяч специализированных под разные задачи клеток. Большинство из них — соматические, служащие построению тела. Только малая часть образует семенные зачаточные клетки. В отличие от соматических, зачаточные клетки в жизнедеятельности организма не участвуют, а служат сугубо зачатию, причём далеко не все из них. Только одна зачаточная клетка от каждого партнёра сливается в зиготу, развивающуюся в эмбрион.

Получается, что размножаются не организмы, а его клетки, образующие отдельные органы. При этом задачи жизнедеятельности выполняют исключительно соматические клетки. Суставы, мышцы, пищеварение, мозг, поведение — их производные. Не смотря на их активную и решающую для выживания роль, все соматические клетки умирают вместе с телом, не оставляя продолжения.

Зачаточные клетки формируют новые поколения, но в жизни родителей не участвуют, да и в собственном смысле этого слова не живут, а только ожидают возможности дополниться, стать соматическими клетками нового тела и, блеснув в фейерверке размножения, умереть. Какой-либо обмен генетической информацией между отдельными клетками тела не был подтверждён всеми до сих пор проведёнными экспериментами.

Как при таком разделении обязанностей возможно унаследование приобретенного телом опыта? Никак — заключил Дарвин. Дарвин отверг представления Ламарка и возвёл случай в роль творца живого. Компьютер жизни надолго стал причудливым минералом, вызванным игрою обстоятельств. Осталось за малостью — эту случайность объяснить.

Мутации

По Дарвину (1809–1882), гены организуют размножение, в то время как случайность лепит глину генов и направляет эволюцию. Правда на этом месте нужно оговориться. Во времена Дарвина слов ген, генотип, мутация (да и генетики как таковой) ещё не было. Всё это пришло позже. Основатель и последователи «теории отбора в борьбе за выживание» использовали описательные понятия, которыми уже никто не пользуется. Чтобы не обременять повествование, мы не станем упоминать устаревшие названия, а будем пользоваться современными понятиями.

Итак, по теории отбора (в её современном изложении), гены контролируют все стороны роста и размножения, включая воспроизводство предыдущего, поведение в настоящем и становление в будущем. Их задача преумножать былое, сохранив унаследованное. Но гены не всемогущи. Их непредвиденные сбои называются мутациями. Эволюция следует не устремлениям живых существ, а обстоятельствам, потворствующим распространению удачно мутировавших организмов.

В своих работах Дарвин тщательно описывает бесчисленные внутривидовые вариации признаков, как бы идеально подходящих для отливки нового. Обилие описанного впечатляет, но, по сути, не объясняет, как конкретная мутация приводит к цели. Для обоснования целенаправленности, Дарвин вводит борьбу за выживание в игру, следуя следующей схеме. Каждый вид ограничен в ресурсах. Размножение выше уровня, позволяющего популяции выжить, ведёт к борьбе за существование.

Слабые вымирают, а лучшие, то есть уцелевшие продвигают эволюцию. Другими словами, шея жирафа стала длиннее не потому, что его предки тянулись к сочным листьям, а, поскольку жирафу выпали гены длинной шеи, он дотянулся до ветвей недоступных его сородичам и устоял. Иного было ему не дано.

Вообще-то борьба за выживание не объясняет, с чего бы это она разгорается, если ресурсов роста нет; почему она выбирает

направление то от низшего к высшему, то от высшего к низшему; и почему она вообще куда-либо ведёт вместо того, чтобы колебаться вместе с обстоятельствами? Почему эволюция то стоит, то бежит, но не у всех, а только у ограниченного числа семейств, и отчего всё становится так, как есть? Но ущербность даже не в выборочности объяснений.

Зло первородное и глубже. Истинным подспорьем дарвинизма были не натяжки выкладок (здесь подходит, а здесь не важно), а примитивные животные инстинкты, диктующие содержание. В самом деле, кто может всерьёз сомневаться в действенности борьбы за выживание, если каждый чувствует её воздействие на себе?

Доходчивое по простоте утверждение, что победитель несомненно лучше поверженного, оправдывало любые средства, обеспечивающие успех, и бесцеремонно вломилось в политику, науку и культуру. Дарвинизм разнуздал и без того полыхавшую жажду власти и смёл устаревшие религиозные догмы и мифы. Неприкритые и ничем не ограниченные: насилие, самодурство, алчность и вожделения стали непререкаемыми кумирами элит и погрузили человечество в сумерки разума.

За исключением этой, исторически может и оправданной роли могильщика, дарвинизм предлагает одни несуразности. Остановимся на наиболее ярких из них. Всех, в виду их многочисленности, не представляется возможным перечислить.

Несуразности

Дарвинизм отдаёт созидательный порыв эволюции на откуп случайных мутаций. Оценить как такое возможно он даже не пытается. Уже простейшие подсчёты показывают абсурдность представления о творческом потенциале случая.

Чтобы монета упала на нужную сторону, достаточно двух-трех бросков. У игрального кубика шесть сторон. Никчёмных бросков до получения желанного результата понадобится больше.

Сколько бросков в среднем необходимы, чтобы пять или шесть кубиков упали на определенную сторону? Структура простейшего из организмов намного сложнее даже сотни кубиков, но результаты всегда выпадают так, как это выгодно бросающему «игральные кости».

Если эволюция ведома случайностью, то с растущей сложностью её созданий: либо количество забракованного должно лавинообразно расти, либо эволюция зеркально замедлится. Оба прогноза не подтверждаются. Эволюция стремительно ускоряется с усложнением организмов, а количество потомков уменьшается. Уменьшается и частота увечий. Большинство созданий полны совершенства и без всяких отсекающих отклонений спешат от успеха к успеху.

С момента зарождения жизни прошло почти пять миллиардов лет. Дольше всего времени ушло на развитие от простейших до одноклеточных организмов. Затем, в относительно короткий промежуток последних 700 миллионов лет эволюция разгоняется. При этом период от беспозвоночных до позвоночных, от рыб до земноводных и млекопитающих, от млекопитающих до обезьян, от гоминидов до цивилизации, от зачатков мануфактур до постиндустриальной эпохи составляет всего лишь толики предыдущих стадий.

Дарвинизм видит главный локомотив развития в перепроизводстве претендентов и результирующем отборе менее жизнеспособных. Если бы это было так, то организмы с высокой рождаемостью и потерями должны были бы иметь наивысшую скорость эволюции. **На самом деле всё ровно наоборот.**

Комаров гораздо больше, чем людей. Несмотря на высокую сменяемость поколений, прогресса у этих насекомых, да и у другой быстро размножающейся мошкары, в последние 100 миллионов лет не прослеживается. Вперёд вырываются виды с растущими размерами тела и падающим числом потомства.

Эволюция лелеет не многодетность с массовками, а редкие: интеллект, стойкость, время и силы, затрачиваемые на обустройство жизненного пространства.

Мелкота мечет икру банками. Акула, а тем более косатка, рожают единицы. Слониха вынашивает одного слоненка, а крыса много крысят.

Слон, косатка и акула представляют сегодняшние вершины эволюции, не имеют серьёзных соперников, резвятся на сотнях и тысячах гектаров территорий и везде успевают, никуда особенно не спеша. Только виды, ютящиеся по убогим приютам, обойдённые успехом и беззащитные перед ударами судьбы, спешат с воспроизводством — единственной стратегией сохранить их вид. О совершенствовании в таких условиях мечтать не приходится.

Вопреки утверждениям Дарвина, массовая штамповка поколений не выдаёт шедевров, а производит питательный планктон — кровавую дань неудачников, причём месиво фарша тем обильнее, чем беспомощней вид перед лицом обстоятельств, а не наоборот.

Согласно Дарвину, высокая плотность заселения должна подстёгивать, ускорять и расширять эволюцию. Все свидетельства истории Земли говорят об обратном. Когда динозавры потеснились, а потом и вовсе сошли со сцены, млекопитающие миглом заняли высвобождающиеся ниши.

В течение первых десяти миллионов лет млекопитающие разбрелись повсюду. Из забитых, хорькообразных существ, влачащих существование на задворках, они перевоплотились в армаду, положившую начало китам, слонам, медведям, львам, обезьянам и прочим преуспевающим сегодня видам. А потом, после раздела империи динозавров? Потом — пауза и доводка уже существующих ролей и моделей.

Принципиально новое стало в одно мгновение нежелательным и уже более не появлялось у млекопитающих. Некоторые труднодоступные морские острова не балуют разнообразием. История здесь, как бы встала, утомившись достигнутым и задремав. Вдруг случай заносит на остров новый вид. Ход времени ускоряется. Пришельцев встречает необозримый простор и возможности жатвы. Ни конкурентов, ни паразитов, посягающих на выживание, нет.

Первопроходцы не только распространяются, но и разнонаправленно видоизменяются, занимая без противодействия и боёв различные ниши, для которых они были совершенно не предназначены. Специализируясь, они развивают признаки, которых у их родственников с континента нет и в помине, да и в прошлой эволюции никогда не было.

Но вот неизведанное достигнуто, а необустроенное поделено. По острову уже не пройти и не проехать. Можно только пробиться или отвоевать. Вроде бы идеальные предпосылки для борьбы за существование. Но вместо полетов, эволюция, отныне, еле плетётся, мучительно приращивая крохи.

Давайте приглядимся к тому, что, собственно, проясняют «раскладки» естественного отбора в деталях? О чудо — ничего! Они только объявляют: если что-либо произошло — «значит так лучше, так надо», совершенно обходя вопросы: с чего бы это, зачем и почему? Дарвинизм крепок задним умом, и не может ничего предсказать заранее. Почему некоторые виды вступают на долгий путь эволюции и уходят от своих первоначальных условий жизни далеко за пределы требований адаптации? Почему они бросают насиженные ниши, хотя те всё ещё существуют и даже расширяются? Почему другие виды сотни миллионов лет непреклонно держатся за достигнутое и упорно терпят неприятности? Почему они не реагируют на происходящие и их непосредственно затрагивающие геологические, климатические и эволюционные потрясения? Почему они смиряются с утратами, не пытаются их отыграть? Может, они были менее стеснены, менее затронуты бедствиями, а глобальные происшествия на Земле (вроде смены климата) их не касались?

Может касались, только, наоборот, их телосложение оказалось при этом надёжнее, а гены менее подвержены мутациям?

Доказывает ли неизменное существование «живых ископаемых» их превосходство над непрерывно эволюционирующими видами именно этой своей незыблемостью? В то время, как слабаки улепётывают от досаждающих им обстоятельств, непоколебимое

рыцарство встречает те же самые тягости в лоб и отстаивает себя. Такое «пледойе» что-то не очень ладится с реальностью, в которой «рыцарство» с тысячелетиями только мельчает или окостеневаает.

Может, вопрос в том, как именно обстоятельства принуждают виды видоизменяться?

Как и какие мутации или климатические изменения могут принудить копытное животное или хищника отказаться от наземного в пользу водного образа жизни? Когда и как произошел переход с суши на море, приведший к появлению, скажем, китов? Какие случайно выпавшие телесные особенности могут способствовать такому подвижничеству в борьбе за чуждую территорию? Несомненно, высыхание мелководья принуждает рыбу подолгу оставаться на полусухом пайке. Однако, почему в забеге побеждают только «лягушки-прыгуны» амфибий, хотя засух не избегают все водные позвоночные, в том числе и угри?

Почему предпочтение у позвоночных отдаётся одному единственному чертежу из бесчисленных мыслимых вариантов? Например, насекомые задолго до рыб испробовали и успешно превратили всевозможные варианты передвижения и метаморфозов при переходе из воды на сушу — от пауков и улиток до бабочек и стрекоз. Они что, по природе изобретательней позвоночных? Рыбы же избрали незатейливо прямолинейный путь к амфибиям и разбрелись лишь потом. Почему они не сразу двинулись по нескольким направлениям, противоборствующим засухе? Что, у позвоночных иссяк словарный запас мутаций, и пришлось ждать миллионы лет для его пополнения? Или *нормальные герои всегда идут в обход*, выбирая наименьшее сопротивление?

Странно также, что исход растений, насекомых и рыб из воды на сушу происходит только один раз за всю историю Земной жизни, тогда как высыхание водоемов повторяется регулярно изо дня в день. Действительно ли это засуха, лишения и массовые вымирания выбросили рыбу на берег или её заманила на континент обильная добыча. Ведь очевидно, что суша привлекала рыб не отсутствием воды, а средой, кишашей сперва лакомыми

простейшими, потом сладкими растениями и жирными насекомыми, заполонившими всё, включая воздух над уровнем воды. Чтобы до них добраться, всего то было достаточно высунуть язык, поднять голову над водой, а то и подпрыгнуть. Дальше лучше. Берег предоставлял возможности для развития, о которых рыбы в переполненной водной стихии могли уже только мечтать? А если бы не было этих злосчастных пересыханий, разве животные не нашли бы иную дорогу на землю полную несметных богатств?

Засух не бывает без наводнений. Но вот что странно, движения живых существ от воды к суше и наоборот никак не зависят от их тяжести и частоты. Многие наземные животные возвращаются в воду несколькими волнами в процессе эволюции. Динозавры, птицы и наконец млекопитающие следуют за рептилиями волна за волной. Однако ни обмеление, ни паводки не определяют эти прыжки в водную стихию.

Определяющими являются повороты эволюционной спирали, после которых возникают более прогрессивные семейства и классы животных. Баловни судьбы при этом играючи занимают места обитания, которые их предки когда-то покинули. Они делают это без давления борьбы за существование, просто в избытке собственных сил. Когда прорывные инновации происходили под водой, волны колонизации двигались с воды на сушу. Как только пальма первенства перешла к сухопутным животным, океан стал завоевываться с материка.

Дарвинизм высмеивает Ламарка, видевшего «стремление» основной движущей силой эволюции, но смех этот юродивый. Эволюция непонятна, если не учитывать мотивы и дерзания её участников.

Змеи от названия до формы тела выражают определённый способ «змеящегося» передвижения. Но происходят они не от червей и не от угрей, а от четвероногих рептилий. Стадии их трансформации наглядно прослеживаются от прытких ящериц, через копающихся Сцинковых ящериц (Scincidae) с четырьмя маленькими конечностями, безногого жёлтопузика (*Ophisarius apodus*)

с двумя ещё оставшимися культями задних ног, вплоть до безногой веретеницы. Ноги средиземноморских халцидов короткие и неповоротливые. При медленной ходьбе эти ящерицы опираются на свои конечности. При быстром движении они прикладывают их к телу и вихрем скользят, извиваясь змейкой. Кроме смены поведения, только уродство ног могло бы вызвать такие преобразования рептилий в змей. Ведь все остальные детали как: общее удлинение тела, нервов и внутренних органов, изменение текстуры кожи и расположение мышц, не вынуждают змеящееся ползание. Да, эти преобразования облегчают скольжение в другой среде: на земле, на деревьях или в воде, но делают они это только в их совокупности, и предлагают преимущества для выживания не раньше, чем животное начало скользить. По отдельности же каждое из этих изменений уменьшает реальные шансы выживания изначально прыткой ящерицы.

Дарвинизм объясняет прошлое настоящим и объявляет существующее лучшим. А как быть с промахами? Разве ошибки так уж редки? Что если выбранное направление тупик? Так ли уж редко эволюция зарывается и безоглядно спешит, чтобы оказаться у разбитого корыта?

Если честно, то 99% всей эволюции это путь в никуда, завершающийся вымиранием. Но если это так, то как отличить многообещающее от провального, и вообще, возможно ли это, исходя из выживаемости? Кстати, иначе чем это представлено дарвинизмом, удлинение шеи доставляет жирафу значительные неудобства: непропорциональный рост, неравномерная нагрузка на позвоночник (при неизменном числе шейных позвонков), непомерно длинный пищевод, ограничения определённых движений как то, невозможность прилечь растянувшись, и многие другие. Даже новорожденному приходится падать с высоты в несколько метров, считаясь с неизбежными ушибами. Ведь мама жираф не может сесть, телостроение не позволяет. Почему ранее проверенной, всесторонне-согласованной и удачной компоновке короткой шеи, вдруг предпочитается сомнительное и экстравагантное?

Почему очевидные недостатки нововведений не учитываются? Потому что, согласно Дарвину, новое даёт преимущества для выживания. Логично, но бессмысленно. Всё двояко для выживания: простота и сложность, гигантизм и миниатюризация, бронирование и облегчение подвижности, приземистость и высота, жёсткость и податливость, рёв напора и бесшумность подкрадывания. В чём, собственно, прогресс и преимущество чего бы то ни было? Вымершее несовершенно. Допустим. Но что лучше из ещё живого? На основании чего, и можно ли вообще об этом судить? Неужели нужно дожидаться исчезновения классов, семейств, видов, чтобы возвысить или обесценить то или иное развитие? А что, если их исчезновение — это просто видоизменение куда-то дальше ушедших видов, как, например, динозавров, превратившихся в птиц, а непрерывность выживания — это пат тупика, как у многих насекомых и рыб? История рассудит! Да? Превосходит ли вирус оспы уничтоженные им виды?

При выживании, как показателе прогресса, эволюция может двигаться только вширь разнообразия видов, но не вверх, как показывает история, и не вниз, как можно видеть на примерах рудиментов. «Вообще-то разделение на высшее и низшее несуразно. Всё живое оптимально адаптировано, умеет сами за себя постоять, а посему и равноценно».

Последнее утверждение, хотя и абсурдно, отстаивается дарвинизмом, чтобы не противоречить решающей роли обстоятельств. Как смеют корявые факты противоречить гладким умозаключениям? Смеют, и ещё как! В этом весь смысл любой жизни. Эволюция — это развитие от низшего к высшему, а люди, вне всяких сомнений, превосходят обезьян, как те — пресмыкающихся, бактерий и вирусов. **Адаптация — предпосылка для существования видов, но дарвинизм заблуждается, когда сводит жизнь к приспособленчеству под обстоятельства. Жизнь — это способность подняться над ограничениями, преодолеть буревестником ураганы невзгод, сделав их моторами своих крыльев.** Уровень развития живого определяется не размножением, не распространением

и не стабильностью или изменчивостью телесных признаков, а конкретно достигнутыми: объёмом свободы, охвата, влияния и подчинения физического мира воле живого.

Дарвинизм избегает неприятных фактов вместо того, чтобы разбирать завалы противоречий и расчищать доступы к новым познаниям. Первым окаменелым следам структурно-оформленной жизни не менее 3,5 миллиардов лет. Первые живые существа одноклеточны и размножаются путём роста и последующего деления. Приобретенные свойства материнской клетки при этом напрямую передаются дочерним клеткам. Преуспевающие организмы размножаются быстрее, а это означает, что гены, потворствующие их успеху, распространяются быстрее.

От копирования приобретенных свойств и их прямого наследования полностью отказались только многоклеточные организмы примерно 800 миллионов лет назад, после того как, три четверти предыстории оказались пройдены. С чего бы это, а главное, с точки зрения борьбы за выживание, не понятно зачем? Ни запоздалое возникновение, ни суть изменения, ни механизмы, стоящие за переходом от одноклеточных к многоклеточным организмам, ни их последующий феерический успех не объяснимы с точки зрения размножения более адаптированных генов-мутантов. Что побуждает муравья отказаться от размножения (вряд ли борьба за выживание) и в чём смысл его борьбы, если он (жил ли он или не жил, боролся или нет) не оставляет потомства?

Какая борьба за выживание или естественный отбор вынуждает клетки многоклеточного организма пренебречь своим воспроизводством и посвятить себя исключительно поддержке зачаточных клеток? В чём преимущество зачаточных клеток? Ведь они никогда ни к чему, кроме как к спариванию, способны не станут. Их судьба в череде поколений быть немощными прихлебателями чужих достижений, о которых они, в общем-то, даже и узнать не могут, не говоря о том, чтобы оценить или перенять.

Как при делении клеток внутри эмбриона падает выбор на развитие в сторону обреченных на смерть гладиаторов будущего

бренного тела или в сторону зачаточных клеток, которые, кстати, с их возникновением больше не делятся? Может быть, причина в разборках, ведущих к выживанию более подходящих для специализации клеток и их агрегации в ценные ткани и органы? Где происходят эти разборки и разделение ролей? Что происходит с несогласными и где их захоронения? Да и как драки могут привести к единению?

В жизни многоклеточного организма, не то, чтобы для братоубийств, даже для мышинной возни места нет; нет также и намёка на борьбу за выживание. Все клетки вносят свою лепту в общее дело, причём каждая на свой неповторимый лад.

Так может соперничество и естественный отбор происходили раньше, в прошлых жизнях на уровне цельных организмов, а необходимые для того мутации зацементировал геном? Где именно, когда и как стало такое возможным? Не то, что ответы, даже намёки на них отсутствуют.

Если бы эволюция основывалась на мутациях, камушек за камушком возводящих здание, то и их вклад должен был проследиваться шаг за шагом, ступенька за ступенькой. Живые существа, и правда, делятся на семейства, порядки, классы, царства. Однако, в основе систематики лежат не типичные мутации с разрывом на до и после, а общий для всех план построения организмов. Этот план безразличен для выживания в конкретных условиях. Тем не менее именно он используется для обживания разнообразных, часто противоположных жизненных ниш.

Когда-то динозавры населяли океаны, болота, луга, леса и небо. Они возникли там не самостийно, постепенно приспосабливаясь к среде, а пришли из совершенно не соответствующих местному колориту далей. Одно и то же построение тела использовалось для заселения несходных мест обитания.

Свойства, необходимые для самоутверждения в воде, на дереве и в воздухе, приросли позже. Будущее показало, что проект «динозавр» не был идеален ни для одного из этих регионов. Ярko порулив, ящеры потерпели поражение и исчезли везде.

При этом они во многом предвосхищали будущее, обладали такими характеристиками, как прямая походка, теплокровность, кожный покров из аналогов перьев, крупный мозг и социальная организация. Всё напрасно. Отдельные прогрессивные свойства не были объединены и улучшены, а были отброшены оптом. Динозавров потеснили млекопитающие. События повторились. Виды, которые в течение сотен миллионов лет населяли глубинку, не выделялись ничем, кроме посредственности, без всяких знаковых мутаций, внезапно, распространились, как чума, в самых разных регионах и вытеснили прекрасно адаптированных аборигенов.

И вот что странно, пришлые, после вытеснения местных, приняли привычки, признаки и телесные формы их предшественников, совершенно не будучи с ними сродни и не получая от них нужных к тому генов. При смене эпох, свойства бывших участников и переселенцев во многом пересекаются; специальные признаки, органы, очертания тела приходят и уходят. Однако, порядки, классы, семьи возникают, развёртываются и исчезают как единое целое, а не как наследники определённого удачного броска игральных кубиков. Мутации (все вместе или по отдельности) не объясняют ни взлёта, ни падения отдельных линий развития.

Совсем неуклюжи попытки дарвинизма объяснить возникновение сложного из наложения случайных мутаций. Прозрачная роговица, хрусталик, стекловидное тело, светочувствительная сетчатка, сеть снабжения сосудов и нервов — прежде чем глаз примется за работу, принципиально разные элементы должны найти друг друга и взаимообогащающе слиться.

Как происходит это накопление по одиночке бесполезных для выживания свойств? История жизни не предлагает примеров развития органа из совершенного нового, доселе небывалого зачатка; напротив, старое полностью перекраивается, как будто только и ждало повода к тому: жабры в челюсти, плавники в ноги, конечности в крылья.

Полёты требуют от птиц многих независимых новшеств: длинных перьев хвоста и крыльев, полых костей, воздушных мешков,

особое расположение и формы грудины и грудных мышц, ребер, шеи, позвоночника и таза. Собираение свойств логично, если предположить, что птица, как и люди, предприняла свои попытки полёта до того, как у неё были готовые средства для этого, усовершенствовав то, что нашлось под рукой. С другой стороны, абсурдно думать, что в какой-то момент случайное столкновение мутаций (как, зачем, почему) сделало полёт возможным.

Эволюция изменяет органы, перераспределяя задачи, а не экспериментируя уродствами. Ламарк был прав. Эволюция не следует за изменениями органов (длинной шеей, крылом или плавником), а новое поведение приводит к тому, что существующие органы используются необычным образом. Случайные отклонения в форме и функциях этих первичных органов впоследствии поддерживают и усиливают новое поведение, но не направляют, а тем более не обуславливают его.

Преступления

Переход от XIX к XXI веку можно по праву назвать «Эпохой дарвинизма». Готовность, с которой была принята эта псевдонаука, постыдна. Опыняющее действие гремучей смеси оказалось сильнее человеческого разума. Облачённый в научные фразы, дурман превосходства ринулся воплощать «новаторство» выживания сильного. **Результатом стали эвтаназия, колониализм и войны на уничтожение.** Беспрецедентная жестокость не прошла безнаказанно. Адепты социального дарвинизма были объявлены извергами. Духовный инструмент геноцида, дарвинизм, выжил. Ему, правда, выбили пару зубов и негласно вытеснили из человеческих взаимоотношений в биологические лаборатории. Но и здесь жатва оказалась не менее отвратительной. Мутагенез (вместе или без «нестественного отбора») оказался совершенно бесполезным для органического дизайна многоклеточных организмов. Несмотря на неотступные эксперименты, мутации не произвели ни одного органа,

ни одного нового вида, а только бесконечный ряд тошнотворных пороков и чудовищных уродств как у Франкенштейна.

В то же время внутривидовое скрещивание празднует один успех за другим без каких-либо доказуемых мутаций. При нашей жизни появляются новые, доселе небывалые, животные и растения. Множество пород собак от тибетских ши-тцу́ до датских догов, от китайских болонок до английских овчарок кажутся разнообразнее отдельных семей, и тем не менее являются одним и тем же видом, происходящим от серого волка.

Свойствообразующие возможности взаимного оплодотворения поражают. Дарвинизм намеренно ссылается на них. Но делает он это не по сути, а искажая и подменяя оплодотворение — примитивным механизмом карательного отсеивания. Но даже и сам отсев толкуется им превратно. Борьба за выживание не используется при выведении рас. Усилия растениеводства и скотоводства противоположны и направлены на устранение конкуренции.

Селекционер сводит разношерстных родителей, лелеет потомство, присматривается к возникновению новых удачных качеств. Пренебрегает тем, что противоречит его представлениям. Ухаживает за остальным. Хотя часть попадает в кастрюлю или на компостную кучу, решающим фактором в этом процессе является **скрещивание**, то есть целевое сочетание существующих свойств и **поддержка наследия.**

Если бы растениевод или скотовод последовал рекомендациям «гипотезы естественного отбора», и, вместо того чтобы рассаживать, уплотнял жилплощадь потомства, как это предполагает борьба за выживание, то, кроме вырождения популяции, ничего бы путного не произошло, всё бы зачахло, никого не выдвинув.

Скрещивание — это творческая генетика, превращающая замыслы человека в новые характеристики живых существ и направляющая развитие. Только вот кто и что определяет развитие дикой природы?

Созидателем эволюции живого является стремление к лучшему. Других вариантов нет!

ИНСТРУМЕНТЫ ЭВОЛЮЦИИ

Возражения дарвинизма против поведения, как движущей силы эволюции, несостоятельны. Они опровергают несусветицу, которую сами же и привнесли. Клетки высших организмов не меняют свои гены и гены семени, наоборот, защита их постоянства имеет первостепенное значение и является огромным достижением эволюции.

Все ссылки на факт, что соматические клетки не передают изменения своих генов потомству, вводят в заблуждение. Они внушают, что размножение многоклеточных организмов заключается в топорной отработке имеющегося. Это не так. Высшие организмы размножаются взаимооплодотворяющим зачатием — чистейшим актом созидания. **Задача созидания не продавать своё, а свести воедино наилучшее из доселе достигнутого.**

Чтобы разобраться что к чему, нам необходимо пройти по механизмам полового размножения, процессам индивидуального развития и старения, остановится на организации живых сообществ, а также вкратце вспомнить основные этапы эволюции жизни на Земле. За последние 150 лет дарвинизм дотошно вытравил ему неудобное, подмяв под себя все понятия и исковеркав словарный запас. Критические мнения объявлялись ненаучными, противоречия умалчивались, факты искажались.

В настоящее время все вопросы биологии (осознанно или нет) интерпретируются с точки зрения борьбы за выживание и естественного отбора.

Чтобы очистить факты от искажений, требуется поистине криминалогическая работа. По её завершению всё само собой выстраивается во взаимосвязанную картину.

В следующих разделах мы рассмотрим, как созидает эволюция. Выбранный материал намеренно ограничен примерами, не требующими специальных знаний и не уводящими в их сложности далее запросов, детально освещённых в «яндексе» или других поисковых справочниках.

ПОЛОВОЕ РАЗМНОЖЕНИЕ

Половое зачатие сплошной кошмар дарвинизму. С точки зрения борьбы за выживание — полов быть не должно. Бесполое размножение надёжно, эффективно и прямолинейно. Полезные мутации родителей (например, длинная шея жирафа) передаются непосредственно потомству. При половом размножении передача генов непомерно сложна и непредсказуема.

Клетки высших организмов имеют минимум два набора генов: один унаследован от матери, а другой от отца. Один из наборов управляет составным (диплоидным) организмом, другой молчит (чтобы не противоречить во время работы). Только половина генов передаётся потомству. Но каких? Тех, которые были задействованы в жизни родителей или бездействующих немых? Как ни странно, все имеют равные шансы. Что за шутки?

Вероятность того, что дети получают активные гены одного из своих родителей (а не молчаливое приданое своих бабушек и дедушек, а то и пра-, прародителей), математически составляет от $0 \leq 50\%$, но никак не более. Будут ли они использованы в новом двойном геноме — открытый вопрос, ведь и в нём половина генов снова останется незадействованной. Ну и чертовщина!

При таком раскладе случайная мутация с большой вероятностью будет потеряна при половом размножении, даже если она была решающим преимуществом в жизни одного из родителей. Но это пренебрежение «собственным наследием» ещё далеко не всё. Без воли партнёра половое размножение невозможно. Заполучить «друга» совсем не просто. Гарантий не дают даже увесистый придаток успешной жизнедеятельности и наличных сил.

Что только ни бросается на чашу весов: дорогостоящие расходы на саморекламу, яркие краски и формы свадебных причиндалов, бахвальство, рыцарские поединки. Вроде всё это совершенно ненужные излишки, только вот без них ничего не идёт.

Сексуальное поведение, кроме того, само по себе опасно. Многие животные погибают при спаривании или, как лосось, сразу после.

Во время свадебных ритуалов животные особенно беззащитны и становятся лёгкой добычей для хищников. Но никто не хочет отступить, да и никому право увильнуть не дано.

Бесполое виды не знают этих препон. Дети копируют своих родителей. Модификации, хорошие или плохие, напрямую способствуют успеху. Кроме того, бесполой организм начинает размножаться, не дожидаясь жеманных принцесс или привередливых принцев, а как только он созреет. Ему не нужно искать владельцев хрустальных туфель или обвораживать дорогостоящим волшебством претендентов.

Рядом с деловитостью бесполого размножения, претензии игры полов — сплошные издевательства. Свободные от таких глумлений бесполое виды должны иметь абсолютное преимущество. Но это не так. Бесполоыми остаются только примитивные одноклеточные организмы. Многоклеточные виды исключительно половые. Редчайшие бесполое исключения среди многоклеточных организмов отщепились от половых видов из-за потери изначальной половой принадлежности. Они заменяют зачатие вегетативным размножением, т.е. являются клонами одного предшественника, разделившегося на отдельные организмы. Ни один из бесполой организмов не прослеживается назад в эволюции до истоков. Самостоятельно возникших в эволюции бесполой многоклеточных видов нет вообще.

Что делает пол незаменимым у высших организмов? Может, лёгкость усвоения и возникновения мутаций? Не сходится! Взаимооплодотворение требует общности. Строение тела, регуляция обмена веществ и контроль индивидуального развития партнёров должны совпадать.

Серьёзное различие означает бесплодие, даже если партнеры внешне похожи. Например, заяц и кролик взаимно не оплодотворяемы и относятся к разным видам.

Взаимное согласование как и взаимность вообще совершенно излишни при размножении бесполой существ. Им дозволены любые совместимые с жизнью мутации, даже те, которые неизбежно приводят к бесплодию у половых видов.

Например, одуванчик. Ярко-жёлтый цвет этого вездесущего цветка сопровождает нас с детства. Сибиряк, высадившийся из самолёта в Берлине, наверное, удивится, обнаружив на весеннем лугу жёлтые цветки, так хорошо знакомые ему и добравшиеся раньше него из Маньчжурии до Европы. Однако одуванчик в своей массе — вовсе не цветок. Его органы сексуального размножения — бутфория. Гибридизация изуродовала его набор хромосом. Половое разделение закончилось, а вот способность к размножению сохранилась. Освобожденный от неудобств, связанных с половым размножением, этот отъявленный холостяк кометой облетел материк, оставив везде яркие признаки своего успеха.

Тем не менее отколовшиеся линии одуванчика обречены. Каждое новое изменение растения вызвано мутацией и может быть отменено только мутацией. Коррекция курса пришедших изменений исключена. Вероятность обратной мутации нулевая. Бесполое организмы разбегаются, но и возможности их адаптации сужаются. Лёгкость бесполого размножения оплачиваются потерей внутривидовой опоры, но не компенсирует её.

Узы оплодотворения

Жизнь половых организмов индивидуальна, а вот размножение опирается на весь вид. Каждый представитель может в принципе скрещиваться с другим полом. Постоянное перемешивание переносимых свойств подтягивает отдельные особи к середине.

Для наблюдателя вид кажется однородным и неизменным по основным признакам. Неизменность иллюзорна. Вид меняется и даже очень быстро. Только происходят эти изменения равномерно, затрагивая почти всю популяцию, ведь все участники равняются на успех. Очевидными становятся изменения только при сравнении исходного с последующими состояниями. В дикой природе такие сравнения возможны только при географическом разделении вида на некоммуницирующие популяции.

При скрещивании, проводимом человеком и намеренном разделении потомства друг от друга, скорость расхождения потрясает. Тщетно искать у волка даже намёки многих черт современных собак, а у собак соответствующих этим чертам особенных мутаций. Их нет и не было в диапазоне внутривидовых вариаций. Не обнаруживаются также мутации, которые могли бы объяснить развитие одомашненной лошади за последние 2000 лет. Какую роль в их возникновении сыграла борьба за существование? — Никакой. Всё до единого потомство собак и лошадей лелеялось, а не пропалывалось. «Му-му» — трагичное до слёз исключение. Тем не менее результат налицо. Человек вызвал эти процессы, поощряя желанные изменения и выделяя их из общего развития. Порвал ли он таким образом с предыдущей эволюцией? Нет, он её имитировал. Но откуда взялись все эти изменения, если для них не было генов?

Половой вид содержит множество строительных блоков, позволяющих ему стремительные скачки свойств без всяких мутаций. За примерами не нужно далеко идти. Иногда возникающие аномалии, соответствующие прошлым этапам видовой истории, называются атавизмами и рудиментами. У людей такими хорошо известными аномалиями, являются: врожденные шейные свищи, чрезмерный волосяной покров, хвостики и избыточные соски. Они показывают нам генетические закладки прошлого, существование которых невидимо, но которые тем не менее дремлют в каждом из нас. Эти закладки за ненадобностью отложены где-то в эмбриогенезе, но не потеряны. Гены прошлых этапов эволюции молчат, пока не пробьёт час, их затребующий, и самое большое — через несколько поколений они внезапно активируются, проявляясь почти у всех сородичей в неожиданных комбинациях, ведущих к новым признакам в соответствии с вызовами времени. Так же как для «юного конструктора» не нужны особенные детали, а достаточен стандартный набор с болтами, гайками и связующими элементами, так и для полового созидания особые гены не нужны.

Вопреки идеям дарвинизма, половое размножение не зациклено на передаче диктаторских генов, а заключается в целенаправленном

сочетании в потомстве востребованных характеристик. Выбирая друг друга, партнеры создают будущие поколения. Как ни крути, а любовь служит чужим, а не собственным генам.

Разделение на противоположные полы, каждый из которых вынужден искать дополняющий пол и тем самым отказываться от части своего собственного генетического материала, связывает отдельные особи вида в репродуктивное сообщество, чьи дети являются не столько ростками родителей, сколько продолжением общего ствола. При этом в формировании этого ствола играют роль не только размножающиеся, но и все особи создающие рамки и условия жизненного пространства вида. Остановимся на том, как это происходит.

ОБУСТРАИВАНИЕ ЖИЗНИ

Вот уже миллионы лет на южных берегах Тихого океана разыгрывается одна и та же драма.

Тысячи симпатичных черепашёнок вылупляются и неуклюже бегут по зыбкому песку к воде. Их безжалостно атакуют птицы, крабы и наземные животные, заранее собравшиеся к представлению. В ходе прошедшей эволюции, толпящиеся у бесплатного буфета хищные виды, уже несколько раз сменились, вот только мамы черепахи не научились ничему. Год за годом жестокая бойня повторяется, не приводя к появлению лучшего черепашёго вида.

Тучи новорожденных лягушек, рыб и насекомых служат вовсе не естественному отбору лучших и ускорению эволюции, а преодолению критических обстоятельств, при которых только случай решает «*быть или не быть*». Успешные виды предпочитают долголетие, низкую численность и высокие гарантии выживания для потомства. Дарвинизм, утверждающий, что высокая рождаемость и перенаселенность — неотъемлемые механизмы эволюции, совершенно не прав. Как рождаемость, так и плотность заселения — это результат обустройства мест обитания конкретным видом.

Рецепты могут быть диаметрально противоположны, в зависимости от того, каким задачам и где они служат.

Свободные жизненные пространства способствуют размножению. При заполненном жизненном пространстве темпы размножения замедляются, пока и вовсе не забуксуют.

Чем меньше свободных ресурсов, тем больше затраты на их удержание. В каждодневных тяготах у особей полно иных забот, отличных от размножения. Естественный прирост и смертность уравновешиваются. Размер популяции в дикой природе колеблется на пределе её реальных возможностей. Исключения допустимы тут и там, но они случайны и разнонаправленны, а потому взаимно нейтрализуются в последствиях.

Животное, вытягивающее шею при таких стеснениях и получающее с ветвей деревьев больше зелени, открывает новый источник жизнеутверждения, недоступный для пасущихся на траве соотродичей. Этим своим предвидением, а не чрезмерно вытянутой шеей, предок жирафа сбрасывает пути развития. Его успех сдвигает равновесие остальной популяции. Его потомство (а шансы на то велики) может оказаться короткошеим. Тем не менее размножение подгруппы животных с дополнительными ресурсами ставит в невыгодное положение традиционное поведение и вызывает дальнейшее снижение рождаемости в приверженной старым традициям группе. При этом перенаселения не происходит. Общая численность популяции, а также плотность заселения жизненного пространства даже сокращается, потому что успешные животные обычно занимают большие территории, чем их предшественники. Они могут позволить уделить себе, семье и потомству больше времени, расширяя и обеспечивая свои притязания, в то время как все остальные просто и далеко не плохо живут (ведь забот у бездетных на порядок меньше).

Именно такое сокращение потомства, в сочетании с увеличением размеров тела и заселяемых территорий, а также удлинением продолжительности жизни наблюдаются у всех видов на пике их эволюции. Популяции горбатых китов не соизмеримы с планктоном, а

популяции акул с сельдью. Человек только на старте своего взлёта. Зато процесс вытягивания и утверждения можно наблюдать у него практически в режиме реального времени.

У истоков цивилизации (да и сейчас ещё в ряде развивающихся стран) беременность в возрасте 12–16 лет и многодетность были обыденны. Мой отец был одиннадцатым ребёнком в семье, моя мама родилась, когда бабушке стукнуло шестнадцать. Параллельно с развитием общества, первая беременность постепенно сдвинулась к 30–40 летним, при этом требования к образованию, профессии, жилищу и работе неимоверно возросли. Потребности каждого, а также соответствующие им размеры тела, подтянулись. Дома, двери, столы, стулья и кровати стали размашистее. Бывшие ранее в употреблении одежда, мебель и жилища кажутся современнику чем-то для детей.

Миниатюризация, избыточная численность и быстротечность характерны только для тех, кого эволюция оставила позади.

Эволюция жизни — это эволюция устремлений. Первопроходцы открывают дверь в новые жизненные пространства и в то же время осложняют пребывание в старых. В тесноте и обиде, преимущественно получают не наиболее приспособленные к существующим условиям, а наоборот, недовольные, ищущие и открытые новому. Успех первооткрывателей создаёт градиент, поощряющий тех, кто тянется к зеленеющим ветвям нововведений. Чем больше число их последователей, тем значительнее величина градиента, потворствующего вытягиванию. Длинная шея жирафа — только для отвода глаз. Нет не шея и не отдельные мутации, а вся телесность служит устремлению ввысь, причём разнообразнейшие качества родителей (шея, ноги, копыта, позвоночник, зубы, язык, губы...) взаимодополняют друг друга в потомстве. Эволюционная лавина приходит в движение. Она остановится не ранее, чем открытые прежде источники не перестанут приносить дивиденды.

Но преобразуются не только внешние пропорции. С открытием, расширением и обустройством нового жизненного пространства существенно меняется весь образ жизни вида: обстоятельства

рождения, сроки полового созревания, вынашивания, продолжительность жизни, потребности, внешний вид и социальная организация. Разберёмся с ними.

Рождение

Бесформенно неуклюжая гусеница бабочки-монарха за двенадцать дней спячки превращается в грациозную фею, способную летать со скоростью более 30 километров в час. Внутри бочковатой куклы, отрешённой от внешнего мира, вершится чудо. Культы ног вытягиваются в стройные ножки, ротовые части меняются от жевательного к сосущему типу. Вырастают четыре крыла. Некоторые организмы меняют своё телосложение, условия жизни, привычки и органы четыре-пять раз, прежде чем они переходят к воспроизводству. К чему эти частые забеги и остановки, смены направления, обходы, перерывы и новое рождение? Почему организмы не растут до бесконечности? К чему, как ни крутись, а приходится каждый раз начинать всё сначала?

Причина кроется в эффективности. Многие лопаты, топоры и кувалды в руках одного менее полезны, чем, если их раздать несколькими. Вооружение организма вредит, если оно не соразмерно с приростом деятельности, а дополнительные инструменты мешают друг другу.

Размножение увеличивает эффективность за счёт разделения обустроиваемых территорий между наличными силами; оно не является ни смыслом, ни целью жизни, а обходным маневром застопорившегося развития, незнающего как дальше.

Организм может делиться на два или множество потомков. Решающим для числа потомства является структура жизненного пространства. При неоднородности жизненного пространства с перемежающимися оазисами и мертвыми зонами, предпочтительны большие числа мелкого, далеко разлетающегося потомства «спор». Чем эти споры легче, подвижнее и неприхотливее, тем лучше.

У эндопаразитов (использующих чужой обмен веществ для поддержания своего) перед рассредоточением выбрасывается всё, что можно и так найти у жертв. Организм при этом может сократиться до размеров вируса.

При равномерном жизненном пространстве предпочтительно простое деление. Организмы получают при этом минимум всех необходимых для роста инструментов и полный набор генов, описывающий как их применять. Такое распределение не позволяет ждать. Потомство вынуждено развивать жизнедеятельность сразу после рождения. Поскольку развёртывание происходит уже на новых территориях, жизнь расширяет своё поле деятельности с каждым новым циклом размножения.

Индивидуальное развитие

Обычно люди не воспринимают вещи всерьёз, пока они их не задевают за живое. Индивидуальное развитие — самая захватывающая сторона жизни, не пробуждает у большинства особого интереса. Считается как бы само собой разумеющимся и заурядным, что дерево вырастает из семени, гусеница превращается в бабочку, а из куриного яйца вылупляется цыплёнок. Ведь всё это так «обыденно-просто» и предсказуемо, по крайней мере для нас.

Только при столкновении с ошибками, как-то: двуглавой овцой или одноглазым эмбрионом в кунсткамере или анатомическом музее, нас охватывает дрожь должного трепета перед всем тем леденящим, что могло бы произойти, но к счастью, не происходит.

Миллионы клеток сменяют друг друга строго упорядоченными делениями. Радиация, мутагены и вирусы окружают эмбрионы и вмешиваются в процессы развития. Тем не менее здоровые дети рождаются изо дня в день без каких-либо особых мер предосторожности. Что делает возможным такой процесс?

Как правило, ненарочному любопытству хватает ответа, что всё генетически предопределено, как, например, предопределены цвет

глаз и волос, ямочки на щеках близнецов. При этом дальнейшие вопросы и интерес обрываются там, где надлежит наибольшее удивление. Слишком часто люди путают наименование с объяснением. Что проясняет ссылка на гены? С привлечением генов к объяснению, наоборот, странности только растут, делая понимание всё сложнее.

Пигментные клетки кожи и волос закладываются в нервных валиках на спине эмбриона и мигрируют через всё тело к месту назначения. Что их движет и как они ориентируются? Какие гены определяют их конечное распределение? Как им удаётся воссоздать красочный рисунок павлиньего хвоста? Где эти специальные гены расположены? В каждом пятнышке красочного веера, какого бы цвета он ни был, какое бы место ни занимали в узоре хвоста? Как эти клетки узнали, куда им идти, в какое место и как выстроиться, какой цвет принять для завершения шедевра картины? Как клетка определяет, что ей нужно занять именно это, а не какое-нибудь другое положение?

Если клетка следует только своим генам то, как же она кооперируется с генами других клеток? Что включает и выключает гены соседей, на основании чего? Как они взаимодействуют между собой, как указывают друг другу, куда идти, где, как и рядом с кем встать, чтобы не нарушить узор, да ещё и не просто рядом с соприкасающимися клетками, а во всем павлиньем хвосте, о котором они понятия не имеют и на который не могут со стороны взглянуть? Почему гены одних клеток подчиняются приказам других?

Где расположены управляющие гены, распределяющие сотни павлиньих глаз в хвосте этой птицы. Как им удаётся завершить картину без всякой непосредственной нужды, и без критического взгляда, на которые можно было бы опереться, при выведении рисунка? Ведь понадобятся все эти узоры, только при поиске партнёра и уже после того, как шедевр окажется завершен и станет неизменяем. Тем не менее ни кубизм, ни абстракционизм не возникают. Узор строго предопределён. Как гены наследники связаны с исходными генами зародышевой клетки, от которой они когда-то отделились и которая уже давно не существует?

Как получается, что клетки с одними и теми же генами (а все цельные клетки в нашем теле принадлежат им) имеют разные судьбы?

Может быть, полноценными являются только зачаточные клетки, необходимые для размножения организмов? Соматические же клетки тела отщепляются от зачаточных клеток и теряют лишние гены по мере специализации? Может, при каждом делении клеток во время развития и роста тела, генетическая база соматических клеток сужается до тех пор, пока они ни к чему более не станут способны, кроме как стоять, биться и умирать? Клетки, став клетками кожи, нервов, крови или других тканей, уже просто не могут сменить направление, поскольку гены для этого потеряны ранее.

Эта, довольно механистическая, гипотеза вечно молодых и неограниченно размножающихся зародышевых линий, для которых все остальные телесные клетки лишь побочный продукт жизнеобеспечения, несостоятельна. Если потомство оплодотворённой яйцеклетки разделить после первого деления, каждое из них развивается во взрослое животное. Если продолжить деления, появятся четыре или даже восемь идентичных животных, известных как однояйцевые близнецы. Потеря генов не была обнаружена даже у неспособных к делению соматических клеток.

У растений деление на соматические и зачаточные клетки вообще условно. Часть их клеточных слоев (меристема) может непрерывно делиться и образовывать все другие органы и ткани без исключений. Хорошо известным выражением этого, является вегетативное размножение путем ветвей, черенков и корней.

В каждом органе растения находятся меристемальные и окончательно дифференцированные ткани, но даже и это деление зависит от ситуации, и окончательно дифференцированные клетки могут трансформироваться обратно в меристемальную ткань.

Для этого достаточно разъединить клетки, образующие соматическую ткань и дать им возможность расти. Таким образом, каждая клетка многоклеточного организма имеет полный набор генов и способна стать растением.

Она отказывается от этого выбора, а вместо этого всячески стремится образовать цельное тело, в котором её собственная судьба незавидна и неизбежно оборвётся в продолжении клеточных делении. Задача, которой посвящена клетка, определяет её судьбу, место в организме и структуру.

Как могут гены вообще управлять, если сами подчиняются целесообразности и терпеливо ждут условий, чтобы, как того в каждом случае нужно, проявить себя? С другой стороны, если гены настолько пластичны, почему меняй внешние условия не меняй, сочетай развивающиеся клетки друг с другом как хочешь, из утиног яйца не вылупится лебедь, не говоря уже о черепахе или крокодиле?

Во всём «немыслимом» виноват, как правило, сам несмышлёныш. Триста лет назад каждому было ясно, что вакуум затягивает так же, как рот затягивает воду из сосуда через соломинку. Непонятно было, почему столб барометра падает с возрастающей высотой, где внешний воздух становится жиже, а затягивание вроде должно было бы облегчаться.

Паскаль заменил наивное убеждение затягивающей силы вакуума противоположным предположением об атмосферном давлении, вдавливающим воздух в пустоту, и разрешил противоречие. Может, и наши предпосылки ошибочны, и мы пытаемся обосновать несуществующее? Что не так с тем, как мы рассматриваем гены?

В самом деле, трудности интерпретации исчезают, если отвергнуть идею руководства генами. Гены — не правители, а вдохновители, то есть проектная документация самоорганизации, привлекаемая к работе по мере надобности и наличия опробованных предписаний.

Хотя самореализация организма преследует определённые цели: форму органов и тела, отпечатки пальцев, цвет глаз и прочее; эти задачи как целостное нигде не записаны в генах, уже по тому, что читать и реализовывать их некому. Для отдельных клеток они непосильны, а для всего организма (пока) не доступны. Ведь организм должен ещё возникнуть.

Вместо глобальных планов, в геноме детально записаны многие мелкие шажки, указывающие, где и какой кирпичик при каких условиях следует положить, как только возникнут для этого условия. Клетки предпринимают отдельные действия, исходя из того, стоят ли уже фундаменты, возведены ли арки, покрыта ли крыша и так далее и повторяют при этом этапы пройденные и усреднённые в эволюции.

Грация, миловидное личико, золотые кудри, точно так же, как и сутулость, двойной подбородок, морщины, не преследуются и нигде не записаны, как таковые. Они являются результатом размножения различных клеточных линий в рамках ограниченного числа испытанных и генетически закреплённых возможностей развития. Попробуем проиллюстрировать, как это происходит.

Извержение вулканом лавы и пепла выжгло леса и живность на склонах гор, превратив окрестности в неприглядную для жизни пустыню. Примитивные, но неприхотливые организмы войдут первыми в зону поражения. Их жизнедеятельность постепенно сглаживает шрамы. Едва разросшись и обустроившись, они будут усилены более организованными и сложными видами.

Распространение одних видов меняет среду обитания, открывая доступ другим. Каждый новый этап невозможен без предыдущего, также, как каждый следующий шаг зависит от того, что было достигнуто ранее. При этом никакого централизованного руководства или управления происходящим нет. Биотоп обретает форму, следуя соответствующим возможностям. Процессы пластичны, случайности могут по-разному окрашивать ступени восстановления, общая тенденция остаётся неизменной, а сходство с индивидуальным развитием только усиливается.

Оплодотворенная яйцеклетка делится. Дочерние клетки меняют жизнедеятельность в соответствии с изменившимися условиями и перестраиваются. Происшедшие сдвиги определяют, что в новых условиях имеет смысл. Гены предоставляют имеющиеся для этого смысла варианты рекомендаций. Получается упорядоченный рост, в котором предыдущие шаги обуславливают последующие.

Самоотдача

Для дарвинизма свобода стремления, самообучение и совершенствование — беспросветная блажь; мол, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, всё равно всё накопленное сгинет в могиле. Только генетически обусловленные влечения, служащие самосохранению, имеют смысл и гарантированное продолжение.

Врождённое можно учесть, измерить, проследить в череде поколений и даже лабораторно подтвердить. Остальное нет.

Научность такого подхода сомнительна. Каждый вроде бы знает, что такое самосохранение. Угрозы опасности, страх неудачи часто определяют наше поведение. Что центрально для нас, наверняка, важно и в животном мире. Так-то оно так. Но вот, собственно, в чём заключается самосохранение, кроме как в выживании? Где его смысл на необитаемом острове? Когда оно применимо — до или после спаривания, вывода детей в жизнь, и для чего оно в старости? Можно ли определить успех, неуспех или степень самосохранения до смерти, например: по скорости роста или гибели клеток, потере витаминов, микроэлементов, гормонов и генов в тканях организма? И если да, то можно ли недостающее просто добавить, неограниченно сохраняя здоровье и жизнь?

Каждый день в нашем теле умирают тысячи клеток и рождаются тысячи новых. Их смерть — неотъемлемая часть жизни. В эмбрионе тоже самое происходит посекундно. Возникают новые ткани и органы, расчищаются предшествующие. Уход одних и приход других происходит без страха и боли, а скорее, с удовольствием быстро растущего тела. Жизнь — это пульсирующая смена структур и состояний. Неизменно только само стремление к развитию. Чем мы старше, тем медленнее его поток. Но вот интересно, когда в развитие уже созревшего и более не растущего организма что-то вмешивается и перенаправляет, организм бьёт тут же тревогу, проявляющуюся жалобами. При этом жизнедеятельность явно ускоряется.

Заноза под ногтем вызывает гибель, миграцию, но одновременно и пролиферацию клеток. Воспаление внешне и количественно

сходно с эмбриональным развитием. Однако, быстрый обмен клетками при нём вызывает пульсирующую боль, жжение, рожистое нагноение. Вроде, обмен и развитие снова пришли в движение, только теперь они вынуждены и нежеланны.

Сравнение эмбрионального развития и процессов воспаления показывает — не гибель клеток, не скорость роста или обмена, а ценность события для будущего развития определяет размах высот и падений так называемого «самосохранения». Клетка кишечника, обеспечивающая пищеварение и расходующая себя в течение нескольких дней, солдат-муравей, охранник-пчела или фагоцит, бросающиеся на превосходящего врага, не помышляют о собственном сохранении. Во всех своих проявлениях жизнь — это порыв. Жизнь — это самоотдача! К тому же, не будем забывать, так называемое «самосохранение», это не только боязнь неудач, но и экстаз побед — в целом, довольно неудачное название для **жюри успехов**, бдящим не за сохранением, а за нашим развитием. Развитием куда?

Детство — взросление — старость

Дети стремительно растут. Уже скоро комбинезоны, рубашечки, шапочки и носки слишком малы. Приходится заменять их, хотя они всё ещё выглядят как новые.

Следует время юности, избыточных сил, мечтаний и безграничных желаний. Хочется быть и выглядеть чем-то особенным. Мода, шик, эксклюзив правят бал. Вчерашнее безнадежно устарело. Молодость выглядит ярко, вызываясь, свежо, хотя некоторые предметы одежды теперь используются значительно дольше, чем в детстве.

Зрелость ставит иные акценты, она жаждет быть, а не казаться. Внешний вид всё ещё важен, но разнообразие редет. Одеждой пользуются до первых признаков износа. В цене — достаток и престиж. Постепенно даёт о себе знать усталость. Накопленные опыт и состояние позволяют достигать большего напрягаясь меньше.

Всё ещё обильные ежедневные успехи затмевают таяние сил.

Солидный достаток взрослой жизни обманчив, старение следует по пятам. Медленно, но неуклонно его влияние усиливается. Как только возможности опыта исчерпаны, нарушения неудержимо растут, подхлестывая друг друга. На коже, как и на одежде, появляются пятна, морщины, потёртости.

Секрет молодости незатейлив. Будь-то одежда или телесность — всё в них, что быстрее заменяется, чем повреждено, не несёт признаков старения. Не стоит заблуждаться, и эти части стареют, как и все другие, но срок их использования слишком короток, чтобы заметить растущие повреждения. Вместе с молочными зубами исчезает их кариес, делая улыбку снова безупречной. Возможности дальнейшего развития и, следовательно, обмена телесности уменьшаются с возрастом. Не потому, что они в принципе невозможны, эволюция их просто ещё не открыла; а оставшаяся у человека жизнь — коротка, чтобы всё на себе успешно испробовать.

Одному что-то удастся здесь, другому — там. Результаты плохо сбалансированы. Старение поэтому не имеет собственного облика; оно заключается в накоплении различных болячек и расстройств. Развиваются все схоже, стареет каждый организм по-своему.

Продолжительность жизни

Средняя продолжительность жизни вида растёт с размерами тела особей, величины их территорий и ресурсов. Конечно, в этом правиле есть много скачков-зигзагов, и микробная спора может в спячке пережить кролика, тем не менее слон никак не уложится в жизненный цикл комара, а комар в срок инфузории. Инфузории нужно больше времени, чем бактериям, а бактериям больше, чем вирусам. Самые крупные (и древние) из живущих многоклеточных организмов — деревья, также являются самыми долгоживущими. Упомянем хотя бы секвойи, деревья-мамонты с максимальным возрастом, превышающим три тысячи лет и объёмами тела более 1400 м³.

Средняя продолжительность жизни далеко не постоянная величина. Она чутко реагирует на жизненные обстоятельства.

Бактерия кишечной палочки делится каждые двадцать минут в растворе сахара. При низком содержании питательных веществ у неё на это уходит несколько дней. Одноклеточная водоросль бокал русалки (Ацетабулярия) созревает в Средиземном море три года. В лаборатории, где нет зимы и ночи, это время сокращается до нескольких месяцев. Круглый червь *Caenorhabditis elegans* (свободноживущая нематода длиной около 1 мм.) излюбленный объект для лабораторных экспериментов по генетике развития. В естественных условиях продолжительность жизни червя растёт по мере согревания окружающей среды. Урезание питательных веществ замедляет развитие, увеличивает продолжительность жизни и может привести к появлению затяжной (дауэровской) личинки (Dauer larve = затяжная личинка). Постэмбриональное развитие *C. elegans* включает личиночные линьки и промежуточные стадии развития L2, L3, L4 (L – личинка). Затяжная личинка возникает при нехватке пищи до стадии L2. Внешне затяжная личинка и L3 одинаковы. Однако, время пребывания в затяжной стадии составляет 45 дней при 20 °С. Червь, получавший неограниченное кормление (ad libitum), в тех же условиях живет в общей сложности около 14 дней.

Обилие пищи и температура также определяют продолжительность жизни рыб. Однако зависимость от температуры здесь обратная, потому что содержание кислорода в воде уменьшается с ростом температуры. Недостаток кислорода обедняет кормовую базу и снижает обмен веществ. Обыкновенная колюшка (*Gasterosteus aculeatus*) живет на Ньюфаундленде около 18 месяцев, тогда как на юге Франции этой же рыбе требуется три года, чтобы достичь половой зрелости.

Пища также определяет продолжительность жизни млекопитающих. Если сравнить две колонии крыс, одна из которых получает еду до отвала — ad libitum, а другая только 60% от того, что потребляет первая группа, то обнаруживается удлинение продолжительности жизни второй группы на 50%.

Взаимосвязь очевидна. При скудных ресурсах, индивидуальное развитие, время, необходимое для созревания, репродуктивной деятельности и продолжительности жизни замедляется. В благоприятных условиях процессы ускоряются. Продолжительность жизни является результатом телесных преимуществ вида и шансов выживания в конкретной среде.

Смерть

В восемнадцатом веке всплыла интересная особенность. Отдельные классы в живом мире имеют не только схожую анатомию и репродуктивные особенности, но и схожее соотношение этапов жизни. При всех различиях их сред обитания, если сопоставить эмбриогенез, младенчество, детство, время половозрелости и менопаузы у разных видов млекопитающих, то пропорции окажутся одинаковыми, хотя продолжительность жизни различается в разы.

Мышь живет в среднем один год, собака 15, человек 70 лет, гренландский кит 200, но все они проходят одни и те же стадии: от рождения до половозрелости, от половозрелости до менопаузы и старчества с сопоставимой скоростью. Получается, что у них всех одна и та же жизнь, только несётся она по-разному. С чего это? Здесь, как и с едой или температурой, всё дело в реальных возможностях.

Несчастье предвзято. В жизни современных людей, китов, а также взрослых черепах катастрофы редки. Иначе у насекомого, пьющего кровь, или крысы в кладовке с продуктами. Начнём с крысы. Полевые исследования показывают, что крыса в дикой природе редко переживает один год. Человек, кошка, сокол, собака, холодная зима и сородичи-каннибалы не оставляют ей шансов. В лаборатории крыса преспокойно бытует три года. Очевидно, что крысиная жизнь подогнана под статистику несчастий. Продолжительность жизни человека, с минимумом десяти-двенадцати лет до половой зрелости, не позволительна для вида, ведущего крысиное существование.

И, наоборот, скоротечность компенсирует тяжелые условия существования. Быстрое развитие позволяет превентивно заменять органы, структуры и ткани до того, как они будут израсходованы, придаёт свежесть и напористость среди враждебного окружения. Живущий быстрее, при тех же самых предпосылках, живет беззаботнее, но и умирает обычно круче и редко «в своей постели».

История взлёта млекопитающих коротка. План развития единообразен и практически не отличается от хорькообразных прародителей класса. Большинство видов меняют зубы два, слоны — четыре раза, остальные различия даже у китов в целом внешние и в основном касаются пропорций.

Классы и семьи с длительной историей успеха демонстрируют более разнообразное и затейливое оформление отдельных фаз жизни. У насекомых поэтому всё намного интереснее. Ещё до заселения континентов они разделились на линии, ушедшие каждая своим, особым путем. Результаты получились уникальные, а сходство даже между фамилиями трудно угадать. Не только продолжительность жизни в целом, но и каждый этап жизненной истории был значительно преобразован, наполнен новым содержанием, замедлен, ускорен или полностью удален.

Палингения длиннохвостая, также известная как подёнка (*Palingenia longicauda*), живет как половозрелая особь (имаго) только несколько часов. Этой быстротечной фазе предшествует двух-трехлетнее развитие. Подёнка проводит свою «юность» в иле рек, несколько раз меняет личиночную стадию. Когда подёнка просыпается как имаго после нескольких преобразований и взлетает, её пищеварительный тракт ещё заложен, но уже неполноценен; средняя и прямая кишка либо дегенерированы, либо отсутствуют.

У некоторых организмов органы ротовой полости не пригодны для глотания. Небрежно всё, что не служит воспроизводству. Подёнка потребляет жировые запасы личиночной стадии, беззаботно танцует, спаривается и умирает в результате своих врожденных увечий.

Стоило ли эволюции ради этого смертоносного праздника уродств вообще учиться летать?

Ведь личинки тут же снова оказываются в воде.

Некоторые низкорослые растения пошли ещё дальше в соблюдении возрастных ограничений. Чтобы согласовать восход, рост, цветение и созревание семян со временем года, растения изобрели запрограммированную смерть. Уход родителей помогает потомству весной легче взойти и развиваться.

Такие растения смерть не дожидаются, а вызывают её специальными гормонами старения. С созреванием плода растение гибнет, повинаясь внутреннему приказу до того, как действительно стареет, изнашивается или повреждается. Растение становится многолетним, если предотвратить образование цветков.

Запрограммированная смерть — это уловка беспомощности, схожая с перепроизводством комаров или икры у рыб. Растения, преодолевшие ограничения времён года, её отбрасывают.

Жизненный цикл дерева: развитие (время до цветения), взросление (период активного размножения) и старение (постепенный упадок многих систем) аналогичен таковому у животного. Корневая система, ствол дерева и крона постепенно отклоняются от оптимального соотношения. Проводящая ткань перегружена. Хотя, теоретически, дереву вовсе не обязательно умирать (его меристема всегда жизнеспособна), ошибки пропорций и неизбежные дефекты конструкции становятся заметными, самое позднее — через тысячи лет.

Внешне, старение дерева начинается с замедления роста в высоту. Преобладание высоты над шириной прогрессивно утрачивается. Рост в ширину ещё возможен, но и он исчерпывается. Верхушка дерева засыхает. Дерево становится плоским, столбоватым. Все эти изменения, несмотря на обильную зелень и плодovitость, означают близящуюся смерть. Бури, паразиты, бактерии или осторожные садовники завершают судьбу.

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Мыслители, выразился Ницше, плодятся своими трудами, успешнее и обильнее, чем половыми органами. Это высказывание верно не только в отношении мыслителей и их книг. Потомство — всего лишь один из рычагов, далеко не самый важный, каким особь изменяет мир живого. Ведь даже оставшиеся бездетными родственники половых видов вносят значительный вклад в формирование будущих поколений. Взаимное неприятие или симпатия, боязливость или напористость, иерархия отношений и география границ связывают всё живое. В этой паутине ярчайшие проявления индивидуальности, как агрессивность, заносчивость или обособленность, на деле оказываются уловками, коими цельность удерживает выскочек в русле взаимного.

Агрессия

Гам и толкотня вокруг нежданной добычи создают впечатление, что главное в этой жизни что-то урвать, опередив других. Но это так, только у падальщиков и навозников. Да и те, как только их скромные требования удовлетворены, с наслаждением разрешают себе часы отрешенности и уюта. Многие считают, что с лихвой познали на собственном опыте превратности борьбы за выживание. Судьба человеческая полна примеров жестокости, злобы, подсиживаний и хамства. Всё это принято считать издержками цивилизационного стресса, травмирующего и превращающего со временем человека, рожденного паинькой, в явного ублюдка.

На самом деле у агрессии совсем другие корни. Агрессия — это первобытный поведенческий механизм, гарантирующий равномерное распределение ресурсов. Право сильного выталкивает слабых с насиженного, теснит равных друг от друга и приводит к однородному заселению мест обитания. Мы ещё дополнительно остановимся на важной роли агрессии, разбирая социальное.

Территории

Область, на которую особь претендует, чётко обозначает и готова защищать, называется территорией. Для её обозначения используются звуки: пение, рычание, вой; запахи пота, кала, мочи и другие метки и знаки.

В саге о Вильгельме Телле, таким знаком была шляпа императора, закрепленная на шесте посреди центральной площади. Неуважение, оказанное Теллем шляпе, составило интригу повествования, вылившуюся в вынужденную стрельбу по яблоку на голове у сына. Изошрённость наказания здесь ни причём. В действительности шляпа с головы императора или яблоко с головы ребёнка служили сопоставлению ценностей при уважении к границам властвования.

Животные, как люди и государства, выставляют пограничные столбы — регалии власти. С допотопных времён особи воспринимают их посыл и уважают границы не менее трепетно, чем это делаем мы.

Респект, внушаемый территориальными символами, впечатляет. Отнюдь не щепетильные в выборе средств гигиены прекращают охоту на границах с соседней территорией, хотя их сородичей не видно. Почему такое уважение в дикой природе, где так много обездоленных? Потому что территории предоставляют ресурсы, чтобы успешно противостоять притязаниям немощи. Внутривидовые размеры территорий, способы обозначения и уважения к их символам, доказали свою значимость в многочисленных поединках предшествующей эволюции, и генетически закреплены в эмоциональных установках животных. Мы тоже следуем им, чувствуем себя неуютно в незнакомой обстановке и готовы, «наинижайше извиняясь», бежать от любого встречного, даже не зная кто он, при вопросе: «А что мы здесь, собственно, делаем?» Готовность ретироваться улетучивается в знакомой среде, и мы не задумываясь, уверенно посылаем любого пришельца по неблагоприятному адресу, даже если он называет себя владельцем лесного

домика, в котором мы вот уже пару лет хозяйничаем без приглашения. Два порыва решают исход: наскок или бегство. Чем дальше особь удалена от ядра своей территории, тем сильнее склонность избежать противостояния, и наоборот.

Исход любой борьбы не определён. При туманности предположений сперва прощупывается серьёзность намерений. Если противник дуется внушительнее, а выражение его гнева ярче, если он ревет громче, то и превосходство, вероятно, на его стороне. Зачем испытывать судьбу, когда всё необходимое доступно по соседству без царапин и синяков?

С ростом плотности населения ни знамения власти, ни взятие на испуг не помогают. Нарушения границ учащаются и требуют наказания. Угрозы переходят в схватки и ведутся тем упорнее, чем экзистенциальнее они воспринимаются.

Величие

Тщеславие, с которым фазан щеголяет своими перьями, максимально раскрывая цвета, или самец черноголового щегла попеременно демонстрирует свои позолоченные крылья, не оставляет сомнений: эти птицы относятся к своей внешности чрезвычайно серьёзно. К чему издержки нарядов и показухи этикетов? Хватает ведь воробью костюма цвета конского яблока. И ничего, гляди, как он расплодился.

Цена величавости противоречит идее борьбы за выживание. Дарвинизм рассматривает эти излишества, как упадок, ведущий в «тупик эволюции», указывая при этом на вымерших гигантских оленей с размахом рогов до четырёх метров, саблезубых тигров с огромными клыками, бесполезными что-либо кусать и, возможно, даже гигантов динозавров, сотрясавших когда-то землю своим колоссальным, трудно передвигаемым весом. У ныне существующих павлинов это, например, «бесполезный» до 1,30 метра хвост, служащий лишь напыщенности и суете. Помимо неудобств такой обузы, яркая игра

красок этого веера создаёт опасность для жизни, привлекая врагов.

Серость, маскировка, незаметность? Что пользы от них властелину? Борьба может и хороша, демонстрировать силу, но она непригодна, сохранять и расширять свою власть. Бесконечные битвы, даже в случае их неизменного успеха, только без толку растрачивают ресурсы. Величию важен блеск. Нет, не королевские наряды и убранство двора впечатляют соперников и отбивают желание завладеть престолом. Ведь именно власть, а не убранство источник богатства. Не красота привлекает самцов или самок (в чём эталон красоты у кабана бородавочника или жабы?), а возможности и мощь, являющие всё это «великолепие» излишеств.

На ночь павлин запрыгивает на спальный сук высотой до полутора метров просто так, не прибегая к помощи крыльев. Индийские крестьяне любят диких павлинов, но не за красоту. Эти птицы с удовольствием питаются змеями, нападая на королевских кобр до двух метров длиной. Местные хищники, такие как мангусты, полосатые гиены, рыжие собаки, тростниковые и бенгальские кошки, не осмеливаются приближаться к павлину. От такой встречи, им кроме побоев, ничего не светит. Величие — признак силы, первый и самый убедительный довод королей. Всех королей!

Руссо прославился противопоставлением вычурной искусственности абсолютизма Франции незатейливости дикой природы. Монархия и в самом деле разлагалась, кулисы не соответствовали силам за ними. А вот о природе Руссо понятия не имел. Больше экстравагантности, чем в дикой природе, не найти нигде. Нет, не человек, а природа изобрела «царское великолепие». Кстати, меха и перья в мантиях, рога, расправленные крылья и клювы орлов (одно- или двухглавых), когти, клыки и другие символы в гербах и регалиях власти — вовсе не плоды человеческой изобретательности, а именно дешёвые имитации животной величественности. Серп и молот — этот уже совсем другое, позднее, и намного более аутентичное. Спесь человеческая показывает, как недалёк он от дикарского, как сильно пережитки инстинктов определяют его бытие и мышление в сферах, которые он причисляет к неповторимо своим.

СОЦИАЛЬНОЕ

Почему арки античных ворот стоят и не рушатся, хотя их плиты до сих пор ничем не скреплены? Потому что каждый из камней вот уже тысячелетия хочет упасть первым и мешает всем остальным.

Конкуренция — это отношения, при которых равнонаправленные усилия всех не позволяют продвинуться никому. Конкуренция неизбежна при схлестывании тождественных интересов на узком участке. Столкновение вызывает агрессию. Колотушки несут боль, но не выгоду. Чураясь бессмысленной траты сил, агрессия гонит конкурентов друг от друга, обеспечивает равномерное заселение мест обитания и предотвращает обнищание.

Рой, косяк, стая, стадо, табун

Увы, агрессия бессильна там, где идти уже некуда, а жизненное пространство распределено. Индивидуум не может быть сразу везде на границах своих территорий. «Один на один» пободаются и разойдутся, а вот «один против всех и все против каждого» — это уже конец. Как только давление превысит возможности к сопротивлению, то порядок территориальных границ рушится. Отныне массовое перекраивает архитектуру популяции. Возникают социальные структуры такие как рой, косяк, стая, стадо, табун.

Скучивание урезает претензии особи, но даёт популяции дополнительное пространство роста. Скучивание оказывается продолжительным только у животных, которые специализируются на выпасе корма. Неугомонность поиска ещё неистощенных пастбищ — его цена. Скучиваются также животные со сложными взаимоотношениями с окружающей средой, но временно и для особых целей таких как: совместный уход за выводком в экстремальных условиях, например у пингвинов Антарктиды, сезонные миграции через территории чужой собственности, бегство от бедствий, охота, война.

Лемминги — врожденные особисты. В тундре их траншеи и подземные ходы местами образуют плотную сеть. Люди, которые нечаянно заступают сюда, быстро познают неприятность такого знакомства. Хотя эти милovidные северные хомячки всего от двенадцати до пятнадцати сантиметров росту, они яростно защищают свои территории от любого незваного гостя. Крайне непримиримы они и друг к другу. В гнезде, посреди системы проходов, самка рождает два или более раз в год (обычно три или четыре). Через семь недель новое поколение готово к воспроизведению. Сильный рост поголовья компенсирует потери, наносимые этим малышам природой, болезнями и врагами. Лемминги — излюбленное лакомство для волков, росомах, горностаев, сов, орлов, ими не брезгуют даже олени. Больше всего пакостят весенние паводки с половодьями. Но и молочные реки, кисельные берега леммингам также не в радость. Пара лет благодати ведут к перенаселению. Животные сбиваются в большие группы, марширующие на восток, юг или запад через все территориальные границы. Никто не осмеливается встать у них на пути. Походы горных леммингов более заметны. Узкие тропы не позволяют им разбрестись. Лемминги пересекают поселения, двигаясь днём и ночью, набрасываются на собак. Многие остаются лежать, закусанные обзлётными псами или забитые местными жителями. Ничто не замедляет грызунов, становящихся только яростнее и напористее. В прибрежьях Швеции и Финляндии они бесцеремонно пересекают дороги и железнодорожные пути, останавливая машины и поезда, переплывают озера, причём, многие тонут. Выживших не сдержат. Не находя искомого, свободной среды обитания, табор уходит в бесконечное. В Финляндии колонны леммингов продвигались до 250 километров.

Марш замирает у моря. Скапливаются тысячи. Но пути ни дальше, ни назад нет. На крутых фьордах бьет последний час. Препятствия не пугают. Животные плывут, карабкаются через скалы, прыгают в воду и снова плывут дальше в открытое море. Их трупы покрывают берег. Смелость, с которой они защищаются в походе, и осторожность, с которой они входят в воду, говорят против

безумия и умышленного самоубийства. Лемминги идут, плывут и гибнут на пути к их мечте. Групповая миграция решает проблемы перенаселения, если не путём преодоления препятствий, победы и экспансии, то в жертвенном порыве. Не их вина, что старый мир оказался мал, а Америка слишком далекой. Ведь удастся же викингам, охваченным тем же порывом то, в чём им раз за разом не везло.

УПОРЯДОЧИВАНИЕ

Плоды совместных усилий несоизмеримы с несовершенством создающих их отдельных людей! Чей гений стоит за величественным? Было бы большим преувеличением считать МОНУМЕНТАЛЬНОЕ плодом осознанного планирования. Ведь и творения «безмозглых» существ дикой природы не уступают творениям человечества. Что может превзойти чудо многоклеточного организма, выстроенного миллиардами, не знающих друг друга, клеток?

Или, к примеру, термитники, эти бетонные крепости высотой до семи метров. Только пробита опасная брешь, тут же охранники стуком сообщают об угрозе. Нимфы укрываются в глубине тёмного лабиринта. Королева замуровывается в зале защитной стеной. Солдаты вываливают из крепости и выстраиваются в круг, за их рядами рабочие начинают устранять повреждения. Через несколько часов каменный купол воздвигнут и укреплен существами с крошечным мозгом обычного таракана, их близкого родственника.

Всякая общность организована гораздо разумнее, чем её составляющие существа, причём стабильные отношения возможны только на основе обоюдного расширения возможностей. Принцип взаимности очевиден у государств-насекомых, в отношениях пчёл и цветущих растений. Вид зайца, драпающего от волка, вроде, вещает обратное. Но это совершенно не так!

Паразитизм

Давайте проследим судьбу растения, распространяющегося по ранее необитаемому острову. Сам остров сплошной рай. Штормы отсутствуют, солнце и влага в изобилии. Почва жирна и насыщена перегноем.

Секрет успеха жизни — это развитие, опережающее износ. Все условия для этого идеальны на описанном острове. Новое обгоняет уже существующее. Растительная жизнь поэтому молода и бодра. Но вот расселение завершено, и на острове нет больше незатронутого. Новому податься некуда. Воспроизведение возможно не раньше, чем старость и смерть расчистят поле. Когда же этот момент наступит, то новое оказывается уже состарившимся. Островная жизнь меняет свой облик — кругом чахнувшие ростки и немощная желтизна. При этом солнце, вода и перегной по-прежнему в изобилии.

Ситуация разрешается с появлением паразита. Паразит прореживает заросли, выпасывает нивы, образуя на лугах свободные для роста проёмы и площади, позволяет растениям размножаться и при этом сохранять напористость, молодость и здоровье. Доля, которую может потреблять паразит, не умаляя своего благополучия, соответствует приросту, даруемому им растительности острова. Таким образом, паразит является регулятором, берущим то, что он вносит своим посильным трудом, а взаимодействие паразита и его жертвы — обоюдно выгодным.

Взаимность отношений не делает их гладкими и безупречными. Колебания размножения паразитов и растений приносят ущерб обоим, поэтому к достижению баланса стремятся все стороны. Так взаимодействие насекомых с растениями за 300 миллионов лет превратилось из обжорливого паразитизма гусеницы в нежную связь порхающей с цветка на цветок бабочки, как бы искупающей грехи своей прежней порочности. Способствуя опылению, растения принимают форму органов, цвет, аромат, и вкус нектара приятные для паразита и наоборот. Паразит не исключение и находится вовсе не на вершине пищевой пирамиды.

Достигнув пределов своего роста, он вынужден смириться с паразитом паразита или хищником. Но и на самого грозного хищника находится управа. На нём паразитируют крошечные существа, недостижимые для его когтей, клыков и брутальной силы — возбудители инфекций. Растущая плотность популяции способствует их распространению. Эпидемии расчищают среду обитания, облегчая оставшимся жизнь. На иерархическом колесе фортуны верх и низ постоянно меняют место, а каждый участник — далеко не тот, кем он рядится и за кого его держат остальные.

Паразитизм — аварийный клапан закрытых сред обитания, учреждаемый там, где эволюция, не умея произвести что-то новое, застопоривается и грозит удушьем. Когда же рушатся стены, открываются проходы к новым континентам и средам обитания, паразит отбрасывается, за ненадобностью. Невосприимчивые виды с достаточным уровнем защиты явно в преимуществе и с опережением распространяются на вновь открытых пространствах.

Суровая каждодневность и фобии былого существования быстро забыты, переселенцы-конкистадоры богатеют, растут и набираются сил. Из безопасных районов их новых владений они разбредаются по миру, нередко возвращаясь в исходные места обитания. Их предки, урезанные паразитом, не в силах устоять против выросших на свободе и исчезают. С ними рушатся целые порядки взаимозависимостей, ведь вместе с жертвой исчезает и паразит.

Ненастигаемые прорывы редки. Эволюция чаще движется зигзагом. Не редко, иммунная колония натывается на пределы распространения до того, как колония, подневольная паразиту, покидает сцену. Теперь уже переселенцы на очереди испытать прелести дефицитов роста: апатию, болезни и старческий маразм. Оставшиеся в угнетении виды, в свою очередь, демонстрируют превосходство, вторгаясь ордами в территории обессиленных соседей. Злые и насыщенные в жажде жизни, неприхотливые в условиях существования, они празднуют пир там, где их предшественникам едва хватает пищи для поддержания сил. Чтобы противостоять вторжению, нужно или расти, становясь богатыми, сильными, рослыми, либо,

обзавестись собственным паразитом. История делает петлю на спирали, называемой прогрессом, и катится назад. За открытием следует исход, освобождение, оживление, затем замедление, увядание или подчинение. Паразит исполняет мечту о беззаботности, росте и изобилии в беспросветных условиях типичных для фабрик по яйцекладке. Тот факт, что жертва, до которой доходит очередь, не согласна и защищается, как может, демонстрируют картины погони, побега и агоний повседневной «борьбы за выживание».

Кооперация

Паразитизм — вымученный выход из тесноты, разряжающий переполненные коммуналки. Сообщество — это, наоборот, сплочение, штурмующее новые измерения. Паразитизм живет чем дано; сотрудничество открывает новые источники существования. Паразитизм регулирует, урезая стремления; сотрудничество созидает, привнося небывалое и неизменно устремляясь вперед.

Древесные жуки не способны расщеплять целлюлозу, за них это делают грибки в пищеварительном тракте. Самка жука может каждое откладываемое яйцо, чтобы партнёрство передавалось. Рыбы-клоуны или амфиприоны нечувствительны к ядовитым укусам морских анемонов-кораллов. Плавая между их смертоносными щупальцами, они как живая приманка привлекают жертвы, будучи полностью защищены от хищников, становящихся жертвами анемонов. Некоторые птицы строят гнезда возле ульев. Скворцы чистят носорогов, слонов и буйволов, цапли заботятся о скоте. Неподвижные организмы используют для распространения другие виды. Актинии цепляются за крабов. Те, перевозят, защищают и подпитывают их. Актинии служат маскировкой для крабов и не позволяют осьминогам их съесть. Цветущие растения обеспечивают своё опыление с помощью насекомых, колибри и летучих мышей, награждая их питательным нектаром. Люди развивают животноводство и земледелие.

Супружество

Непомерно сложные правила свадебных обрядов: танцы, костюмы, головные уборы с рогами, гребнями, чепчиками; территории, постройки гнезд, бодания с претендентами, что это? Препоны на пути размножения? Вряд ли. Это тщательная подготовка к празднику любви, проверка серьёзности намерений и зрелости. Тёмный костюм жениха и безупречно белый наряд невесты подчеркивают важность торжества и достоинства участников. Подарки, меблированный дом и накопленное состояние — весомый вклад в будущее пары.

При беспрепятственном распространении и низкой плотности населения, скорость размножения полового вида напрямую зависит от условий жизни. Лёгкая жизнь означает много потомков, трудная — единичные.

Свадебные ритуалы незатейливы. У видов, регулируемых хищниками, паразитами или несчастными случаями, тоже нет привнесенных преград. Кто нашел себе пару, этим и доволен. Между отдельными территориями огромные пустоши.

Мир прекрасен, пока хищника поблизости нет. Противостояние излишне, да и не с кем? Задача превзойти других отсутствует и, в конечном итоге, бесполезна, поскольку выживание определяется не размером тела, силой или способностями, а банальной случайностью. Только проворность, если вообще, решает что-то.

Иначе дела обстоят у видов, отстаивших свою независимость. Усилия, необходимые для обеспечения безопасности их территорий, растут с плотностью населения. Несмотря на всё более увеличивающееся благосостояние, необходимость его защиты и преумножения съедают силы для воспроизводства. Рождаемость падает. Только лучшим дано вырваться из повседневных забот.

Взаимодействие личных стремлений, размножения, архитектуры жизненного пространства определяют эволюцию живого. Последуем её этапам, достижениям и актёрам.

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ

ОКЕАН

Вода — колыбель жизни. Первые отложения, типичные для проточной воды, датируются примерно в 4 миллиарда лет. С геологической точки зрения жизнь появляется сразу после, поскольку бактерии обнаруживаются уже в отложениях возрастом в 3,5 миллиарда лет.

Бактерии

Первыми живыми существами были микроорганизмы. Они слишком малы, чтобы оставить индивидуальный след. Поэтому строматолиты — самые ранние достоверные окаменелые свидетельства жизни. На разрезе строматолита видно несколько тонких наслоений, как у колец деревьев. Жил только поверхностный слой, улавливая неорганические частицы из воды он осаждал их в виде монолита накладным ростом.

До 1,8 миллиардов лет строматолиты были единственными представителями живого и достигали высот в 10 метров. Составляющие их бактерии оставались внешне неизменными. Но за их незатейливой телесностью скрывались: поступательное развитие ферментов, мембран и генетического аппарата, заложившие основы разнообразия современных одноклеточных.

Открытие фотосинтеза резко изменило направление эволюции. Первые бактерии анаэробны. Живительной атмосферы ещё нет. Кислород в воздухе и окружении отсутствует. Гранулы пирита (FeS_2), которые легко окисляются, можно найти в отложениях возрастом до 2 миллиардов лет. Красная (окисленная) горная порода

отмечает первые очевидные следы атмосферного кислорода и имеет возраст около 1,5–1,8 миллиарда лет. Между ними происходит переход от бескислородной атмосферы к атмосфере, богатой кислородом.

Кислород ядовит для анаэробов. С одной стороны, кислород выдавливает анаэробные организмы из лучших сред обитания, а с другой, способствует высокоэнергетической ферментации и кооперации. Производя-потребляя кислород, аэробные организмы контролируют прилегающую среду, позволяют выжить рядом с ними только нужные им и зависимые от них анаэробы, крепя узы кооперации.

Полимикробные сообщества

Предпосылка любого содружества — взаимообогащение. Скажем, один микроорганизм связывает энергию света, превращая углекислый газ в углеводы, и выделяет при этом кислород, но нуждается в определённых белках. Другой превращает азот и углеводы в белки и потребляет кислород, третий потребляя радикалы кислорода предотвращает их деструктивное действие. Повстречавшись, организмы предоставляют друг другу защиту, важные субстраты и условия, за которыми отныне не нужно гоняться, и стремятся эту близость сохранить.

Интенсивное связывание CO_2 вызывает кристаллизацию кальция. Нерастворимые соли кальция цементируют микробный конгломерат с каменным ядром в центре, вокруг которого содружество постепенно разрастается до огромных рифов.

Внутри корпорации не все способности одинаково затребованы. Хотя каждый член сообщества сосредоточен только на себе, он волей-неволей специализируется на процессах, предоставляющих сообществу максимальную выгоду. В череде поколений многие необходимые для самостоятельного существования свойства длительно не востребованы и атрофируются. С их потерей жизнь вне сообщества становится невозможной.

Изменяются и отношения внутри сообщества. Рост одного партнера без соответствующего роста других становится разрушительным. Взаиморегулирование ужесточается. Сообщество неуклонно сливается в один единственный сверхорганизм — эукариот. От бывших независимых участников остаются только отдельные части, сведенные к органеллам: ядро, митохондрии, хлоропласты и рибосомы. Митохондрии до сих пор сохранили свою собственную ДНК.

Эукариот

Вероятно 1,4 миллиарда лет назад в результате слияния кооперирующих микроорганизмов возникла клетка-эукариот (с хромосомами в ядре и органеллами в цитоплазме). Её превосходство огромно. В результате, гиганты-строматолиты исчезают и больше никогда не станут значимыми. Хотя бактерии способны образовывать строматолиты даже сегодня, они уже не возводят небоскрёбы. Эукариоты сжирают их ваятелей ещё до возведения чего-либо зримого. Бактериальные сообщества выжили и успешно плодились дальше, но им уже было не до колоссов. Они заняли микроскопические щели земной коры создав плодородную почву, кооперируя друг с другом и с эукариотами.

Эукариоты образовали всё видимое разнообразие существующих высших организмов. Бактерии же разбились на мелкие группы, стали невидимы и были замечены только с изобретением микроскопа в 1683 году. Последние целостные строматолиты с размерами до 40 см вегетируют в едких солевых озерах Австралии, где условия жизни для эукариот невыносимы.

Эукариотам понадобился миллиард лет, чтобы переkreить мир бактерий. Всё это время они оставались одноклеточными, хотя и принимали различные, не только амёбообразные формы. Каких максимальных размеров мог достичь эукариот не известно.

Но грубо судить о возможностях роста и формообразования позволяет существующая до сих пор 5-ти сантиметровая

одноклеточная Ацетабулярия, также известная как «бокал русалки». Эта водоросль имеет стебелёк (от 2–3 см до 4–6 см, а иногда 10 см и даже 18 см) и шляпку-зонтик (до 1 см в диаметре). Также впечатляют некоторые представители слизистой плесени, размер их клеток достигает десятков сантиметров, но рост остаётся при этом бесформенным.

Мы не знаем, были ли ранее более крупные одноклеточные. Их аморфные тела не оставили после себя окаменелостей. Развитие огромных одноклеточных организмов в принципе возможно, однако не произошло. Эволюция пошла другим путём.

Многоклеточные

Многоклеточные организмы возникли и тут же обогнали одноклеточные, хотя с их возникновением наследование от организма к организму стало исключено. (Почему? — Позже.) Возможности, на базе одной единственной клетки сформировать органы и специализированную телесность, скудны. То, что недостижимо для одноклеточного, представляет банальную перестановку клеточных слоев для многоклеточного организма. Тем не менее прошел миллиард лет прежде, чем в начале Кембрия (700–600 миллионов лет назад) возникли многоклеточные и оставили в отложениях неопровержимые следы.

Организмы с мягким телом различных форм и чертёжей внезапно появляются повсюду, как будто их вынули из шляпы фокусника. Их исходная мягкотелость позволяет им протискиваться везде и во всё. Черви, морские перья, шипы, трубочки, тарелки, шары, ланцеты, чашки, губки, а также причудливые зверушки с пятью глазами и лобным хоботком. Самые большие из них достигают нескольких сантиметров. Представлены все современные прародители рядом с поразительными анатомическими экспериментами. Большинство из первоначальных форм вскоре исчезают под напором бронетанковых корпусов.

Трилобиты

Эпоха брони и доспехов началась около 570 миллионов лет назад. Мода на жесть охватывает все царства животных. Прикрытые панцирем части поддерживают мягкое тело и обеспечивают места прикрепления мышц. Иголокожие, плеченогие, кораллы, но ярче всех трилобиты, характеризуют ландшафт. Находки мягкотелых редки. Знамена однозначны. Хочешь успеха — носи доспехи.

Ничто не вечно. Броня делает непобедимым в той же весовой категории. При неравенстве соперников решает перевес силы и размеров, броня же тем сильнее мешает росту, чем большие размеры телу необходимо достичь. Выход был найден, либо в особом телосложении, позволяющем непрерывный рост, несмотря на твердую внешнюю оболочку (типично для мидий, улиток или кальмаров), либо за счёт последовательных линек (как у членистоногих). При линьке рост тела максимально используется в непропорционально объёмном экзоскелете. Затем животное (покрытое тонкой морщинистой кожей) покидает свой оплот. Животное надувается, кожа разглаживается, минерализуется и превращается в более просторный панцирь.

Оба решения непрактичны и неповторяемы бесконечно. Временная беззащитность членистоногих увеличивается с каждой линькой. Панцирь мидий, улиток и кальмаров затрудняет движения. Выросши и окрепнув, осьминоги окончательно сбросили доспехи. Из их большой мягкой головы растут восемь длинных неприкрытых рук, но какой силищи. Отсутствие брони компенсируется высоким уровнем интеллекта, гибкости и мощи.

Позвоночные

Застой бронированных моделей позволил ранее незаметной линии «позвоночных» обойти их. Благодаря кожным элементам экзоскелета, таким как рыба чешуя, они худо-бедно переживают

предыдущую гонку вооружений, и теперь обгоняют всех в заплыве. Скелет позвоночных сравнительно лёгок. Его сочлененные части не мешают движению или росту. Во время теневого существования позвоночные усовершенствовали осевой остов, опорно-двигательный аппарат и нервную систему. Двусторонняя симметрия, сегментация тела, центральный спинной мозг и ганглий головного мозга, отныне типичны для них.

400 миллионов лет назад пришло время рыб, заполонивших все уголки океана. Среди них выдвигаются гиганты. Рыба-танк достигает более десяти метров в длину.

Как часто случается, судьба сперва ласкает не тех, кого надо бы. Бесчелюстные, панцирные, хрящевые или костные рыбы — плавники большинства негодны для переделки в конечности. Вдоль оси тела проходит базальная пластинка, а перпендикулярно к ней параллельные лучи плавников. Такие плавники не могут нести вес тела на суше. Однако, есть небольшая ветвь с другим построением плавников, копающаяся в иле. Незначительная линия лопастепёрых порождает земноводных. Этому предшествовало длительное заселение суши совсем другими.

СУША

Переход на землю возможен только при обеспечении водой. С водой на суше туго. Но что, если взять запасы с собой? Жизнь так и поступает.

Растения

В то время как трилобиты всё ещё грызутся за морское дно, растения уже многими волнами обживают континенты. Жажда света, они всё больше вытягиваются из воды, пока полностью не

поднимутся над её уровнем, предоставив корневой системе и проводящим тканям снабжение влагой. Отсюда до освоения берега уже недалеко.

Первыми отваживаются споровые растения. За мхами следуют плауны, хвощи и папоротники. Они скоро образуют леса. Размножение спорообразующих всё ещё сильно зависит от влаги. Близость к стоячей воде типична. Паразиты пока не успевают за развитием растений. Отмершая растительность не разрушается, скапливаясь внизу. Местность заболачивается. Ветви, листья и стволы образуют всё более толстые слои, постепенно превращаясь в каменный уголь, в честь которого и названо это время, начавшееся 340 миллионов лет назад. (Карбон — каменноугольный период.) Бактерий, гуминизирующих древесину, ещё нет. Структура отмерших растений практически не подвержена перегною и может быть детально исследована и сегодня. Важнейшие виды карбона — это почти 30-метровый медвежий мох и хвощи. Папоротники — красивое и богатое семейство растений вырастают до высоких деревьев.

Насекомые

В заболоченную местность ползут улитки и членистоногие. Уже проявившие себя в густо заселённом море недостатки экзоскелета оборачиваются преимуществом при колонизации побережья.

Личинка линяющих животных, набравшись сил в привычной водной стихии, может вести земной образ жизни сразу после трансформации, имея значительные запасы прочности. Экзоскелет морских предков пригоден для передвижения по суше и защищает от обезвоживания.

Как следствие, насекомые заселяют землю и небо. Гигантские пауки и скорпионы охотятся на метровых тысяченожек. Размах крыльев у стрекозы *Meganeura monyi* достигает 70 см.

Амфибии

Только теперь, высовываясь и прыгая за насекомыми из воды, следуют амфибии.

Земноводные подрастают в воде и живут на суше. Резкое изменение условий жизни требует коренного преобразования тела. В отличие от насекомых, метаморфоз земноводных — уникальное явление, не наблюдающееся в эволюции позвоночных ни до, ни после. История развития позвоночных не включает личиночных стадий или резких изменений. Соответствующих телесных или генных разработок нет совсем, и их нужно сначала приобрести. Тем не менее земноводные справляются с этой задачей удивительно быстро. Эмбрионы амфибий развиваются в воде и попадают на сушу после тщательной перестройки тела. Лёгкие возникают из выпуклости пищевода. После исчезновения ненужных жабр теряются жаберные кости и жаберные дуги. Между черепом и туловищем образуется свободная часть позвоночника — шея. Базальная пластика делится на плечевую и тазовую зоны. Количество лучей плавников уменьшается до пяти. Чешуйчатая броня удаляется и остаётся только на голове и животе панцероголовых. Серьёзных врагов пока нет. Открытая таким образом поверхность дополняет кожным дыханием, всё ещё слабые лёгкие.

Панцероголовые живут в болотах и на берегах вод, к которым они привязаны своим эмбриональным развитием. А вот растения и насекомые всё дальше удаляются вглубь континентов. Хочешь не хочешь приходится следовать им. Амфибии начинают откладывать яйца на суше. Метаморфоз становится излишним и сдвигается уловкой развития в эмбриогенез.

При рождении эмбрион рептилии защищён от высыхания амнионом (водной начинкой) и известковой оболочкой яйца. Тело поднимается над землей. Кожа утолщается, по необходимости снова бронируется.

Рептилии

Как ни странно, но первый забег выигрывают рептилии с типичными для млекопитающих признаками. Правда бегают они так себе. Ноги млекопитающих отходят в стороны и подходят более для ползания и скольжения на влажной и податливой почве чем для спринта. Заложенные таким образом проблемы ощутимы и сегодня. Операции на тазобедренных суставах, из-за их износа и переломов шейки бедра, один из наиболее ярких проявлений старости у людей. Но тогда, успех пре-млекопитающих неоспорим. Диметродон достигает около 3,5 метров и весит 250 кг. Текодонты — предки динозавров, пока меньше собаки. Однако, у них есть далеко идущее преимущество, они очень проворны. Их ноги, вместо того чтобы выпячиваться в стороны, расположены под телом и позволят позже нести массу тела в несколько тонн.

Вскоре динозавры оставляют на обочине предшествующие линии млекопитающих и устремившись вперёд, обживают почти все занятые растениями и членистоногими биотопы, включая воздух и даже возвращаются в воду. Возникают ихтиозавры и птерозавры. Ящеры впадают в манию до сих пор непревзойденного гигантизма. Мозазавры, предки современных варанов, достигают в длину до 15 метров. Размах крыльев у птерозавра, как и у Мига-29, одиннадцать метров. Тираннозавр распрямляется, встаёт на задние лапы и хищно выискивает жертвы с высоты в 6 метров. У безобидного травоядного сейсмозавра длина 40, а высота 20 метров. Верховенство насекомых окончательно сломлено. Однако растения не позволяют им сгнать. Враг становится другом, растение из жертвы превращается в покровителя, отдавая опыление на откуп насекомым. Цветки и репродуктивные органы подгоняются под нужды насекомых, а те перенимают их обслуживание.

С опыляющими насекомыми, распространение покрытосеменных цветковых становится независимым от воды и ветра, и они могут отправиться в засушливые районы долин и степей. За

растениями плетутся измельчавшие до размеров хорька млекопитающие. Как строители ходов и траншей (их оттопыривающиеся конечности подходят для этого куда лучше), они защищены от засухи и прихотей непогоды в степи.

В этой пустоши они нашли своё эльдорадо и получили возможность беспрепятственно усовершенствоваться и расти не докучаемые никем. С развитием плаценты они сделали своё потомство менее подверженным коварству врагов и невзгод и образовали семьи, заботящиеся о выводке.

Динозаврам переход к живорождению не удаётся. Их высокая температура тела мешает внутриутробному эмбриогенезу. Они, как и прежде, вынуждены класть яйца снаружи, подвергая это излюбленное лакомство опасности, становящейся критичной при всё более крепнущих врагах,

Покрытосеменные не задерживаются на месте. Разросшись и закалившись в степях, цветковые растения возвращаются во влажную среду обитания, тесня изобилие предшественников; к ним относятся платан, магнолия, фиговое дерево и тюльпанное дерево. Завязанные на цветковые растения млекопитающие следуют их излюбленным покрытосеменным.

Преобразование растительного мира совпадает с закатом динозавров. Практически все линии ящеров иссякают в течение нескольких миллионов лет. Птицы (некоторые из них достигают 6 метров в высоту) недолго удерживают позицию динозавров на суше и вытесняются млекопитающими. Млекопитающие заселяют все ранее занятые динозаврами биотопы на суше и в воде. Остальное, как говорится, уже не история, а современность.

ПЕТЛИ ЭВОЛЮЦИИ

Былое величие динозавров и их полное исчезновение вызывают ряд гнетущих вопросов. Отчего, почему именно они, чего им не хватило, чтобы продолжить и развить успех? Разве у ящеров не было уникальных, предвосхищающих будущее разработок? Многие свидетельствуют о том, что на протяжении всего правления динозавров млекопитающие прозябали рядом с ними, как крошечные существа, не предъявлявшие особенных талантов. Нет никаких геологических свидетельств борьбы или победы млекопитающих.

Может, наше восхождение шутка прихоти, а исход уже предрешён и вопрос недалёкого времени? Вряд ли. Возникновение, распространение, расцвет, гигантизм и, наконец, фоссилизация, мельчание и вымирание видов подчиняются простым и легко понятным законам. Давайте воспользуемся экспериментом, чтобы проиллюстрировать их.

Опустим в бутылку с раствором сахара пару бактерий. Проходят часы, но ничего не происходит. Вдруг за несколько минут раствор мутнеет. Бактерии размножаются простым делением. Дочерние клетки перенимают устройство материнских клеток. Это приданое приспособлено к предыдущим условиям жизни. В новой среде бактерии беспомощны, несмотря на обилие пищи, пока гены и обмен веществ не переключатся на новые источники энергии. Переход требует времени и объясняет задержку роста бактериальной культуры после её переноса (инокуляции свежей питательной среды).

Как только перестройка завершена, бактериям нужно только собирать урожай, расти, делиться и разбегаться по «необъятности» нового. Потомство взрывается, размножаясь в геометрической прогрессии.

Экспоненциальный рост быстротечен. Распределение бактерий во всех уголках раствора, нигде не оставляет девственно-нетронутой среды на которую они заточены.

Условия начинают повсеместно удаляться от исходных, вынуждая организмы бактерий, как и в начале пути, подгонять настройку генов и обмена веществ новым реалиям. Размножение замедляется. Правда прорывов уже не предвидится.

Каждое изменение собственного аппарата и его последствия меняет условия жизни уже везде, а не только в одном уголке бутылки и требует всё новые и новые изменения. Бактериальная культура переходит в стационарную фазу роста. Эта стадия длительнее всех остальных. Время жатвы закончилось, хотя сахар ещё и в избытке. Рано или поздно обилие сахара иссякает. К тому же в среде накапливаются токсичные продукты. Несмотря на постоянную корректировку, прежнее недостижимо. Как только приспособление перестает облегчать, начинается вымирание.

Сначала неуверенно, а затем всё быстрее бактериальная культура идёт навстречу концу. Мор, как и ранее размножение, протекает экспоненциально, ведь он одновременно затрагивает все области в бутылке, не потакая никому. История земной жизни также подразделяется на периоды, незримой подготовки, бурного расцвета, длительного роста и, наконец, оползней исхода.

Каждый виток эволюции начинается с открытия, ставящего жизнь на новую основу и дарующего необъятные, по сравнению с прежними, возможности. Виды, делающие решающий шаг, падают во вновь открытое пространство, как бактерии в сахарный раствор. В отличие от нашего эксперимента с бутылкой, в природе, перед «узким местом ведущим в неожиданное изобилие», обитает не один вид, а множество различных существ.

Открытая земля, кроме того, не гомогенна как раствор сахара, а разнообразна. Тем не менее события схожи, так как виды, входящие первыми, опустошают переход к этим средам и образуют заглушку. После раздела ими нового мира, никто не может подняться против их засилья. Избытка средств для противостояния просто нет.

Протискивание

Целина, с которой никто ничего не может толком начать, доступна всем. Где нет интереса, нет ограждений. Зато материала для опытов предостаточно. Давление и необходимость спешки отсутствуют.

Собиратели, рыхлящие почву, ища червей, не имеют понятия о корнеплодах, которые их ожидают, но они и не особенно зависимы от будущих находок, поскольку живут другим. Поэтому, всякому прорыву предшествует время спокойных экспериментов и созерцания. Тут не играет особой роли, что именно под рукой: лапа, рыло или палка. Перебираются самые авантюрные подходы, посредственность сопутствует гениальному, традиции — новаторству. Различные существа на равных пробуют себя в неизведанном. Как только одному из них улыбнется удача, все ранее начатые, но ещё недоведённые модели, подходы и эксперименты прекращаются. И не потому, что они бесперспективны, а потому что первопроходцы отрабатывают в бутылочных горлышках переходов, материал, необходимый для опытов. Отныне будущее какое-то время будет принадлежать одной единственной ветви. Другие виды попадают в новые среды обитания только, как прихлебатели первопроходцев.

Штурм

Переход к новым основам жизни позволяет экспоненциально расти и распространяться в открытом жизненном пространстве. При распространении выясняется неоднородность нового. С последующей специализацией возникает большое число видов, ответствующих разнообразию отличных от исходных, но всё же всё ещё пригодных для жизни условий.

Так из единой предшествующей модели возникают всевозможные семейства с общим предком.

Гегемония

Бурный рост выталкивает потомков за пределы вновь открытых мест обитания и принуждает вторгаться в издавна существующие и густонаселенные районы, в конкуренции за которые ни их старые, ни новые телесные свойства не в помощь. Тамошнее население, оптимально адаптировано к местным условиям и поэтому серьёзный противник. Однако условия противоборства не равны. В то время как местные виды зависят от своих ниш и строго соответствуют требованиям равновесия, пришельцы перемещаются свободно тут и там, независимо от местных ограничений, а их численность с каждой новой волной иммиграции постоянно растёт. Это внедрение не зависит от того, сколько местность в состоянии прокормить, ведь на первых порах, местное для пришельцев — это только добавка к гарантированному.

Вначале иммигранты уступают коренным жителям и вынуждены с ними считаться. Но не долго. Наплыв чужеродцев сокращает средства к существованию коренного населения. Захватчики вытесняют местные виды, не превосходя их. В результате перепроектируется вся достигаемая жилая среда. Единый план утверждает себя в самых разных, даже вовсе не подходящих для него, условиях.

Гигантомания

С завершением раздела нового и передела старого мира расширяться больше некуда, выдавливать некого. Рождения и потери уравниваются.

Многодетные колонисты-пожинатели первых времён уже не в фаворе. Их сменяет сильный, умеющий сами за себя постоять тип. Рост, не имея возможности шириться, устремляется ввысь. Защита собственных претензий становится важнее усердия. С ростом затрат обеспечения уменьшается численность популяции и потомства, но растёт продолжительность жизни и размеры тела.

Восходят гиганты. Гигантизм не бесконечен и рано или поздно доходит до границ целесообразного и прекращается. Колесо, остановившись, должно упасть.

Мельчание

Все улучшения относительны. Там, где лучшее становится врагом хорошего, теряется смысл дальнейшего развития. Модели на пределе возможного (как мы видели на примерах с панцирными моделями или живорождением у динозавров) или даже просто развивающиеся медленнее своих конкурентов (например, из-за бокового отхода ног у первичных млекопитающих), отстают.

Нувориши обходят их, распространяются, замещают предшественников, сперва только там, где могут, но разрезают этим ранее связанное царство обитания их конкурентов на отдельные анклав. В этих разрозненных нишах бывшее оптимально адаптировано и до времени остается главенствующим. Начинается фоссилизация. Первым её проявлением является растущая специализация.

Сверхспециализация долго позволяет избежать истребления, но несет не только преимущества. Малейшее изменение условий существования чревато катастрофой. При этом происшествия могут затронуть какую ни будь внешне маловажную, но необходимую для суперспециализации деталь. Её исчезновение делает вид неконкурентоспособным и ведёт к увяданию. При периодических колебаниях условий (сходных с временами года) исход зависит от того, как быстро разреженный вид может восстановить свою популяцию.

Шустрые соотечественники с быстрой сменой поколений приобретают преимущества, даже если они выпадают недоростками. Наступает эпоха массовок и миниатюризации. Процесс порою быстр и доступен нашему наблюдению.

После многих лет, проведенных в море, метровый лосось возвращается в устья родных рек и плывет против течения. Самки подготавливают в водах своего рождения нерестилище, самцы

охраняют его и борются с соперниками. Наконец, самец и самка бок о бок парят над нерестилищем, выпуская свои гаметы. Вскоре животные умирают от истощения. Через несколько месяцев вылупляются мальки. В зависимости от вида, они проводят до трех лет в пресной воде, прежде чем мигрировать вниз по течению в море — источник телесных размеров и силы.

Это известное описание (которое можно найти почти в каждой энциклопедии) дополняется двумя альтернативными стратегиями самцов: Jacks und и Parrs.

Jacks возвращаются после года, проведенного в море. Они среднего роста; их вес составляет менее трети веса взрослых самцов. Parrs никогда не покидают своих проточных вод. По сравнению с зрелыми самцами, Parrs крошечные, не имеют шансов в драках, да и не ввязываются. Jacks стараются защищать самок обычным способом, когда рядом нет взрослого самца. В противном случае, они держатся за пределами зоны нападения великанов.

В решающий момент Jacks вступают в процесс нереста и выпускают собственную сперму; на них набрасываются крупные самцы, и они редко добиваются успеха. Parrs двигаются в стороне и, как бы, ни при чём. Когда начинается нерест, они плавают в потоке семени, и выделяют свои гаметы — по возможности незаметно для спаривающихся рыб. Ситуация стара и напоминает времена князей, замков, дам и пажей, рыцарей и трубадуров.

Однако, удивительно то, что до недавнего времени о Jacks и Parrs ничего не было известно. Сегодня 100 процентов мужского населения европейских рек, это Parrs. В Америке доля Jacks среди репатриантов превышает 90%. Тенденция усиливается. Исключение стало правилом через несколько поколений интенсивного рыболовства. Вид сменил поведение и внешний вид быстрее, чем записи в энциклопедии. Как мы видим, история повторяется, но уже с новыми участниками.

С появлением рептилий и млекопитающих, для рыб и насекомых остались на выбор: мельчание с массовой или ещё менее приятный закат.

Закат

При вытягивании и следующей миниатюризации растериваются бонусы первооткрывателя. Маятник истории замирает, меняет направление и уносится в неведомую даль. Близится время финала.

У заката есть два пути: медленный уход отдельных линий на задворки или трагичная гибель всем скопом на авансцене. Мы слишком недолговечны, чтобы быть очевидцами хоть одного из них. Однако товарное производство предлагает аналогичные примеры. Их единственный недостаток — быстротечность, не позволяющая предыдущему поколению наглядно объяснить им пережитое — новому. Давайте тем не менее попробуем.

Совершенствование пишущей машинки приводит к замене устаревших моделей, постепенно исчезающих из быта. Однако бывшие модели всё ещё существуют и используются, хотя и не обновляются. Они незаметно и медленно вымирают, пылясь в завалах кладовок. Кризисы экономики, инфляция и войны тормозят процесс смены моделей. По необходимости ту или другую вытащат и поставят на стол. Однако пишущей машинке, как таковой, не грозит опасность ни во время рецессии, ни во время резкого конъюнктурного роста. Встречаются авторы, которые срослись со своей первой любовью, относятся к ней с трепетом и не желают расставаться. Развитие компьютера всё в корне меняет. С достижением компьютером определенной зрелости, дальнейшее развитие пишущей машинки теряет смысл. Она повсеместно вымирает на глазах у всех. Старые устройства больше не заменяются лучшими пишущими машинками, а всё ещё несовершенными, но уже ориентированными на будущее компьютерами. Компьютеры их пока не вытеснили, компьютеров просто не хватает, да и их качество пока ещё желает лучшего. Но будущего для пишущих машинок вдруг не стало. Более дорогие и сложные модели не могут в этом ничего изменить. Все они до своего износа попадают в мусорный контейнер, не оставляя преемника. Выживают специальные устройства для печатания наклеек, пишущие машинки, вдавливавшие буквы для слепых,

и прочая мелочь, но и для них гарантии будущности нет.

Граммофоны, фото, видеоманитофоны и телефоны следуют судьбе биологических видов. Через несколько десятилетий многие из этих предметов исчезнут из быта и сознания. Обстоятельства их распространения и ухода забудутся. Однако возникнут другие устройства, судьба которых будет не менее наглядно отражать эволюцию для современника, сроду не видевшего пишущую машинку или присутствовавшего при закате динозавров.

Последовательность

Провалы легко объяснить конкретными недочётами, труднее с успехами. Откуда берутся баловни исторических поворотов? Где они шлялись ранее? Вроде бы выскочки не так уж новы, вот только их предки играли лишь посредственные роли. Чего они ждали, обладая лучшими предпосылками? Неужели это так трудно понять? Они ждали условий, при которых их преимущества становятся неоспоримыми, но воздвижение которых было им самим до поры непосильным.

Предыстория компьютера также стара, как и пишущей машинки. Уже Паскаль строил первые механические счётные машины в 16 веке. Однако производство сносных компьютеров на механической основе полностью бы подорвало ручной труд в начале индустриальной эпохи, не продвинувшись дальше шутовских роботов-игрушек. А вот пишущая машинка была осуществима и предлагала неоценимую помощь в перевоплощении общества. Распространение пишущих машинок внесло решающий вклад в создание мира, в котором возникли новые профессии, закрепились наука.

Возникло общество, в котором электроника нашла свое место, в котором когда-то невозможное стало обычным, а компьютер неизбежным. Это только кажется, что эволюция определяется могучими и гигантскими существами. Она только продвигается и ускоряется ими. Будущее приходит незаметно.

Торжественный въезд королевской свиты в замок тянет за собой хвост челяди. Её прозябание позволяет отпрыскам холопов расти на крохах барского стола. Челядь незаметна, но и она развивается и (после того как рыцарство покажет свою несостоятельность) играючи переймёт инициативу и раскроет неведанные до того преимущества. Чванное и напыщенное — это, всего лишь биомасса, заполняющая пустоты эпох. Занавес будущего не поднимается раньше необходимого, а многие головокружительные взлёты ведут к сногшибательным горкам падения, а иногда и к плахе.

Судьба динозавров настораживает: кто за нами, ведь мы последние в текущем ряду? Млекопитающие давно достигли пределов распространения. Вот уже несколько десятков миллионов лет они не образуют новых семей. Их гигантизм давно на пределе и за пиком могущества. Мамонты вымерли, слоны и киты борются за выживание.

По всем наличествующим сценариям, впереди предусмотрена только концовка. Вывод правилен, но только для млекопитающих. Человек стоит обособленно в их рядах. Его пока, да и вообще в обозримом будущем, некому сменить, а его истинное восхождение только в зачатии.

Смена лидера не всегда обязательна. В эволюции много прорывных шагов, не имевших повторения, а только развивавшихся дальше. Чтобы не быть голословными, перечислим некоторые из них. Все живущие сегодня организмы имеют одинаковую структуру ДНК, то есть происходят от одного предка.

С уверенностью можно сказать, что это была не одна, единственно возможная автокаталитическая структура, используемая для жизни, но с её появлением все другие были больше никогда не востребованы.

Эукариотическая клетка возникла 1,8–1,5 миллиарда лет назад и до сих пор не имеет себе равных. Все существующие многоклеточные являются её потомками. В то же время её преимущество довольно зыбкое. Если лишить эукариот им сожительствующих бактерий, они нежизнеспособны.

По сравнению с миром бактерий, биохимические возможности эукариот крайне ограничены. Они, например, не могут связывать азот, т.е. самостоятельно производить белки — основу современной жизни.

Есть ли у людей схожее, никем более не достижимое преимущество? — Есть!

Сегодня нет ни одной человеческой расы, которая бы не знала секрета огня. Ни язык, ни чрезмерный интеллект, а именно огонь отделяет людей от животных и обеспечивает им превосходство. Цивилизация зародилась там, где возникли огнища. Поддержание огня в сообществе, использование его для создания новых инструментов — **основа человеческого бытия**.

Укрощение огня было долгим, начинания не всегда удачными. Прошли сотни тысячелетий между согреванием у природных очагов, дарованных молнией или раскаленной лавой, до непрерывного поддержания огня для приготовления пищи и инструментов, завершившиеся его намеренным разведением трением дерева или ударами по кремню. С приручением огня настало время культуры.

Другие животные собирали опыт по использованию огня не иначе, чем первобытный человек, но не успели достичь существенного результата. Вполне возможно, что, не будь человека, им это и удалось бы. Но теперь уже вряд ли, да и когда-либо в будущем тоже. С приручением огня человеком, бутылочное горло возможности закрылось. По той простой причине, что спонтанного огня для экспериментов просто более нет.

Огонь на Земле отныне находится исключительно под контролем человечества. Биологическая эволюция перешла в духовную. Переход не был резким и подготовлен всей предысторией жизни.

ЗАРОЖДЕНИЕ

Мир един. Его составляющие образуют целое, а их совокупность подчиняет части. Меняется целое (например, силовое поле) — всё приходит в движение в поиске нового состояния. Если изменится какая ни будь отдельная деталь, то цепочка событий приведёт к изменению цельного.

Напор, с каким пробивают себя изменения, называется энергией. Энергия разрушает былое. Новое — это меняющееся старое. Горы разваливаются, звёзды выгорают, внутризвёздные туманности стягиваются в галактики. Материя, противящаяся подвижности энергии, стачивается в сопротивлении и распыляется, чтобы где-то снова сосредоточиться.

Но вот, в этом круговороте строго взаимообусловленного возникает жизнь и вносит ранее небывалое — творческую инициативу. Месяцами стоящий в бутылке сахарный раствор, как максимум выпадет в осадок. Но даже одна единственная бактерия превратит через день-два эту простую по составу жидкость в набор сложных органических соединений, которые никогда не возникли бы, как бы ни складывались обстоятельства вокруг бутылки. Что позволяет жизни проделывать такое?

Катализ — Автокатализ

Катализаторы выборочно ускоряют химические реакции, не поглощаясь в них. Энергию и материал для этого ускорения катализатор ответвляет у параллельных процессов, направляя локальные события в ином направлении, чем предусмотрено глобальными обстоятельствами.

«Своенравие» катализатора заимствовано, ведь сам катализатор был создан обстоятельствами. К тому же оно временно, как и всё вещественное. Излучения, термодинамические колебания постепенно разрушают каталитическую молекулу и останавливают процесс. Когда же сам катализатор образуется в результате катализа, возникает автокатализ. Автокатализ не только «дурачит» обстоятельства, но и бросает вызов времени, обновляя свою «телесность» быстрее её «бренности».

В принципе, жизнь — это также автокатализ, опережающий своё разрушение. Исходя из цепи ДНК, жизнь производит белки, ферменты, клетки и органы, чтобы после многочисленных промежуточных стадий и захватывающих приключений создать новую цепь ДНК и запустить следующий жизненный цикл.

Жизнеобеспечение

Каждое сегодня живущее существо это результат и продолжение непрерывного процесса, стартовавшего 4–6 миллиардов лет назад. Автокатализ на школьных уроках химии длится от нескольких минут до часов, в зависимости от постановки эксперимента. Истощение реагентов обрывает реакцию. Беспереывность невозможна, даже если содержимое выплеснуть в необъятный, но уже строго распределенный внешний мир.

Когда жизнь зарождалась, всё было иначе. Земля была огромной нетронутой ретортой. Океаны и многочисленные озера предоставляли достаточно реагентов и места для продолжающихся автокаталитических экспериментов. Но даже этого пространства никогда не хватило бы для непрерывного процесса, если бы автокатализатор всё ещё оставался прежним.

Чтобы автокатализ стал живым существом, нужно было ещё решающее добавить. Что именно? Водоёмы наполняются и высыхают. Случай разбрасывает по ветру молекулы, способные к воспроизведению: давит, надламывает, рвёт и неожиданно соединяет их.

Возникают вещества, сочетающие в себе дополнительно к автокаталитическим, каталитические свойства. Если каталитические реакции такой составной молекулы изменяют окружающую среду и позволят автокатализ там, где исходные условия были непримиримыми, то возможности самовоспроизводства расширятся. Автокатализ, не имея возможности идти по прямой, сначала устанавливает предпосылки и обживает среду, в которой он позже развернётся.

Чем дальше раскручивается спираль эволюции, тем важнее и обширнее задачи жизнеобеспечения. Жизнь прирастает органами и оболочкой, срывается с места, убегая, настигая, защищаясь или захватывая. Промежуточное, становясь всё сложнее, затмевает изначальное, и нас впечатляют хитрость, сила, изворотливость, клыки и когти тигра, а не невидимые конспекты ДНК, творящие всё это, не делая напрямую вроде ничего, кроме как своего автокаталитического воспроизводства.

Рассудительность

Как забавны порою механические игрушки. Они уморительно переминаются с ноги на ногу, махают ручками, закатывают глазки, несут несумятицу. Тем не менее мы ни разу не поддаёмся заблуждению, что это живые существа. Дело не в вещественности кукол. Наше собственное тело, хоть и живое, состоит исключительно из мертвой материи. Коллагены, кератины, белки, жиры, гормоны, углеводы и даже нуклеиновые кислоты — все строительные блоки жизни неживые. Для жизни важен не состав, а способность разумно самоутвердиться.

При виде творений человечества, влияние разума неоспоримо. Вне человека всё сложнее. Предвзятость мешает людям признать за собакой, а тем более за бактерией, свойства, приписываемые им исключительно самовлюбленному себе и высокомерно закреплённые в титулярном имени — Homo sapiens. Тем не менее вирусы, бактерии, туфельки инфузорий, растения, животные

и человек — ступеньки одного и того же процесса. Нигде в эволюции нет скачка, инициации, привносящей мышление, а есть постепенный переход от низшего к высшему, от «неразумной» бактерии или новорожденного дитя к зрелому и вроде бы «разумному» человеку. Но когда и как разумное попадает в этот порядок и что под разумением понимать?

Разум — это способность к выборочным решениям, предрешающим успех. При таком определении не трудно проследить ростки разума в самых примитивных существах. Первая точка переключения, которая оставляет решение автокаталитическому стремлению и вознаграждается ростом, является краеугольным камнем разума. Некоторые ситуации кажутся заманчивыми, а несут гибель, другие напоминают изгнание и предотвращают несчастья. Разум — это сила предвидения, даруемая опытом, отказ от сиюминутного в пользу будущего, целенаправленный выбор незаметной возможности между навязчивыми искушениями.

НАКОПЛЕНИЕ ОПЫТА

Жизнь многим обязана случаю и ничего ему не должна. Понадобились миллионы несвязанных наблюдений, прежде чем расколотый камень стал лезвием, а затем топором. Но ни форма, ни приращение топора не выдвинуты случаем. Никакие обстоятельства не в силах придать каменному топору форму скрипки.

Случайность не целенаправленна. После мотаний туда и сюда всегда установится глобальный закон природы. А вот стремление и разум собирают даже разрозненные события в продвинутые инструменты, подпирая устремления новыми навыками. При этом не важно, является ли инструмент частью тела или продолжением руки. История развития человеческих инструментов подчиняется тем же законам, что и эволюция жизни. Из заостренной кости животного или скола камня выделяются: пила, игла, шило, нож,

скребок, меч и многие другие родственные инструменты, названия которых мы больше не знаем. Пила разделяется на пилочку, ножовку, поперечку, мелкозубку, фуксшванц, гатер, метиз, наградку, пилку, рохловку. Эпоха механизации приносит с собой модификации, такие, как циркулярка, ленточная и бензопила. Компьютер заменяет все разработки на универсальную режущую систему.

В то время, как навык работы с лобзиком воплощается в специальной форме ручки, полотна, зубьев и передается от учителя подмастерью, весь опыт режущего станка сосредоточен в крохотном чипе программного управления, складывающегося из простейших движений всё разнообразие процедур. На пути от скола камня к компьютерному агрегату роль вещественного уменьшается, значение управления растёт. Сходное наблюдается в эволюции.

Гены

Первые навыки жизни не отделимы от обслуживающих их инструментов, что со временем обременяет. Всё вокруг течёт. Сегодня ещё жизненно важные инструменты в следующий момент могут оказаться излишними. Бросив их, двигаться легче, но только до повторения былых обстоятельств, в которых они ох как нужны. Жизнь находит изящное решение. Редко используемые, но в определенных ситуациях незаменимые органы, сводятся до инструкции к их производству. Организм сосредоточен на важном, не обременяя себя тем, что он может при надобности воссоздать. Рядом с рабочими навыками возникает генетический опыт, который изначально ничем не представлен и должен быть реализован перед задействованием.

Разделение стало возможным благодаря появлению особого класса автокаталитических молекул — нуклеиновых кислот. Нуклеиновые кислоты позволяют хранить информацию (упорядоченные инструкции для постройки инструментов) в последовательности нуклеотидов. Генетические знания изначально невидимы, то есть,

они вроде, записаны в буквах генов, только что толку. Именно чтение генов вызывает их претворение, а чтение начинается не ранее, чем ситуация подаст повод к тому.

Бестелесность генетического знания объясняет его настойчивость, когда приходит время. Создание недостающих инструментов трудоемко и возможно только за счёт урезания других жизненно важных процессов. Это урезание, с точки зрения уже задействованного, не понятно. Мало того, что забирается и так еле хватающее, да ещё совершенно не ясно для чего, ведь до их завершения, новые инструменты не пригодны для использования. Чтобы генам проявить себя, зашифрованный опыт должен быть диктаторским, пока преимущества нового оборудования не станут явными, пока «способность принимать решения» снова не станет оправданной. Возникает неправильное впечатление, мол, гены определяют всё! Это не так.

Собирание своего

Первоначально опыт передавался напрямую от родителя к дочерним организмам. Индивидуум живет сейчас, здесь и только ради себя, но использует при этом всё унаследованное в предыдущей цепочке размножения. Наследуемое не просто повторяется, но и перестраивается в соответствии с требованиями времени. Собственное наслаивается таким образом на унаследованное.

Благоприятные росту навыки накапливаются и распространяются в той мере, как они помогают размножению. Такая прямолинейность позволяет просто и эффективно проверять и накапливать опыт пережитого. Выйти за рамки индивидуального ряда такое накопление не может. Ограничение своим мешает расширению опыта. Нельзя узнать или пережить то, где тебя никогда не было, не переживая чужого. Для индивидуалиста чужой опыт в общем-то и не важен. А вот в сообществе им пренебречь нельзя, но и накопить совместное при помощи линейно наследования невозможно.

Разделение труда внутри сообщества не допускает рост одной группы клеток независимо от других. Гены, позволяющие одной клетке расти, обгоняя соратников, разрушают сообщество. Имя им рак или инфекция. Ставшими раковыми клетки после несогласованного роста и разрушения организма оказываются сами нежизнеспособны и исчезают. Инфекционный возбудитель ищет после уничтожения одной общности других дурачков и совершенствуется в этом. В том и другом случае жизнь сообщества прерывается, вместо того чтобы развиваться дальше.

Чтобы предотвратить неблагоприятный исход, линейное наследование в сообществе последовательно избавляется от качеств, потворствующих личному превосходству над равноправными соратниками, приобретая возможность выжить взамен. Целенаправленная правка своих генов исходя из «собственных» интересов становится невозможной и подчиняется общности. Выскочки элиминируются. Стремление отдельных участников многоклеточного сообщества жить лучше, опираясь на индивидуальное видение ситуации, не имеет продолжения, а для будущих сообществ не несёт какого-либо смысла.

Возникает странная ситуация. Сообщества объединяют индивидуумов с взаимно дополняющими качествами, но качества эти были выработаны вне сообщества за счёт индивидуального роста, а теперь только урезаны до необходимого сообществу.

Противоречие между общинным и индивидуальным опытом неизбежно при линейном (только для себя) приобретении и наследовании знаний и объясняет, почему истинные многоклеточные организмы появились столь поздно в эволюции. Хотя первые бактерии очень рано образуют ассоциации (преимущества сотрудничества слишком очевидны), развитие многоклеточных организмов не происходит в первые 3 миллиарда лет. Каждый пайщик пользуется общинным, но по возможности пренебрегает и пытается развести других. Наверное, многоклеточные организмы никогда и не возникли бы, если бы жизнь не нашла способ нелинейно передавать жизненное содержание.

Этим средством стало взаимное оплодотворение с сетевым формированием опыта. Его принято называть половым размножением. Поскольку смысл полового размножения вовсе не размножение, а взаимопроникновение, мы будем часто пользоваться более общим словом-сексуальность.

Связывание отдаленного

Первоначально сексуальность была прямой между отдельными линейно размножающимися организмами. Хотя такие сношения сохранились только у примитивных видов их рассмотрение наглядно объясняет смысл происходящего. Начнём и мы с него.

Половое скрещивание, вместо того чтобы дублировать свои собственные гены, а затем делиться, как это происходит при линейном размножении, объединяет две родственные (но не идентичные) клетки, образуя единую клетку или зиготу. Геномы сливаются, смешиваются, перераспределяются, и снова разделяются, образуя два новых полноценных набора генов, не существовавших ранее. Из двух клеток возникают снова две причём совершенно тех же размеров. Уже из этого описания очевидно, что половое скрещивание не имеет ничего общего с преумножением существующего.

Отожествление сексуальности с размножением приводит только к недоразумениям. При половом скрещивании происходит обмен опытом до того независимых линий и порождение нового.

Хотя этот обмен происходит случайным образом, результат подтверждается жизнью. Вновь возникшие скрещенные клетки, размножаются далее линейно, проверяя и редактируя унаследованные гены.

Из проверенного составить новое и это новое протестировать реальностью — принцип любого созидания. Только индивидуальное ограничивается своим опытом и кругозором, в то время как половому скрещиванию предоставлен весь совокупный опыт вида. Каждое половое скрещивание есть смешение опыта (генов) родителей.

Родительские гены были в свою очередь составлены из генов пра-родителей. Потомство полового скрещивания уже не просто череда цепи размножения, а продукт сетевого переплетения разнообразнейших внутривидовых развитий. Всё то положительное, что достигнуто отдельными особями вида, находит и потенцирует друг друга. Это происходит не сразу (в половом скрещивании участвуют каждый раз только двое) но в исторической перспективе затрагивает всех. Скрещивание чрезвычайно ускоряет накопление опыта.

У примитивных половых организмов следующее за скрещиванием размножение происходит линейно. Потомство, как и раньше, доказывает своё преимущество за счёт размножения, обгоняющего неудачников. Линейное размножение, как мы уже описывали, ограничено индивидуальным кругозором и неизбежно ведёт в тупик. Лавина роста, достигнув обозримых границ, разбивается о преграды. Промежуточное расхождение отдельных линий друг от друга позволяет отклонениям спариваться и образовывать потомство с новыми горизонтами роста, не зависящими от предыдущей базы размножения.

Линейное размножение позволяет достичь удаленных уголков, увеличивая разнообразие. Скрещивание позволяет линейному размножению выбраться из тупика индивидуального, сводя вместе, недоступное каждому отдельному индивидууму. Так одно дополняет другое подгоняя всех.

Диплоидное обогащение

Одна легкомысленная красавица, танцующая на балу со знаменитым, но внешне неприглядным писателем мечтательно сказала. «Представьте нас парой. Наши дети были бы гениальны как вы и красивы как я.» «А что, если выйдет, наоборот» — возразил писатель.

Уже из этой ситуации видно, что сексуальное смешивание опыта не так безоблачно, как это на первый взгляд кажется, и не всегда так безошибочно, как этого хочется. При линейном размножении

каждое изменение проверяется и перепроверяется, прежде чем оно будет принято. При скрещивании совокупных знаний такая детальная проверка невозможна. Смешивание геномов происходит не в соответствии с актуальной полезностью, а совершенно случайно и вне контекста отдельных генов. Не так уж редко при этом конец предписания оказывается при сборке в начале, связанные темы разрываются или вставлены на неподходящем месте. Удачные сочетания при этом неизбежно чередуются с явным браком.

Разделение генома на отдельные хромосомы, между которыми обмен разрешён только попарно и только в определённой последовательности, позволяет избежать особенно ярких эксцессов, но не устраняет проблему как таковую. Обмен остаётся случайным. Прицельно повлиять на исход не представляется возможным.

Но если смысл скрещивания заключается в обогащении собственного чужим опытом, к чему вообще риск случайной мешанины? Почему бы геномы не просто сложить, оставив их неизменными в одной клетке и пользоваться обоими совместно? Клетки при этом становятся диплоидными (два генома), триплоидными (три генома), тетраплоидными (четыре генома) и так далее.

В самом деле, все высшие сексуальные виды без исключения диплоидны и несут в себе два спаренных генома, унаследованные по одному от обоих родителей. Может быть поэтому клетки с одинарным набором генов называются гаплоидными (половинчатыми), хотя на самом деле именно они и являются цельными, а не составными. Как бы то ни было, только спаренные диплоидные клетки имеют право у высших видов развиваться и жить.

В диплоидном организме вероятность того, что в одной из клеток после перераспределения родительских качеств окажутся исключительно глупость и неприглядность, а в другой, красота и гениальность, резко уменьшается. Но вот вопрос. Взаимоприемлемо ли сложное вообще? Трудности возникают уже при банальном воспроизведении содержания. Прежде чем понять, нужно гены прочесть. Однако одна и та же программа компьютера работает по-разному в зависимости от микропроцессора, по которому её пропускают.

У каждой родительской клетки не только свой набор генов, но и свои особые инструменты чтения. При равноправном объединении гаплоидных гамет в диплоидную клетку, задействование обоих наборов инструментов расшифровки неизбежно приведёт к противоречиям разночтения. Чтобы его избежать, только материнская клетка сохраняет полный набор инструментов для чтения и реализации генов. Мужская гаплоидная клетка сперматоцита содержит исключительно гены и средства их доставки до женской клетки. После объединения, только материнской клетке дано читать и интерпретировать гены. Эта особенность наследования возможно объясняет, почему малышки более привязаны к мамам, чем к папам. Непонятное из отцовского наследия при таком раскладе чтения просто пропускается. Что-то при этом неизбежно теряется. Зато и вероятность ложтолкования исключена.

Правильность прочтения ещё не означает соответствие взглядов. Жить вместе и совместно — не одно и то же. Что толку от советов если они ведут только к распрям? Если в конкретной ситуации всплывают почти взаимоисключающие указания как: «прихорюшись» = «брось всё и задумайся» — то клетке трудно решиться на что-то одно. Чтобы избежать патовых распрей, из двух наборов генов в диплоидных клетках активно включаются гены только одного. Альтернативные гены остаются немymi до востребования. Когда возникает ситуация, не разрешимая действующими генами одного из родителей, предыдущие гены отключаются и управление передаётся дублирующим генам другого родителя. Этим попеременным единоначалием диплоидной клетке удаётся избегать раздвоения и внутренних ссор, не пренебрегая опытом ни одного из родителей. Организм включает мышление в то время, как он вроде бы прихорашивается. Для диплоидной клетки такое переключение довольно просто, при три- и более высокой пloidии оно становится чрезмерно обременительным.

Самым радикальным последствием диплоидии является невозможность накопления опыта за счёт линейного размножения. В диплоидной клетке одновременно активен только один геном.

Предположим, этот геном удался и полностью оправдывает себя. Но вот беда, его преимущественное размножение окончит диплоидию и отбросит вид назад к примитивным сексуальным организмам. Составные клетки могут поэтому только размножаться, но не видоизменять самих себя. А как же тогда накапливать новый опыт?

Расширение опыта за счёт последовательного привлечения всё новых параллельных линий к уже существующему двойному геному теоретически возможно, но чрезвычайно проблематично. При каждом дальнейшем объединении полипloidия растёт 2,4,8,16,32,64,128 до бесконечности. Даже если предположить, что кругозор таких клеток соответственно расширяется, управлять таким многоголосьем нереально.

Единственной возможностью приобретению нового опыта для диплоидии остаётся только скрещивание. Но скрещивание какого из двух геномов? Чтобы не перечеркивать предшествующее единение, диплоидная клетка перед скрещиванием перемешивает гены своих геномов и распределяет их на зачаточные клетки с одним геномом, которые уже в свою очередь служат сексуальному зачатию новой спаренной диплоидной клетки.

Диплоидная клетка, предоставляющая зачаточные половинки для спаривания, становится одним из родителей нового диплоидного организма. Таким образом и у высших диплоидных сексуальных видов случайный обмен и компоновка генов неизбежна. Тем не менее диплоидная сексуальность огромный шаг вперед. Почему?

Случайность перераспределения генов статистически может и у диплоидных организмов одинаково часто образовать гениальную красоту и убогого Квазимоду. Более того, обе комбинации с практической точки зрения могут оказаться нежизнеспособными. Например, хотя бы потому, что умную красавицу могут воспринять неправильно и сжечь как ведьму вместе с безобидным, но всем своим видом устрашающим Квазимодой.

Но опасность такого несоответствия нивелируется тем, что самостоятельное размножение зачаточных клеток у высших сексуальных организмов строго заблокировано.

Жизнедеятельность и размножение возможны только после зачатия диплоидной клетки, т.е. спаривания. Гениальность и красота оказываются при этом объединены вместе, на каких бы отрезках генома они бы ни лежали. Более того, длительная фаза диплоидного размножения (до скрещивания геномов и образования новых зачаточных клеток) позволяет избежать смешивания совершенно несоответствующих друг другу геномов. Если окажется что красота и гениальность диплоидной клетки ну никак не сочетаются, то их зачаточные клетки попросту не образуются. Такая проверка жизнью позволяет избежать несуразностей и очень важна. Ведь чем сильнее отличия сливающихся зачаточных клеток, тем теоретически вроде богаче оплодотворение и расширение базы опыта. В реальности всё несколько сложнее. Чем больше различия в геномах, тем больше и вероятность того, что гены противоположной стороны окажутся просто непонятыми или исковеркано интерпретированы. Это наблюдается, например, при смешивании различных видов.

При спаривании тигра со львом, осла с лошастью, рождаются вполне жизнеспособные дети.

Мул — это осел конских кровей, полученный путем скрещивания кобылицы и ослика. Его внешний вид больше напоминает лошадь — и размерами, и сложением. Однако голова с длинными ушками, шерсть, голос и форма копыт, а также постановка бедра выдают в нём кровь осла. Реализовали такую затею ещё в античные времена. С тех пор гибрид осла и кобылы (мул) только обретал популярность. К 20 веку по планете бегало уже 15 миллионов мулов. Самый большой и очень существенный недостаток мулов — бесплодие. Спрашивается, зачем скрещивают ослов и лошадей, если их потомство бесплодно? А за тем, что дитя осла и лошади впитывает в себя бонусы обоих родителей. От мамы-кобылы ему достаётся хорошая скорость, ум и рослость, а от папы-осла — выносливость, крепкое здоровье, неприхотливость в уходе и еде, долголетие до 40–50 лет и высокое трудолюбие. По тем же причинам скрещивают яка с коровой, барана с козой, ламу с верблюдом. Их диплоидные клетки, опираясь на более широкую базу генетического опыта

обоих родительских геномов проявляют явные преимущества. Не смотря на эти преимущества, скрещение и образование плодотворных зачаточных клеток от такого сочетания невозможно, именно из-за слишком большого несоответствия их геномов при попытке смешения.

Тигр и лев, лошадь и осел во многом схожи. Их телесность взаимодополняема. При ещё больших различиях геномов в диплоидной клетке любое взаимопонимание исключено. В лаборатории вполне возможно объединить геном тигра и лошади. Такая клетка, не то что зачаточные клетки, но и даже цельный организм образовать не сможет. Ещё бессмысленней объединение геномов млекопитающих с рептилиями или даже насекомыми. В этом случае даже первые шаги размножения и деления при самых благоприятных лабораторных условиях оборвутся.

Клональное размножение диплоидных клеток проверяет пригодность сочетаний родительских генов как для жизнедеятельности, так и для скрещивания.

Мамы и папы передают своим детям половинки, возникшие при удачном скрещивании половинок их бабушек и дедушек. Эти половинки сосуществуют и отвечают за жизнедеятельность детей, не смешиваясь и не изменяясь. Собственно родительские гены будут скрещены только в детских гаметах и обретут право самостоятельной жизни только во внуках. Итак, дети диплоидных видов ещё не скрещивание их родителей, а продолжение брачных уз в сиаемском тандеме. Оба генома в них растут и развиваются вместе, проверяя взаимопригодность, но при их жизни, не скрещиваясь друг с другом в соматических клетках. Следовательно, у высших сексуальных видов, истинными детьми (сочетающими гены родителей) являются не собственные дети, а внуки, возникшие уже после скрещивания родительских геномов. Это объясняет почему дети людей более привязаны к их бабушкам и дедушкам, а не к собственным родителям, с которыми они часто начиная с взрослением попадают в фазу антагонизма, помогающему им разойтись и образовывать собственные семьи.

Диплоидия смягчает ошибки скрещивания и предотвращает перегибы, но что от этого толку, если диплоидная клетка не может никак повлиять на состав своих зачаточных клеток? Каким образом она может передать накопленный ею опыт? Как ни странно, но с этим у диплоидной сексуальной клетки меньше всего проблем. Хотя в оплодотворении участвуют только половые клетки, перед клетками тела стоит гораздо более важная задача — целенаправленное формирование будущих поколений из всего видового разнообразия. Оплодотворение — это первое масштабное применение творческой генетики, собирающей в потомстве свойства, объединенные одним единственным качеством, а именно — успехом, основу которого они заложили.

Да, диплоидные клетки не способны менять гены своих половых клеток, но вот каким из зачаточных клеток удастся дойти до финишной зачатия зависит непосредственно от деятельности их родителей. Прежде чем произойдёт спаривание и рождение потомства, родители должны решить кучу взаимосвязанных задач оказывающихся далеко не каждому по силам. Череда поколений особенно одаренных позволяет вытянуть, как магнитом, из всего разнообразия вида самые обещающие комбинации, в принципе не истребляя никого.

Неудачные решения не поспевают за удачными до нового оплодотворения, хотя и беспрепятственно живут дальше, и даже преуспевают. Оплодотворение служит не воспроизводству собственных навыков ценой подавления чужих, а заимствованию, позволяющему беспрепятственно продвигаться, видя мир не со своей колокольни, а пользуясь всемирной паутиной пока только отдельных видов.

Оплодотворение позволило бурное развитие от амёбы до человека без кровопусканий борьбы за существование. Решение о том, что лучше, принимается не путём слепой толкотни и последующего отбора, не путём бессмысленной траты ресурсов, а путём оформления собственной судьбы и выбора партнёра, предвосхищающих будущее. Несмотря на растущие: долгожитие, размеров территорий и тела, несмотря на падение числа потомства (типичные для

преуспевающих видов), катастрофы редки, а эволюция не замедляется с ростом сложности её творений, а только разгоняется.

Беспроектная самоотдача

С точки зрения линейного размножения любой альтруизм вреден. Решения, приводящие к самопожертвованию, выпадают из эволюционной гонки. Для клонального размножения диплоидных клеток, даже гибель всех клонов может иметь смысл, если она способствует продвижению потомства. Программированная смерть растений или смертельное перенапряжение лосося на нересте, типичные тому примеры. В принципе вся жизнь диплоидных сексуальных видов это самосовершенствование с целью обеспечения преемственности творения.

Вне-генетический опыт

Половое размножение породило многоклеточные организмы. С их возникновением, взаимосвязь генов и клеток в многоклеточном организме меняется коренным образом. Ген всё больше превращается из звена связанной цепочки приказов лишь в одну из многочисленных возможностей. Разброс генов при половом скрещивании с одного участка генома на другой только потворствует этому. Что, как и когда активируется, определяется уже не последовательностью генов в геноме, а процессом развития и созревания всего организма.

Отдельные гены (где бы они ни лежали) не имеют смысла и молчат, пока не будет достигнута определенная стадия развития. Гены ответственные за кожу, мышцы, мозг не играют при первых делениях оплодотворённой яйцеклетки никакой роли, поскольку этих органов ещё нет. Активация этих генов станет возможным не ранее, чем эти органы возникнут.

Получается, что уже не гены, а само состояние организма отвечает за их включение и выключение и кодирует их содержание.

Так, помимо генома, становятся важными другие носители информации и опыта: многоклеточная архитектура, эндокринная и нервная система, восприятие, разум и сознание, которые контролируют работу клеток, а этим создают условия для активации отдельных генов, целесообразных с точки зрения всего организма. Более того, живя, дерзая и плодясь во внешнем мире, многоклеточные организмы не только регулируют собственные гены, но и переписывают генофонд вида, исходя из достигнутого уровня охвата мироздания. Мы будем ещё часто возвращаться позже к тому, как это происходит. Остановимся сперва на том, как одна клетка общается с другой.

Взаимопонимание

Любое взаимодействие требует выработку, передачу и правильную интерпретацию сообщений. В зависимости от своего состояния, клетки производят вещества-мессенджеры: гормоны, медиаторы, нервные импульсы, которые отсылаются другим участникам многоклеточного организма. Предполагаемые последствия медиатора-сообщения и есть его содержание. Вещество является носителем сообщения и не более. Преимущество вещественного обеспечения сообщения, заключается в том, что для его прочтения не нужно специальных устройств анализа содержания. Посланное гормоном или нейро-трансммитером навязывается и исполняется непосредственно принимающей клеткой.

Но даже в этих случаях, вещества-посланники не декартовские рычаги; их сущность ни химическая, ни физическая. Вещества-мессенджеры — это светофоры для клеточных реакций и активации генов клеток-приёмников, позволяющие им скоординированно работать и достигать совместно того, что каждой отдельной клетке не по силам.

Первые сообщения обслуживали межклеточные взаимодействия. По мере эволюции, общение сдвинулось на уровень органов и организмов. Органы чувств обрабатывают сообщения от отдельных клеток в обобщенные отчеты восприятия. Органы анализа, нервной и эндокринной систем, переводят их в инструкции к действиям направленных на своё развитие или обеспечение потомства. Отсюда один шаг к воспитанию.

Воспитание

Вначале воспитание посвящено исключительно уходу за развитием собственного выводка, но оказывается настолько существенным, что закрепляется наследственно. Перенос задач воспитания за рамки непосредственного размножения превращает уход за детьми в культуру социальных сообществ.

Ритуал — первый носитель культурного опыта. Его начала всё ещё закреплены во врожденном поведении индивидуумов, но участие разных возрастных групп в ритуальных действиях передаёт их содержание новым поколениям не опираясь на гены.

Наоборот, культура всё более успешно лепит гены, выбирая из генофонда особи, наиболее соответствующие её требованиям, и продвигая своих протеже. Чтобы служить хранилищем, ритуал должен противостоять всему, что пытается его изменить.

Духовность

В то время как ритуал тщательно прописывает детали — мол, делай как все. Искусство, письмо, печатная книга, театр, радио, кино и, наконец, интернет, освобождают содержание сообщения от ритуальных пут и передают в ответственность индивидуальному осознанию. Мысли, выраженные в общем языке, отрываются от людей, которые их создают.

Они бороздят континенты и цивилизации и ищут места, где можно поселиться, и головы, которые с нетерпением их ждут и встречают. Узы племени, народа, цвет кожи и глаз теряют силу перед лицом родства по духу и посылов, несущих не насилие и приказы, а возможности самореализации.

Полет содержания через преграды времени и расстояния без давления или личного присутствия породил «духовность», т.е. мир созерцания и претворения. Внутренний мир души человека — это кругозор, опосредованный и обогащенный всеми, кто его в состоянии развивать. В этом царстве предвидимого человек может: строить смелые планы и находить решения, разговаривать с Сократом и Коперником, как с себе подобным, и ни в чём не уступать им. Истина становится важнее всего остального. Лишь она доказывает, что возможное достижимо. А каждое новое достижение подпитывает желание достигнуть большего и дарит силы, необходимые для успеха.

ЧАСТЬ III

РАЗУМ

Физика основательно перекроила наше мировоззрение. Видимое и осязаемое уже совсем не должно. За всем, вроде как бы вещественным, затаились неуловимые чувствам протоны, позитроны, гамма-лучи и электромагнитные поля. Везде ощутима хватка режущего, анализирующего и вновь собирающего исследователя, и только разум остаётся неприступен. Наше мировоззрение ещё не определило место для разума. В физическом мире приборы нигде его не нашли. И всё же разум везде. Разум нельзя ни взвесить, ни измерить. Его нельзя пощупать, придать ему форму, схватить пинцетом. И что! Каждая сила видима в её действии. Разум не менее реален, чем свет, электричество и гравитация, и измерим во всём, что он движет. Рассмотрим в чём он заключается и проследим вехи становления разума.

Рефлекс

Прогуливаясь по парку, Декарт наступил на искусно спрятанный в газоне рычаг. Между посадками тут же забрызгали фонтаны. Причудливые игры водных струй служили увеселению короля и его гостей. Архитектор не пожалел ни денег, ни сил. Жизнь картины навеяла крамольную мысль.

Философ распознал в симфонии фонтанов реакцию на стимул и легко составил сложное поведение (в том числе и живого) из нескольких простых, взаимообусловленных стимулов и ответов.

Стимул и реакция

На протестующий вопрос: «а где же тогда свобода воли, ну хотя бы у человека?» — возразил: «свободы воли нет, то, что человек таковой считает — сплошное наваждение. Хотя человек совершает свои действия вроде бы осознанно, он не знает их истинных причин, будучи незаметно управляем.

Внешние события вмешиваются в течение органических процессов и симулируют волю там, где на самом деле орудуют простейшие автоматизмы, запускаемые нажатием кнопок и движениями рычагов».

Конечно, странно, что кто-то всерьёз сомневается в свободе воли, когда уже сомнения в ней являются явным выражением этой свободы. Но, прав был Декарт или нет — его метафора принесла обильные плоды. Уже вскоре была описана анатомия и физиология рефлекторной дуги, приведшая к расцвету нейрофизиологии и нейроанатомии.

Дальше лучше — начальные механистические представления были расширены условными и безусловными рефлексами, рефлекторная дуга была замкнута в кибернетический контур управления. Учёные неуклонно продвигались от внешних проявлений стимулов и рецепторов к электрически заряженным и нейрогормонально контролируемым мембранам, оттуда — к биохимическим цепям нейро-трансммиттеров и активации конкретных генов. Однако, цель каждый раз умудрялась ускользнуть из ловушек изоощрённых экспериментов.

Как только учёные уже в серьёз рассчитывали окончательно пригвоздить источники воли, и проследить её внешние перво-причины, она не понятно как, ускользала. Секрет неудач прост. Реакции на стимул и действие не одно и то же; отбойный молоток также отвечает резкими движениями на оказанное на него давление. Чтобы реакция стала целенаправленным действием, она должна иметь ещё одну малость, а именно — смысл. Откуда берётся и как возникает он?

Предположим, реакция X выгодна ночью, но убийственна днём, приводя при солнечном свете к образованию токсичных радикалов. Существа, пользующиеся реакцией X, могут покидать тьму, только распознав свет и временно приостановив роковую реакцию. Но как распознать то, что убивает, повстречав, и остаться в живых? Задача проще, чем кажется. Предвидение не любит тыкания и предпочитает предвестники — агониям столкновений. Свет далеко не единственный признак дня. Температура среды, значения pH (кислотности), концентрации различных веществ также меняются с восходом солнца. Автокаталитический предок жизни, реакция-X которого требует определенного значения pH и поэтому прерывается на рассвете, успешно решил задачу предвидения света. При этом кислотность pH становится для него стимулом и образует с реакцией безусловный рефлекс, не представляя сама по себе какого либо значения. Такая связь «безобидного символа» с весомыми последствиями позволяет даже самой простой молекуле узнавать мир вокруг в объёме, соразмерном с её возможностями. Для познания чего-либо важна не ситуация в целом, а только то небольшое, что позволяет определить, что в происходящем вокруг, разумно осуществимо. Многообразие реальности не имеет значения, да и приютить её некуда, если телесность ограничена лишь несколькими реакциями, а мозга и компьютеров ещё нет.

Миллиарды лет спустя, исследователь обнаружит, что определенное значение pH подавляет реакцию-X подопытных организмов. Свет, предвещающий pH, и цель связывания реакции с изменением pH остаются от ученого скрытыми. Они не включены в текущий эксперимент. Исследователь, по незнанию подоплеки, решит, что нашёл причину реакции и, окрылённый успехом, понадеется в кропотливой работе раскрыть все рычаги, управляющие живым организмом. Для нас его ошибка очевидна.

Жизнь не двигается реальностью, она протискивается сквозь неё и опирается на стимулы только для того, чтобы преследовать собственные цели. Декарт ошибался. Стимулы не рычаги, а поощрения к действию.

Условное и безусловное

А должно ли вообще сводить воедино физиологические процессы организма и поведение? В конце концов, действие является свободным в то время, как рефлекс или реакция послушно следуют за стимулом.

Различия динамичны. Переход от рефлекса к поведению постепенен, а каждая «безусловная» реакция является строительным блоком свободной воли. Не физико-химические свойства делают рефлекс условным или безусловным, а связанные с ним достоверность предсказуемых событий и необходимость реагировать на них.

Еле слышимый хруст ветки под тяжестью тигриной лапы, резкий запах хищника, принесённый порывом ветра, толкают пасущего копытного к безоглядному бегу жёстче и бесцеремоннее, чем глубокие раны, которые колючие заросли рвут в его плоти на спасительном, хоть и терновом, пути. Страх условно предполагаемой опасности подавляет безусловные рефлексы крайне реальной боли.

Стремления

Во времена, удалённые от появления мозга или даже нервной системы, опыт и накопление знаний выражались в готовности действовать в соответствии с внешними признаками, обещающими успех. Чем чаще успешно пройден путь, тем больше склонность следовать его указателям. В ходе повторений стимулы обретают ценность, делающую их желательными или опасными, а также различными или императивными.

Жизнь, устремляясь к хорошему и сторонясь плохого, получает дар предвидения и умение успешно действовать, избегая угроз. Знание — это свобода. Стремления — их выражение.

Органы

Знания хранятся в инструментах и навыках их обслуживания. Особенности, поддерживающие успешные действия: вроде реакции, останавливающейся при определенном значении pH, накопление продуктов обмена с образованием липидного слоя, отложения кальция в опорных костях или защитном панцире кожи, превращаются в процессе эволюции из случайных последствий в ценные органы и становятся частью тела. Мы считаем, что наше тело вещественно, состоит из сухожилий, костей и мышц и называем процессы в нём «физическими». Это совершенно неправильно. Тело — это опыт эволюционной истории, сжатый до отточенных инструментов-органов. Слово «физическое» в отношении тела неправомерно! Живое не бывает физическим. Так часто используемое в обиходе словосочетание — «физическая культура» — это культура телесности, культура знаний.

Врождённое

Наблюдая за мотыльком, летящем на огонь свечи, или за мухой, таранящей непроницаемую пустоту оконного стекла, нас одолевают сомнения в их здравомыслии, и мы, по Декарту, склонны приписывать им машинальное. Ведь следуют же они инстинкту, как машины программе. Сопоставление хромает. Муха сбита с толку стеклом. Но ведь и происходящее для неё беспрецедентно. Homo sapiens, в схожих условиях, ведёт себя точно так же. В местности без дорог и указателей, при небе, затянутом облаками, люди, лишённые устройств вроде компаса, склонны двигаться кругами и повторять

ошибку раз за разом, не смотря на предшествующий плачевный исход. С точки зрения, например, пчелы, такое поведение — верх неблагоразумия. Глаз пчелы ориентируется по поляризации света, невидимого для человека, а небо для пчелы развернутая карта. Ни то, что повтора, даже одной ошибки ориентации не произойдёт.

Бессмысленные автоматизмы насекомых и людей — это не результат механических программ, а следствие иллюзий. Муха и человек не видят выхода в описанных выше примерах, но и не хотят смириться с их исходом, а если бы и хотели, то не знают, куда идти, снова и снова повторяя ошибку. При этом, вполне разумное превращается в гротескное. Камышевки самозабвенно кормят птенца кукушки, выталкивающего из гнезда их собственное потомство; ласточка терпеливо высиживает подложенную матовую лампочку, прежде чем бросить её. Что с того? Птицы распознают голод выводка не по уровню глюкозы в крови, а по широко раздвинутому клюву. А разинутый клюв птенца кукушки — прямо крик души. Ласточка находит свои яйца по месту гнездования, обычно недопустимого другим. То, что лежит в гнезде, по определению яйцо. Птицы, откладывая яйца на земле, не путают их с круглыми предметами. А мы что, лучше? Магнитные поля и излучения пронизывают нас. Кругом бушуют космические бури. Мы летим вокруг Солнца с невообразимой скоростью в десятки тысяч километров, в секунду, а не в час! Что мы из всего этого воспринимаем? Только то, что вмешивается в работу наших органов, на самом деле, даже и того меньше. Мы воспринимаем не больше, чем можем использовать для наших действий и жизнедеятельности.

Мыслящее животное

Человечество неприятно удивилось обнаружив, что птицы ночью ориентируются по звёздному небу. Высказывалось даже подозрение, что птицы в этом превзошли людей. Это обстоятельство казалось унижительным для человечества, стремящегося к небесам.

Волнение улеглось, когда выяснилось, что способности к ориентации у птиц врождённые. Значит, животные не действуют, а слепо следуют генам. Иногда поводья врожденного натянуты, иногда ослаблены. Действия животного редко осмысленны или целенаправленны. Так ли это?

Над солнечным берегом ручья носятся стрекозы. Выпуклые диски глаз на широкой голове, длинный посох тела, яркие цвета кожи и крыльев. Треща, молниеносно проносясь, внезапно зависая, чтобы тут же мчаться дальше они во всём выражают самозабвение ничем не ограниченной радости бытия. Однако, если учесть, что стрекозе отпущены восемь, максимум двенадцать дней, чтобы завершить дела своей жизни, то их поведение кажется безрассудным.

Сначала просыпаются самцы, стряхивают утреннюю скованность, рыщут за подходящим на берегу. Каждый занимает небольшую территорию, охотится, защищает своё дневное имущество от соперников. Самки просыпаются позже и сперва не заботятся ни о чём. Вместо захвата и отстаивания недвижимости они улетают вдаль от воды, в поисках добычи, и мы встречаем их даже на лесных полянах. Вдоволь нарезвившись, в них всё же пробуждается внутреннее чувство долга, и они возвращаются.

Если самка залетает на территорию самца и оба в нужном настроении, то происходит спаривание. После брачного полета самец нежно обхватывает партнершу за спиной, как будто он ей что-то шепчет. Но вместо слияния на животе, где расположены их гениталии, выполняется причудливое акробатическое упражнение. Самец, крепко держась за самку, изгибает своё тело дугой. Возникает странная фигура, значение которой проясняет только мужское телосложение. Как ни странно, мужской орган передачи спермы расположен не на девятом, последнем сегменте брюшной полости, как его собственное генитальное отверстие и женское, а перед вторым и третьим «сегментами груди». Акробатика служит заполнению этого переднего резервуара спермой. После этой подготовки он может спариваться. Самка высвобождается из объятий, скользит под самцом, пока её голова не приблизится к его

животу, где самец снова ухватывает её, но уже щупиками живота. Самец теперь распрямлён, очередь изгибаться за самкой. Она машет телом вниз, вытягивая брюшко так далеко вперёд, что соприкасается с резервуаром самца. Примерно на девяносто секунд пара остаётся забвенной в положении колеса, затмевающим Камасутру. После отделения, самка остаётся на территории самца. Она выбирает растение по вкусу, скользит по его стеблю до воды и втыкает яйца в мягкую растительную ткань. Самец внимательно наблюдает. За этим занятием самка иногда погружается на сорок сантиметров ниже уровня воды. В каждом стаде случаются чёрные овцы. Иногда самка вида, который откладывает яйца под водой, выполняет эту работу над водой. Такая дерзость приводит самца в раж. Он подобно молнии ныряет перед головой своей партнерши и выстреливает назад. Пристыженная самка исчезает в воде и отныне действует по обычаю.

Мы специально задержались на деталях. Большая часть описанного поведения совершенно неадекватна задачам отпущенных жизненных дней: громоздка, трудоёмка, излишня. Трудно представить, что эволюция завязала эту чехарду, да ещё и уложила в две — три недели. Очевидно, что путь был иным. Сложность правил поведения указывает на ранее существовавшую пышную целесообразность. Каждый из теперешних шажков был ранее длительным этапом и только намного позже оказался сведённым до связующего минимума из-за недостатка времени и худых обстоятельств. Инстинкт, в отличие от разумных поступков, является врожденным, но так было определённно не всегда. Инстинкт возникает там, где у мышления истекает время, и только быстрое реагирование в русле ранее опробованного и проверенного может склонить чашу весов в нужную сторону. Как и все автоматизмы, инстинкт приурочен к конкретной ситуации. Вне этой ситуации инстинкт выглядит нелепо, как попытка подвыпившего врача измерить пульс на подлокотнике своего кресла. Но в решающий момент, когда уже не до размышлений и только отточенные быстрые действия могут ещё повернуть ход событий, автоматическое измерение пульса и артериального

давления, обеспечение венозного доступа, поддержка дыхания и сердцебиения — единственное спасение.

Когда насекомые начали обживать сушу, у них не было серьёзных врагов, зато был огромный объём предстоящих задач. Им пришлось многое перепробовать, открыть, осмыслить и удержать в своём крошечном мозгу, осваивая тогда ещё пустующие континенты. Они выдвинули кучу новшеств, опробовали различные подходы и способы поведения. Они стали первыми неограниченными правителями суши и неба, продвигаясь всё дальше и выше, пока не пришли амфибии, пока им не пришлось уступить место рептилиям, а затем и птицам. После Карбона сороконожка больше никогда не достигнет двух метров в длину. Под давлением паразитов и во всё более тесной среде обитания насекомые больше не могли позволить себе ни долгую жизнь, ни время для раскачивания. Месяцы и годы жизни их предков съёжились до ряда отточенных инстинктов. У подёнок однодневок осталось лишь несколько часов для продолжения рода. И всё же следы бывшего величия в виде «нелепых» органов и «несуразного» поведения сохранились и наглядно свидетельствуют о том, чем когда-то было насекомое. У насекомых тоже есть чувства страдания и радости. Они тоже любят и ненавидят, дерзают и сомневаются. Чувства и разум — присущи всему живому.

ВОСПРИЯТИЕ

Мир и радость излучает малыш. Смеясь и лепеча, он барахтается, тянет ручки к ярким погремушкам, промахивается и, поёрзав всем телом, начинает всё сначала. Это ещё не прицеливание, больше дурачество и кувырканье, но отдельные движения сами по себе не важны. Дело совсем не в телодвижениях или игре, а в освоении пространства. Протянутая к игрушке рука, напряжение цилиарных мышц, игра цветовых оттенков, их распределение между

отдельными участками сетчатки глаза в зависимости от положения головы и тела и, наконец, результат — осязаемое кистью сопротивление и звук достигнутой цели — сливаются. Потребуется ещё многие повторения, прежде чем все эти разнообразные элементы станут мерой расстояния. Но как только это случится, все они отступят на задний план. Достаточно взгляда, чтобы сказать, где находятся вещи, которые мы видим, и мы уверенно определяем расстояние до них и их свойства, не задумываясь над тем, откуда эта уверенность берётся.

Невещественный символ — световой рефлекс на дне глаза — сливается с интерпретацией предыдущих действий, образуя восприятие объектов. В результате мы видим предметы и расстояния в свете солнца, но не солнце и даже не сам свет. Свет, интенсивность и цвет которого мы на самом деле измеряем, проявляется исключительно в формах его толкования.

То же относится и к реальности. Мы видим, обоняем, осязаем мир, не соприкасаясь с ним, двигаемся в нём и представляем его, не замечая действий, лежащих в основе этих представлений. И всё же, каждое восприятие — это интерпретация, но не каких-то заранее определённых объектов, а нашего опыта в обхождении с ними. Мышление — это поиск наиболее экономного применения собственных сил.

Новый год: свежесыпавший снег, улица, залитая солнцем, празднично одетые пешеходы, радостная детвора с румяными, как для поцелуев, щёчками, красочные киоски, запах поджаренных котлет, колбасок, печёных яблок, пончиков, вафель, варенья, блинов, сахарной ваты. Приглядимся внимательней. Всё, что у нас на самом деле есть, это отблески на дне глаза, молекулы запахов в носу, температура и влажность соприкасающегося с открытой кожей воздуха. Кстати, не ясно, чего больше в нашем восприятии — запахов лакомств или их предвкушения. Всё остальное приписано. Ницше сказал бы — «приврано», по этому поводу. Хотя и последнее утверждение явно несправедливо, при ближайшем рассмотрении, каждый объект восприятия оказывается образом, набросанным в голове на

основе непрямых знаков. Не иллюзия, но и не непосредственная реальность, а интерпретация. Восприятие — это не отражение, а воспроизведение реальности. *Wahrnehmung ist eine „Fürwahrnehmung“*, что к сожалению не переводится.

Глядя в даль, мы видим прошлое, говорят астрономы, подразумевая, что свет светил, видимый сейчас, шёл до нас миллионы световых лет и не соответствует тому, что сейчас, где-то там происходит. Не менее точно, это утверждение описывает суть нами воспринимаемого. Так называемая непосредственная реальность имеет мало общего с прямыми контактами, а объясняется огромным опытом взаимодействия с этой реальностью в нашем прошлом и в прошлом нашего вида. Восприятия не бывают девственными. Мы смотрим в мир через телескоп нашей предыдущей эволюции, охватывающей более трех миллиардов лет, и узнаем, ранее не встречавшиеся вещи, потому что происхождение открывает нам двери к ним.

Объём вещественного в нашем восприятии ничтожен по сравнению с тем, что наши навыки извлекают из генетической, биологической и индивидуальной памяти. Свет, запах, ощущения кожи — всего лишь поводы для построения перспектив нашей деятельности.

Мы считаем восприятие чем-то простым, само собой разумеющимся, даже примитивным, ведь оно так легко нам даётся. Мы воротим нос при упоминании непривередливых чувственных впечатлений (не успеешь открыть глаз, а они уже навязываются) и пресмыкаемся перед его величием — трудно перевариваемым абстрактным понятием. При этом недостижимость абстрактного всего лишь обратная сторона его незрелости и неясности. Будем предельно честны. Совершенство чувственного восприятия огромно по сравнению с неуклюжестью «абстрактного мышления». Никакое представление, устное или письменное, не может превзойти или приблизиться к визуальным изображениям «реальности», хотя и они — всего лишь интерпретация знаков. За доли секунды мы практически из ничего воспроизводим сложнейшие образы. Параштрихов мастера — и лицо близкого человека детально различимо на полотне. В тоже время абстрактное мышление тырчется, как

пьяный, задевает левой ногой за правую, спотыкается и не способно держать направление. Человеку придётся ещё учиться и учиться, прежде чем его мышление достигнет совершенства восприятия.

Представление

Стол передо мной — восприятие, при закрытых глазах — представление. Менее реален он от этого не стал. При восприятии мышление анализирует **внешние стимулы**, не в силае оторваться, переменить или иначе расположить их. Воображение проникает за конкретные образы восприятия, следуя не только видимому и осязаемому, но и всей совокупности изведенного.

Восприятие приковано к поверхности чувственного; представление раздвигает рамки осмысливания, погружаясь на всю глубину достигаемой для опыта реальности. Взгляд несёт нас к границам видимого, вдаль от места, на котором мы стоим; мысль приводит нас к пределам возможного, и мы вместе с Кеплером посещаем Луну за 400 лет до ракет, чтобы «воочию» проследить оттуда движения известных нам планет и созвездий.

Чем дальше воображение удаляется от непосредственного, тем меньше помощи предлагают наличные образы чувств, тем больше мешает и тормозит окружение. Мышление отбрасывает лишнее, сосредотачиваясь на основном, избегает всего отвлекающего, закрывает глаза, удаляется в тишину. Мышление — это ныряние, только не в океанскую, а во вселенскую глубину.

Воображение

Каждое познание — это синтез восприятия, представления и фантазии. В то время как восприятие и представление придерживаются шаблонов прошлого опыта, воображение выходит за рамки достигнутого. Выводя — А что, если? — на чистом листе, воображение танцует

от набросанного, удаляясь всё дальше и дальше, но при этом внимательно наблюдает за тем, что получается.

Все образы, как нашей памяти, так и восприятия, фрагментарны. Фантазия, наряду с воображением, заполняет пробелы нашего опыта. Результаты, соответствующие реальности, называются чутьём или интуицией, противоположные — иллюзиями и самообманом.

ПОЗНАНИЕ

Как распознаются объекты, с которыми нет соприкосновения? Первые, связанные интерпретации познавательного процесса, дошли к нам от древних греков. Тогда переселение душ принимали всерьёз. Если человеческие души могут блуждать, то почему не явления объектов? Объекты рассылают свои души (мы называем их сегодня образы, не задумываясь о том, что это значит и из чего образы состоят) во всех направлениях, те встречаются с органами чувств людей. Люди сравнивают пришедшие образы с образцами прошлых встреч и угадывают, что есть что. Вдалеке появляются нечёткие очертания. По мере приближения образы проясняются. Воспринимаемые детали сортируются, пока человек не вспомнит, что однажды встречал уже нечто подобное, пока он не узнает за расплывчатым образом конкретный, ему уже ранее встречавшийся объект. Каждое познание поэтому — это соотношение воспринимаемого к известному.

Объяснение познания восприятием и сравнением известных и привходящих образов, хватило не на долго. Теория рушилась при вопросе, как происходит соотношение видимого к известному, когда воспринимаемое не имеет эквивалента в сокровищнице памяти? Как можно вспомнить небывалое, до того невиданное и не встречавшееся? А если никак, значит ли это, что всё новое недоступно познанию? И, что ещё более существенно, что из существующего в какой-то степени не ново?

Заявив: «Нельзя войти в одну реку дважды», Гераклит из Эфеса нанёс познаваемости образов чувствительный удар. Агностики из этого заключили — «Мир, в принципе, непознаваем», опровергнув тем самым самую возможность собственного суждения. Теория теорией, но повседневный опыт ясно показывал, что Мир узнаваем, и что способность к познанию можно успешно развивать.

Следующим взялся за головоломку Платон. Он заменил образы понятием абстрактной идеи, создав конструкт, не имеющий аналогов в реальности, но тем не менее завороживших многих на следующие века.

Платон утверждал, что (в отличие от индивидуального образа) идея содержит выжимку многих, связанных явлений. Идеи существуют независимо от людей и предметов и иерархичны, по степени их абстракции. При рождении люди получают идеи, как общие, отвлечённые т.е. абстрактные воспоминания. Шагая по жизни, они сопоставляют конкретные явления с воспоминаниями абстрактных представлений, дополняя и расширяя познанное и всё лучше ориентируясь в реальности.

Платон был прав, предположив существование врождённого знания. Как наводка, его представления актуальны и сегодня, спустя две тысячи лет. Тем не менее всё гораздо проще и интереснее. Оставим в стороне переселение душ, житие образов и идей, а вместо этого сбросим платя, сбежим по склону и, недолго думая, погрузимся в реку Гераклита. И пусть вода несётся дальше и дальше, а вместе с ней пусть возвращаются Земля, Солнце, да и Вселенная неизвестно куда. Пусть они посекундно делают ситуацию иной и неповторимой. Да, мы не в силах проследить, объять или хотя бы понять их ход. Зато собственное движение, которое ведёт нас к воде и в неё, а также сопутствующие переживания, останутся в нашей памяти. Именно их, как познание, мы заберём с собой.

Гераклит был прав — нельзя войти в одну и ту же реку дважды, но (и здесь мы продвинулись намного дальше) это можно сделать дважды на один и тот же лад. Познание действительности — это определение границ и возможностей собственной «деятельности».

При проникновении в реальность, действие встречает сопротивление. Мы воспринимаем его. Пределы сопротивления дают очертания границ продвижения. Беспрепятственность образует пространство; конкретный характер сопротивления в деталях характеризует предмет. Мир — не что-то, где-то само по себе определённое и постоянное. Мир — мерило наших возможностей. Данность — это дань, которую мы платим, преодолевая сопротивление материи, и описываем в деталях градации разных подходов.

ЯЗЫК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Все внешние стимулы восприятий всего лишь символы. Как они возникают и откуда происходят — не принципиально. Восприятие привязывает интерпретацию символов к данностям собственного существования, язык ворочает данностями соплеменников. Большого различия между отдельными словами и световыми рефлексам на сетчатке глаза нет.

В основе понимания языковых символов лежит совместная деятельность, с взаимными обозначениями обстоятельств и результатов. В её отсутствии — имитация, пытающаяся воссоздать описанное другими, но вовсе не обязательно пережитое. Из проигрывания возникает собственный, осмысленный опыт. Последний имеется далеко не у всех. Слова позволяют манипулировать теми, у кого понимания — нет.

«Мы были всего-то четыре дня вместе! Хотя мы так любим друг друга! Если мы больше не встретимся, если ты падёшь в схватке века, я и тогда буду горда, что стала твоей женой, пусть даже всего на несколько часов — Sieg Heil!». Это пришло по радио или из газеты. Попытка выразить возвышенность повседневного чем-то «лучшим» чужим, невольно превращали душевное в дешёвую рекламу кровавой бойни.

Большую часть сказанного мы, не задумываясь, передаём дальше. Когда же, столкнувшись с последствиями, мы спрашиваем, кто нами манипулировал, то обнаруживаем, что это мы сами повторяли броское, поскольку от нас этого ожидали или нам хотелось произвести «правильное впечатление». Мы сами сотворили ошибки, которые рады бы приписать другим. Для понимания нужно гораздо больше, чем озвучивание. Решающим является не то, можете ли вы повторять слова и умело комбинировать их, а то, как вы добываетесь до содержания: через опыт, демонстрацию, через определение или просто, слушая и повторяя сказанное.

В первой строке Евангелия стоит: *«Вначале было слово»*. Даже если это и так, то вначале это было неверное слово! «Мы держим слово, ценим слово, цепляемся за слово. Слова придают нам вес!» Но вот только, как и в чём? Люди охотно повторяют броские фразы, наживая и оживляя чужие глупости. Голова пестрит цитатами, афоризмами, изречениями, собранными по оказии. Забавно рыться в них, проверяя на смысл.

— *«Война — это продолжение политики другими средствами»*. Но что именно хочет продолжить политика? И каким образом приходят военные средства ей на помощь? Разве новости, экономика и театр не являются продолжением политики иными способами? Но ведь сентенция: театр — это продолжение политики другими средствами, иначе чем банальностью не звучит!

— *«Древние монастыри, дворцы и замки стоят и поныне, потому что тамошние мастера добавляли в строительный раствор яйца, молоко, творог или сыворотку»*. Сколько яиц на бетономешалку дадут нужный эффект? Сколько полных бетономешалок нужно, чтобы построить дом, городскую стену, мост? Где брали для этого продукты питания во времена, когда люди жили впроголодь?

Демократия, это власть народа и лучшая форма правления. Но кто народ? Как он властвует? Что он делает лучше? От казни Сократа до «арабской весны», превентивных войн в Югославии и проплаченных восстаний в Африке, Азии и Латинской Америке — различные источники и археологические находки

свидетельствуют о ритуальных человеческих жертвоприношениях культу демократии. Но фраза действует.

Выражения и обороты языка прививают оценки, не позволяя разобраться откуда они и к чему. Фразы живут повторением, независимым от их содержания, и образованием «звучных» сочетаний, не подтвержденных ничем. Их волны несут чужие впечатления, предположения и толкования, образуя виртуальную реальность докомпьютерной эры. Так же как отчёты о путешествиях Марко Поло, они сообщают больше о том, куда современники хотели отправиться, что там увидеть и повстречать, но не то, где они на самом деле оказались и что пережили.

Внутри виртуальной реальности мир кажется целостным. Но уже первые шаги вне, наталкиваются на нигде не обозначенные препятствия. Впрочем, причин для беспокойства вроде нет. Что я? Мне всё знать не дано, а вот человечество, наука знают и могут объяснить всё. Библиотеки полны знаний об отдельных аспектах жизни. Но стоит только обратиться к написанному и собранному, как с ужасом понимаешь, что это «многое» совершенно не о том. Что ни в одном произведении нет даже приблизительных объяснений тому, на чём ты споткнулся. Приходится самому разбираться. При этом словесная виртуальность летит в трамтарарам. Её потеря воспринимается как обрушение мироздания. Но это не так. Человек просто пробуждается для самостоятельного мышления, внимает фразам, но уже не верит голословно ни им, ни их источнику.

Но тогда на что положиться, чему верить? Может гениальности высказываний? А как её узнать? Говорят, по завораживающей простоте! — Снова фразы! Позвольте в этот раз не поверить им!

Всё гениальное просто! С какой это стати? Если всё дело в простоте, почему не объявить излишняя простофили гениальнейшими из гениальных? Почему дурак никогда не породит высокого? Потому что, в отличие от вычурных умозаключений и от предельно плоских фраз, всё гениальное «просто» не потому, что оно легко дается, а в том смысле что оно вообще (то есть просто) получается.

Как это происходит налегке или с колоссальными усилиями — вторично. Достигаемость там и того, что несмотря на все старания иначе никак не выходит — визитная карточка истины. Недостигаемость и запутанность претворения характеризуют тупость, как бы презамудренно последняя себя ни преподносила.

Но разве банальное не проще понять и удержать, а потому удобнее использовать для чисто практических построений? Вроде что с того, вращается ли Солнце вокруг Земли, как это любой может видеть невооруженным глазом, или Земля вращается вокруг Солнца по невидимым орбитам, как утверждают астрономы? И то и другое правильно внутри определённых координат. Ведь как ни крути, а всякое движение относительно, не так ли?

Не совсем, точнее совсем не так. Для средневекового странника, глотающего дорожную пыль, разницы и впрямь нет, а для пилота звездолёта разница неимоверна.

Но стоило ли Кеплеру, Галилею и плеяде других высовываться, сбивая и без того измотанного пешехода с толку и озлобляя его? Кто их за язык тянул? Звездолётов ведь не было и в помине, да и не предвиделось.

Стоило!

Придерживаться правды важно не потому, что это вроде «честнее», или потому, что правда, якобы, обязывает. Именно этими клише пользуются инквизиторы, натравливая правдоподобное на правду. А потому, что следовать за правдой проще и надёжнее. Хаос ошибок и ложных толкований беспределен, в то время как целесообразное и правильное строго ограничено.

Кто следует истине, избегает никчемного топтания, живет там, где другие мыкаются по лабиринтам несусветиц, бездарно разбазаривая жизнь. Да не каждому суждено стать пилотом! На даже обычные наручные часы или календарь невозможно создать, без правильных представлений о мироздании.

Имя и содержание

Имя, например, Суперкалифраджилистикэксиалидошес — это самая яркая, но и бессмысленная часть понятия. Чтобы запомнить, нужно его напряженно много раз повторять. При этом гарантии нет, что повторивший сумеет это слово позже хотя бы правильно написать. Другое дело, когда содержания исходят из опыта. Восприятие оставляет за собой самые повседневные знаки на пути к величайшим открытиям. Здесь — сложенные пирамидой плоские камни, там — сломанная и направленная вдоль ручья ветка или царапина на отвесной скале. Все они пробуждают воспоминания и показывают посвященным что-то совсем иное, чем камни, царапину или ветвь. Царапина здесь указывает на грот, камни — на поворот к водопаду. Для тех, кто знает их значение, они являются «содержанием» и не требуют дополнительных пояснений. Однако, для непосвященных необходимы определяющие разъяснения.

Движение мысли, как и тела, происходит в реальности, а не в словесности. Является ли эта реальность чёткой или расплывчатой, яркой или сумеречной, интригующей или скучной, зависит от того, куда путешественник направляется и насколько ему знаком путь, а не от выбора слов. Понимать — значит осмысленно следовать указателям в осязаемом, воображаемом, достижимом и претворяемом. Наоборот, чтобы ухватить содержание, мышление должно, как можно полнее, освободиться от ведущих к нему названий и обозначений. Думать — это тоже самое, что и моделировать, воссоздавая действительность и как бы позволяя чему-то произойти.

Язык следует преподавать не иначе, чем учат ходить, совместно действовать или созидать. Профессии и социальные институты — самые важные инструменты образования. По книге невозможно научиться водить машину. Поэтому, несмотря на все формулировки и объяснения, всё, к чему не дотянулись наши руки и до чего не доросли наши навыки, остаётся закрытым для нас. Разум течёт от творящих рук к голове.

Наше время придаёт слишком много значения «правильному слову». Но дело не в обозначениях. Какими особенными словами были обоснованы атомные и молекулярные воззрения? Как можно думать всё то, для чего ещё нет слов? Как произносить и называть неизведанное? И какой смысл в мышлении, не привносящем ничего нового?

Слова — это банальные указатели. Не позволительно путать слово с тем, на что оно указывает. Часто одними и теми же словами говорят о принципиально разных вещах. Слово Париж имеет совсем другое значение для невыездного китайца, чем для парижанина, и наоборот. Звёзды для нас, для древних греков и средневековых учёных совершенно разные вещи. В своих трудах античные авторы вроде упоминают то же, рассуждая о созвездиях — а соответствия нет!

Внешнее сходство применяемых слов порою сбивает с толку. В универмаге, на улице или в политике мы часто сталкиваемся с «лингвистическими гениями», которые свободно и без малейшего смущения выстреливают тысячи фраз из разных сфер жизни. Нет темы по сложности, перед которой они замирают, и о чём не решаются судить. Остерегайтесь соблазна понять их. Чем меньше человек представляет действительности за символами, тем легче он жонглирует словами, тем глаже выстраиваются его фразы. Опять же, кто ясно мыслит, не обязательно гладко излагает, часто с точностью наоборот.

Понимать — значит следовать, но не словам, а проводнику, открывающему вам неизвестный мир. Искусство презентации состоит в том, чтобы сделать отдельные слова излишними, приглашая собеседника в лежащую за словами действительность, чтобы, совместно перемещаясь, прыгать через глыбы, смеяться и радоваться открывающимся перспективам, оставив скуку у подножия покоренных скал.

Истина в середине

Есть люди, верящие в Бога. Другие утверждают — Бога нет. И что же, истина, как всегда, в середине?

Врач Омар Хайям разрабатывал алгебру, биномиальную геометрию, построил обсерваторию и создал солнечный календарь, который по точности превзошел Григорианский. В свободное время он писал четверостишия о смысле жизни. Спустя тысячу лет, эти четверостишия принесли ему славу. Богослов Ньютон оставил учения о физике, химии, свете и небесной механике. Филолог Ницше популяризировал философию жизни, а физик Эрнст Мах писал книги по чувственности механики, считая законы физики уравнениями жизнедеятельности. Положение, образование и судьба этих людей разительно отличались. Тем не менее их умозаключения соприкасались и после невероятных выражений неожиданно приходили друг к другу, делая сходные заключения. Откуда это содвижение вроде бы противоположных начинаний к какой-то неведомой середине?

Всякое знание — это рекомендация к продвижению жизни. Иначе и не может быть. Жизнь шагает от простого к более сложному, выбирая в новое всё, что ранее себя зарекомендовало. Различные проявления реальности, с какой бы стороны их не рассматривали, внезапно обнаруживают общие корни по мере приближения к их сути.

Кто ищет истину придёт друг к другу по мере продвижения в неизвестное, вместо того чтобы отдаляться, не смотря на различие направлений выбранных ранее. При этом не важно кто, где и что начал искать и с чем он по дороге столкнулся. Истина в середине, поскольку исходит из жизни. Жизнь — мерило всего что мы знаем. Даруемая жизни свобода — содержание любого знания.

Всё что мы о реальности знаем — это интерпретация наших возможностей. Для автокатализатора Мир — это субстрат, прилегающий его молекуле и перевариваемый ею.

Для вируса Мир — это свойства стенки жертвы, которые нужны для прикрепления вируса — всё остальное непроглядная тьма. Для животного Мир — это территория его выживания, для человеческого духа Мир это глубина исследованного мироздания. При переходе от вируса к животному, от животного к одухотворённому человеку облик Мира меняется кардинально, хотя реальность остаётся неизменной. Сравнение прежнего и нового невозможно.

Чтобы перейти от одного к другому приходится зачастую отвергать всё то, что ранее было абсолютно правильным и исправно служило для ориентации. Коперник не случайно выбрал для своего труда титул: „De **revolutionibus orbium coelestium**.“ Конца для революций познания нет и не может быть.

Да не так!

Зачем оправдывается тот, чья совесть чиста?

И в самом деле, вроде незачем. Тем не менее читая произведения былых времён, невозможно избавиться от впечатления, что авторы, прежде всего, движимы самооправданием. Большинство их аргументов вращаются не вокруг «того, как оно есть и должно быть», а вокруг «того, чего нет, или есть то есть, — но совсем не так как об этом думается». При этом авторы перемывают косточки всему неправильному, что до них представляли и делали. Только после исчерпывающего опровержения следует разъяснение, как должно быть. Современнику это «перетягивание каната» кажется странным, не нужным и как минимум утомительным.

Неужели важно читать всю эту допотопщину? Какое нам дело до наивных представлений наших предков? Мы хотим позитива! Сегодня математику, алгебру, географию и физику преподают чётко и без ссылок на предшествовавшую галиматью.

Почему нельзя было при нововведении этих предметов поступать так же? К чему обходы, уловки и коленопреклонения перед устаревшим?

Внимательный читатель наверняка уже заметил, что мы, критикуя нагораживания аргументов прошлого, повторяем в точности ту же оправдательную процедуру, обрушивающуюся с критикой на вилияния предшественников. Наверное иначе нельзя. Жизнь интересуется не столько то, что правильно, сколько то, что лучше. Любая существующая картина реальности — результат осмысления прошлой деятельности. Предположения, не мешающие успеху, считаются правильными. Объяснения богом, дьяволом, водой или огнём оказываются вполне достаточными и принимаются большинством. Распространение деятельности в области, где старые объяснения не работают, делают их неприемлемыми, хотя они всё ещё остаются самыми распространёнными. При таком раскладе правду нового нельзя утверждать напрямую. Чтобы её осмыслить и передать, необходимо противопоставление старому, показывающему, что «как раньше, делать больше нельзя» и не стояще.

Жизнь интересуется только действительно или недействительно то, что она предпринимает, правильно или неправильно — лишь подтверждение лучшего, а потому относительно. Старое остаётся правильным, пока оно сносно работает, но ничто никогда не может навечно оставаться достаточным.

Абсолютно правильного или неправильного, как такового, не бывает. Всякое объяснение, это соизмерение возможностей наших притязаний.

Логика вздора

Глупость, не менее мудрости, хвастается совершенной логикой своих умозаключений, и в этом, как ни странно, даже права.

Поцарапанная пластинка граммофона или дискета в компьютере обрывают поток данных. Разве не досадно! Царапина, вырывающая одно единственное слово или даже последовательность битов, пресекают сложнейшее из сочинений. В применении к жизни такое спотыкание неизбежно означало бы смерть,

даже если всё необходимое при этом всё ещё было в избытке. Для предотвращения угрозы прерывания, жизненным программам важно уметь реализовывать информацию даже в случае серьёзных потерь. Прimitивная электроника избегает заторов, проворно перепрыгивая дефекты. При этом происходят скачки качества звука, изображения или цвета, которые, например, неприятно мешают при просмотривании кинофильма.

Продвинутые программы находят решения, довырезая неадекватно стыкуемые отрезки. Не зная о чем речь, ведь исходная последовательность была потеряна, эти программы подчищают оставшийся материал до видимого соответствия. Потери растут, но становятся незаметными. Новая версия кажется без изъяна.

Жизнь развила вспомогательную корректировку задолго до эры компьютеров. Доступная нам информация всегда ограничена. Для цельности ориентации, пробелы восприятия или скрываются, или заполняются эмпирическими значениями и предположениями. Примеров тому масса, начиная со слепого пятна сетчатки, которое мы не видим, хотя оно постоянно есть и закрывает часть нами видимого.

Не менее демонстративны воспоминания прошлого, которые, несмотря на серьёзные и легко доказуемые провалы памяти, воспринимаются нами как связанный процесс. При попытке воспроизвести происшедшее на прошлой неделе, нам удастся достоверно собрать максимум пару часов. А где остальное?

Запамятованное не забыто. Конкретные упоминания пробуждают его. Тем не менее никому не дано силой воли или концентрацией мышления восстановить по памяти, что именно он запомнил, пока реальность не докажет обратное. Создание непрерывной картины восприятия или представления, округление краёв и закрытие пробелов — задача логики. Логика не является истиной. Её назначение не расширять, а подгонять доступное. Логика часто даже враг истины. Ради последовательности логика отсекает всё, что нарушает единение, как будто бы оврагов не существовало.

У головы на затылке нет глаз. Но наши глаза не видят черной дыры, которая должна бы зиять на этом месте. Когда мы прыгаем, видимое не прыгает вместе с нами, твердо оставаясь на месте, хотя это именно то, что мы должны видеть. Логика восприятия автоматически исправляет скачки. Если же нажимать пальцем на глазное яблоко, «внешнее» прыгает, хотя наше окружение при этом неподвижно. Программы, объясняющие такие скачки сдавливаемого в глазнице глаза не были созданы, за ненужностью. Отсутствие правой руки замещает левая, перенимая все привычки правой. То же самое происходит и с мышлением.

Когда память хромает, она призывает на помощь логику, восполняющую недостающее воображаемым. Могут ли пациенты с болезнью Альцгеймера быть логичными? Ещё как! На вопрос — «Сколько вам лет?» человек с деменцией не признается — «Не знаю», а, улыбаясь, бросит свысока — «Угадайте». Шизофрения, да и все заблуждения, убедительно логичны: «Я знаю, что я параноик, но как тут не двинуться умом, если тебя так беззастенчиво преследуют?». Наивно требовать от глупости мыслить последовательно.

В использовании логики глупость, схоластика или мудрость одинаково заинтересованы. То, что логично, не обязательно целесообразно и не обязательно должно быть истиной. Не логика, а свобода действий подтверждает правоту.

Разница между мудростью и глупостью, предвосхищением и заблуждением заключается в обращении с фактами. Для заблуждения и глупости, факт, нарушающий логику, вреден и подлежит удалению. Не может быть того, чего не может быть.

Мудрость цепляется за факты, чтобы перепроверить иллюзии, её цель — не красота умозаключений, а беспрепятственное продвижение в реальности. Если малейший нюанс противоречит её предположениям, и мешает продвижению значит где-то вкраслась ошибка интерпретации, и всё подлежит пересмотру, а не только отдельный факт.

Существующее и нет

Мы воспринимаем Мир данным, потому что наши мнения не меняют его расклада. Наоборот, реальность формирует наши ощущения и восприятие. Однако, если мы исследуем известное нам данное, то обнаруживаем, что восприятия, идеи и мысли о Мире не могут быть самой реальностью, что они являются несовершенными средствами охвата, существующего извне.

Так что же реально в нашей «концепции реальности», а что выдуманно или привнесено?

В последние две тысячи лет философы изрядно потрудились, отмежевывая реальное от выдуманного. Результативность не отличалась от проектов вечного двигателя. Многие предложения живы и сегодня, хотя они ничего не дают на практике.

Привившееся в обиходе разделение на объективное и субъективное латинизирует проблему, ничего не разъясняя, поскольку разделение на объективное и субъективное возможно только субъективно.

Спор о том, что надёжнее — чувства и восприятия или абстрактные значения и измерительные приборы, полностью уходит нас от темы. Как восприятия, так и «абстракции» измерений могут врать.

Локти, подпирающие голову на столе, не чувствуют под его поверхностью пустоту, в которой сгустки материи, называемые атомами, подвешены на огромных расстояниях, не касаясь друг друга. А вот голова, ворочающая результатами радиационных явлений, предпочитает последнюю картину, хотя её составляющие: ядра, электроны и поля невидимы, даже немислимы в обыденном смысле.

В последнем примере объяснительная мысль имеет более высокую реальную ценность, чем восприятие, от которого ускользает атомная структура древесины. Но так, к сожалению, не всегда.

Достоверное

Наивность думает, что есть что-то, что не допускает каких-либо трудностей интерпретации или недопонимания, что-то объективное, независимое от наблюдателя, например, значение на термометре, часах или других точных приборах. Причина этого доверия — незнание всех допущений и неопределённостей, связанных с терминами «температура», «время» или «гравитация». Прибор, вставленный между восприятием и реальностью, ещё не делает результаты автоматически более правильными.

Тысячи лет люди лицезрели, как садится солнце, и наслаждались его восходами. Светило скользило по небу, и все измерения, кстати, подтверждали это, какими бы приборами они не производились с абсолютной достоверностью, пока одна единственная мысль, упорядочивающая все предыдущие знания, не заставила солнце остановиться. С тех пор Земля движется вокруг солнца, а приборы также беспристрастно подтверждают это.

Начиная с Аристотеля, считалось, что ни одно тело не может двигаться само по себе, а каждое движение требует движущей силы. Затем пришла идея инерции, и тела остановились, продолжая двигаться, как двигается перрон по отношению к поезду, не сдвигаясь с места.

В течение многих лет свет был жидкостью, затем частицей, затем волной и, наконец, тем и другим одновременно. Каждый факт — это интерпретация, каждый образ реальности — это творение. Все теории — это обоснования, а то, что мы называем результатами, это предварительные наброски.

Признаюсь, сказанное, вряд ли облегчит многим жизнь, но это и не было моим намерением. Скорее, мне хотелось показать, что нет простого, «*королевского пути*» к реальности. Никакие: догма, указ, постановление, соглашение или прибор не в помощь.

Гарантий правильности наперёд, а, тем более, во все времена не бывает. То, что отличает факт от заблуждения, это не вещественность и не воображаемая точность измерений, а максимальная

свобода и предсказуемость действий, достигаемая имеющимися средствами. Факт остаётся таковым только до тех пор, пока не будет достигнуто лучшее объяснение.

Понимание

Понимание — организующая сила воображения. Опыт, сброшенный в кучу, малопригоден. Разобраться — значит привести собранное в согласие с мировоззрением, позволяющее двигаться там, где ранее были завалы несвязанных деталей.

На пожелтевшей карте выведены острова, которых никогда не было, в углах притаились дивные существа. Контуры известных нам континентов необычны. Тем не менее общая картина прослеживается. Вполне угадываемы некоторые города, реки и горные вершины. Перед нами мир четырнадцатого века. Правда лежат они не там, где должны. Проникновение означает поиск новых, неузнанных перспектив на основе последовательного обобщения известных фактов. Сказочные существа, а с ними и мифические места, исчезли с сегодняшних карт, границы исправлены. Стремление нагромоздить имеет свои пределы. Завалы мешают не менее неизвестности. Упорядочивание отдельных фактов во взаимно связанные области знания является ключом к пониманию мира. Это упорядочивание, как правило, начинается с перечисления и сортировки, позволяя охватить, что есть. Позже, отдельные фрагменты подгоняются друг к другу, как в мозаике-головоломке.

В отличие от пазлов, для понимания действительности готовых целевых образов нет, их нужно предположить, но так, чтобы отдельные составляющие подошли друг другу и в то же время уместились в цельности предполагаемого, не нарушая его. Если изменение фасада дома оказалось намного больше суммы внутренних стен, значит где-то таится скрытая комната. Если крошечная деталь собранного опыта не умещается в изведенном мироздании, значит что-то с его общим образом не так. Мыслимые границы внезапно

стираются, всё приходит в движение. Набрасываются новые очертания способные всё правильно охватить. Если удастся в новом образе уместить всё известное, без противоречий и искажений, то, предположительно, набросок верен. Если остаются противоречия, то приходится перепроверять факты, а при несоответствии, начинать работу с начала. Противоречие, может и не движущий принцип познания, но оно, безусловно, важнейший стимул к нему.

Взаимопонимание

Два взгляда дают два различных образа. Там, где один видит синий цвет, для другого красный. Пчела видит ультрафиолетовые лучи, невидимые человеку, люди различают цвета, к которым глаз насекомого слеп. Поскольку каждое восприятие уникально, считается, что само взаимопонимание невозможно. Это бред.

Да, символические образы пространства у человека и летучей мыши несравнимы. Человек видит то, что слышит мышь. Тем не менее реальность пространства для них одна и та же. И люди, и летучие мыши свободно перемещаются в ней, не сталкиваясь с предметами или стенами. Причина соответствия проста. Там, где реальность оказывает одинаковое сопротивление соразмерным действиям, «субъективные» оценки и выводы оказываются идентичными, независимо от символических различий их восприятия. Неважно, какими средствами воспринимаются контуры реальности. Неважно, записаны ли результаты этого сканирования в градациях слуха, взгляда или на ощупь. Содержание от этого не страдает. Мир — это место, где мы общаемся. В основе взаимопонимания лежит единство и воспроизводимость сопротивления, которое реальность предлагает одним и тем же действиям. Именно это тождество сопротивления делает очертания пространства идентичными для летучих мышей и людей, а начерченный линейкой равносторонний треугольник идентичным в Токио и Париже, в V веке до нашей эры и сегодня.

Мышление кувалдой

Приборы между чувствами и реальностью обогащают наши представления о мире, но в то же время и однобоко искажают их. Ницше открыл *Философствование молотком* и показал его возможности — обломки разбирают до сих пор. Он забыл, или не захотел упомянуть, что полученные сведения различаются в зависимости от того, чем мы ощупываем реальность: глазами, рукой, кувалдой или пучком нейтрино. Измерительные приборы влияют на очертания, структуру и характер наших представлений о мире, при этом, совершенно не меняя мир. Стекло твердо для древка и мягко для алмаза. На рентгеновском сканере человеческого тела лёгкие и кишечник прозрачны, а мышцы и кости плотны. Для ультразвукового сканера, наоборот, ткани мышц и костей, прозрачнее воздуха кишечника или лёгких. Твёрдое и мягкое, прозрачное или непроницаемое — это то, что является таковым для наших рук, глаз и инструментов.

Смотрим мы глазами на стену нашей комнаты — то проникаем взглядом сквозь окно и застреваем на обоях. При взгляде через рентгеновский аппарат свинцовое стекло окон оказывается непрозрачным, а кирпичная стена, наоборот, открывает взору взгляд на лежащее за ней.

Как только будет найдено средство проникнуть сквозь непреодолимое, твердое тут же станет рыхлым, неделимый атом расщепится, а вещество утечёт потоком жидкой энергии.

Наше время открыло атомы, электронные, рентгеновские, магнитные излучения и многое другое. Всё это было достигнуто с помощью специальных инструментов.

Результаты каждого из этих инструментов имеют собственное, не схожее с другими, выражение. Из-за различий в показаниях приборов наши знания распадаются на несколько независимых уровней. Каждый из этих уровней описывает свой непересекающийся с другими мир: макроскопический, микроскопический, электронно-микроскопический, химический, атомный и мир волн.

Хотя все они находятся в одном объекте, прямого перехода между их образами в нашем представлении нет. Химические реакции не проистекают из конкретных атомных взаимодействий и не обуславливают макроскопические формы объектов.

Ну и что с того, что один инструмент отскакивает от предмета, а другой вклинивается в него. Пока речь идёт об одном и том же предмете, результаты должны быть взаимопреобразуемы и сопоставимы друг с другом, не искажая реальности.

Нет ничего странного в намерении нюхать свет, взвешивать время и слышать пространство без всякой магии и выкрутасов. Разве не делаем мы это каждодневно? Как в итоге создавалась фотография? Реакции в фотохимической эмульсии принципиально не отличаются от химических реакций рецепторов запаха, да и современные фотоэлементы всё ещё близки тому. Что взвешивают песочные часы, показывая время? Что слышит летучая мышь в ночном полёте?

Глядя на современные воззрения физики, химии, биологии, социологии, религии, существующие независимо друг от друга, хоть и описывающие то же самое, становится ясно — время действительно великих географических открытий всё ещё впереди. Океаны между континентами наших специальных знаний огромны и не пересечены.

МИР

Здесь я хотел бы, отважиться на непринужденную мысленную игру, чтобы свести разрозненные школьные знания к единой плоскости восприятия. Отбросив ницшеанскую кувалду, упоротый материализм отдельных приборов, и разнузданный идеализм логических построений, я хочу сосредоточиться на одном единственном критерии и пройтись с ним по мирозданию. Мерилом и отправной точкой восприятия и систематики при этом должна стать исключительно жизнь.

Текст не претендует на правильность, он соткан за письменным столом и плод воображения. Моя цель — не новое учение, а призыв задуматься над тем, в каком лоскутном мире условностей и предположений мы живём, не замечая их призрачности.

В следующих разделах мы пройдемся по современным воззрениям физики, цивилизации, природы, экономики и идеологии, следуя заповедям Коперника, только заменив гелиоцентричность — жизнецентричностью.

ФИЗИКА

Призрачно всё в этом мире бушующем

Где в космосе верх, а где низ? Что твёрдое, а что жидкое в мире атомов? Мы претенциозно делим мир на материю и пустое пространство, натываясь на массу и проваливаясь в пустоту. Твёрдое — это то, что при прикосновении к нему твёрдо противится нам. Однако, если вспомнить, что массу составляет та же энергия, то прочность массы уже не так очевидна. И так! Что придаёт энергии материи твердыню? Что, если наоборот пространство неподатливо упруго, а вещество покладисто жидко? Так ли уж эта мысль абсурдна?

Всё дело в том, что и как мерить. Мы свыклись с представлением пустоты. Так было не всегда. От античности до 18 века мыслителей тревожил вопрос: «Как может быть что-то там, где всё отсутствует?» Если между пунктом А и Б совершенно ничего нет, то оба пункта лежат на одном и том же месте.

Ничто не измеримо, уже по определению, а вот пространство точно разделяет элементы. Чтобы избежать абсурда, античность предположила существование эфира — начинки между объектами, разводящей и предотвращающей их слияние друг с другом. Измеримым выражением эфира является расстояние. Пространство — это эфир с разбросанной в нём материей.

Механика XVIII века интересовалась в основном «твердыми» объектами; эфир был бесполезным и мешал. Пространство было включено в формулы движений, как абстрактная величина, ничего сама по себе не представляющая, везде одинаковая и чисто математически определяющая преодолимые расстояния. Такое отношение сохранилось и сегодня.

Расщепление атома развеяло нерушимость вещественного. Хотя вещественность перестала быть самоочевидной, пустота осталась пустотой. При этом пространственно-образующие свойства эфира вполне пригодны для объяснения не только расстояния, но и массы. Попробуем воспользоваться ими.

Пространство и материя

Давайте представим себе, что эфир всё-таки есть и определяет расстояние между предметами.

Эфиру, чтобы однозначно заполнять пространство, необходимы конкретные свойства эластичности и давления, разделяющие вещество. Любая измеряемая величина имеет свой предел, так же и плотность эфира. Концентрация энергии выше уровня сопротивления эфира выдавливает эфир, позволяя энергии занять его бывшее место в пространстве. Чем больше энергии скапливается в одном месте, тем больший объём занимает её, и тем больше она выдавливает эфир из пространства.

С распределением в большем объёме, энергия разжижается. Её избыточность к давлению эфира теряется и приходит в равновесие. При выравнивании сдавливающего эфира с расширяющим напором энергии возникает частица, сгусток энергии, удерживаемый эфиром. Прочность массы при этом всего лишь уравнение давления энергии и противления эфира. Материя кажется прочной, поскольку эфир не даёт ей растекаться и держит воедино.

Не все конфигурации энергии в пространстве стабильны. Плотность меняется не линейно с занимаемым объёмом. Поэтому количество и форма элементарных частиц ограничены, а число возможных вариантов уменьшается с увеличением объёма частиц. Промежуточные стадии допустимы, но недолговечны. Переход энергии в массу происходит поэтому не постепенно, а квантовыми скачками из одного состояния равновесия в другое, даже если энергия равномерно прибывает или убывает.

Энергия, недостаточная для преобразования массы (слишком большая для меньшей, но недостаточная для большей по объёму частицы), колеблется вокруг стабильной конфигурации. Частица при этом занимает то больший, то меньший объём, в зависимости от эластичности эфира. Во время этих переходов она заставляет эфир колебаться, как камень, брошенный в воду. В этом противодействии, энергия расходуется на колебания эфира и по мере распространения

этих колебаний уносится прочь в виде сферической электромагнитной волны. Скорость распространения электромагнитной волны в эфире не зависит от длины волны, а обусловлена соответствующей эластичностью эфира, что соответствует скорости света в вакууме. Вне вакуума ситуация сложнее.

Когда электромагнитная волна достигает другую частицу, лежащую на пути, её распространение затрудняется. Там, где фронт волны противоположен частице и не может её обтечь, волна начинает толкать частицу. Частица приходит в движение, следуя минимальному сопротивлению. При равномерной плотности эфира и единственном источнике волн, движение частиц прямое и радиальное. При многих источниках волн движение частицы следует суммарному вектору распределения сил и становится извилистым, порою хаотичным.

Из приведенных выше соображений следует: покой — это частный случай уравновешенных сил. За каждым движением стоит движущая энергия волн. Чтобы разогнать тело до скорости света, движущаяся энергия должна достичь значений, превышающих давление эфира, но в таком случае она выдавит эфир из пространства и приведёт к увеличению массы разгоняемой частицы вместо того, чтобы двигать её. Увеличение массы препятствует дальнейшему ускорению тела. Поэтому в вакууме скорость массы выше скорости света невозможна, как и движение без движущей силы за ней.

Двойственность света

Свет далёких галактик, достигающий Землю и пронизывающий атмосферу, всё ещё может стимулировать сетчатку глаза, как будто он падает от горящей в руке свечи. Если исходить из того, что свет разбавляется и слабеет пропорционально квадрату расстояния, то количество поступившей энергии никогда не хватит для того, чтобы при столкновении вызвать эту химическую реакцию. Взгляд на ночное небо подтверждает обратное. Звёзды светят, несмотря на огромные расстояния и опровергают все расчёты.

Чтобы объяснить невозможное каждодневного, свету приписывается двойной характер. Он вроде бы распространяется и разбавляется в пространстве, как волна, но излучается и принимается, как концентрированный пучок частицы или фотон. Разум капитулирует перед экспериментом, ведь, строго говоря, эти свойства несовместимы. Как сферическая волна, свет теряет свою интенсивность пропорционально квадрату расстояния; как частица, он сохраняет свой размер и напористость независимо от пройденного расстояния.

Что происходит с увеличением расстояния от источника света? Если фотоны распределяются в космосе реже, то как же тогда объяснить непрерывность их действия на сетчатку и отсутствие мигания источников света? Как им, будучи частицами, удаётся оказываться во всём без исключения пространстве? Если же фотоны растягиваются на сферический фронт, как они могут сохранять свою силу в любой точке пространства, в которой они натываются на вещество. Ведь при вылете из звезды, так и при подлёте к другой планете после миллиардов световых лет их энергия столкновения оказывается одинаковой? Мистика, да и только!

Если же движения тел являются следствием продолжающегося воздействия электромагнитного излучения на частицы, как предполагает наш альтернативный взгляд, то странное поведение света становится объяснимым. В случаях, когда световая энергия при встрече с частицей слишком слаба для преобразования в массу, она переходит в кинетическую энергию движения. Однако тело ускоряется лишь незначительно. Его новая скорость исчезающе мала по сравнению со скоростью света, потому что масса, заключенной в частице энергии, огромна по сравнению с импульсом падающего света. И наоборот, свет замедляется из-за связывания с частицей и почти останавливается в распространении.

Теперь энергия света, задерживаемая частицей, может быть достигнута последующими волнами. При достаточной длительности излучения, энергия, притекающая к частице, суммируется до тех пор, пока её количество не станет достаточным для запуска преобразований, соответствующих массе энергии фотона.

При этом самого фотона до его материализации и в помине нет.

Для квантового скачка, соответствующего фотону, ни расстояние, ни степень разбавления электромагнитной энергии не имеют значения. Свет действует, как квант, как только скопившаяся энергия волны (удерживаемой частицей) достигает необходимой величины.

Отталкивающая сила тяжести

Из очевидного стремления тел друг к другу (яблоко падает на землю, планеты вращаются вокруг Солнца и не разлетаются не смотря на их огромные скорости и инерцию веса) напрашивается вывод, что тела притягиваются друг к другу, согласно их массе и обратно пропорционально расстоянию. Сила тяжести взаимодействует с другими движущимися силами и отвечает в сумме за траектории движения космических объектов. С помощью законов тяготения можно не только описать, но и достаточно точно предсказать отдельные движения и расположения планет. Разве уже возможность таких исчислений не доказательство правильности суждений? Хотелось бы. Однако, не всё гладко с этими заключениями. Чем дальше мы развиваем представление о всемирном тяготении, тем громче звучат противоречия.

Каждой силе требуется время для распространения. Скорость, превышающая скорость света в вакууме, неизвестна. А вот гравитационные силы — дальнедействующие. Это означает, что, как бы массивное тело ни двигалось, в любой точке пространства его гравитационный потенциал зависит только от положения тела в данный момент времени. Колебания Юпитера приводят все тела Солнечной системы в соответствующие законам тяготения движения, в тот же самый момент, как они происходят, а не со сдвигом во времени. Как такое возможно? Непостижимо!

А что, если гравитации не нужно приходить, что, если она уже на месте и только ждёт возможности показать себя? Падение тел может быть притяжением исходящей из объектов тяги, несомненно,

но точно также оно может быть и подталкиванием тел друг к другу уже присутствующими и окружающими их силами.

Вернёмся к различиям электромагнитных и гравитационных волн в воображаемом альтернативном мире. Преобразование энергии в массу вытесняет эфир из пространства. При этом возникает «ударная» волна и оползнем распространяется во все стороны. Ударный фронт смещения эфира, попадая на частицу, давит на неё. Сила этого удара обратно пропорциональна квадрату расстояния от генератора импульса и прямо пропорциональна массе частицы, стоящей на пути.

Ударные волны эфира, в силу обстоятельств их образования, направлены от места возникновения наружу, разбрасывая вещество там, где они возникают. Следовательно, отдельные события гравитационного новообразования не могут исходить из компактного тела. Гравитация складывается из рассеянных и отдаленных друг от друга событий, что приводит к равномерному распределению гравитационных ударных волн в пространстве.

При электромагнитном излучении процесс обратный. При преобразовании массы в энергию, энергия излучается и покидает место происхождения в виде электромагнитных волн. Возникающее сжатие источника излучения приводит к сдвигу эфира, которое направлено к центру сжимающихся масс и их конденсации в обособленное тело. Гравитация горячих тел, навроде газообразного солнца, должна быть больше холодных тел, несмотря на их более низкую удельную плотность. Холодный межзвёздный туман может и вообще не оказывать существенного притяжения, несмотря на его огромную суммарную массу. Звёзды, прежде чем остыть, теряют мощь направленного к их центру давления и поэтому расширяются, хотя удельный вес гелия выше дейтерия, а удельная плотность холодного тела выше горячего.

Отдаленные эффекты гравитации и электромагнитного излучения противоположны. Свет возникает в очагах, приходит, как правило преимущественно из одного направления, и поэтому, встречая частицу, двигает её от себя прочь.

Две частицы, лежащие рядом друг с другом в космосе, будут перемещаться радиально от максимального источника света и, следовательно, также удаляться друг от друга. В отличие от света, гравитационные волны приходят равномерно со всех сторон. При встрече частицы, они взаимно нейтрализуют себя, оставляя частицу на месте, и только равномерно сжимают её со всех сторон, придавая ей форму. Однако если два материальных тела расположены рядом, гравитационное давление между телами оказывается ниже, чем на их обращённых наружу сторонах. Создаётся впечатление, что тела притягивают друг друга.

Эффекты света и гравитации можно поменять местами, если заставить свет равномерно приходиться со всех сторон, а действие гравитации нейтрализовать.

Представим себе комнату со стенами, состоящими из крошечных ламп, которые равномерно излучают свет. Если мы позволим воздушному шару невесомо парить в этой комнате, тени вокруг него не будут заметно, а сам шарик останется неподвижен. Нет ничего, на что эта тень могла бы падать. Световые волны приходят равномерно отовсюду, нейтрализуют друг друга и равномерно давят на шарик не в силах его сдвинуть или изменить. Если в комнату внести ещё один воздушный шарик, тени станут заметны на сторонах, обращённых друг к другу. Интенсивность света между воздушными шариками окажется ниже, чем на их внешней стороне. В той мере как свет может двигать, воздушные шары станут «притягиваться друг к другу».

Теперь вместо световых волн, которые приходят точно издаля, поставим почти равномерно приходящее отовсюду гравитационное излучение.

Когда два тела сближаются настолько, что начинают бросать друг на друга гравитационные тени, внешнее давление начнёт толкать их друг к другу. Внешне, тела «притягивают» друг друга. Скорость распространения гравитационных волн не влияет на это взаимодействие. Им ни откуда не нужно приходиться. Они уже давно на месте и ждут возможности проявиться.

Антигравитация энтропии

Встречаются две частицы и сливаются, причём образовавшаяся суперчастица или молекула занимает меньше места в пространстве, чем две частицы до этого, то избыточная энергия высвобождается и уносится с электромагнитным излучением. Гравитация стабилизирует новую структуру. Создаётся прочная связь. Если предотвратить излучение высвободившейся энергии или снова привести энергию во вновь возникшую молекулу так, что внешнее гравитационное давление окажется недостаточным для консолидации, связь рвётся и частицы разлетаются.

Антагонистом гравитации, той самой таинственной антигравитацией, которую ищут и никак не могут найти, является электромагнитная энергия.

Согласно термодинамике, беспорядок в мире может только расти. В видимом противоречии с этим, гравитация всё сжимает и упорядочивает. Под действием силы тяжести организованность материи постоянно увеличивается, бросая вызов законам термодинамики. При этом возникают всё более сложные молекулы, в том числе и молекулы жизни.

Противоречие надуманно. Сжатие вещества сопровождается излучением избыточной энергии. Излучение электромагнитной энергии, в свою очередь, вызывает увеличение энтропии и беспорядка везде, где эта энергия прибывает, расшатывая местные, упроченные гравитацией взаимосвязи. Растущий порядок в одном месте изгоняет беспорядок, увеличивая его в другом.

ВРЕМЯ

Мир — непрерывное изменение. Определить его — значит соотнести. Короткие, периодические, равномерно повторяющиеся процессы позволяют измерить продолжительность отдельных преобразований.

Общий знаменатель всех периодических процессов, используемых для измерения их скорости, называется временем. Их численное выражение отражает длительность, но не направление. Поэтому время дополнено категориями становления: прошлым, настоящим и будущим. Последние не время, а времена, точнее — состояние развития действительности.

Прошлое определённо. То, что произошло, изменить нельзя. Всё в нём чётко обусловлено, хоть и не всегда полностью понятно.

Настоящее нестабильно, оно колеблется, опираясь на происшедшее, чтобы занять в будущем одну из новых позиций, которые мы называем возможностями. Причинно-следственные связи здесь не так однозначны.

Настоящее создаёт новые причины, формирующие будущее.

Будущее неопределённо и зависит от обстоятельств, которые только возникают, ещё не работают, и поэтому их трудно угадать или распознать.

Мир явен в прошлом, узнаваем в настоящем и вероятен, но не определён в будущем. Время — темп перемен.

ПРИЧИНЫ

«Современная наука» грезит причинами и отвергает то, что «просто описывает» взаимосвязи, но как бы не раскрывает «причинной подноготной». Работы Коперника, Колумба или Магеллана на этом основании, наверное, не были бы приняты и оценены современным «научным сообществом», ведь в них нет причин.

Для современной науки главное отделить определяющее от случайного, причинное от пустой породы.

Вроде возразить против такого подхода нечего. Тем не менее то и дело появляются чудачки, спрашивающие, откуда, собственно, берётся причинное и в чём оно состоит? Есть ли что-то более или менее необходимое в природе, более или менее определяющее? Есть ли у природы ценники?

Противостояние причинников и систематиков (собирателей взаимосвязанных знаний) старо. Уже в антике (грезившей гармонией мироздания) заявляли, что причин в природе нет и быть не может. Человек — есть мера всех вещей, а причина лишь выражение его точки зрения. Не имея возможности охватить всё сразу, он ограничивается немногим, доступным вниманию.

Человек выдумывает причины там, где есть только события, регулярно следующие друг за другом, причём, предыдущие непосредственно не влияют на последующие, поскольку все вытекают из совершенно других взаимосвязей, не учтенных в конкретном постановочном опыте. Как это понимать? И так ли уж эти возражения абсурдны?

Уроненный окурок взрывает склад боеприпасов и половину небольшого городка. Что стало причиной аварии? Отсутствие контроля за безопасностью? Переутомленный рабочий или его домашние проблемы? Может быть, виновата нерешительность движения борьбы за мир или против курения, а может причина тот факт, что человечество никак не может обойтись без войн? Был ли причиной окурок, боеприпасы, сила тяжести, которая удерживает частицы пороха вместе так, что они горят одновременно, или всё-таки причиной был кислород? Разве все процессы вместе не одинаково виноваты? Ведь взрыв стал возможен только благодаря всей совокупности факторов. Опять же, если всё одно и всё равно, какое влияние оказали городские кошки или «Звёздные войны» в галактике МХ-23–455–676 на происшествие на складе?

С последней точки зрения причины реальны. Отдалённое всегда менее существенно непосредственному. Проблема не в том есть ли причины или их нет, а в том, что люди слишком много ожидают от причин. Мир всегда в движении. Двигатели, такие как гравитация, радиация и природа космоса, чётко определены и однозначно направлены, только вот соответствующие результаты зависят от условий на месте и могут выпасть совсем не так, как предусмотрено чисто глобальными веяниями.

Часто достаточно маленького сбоя, чтобы изменить будущее.

Для инженера по безопасности все предыдущие рассуждения о мире в Мире, силе тяжести и кислородном давлении — чепуха. Ему важно, как не допустить взрыва. Причины для него определены тем, как и что он может предотвратить и строго ограничены задачами. Именно эта целесообразность вычленяет из многообразия ситуации отдельные причины.

Для городского совета, военной контрразведки, архитектора строящего помещения завода, химика, моделирующего производственные процессы — причинности событий на пороховом заводе различны.

Причины — это обстоятельства, которые направляют течение событий, иногда не участвуя в них. Жизнь, у которой есть свобода выбора, приобретает вместе с причинами действенные рычаги для самоутверждения. Пользуясь ими, она направляет обстоятельства по своей прихоти, не очень утруждая свои силы, но вынуждена ограничиваться происходящим, строго следуя от одной причины к другой и только как бы наблюдая неизбежное со стороны. Причины при этом вершат, человек следует и пользуется ими. Системность же, хотя и намного более трудоёмка и требует охвата ситуации в целом, позволяет свободно выбрать направление своего развития, а не только пользоваться известными причинами.

Но ведь есть и непререкаемые, действенные причины актуальные везде и во все времена! Правда? Взрыв на складе — это несчастный случай, который не является ни вызванным, ни желательным, но он показывает значение причин и их пределы. Ситуация всегда важнее причин. Чайник на газовой плите регулярно доводит воду до кипения. Однако, с универсальностью и предопределённостью это не имеет ничего общего. Газовая плита не израсходовала достаточно газа и кислорода атмосферы, чтобы не зажечься вновь и вновь. Одна из причин (тлеющая сигарета) существенно меняет будущее, разрушает условия и систему, в рамках которой она может действовать.

Другая причина, хотя и кипящая, оставляет саму ситуацию холодной и остаётся в силе, пока ситуация не приобретёт новое состояние, следуя собственному пути или рукотворному вмешательству человека. Чем сильнее влияние причины на общую ситуацию, тем больший исторический аспект она имеет. Это не отменяет её достоверности, но делает бесполезной. Отдельные события могут повторяться; мировая же история, что бы там ни говорили, никогда не повторяется.

ЧАСТЬ V

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Чудны дороги провидения. На перекрестке торговых путей, вокруг рыночной площади или гавани, растут города, образуют союзы и расширяются до империй. Став мощными и великими, ни одно из этих царств не продержится вечно. Незначительные, прямо-таки нелепые происшествия ввергают колоссы в распри, сеют смятение, приводят к гибели. Свобода, честь, отвага, добродетель — ещё вчера незыблемые столпы общественного строя, ломаются, как соломинки. Гранит убеждений рассыпается в песок. Одно, два или три поколения рождают героев, мыслителей и государственных деятелей, за которыми в следующие столетия никто не последует.

Культурная история человека состоит из таких волн расцвета и угасания, разбросанных во времени и пространстве. Былое величие цивилизаций, ныне вегетирующих в забитости и нищете, навеивает тяжкие думы.

Что готовит нам завтра? Есть ли у людей прирождённые свойства (разум, свободолюбие, гуманизм), присущие только им как

виду и гарантированно направляющие поступательное развитие? Есть ли у человека уникальные качества позволяющие с оптимизмом смотреть в будущее?

В самом деле, каждый вид животных склонен к типичным формам «социального» и одарён определёнными способностями. Поведение термитов, леммингов, табунов и стай настолько характерно, что стало именем нарицательным. Только вот у человека, увы, нет поведения свойственного одному ему. Напротив, всё социальное или антисоциальное, что можно найти в дикой природе, встречается у человека и реализовалось в его истории, формируя предшествующие эпохи и бросая его из одной крайности в другую. Гарантом человеческого развития являются не его биологические признаки, а культура.

КУЛЬТУРА

По меркам цивилизаций, люди — эфемерные существа. Едва они достигают самостоятельности, как болезнь, несчастный случай или старость вырывают их из жизни. Поколение за поколением вынуждены перенимать задачи, не имея представления, что, к чему и зачем. Сообщество же нуждается в решениях, не зависящих от уровня зрелости и отдельных предпочтений людей. Для этого оно раскладывает сверхчеловеческое на вполне подъёмные ноши, делая грандиозное обыденным.

У каждого есть профессия, работа, социальная группа, круг друзей или родственников, предъявляющие определённые требования. В джунглях направленных на нас претензий и предложений мы обустроиваем свое индивидуальное жизненное пространство.

При этом достаточно, чтобы мы выполняли обязанности по отношению к самому близкому, чтобы быть в расчёте с остальным миром. Мы соблюдаем правила, платим налоги, говорим, что следует и, не задумываясь, вертим жернова огромной махины, ничего толком не понимая.

Так, сообщество, вера, культура живут и развиваются, никого не дожидаясь, часто вопреки воли отдельных лиц, несмотря на все протесты и возражения взглядов, с обзором как бы из замочной скважины.

Не стоит искать смысл культурных заповедей в их письменных изложениях. Они не сформулированы. Совершенство улья не заложено в голове его матки, не найти его и в головах рабочих, разведчиков или охранников пчёл. Цивилизации, не иначе чем ульи и муравейники, также являются результатом долгой эволюции простейших по большей мере неосмысленных взаимодействий. Они возникли не сразу. Так же, как молоток, пила или скрипка, социальные учреждения были подогнаны к своему назначению многими, неравными, часто ненамеренными и лишь в впоследствии подтвержденными шагами. Новичку они становятся невидимыми наставниками. После нескольких ошибок преемник, как бы сам по себе, выбирает дорогу своих предшественников, при этом не осознавая, почему он делает именно так, а не иначе.

Насилие, обмен, поощрение

Склока, в отличии от согласия, вездесуща. Тем не менее люди находят друг друга и вершат великое, вместо того чтобы утонуть в волнах дразг. Методы единения разнообразны и включают насилие и обмен, принуждение и заинтересованность, запугивание и поощрение.

Насилие обязывает людей, не отвечая непосредственно на их желания, чтобы потом распределить добычу. Результат оправдывает и услащает подчинение задним числом.

Обмен — это то же принуждение, только с оплатой и распределением выгод в преддверии их получения. Обмен при определенных условиях притягательнее, поскольку предполагает удовлетворение стремления своего партнера так, как он воспринимает, а не так, как кто-то думает, что это лучше.

Из каких моральных предпосылок мы бы ни исходили, рассматривая насилие и обмен, сообщество, с одной стороны, не может обойтись ни без одного из этих инструментов, а с другой стороны, не обязано своему продвижению ни одному из них.

Так, ни культура, ни обучение невозможны без принуждения. Почему? Потому что невозможно выбрать то, чего не знаешь. До того, как цель познания достигнута, зреющего необходимо направлять. При этом насилие вполне может включать элементы торга-обмена и даже выражаться в самонасилии, называемом дисциплиной. С другой стороны, обмен не только признак уважения чужой индивидуальности, но и инструмент обмана, презрения и порабощения. Принуждение толкает, обмен притягивает — иного различия нет. Важен не инструмент, а чему и с каким успехом он служит.

Схожесть принуждения и обмена видна уже по тому с какой готовностью их инициаторы пользуются теми же инструментами побуждения, а именно поощрением и устрашением. Поощрение распределяет выгоды по ступеням достигаемого. Устрашение грозит их отнять, градуируя ужасы страшилок в обратном порядке. Чем ярче и нагляднее градиент между поощрением и устрашением, тем сильнее мотивация.

Ради выразительной картинки центры управления раздулись, обзавелись роскошными палатами. Делай как мы, не будь глупцом, обогащайся, двигайся по лестнице величия — пусть недоумки работают, для тебя есть дела поважнее!

В противовес рисуются (да и создаются) картины ада (религиозного, социального, правового) описывающих будущее тех, кто не следует наставлениям. Многие покупаются на лажу.

С опытом приходит прозрение: ни власть, ни деньги, как таковые, не работают и ничего не приносят их владельцу сами по себе. Их держатели, наоборот, низкооплачиваемые слуги накопления — денег ли, власти ли — не играет роли. Как ни крутись, а истинным призванием власти и денег является обеспечение целей. Важнейший из вопросов — чьих и каких? Где нет стоящих целей нет ничего. А магия огромных сопряженных чисел — сплошной обман.

Цели не всегда оформлены и ясны, а результаты предсказуемы. Обмен имеет явные преимущества там, где принуждаемые явно умнее и способнее принуждающих и получают возможность исправить и перенаправить ошибки последних. Там, где результат непредсказуем, так же предпочтителен обмен.

Прямота принуждения главенствует там, где прочие альтернативы провальны или даже опасны для жизни принуждаемых.

Контроль

Оледеневший, немигающий взгляд, фиксирующий чашку. Застывший у стола сгорбившийся человек, судорожно вцепившийся руками в его край. Осанка и лицо выражают чрезвычайное напряжение воли: «Чашка, сдвинься!» Воздух наэлектризован до предела. Ещё немного! Вибрацию намечающегося движения уже можно почти чувствовать. Вот, вот и... — Проклятие!

Чашка всё там же, где была и не думает следовать приказам мысли. Просвещённые люди считают телекинез вздором; снисходительно улыбаются, когда кто-то защищает возможность навязывания предметам своей воли. Тем не менее они в свою очередь верят, что между людьми всё обстоит иначе, и всерьёз обижаются, когда те отказываются следовать их приказам.

А почему, собственно, живой и своевольный человек должен быть более подвластен чужой воле, чем та же чашка? Разве не проще навязать свою волю неорганическому, чем живому?

Да, чашка не колыхнется, а вот люди могут даже побежать, если им прикажут.

Не стоит заблуждаться. Не чужая воля, а собственный интерес руководят ими. Именно общие интересы превращают сборище в единый организм. Особенно отчетливо роль дирижирования проявляется при парадах или в симфоническом оркестре. В призме тех же примеров крайне чётко проявляются истинные движущие пружины. Внешне, вроде слово или дирижерская палочка

правят бал. На самом деле, они ничего не двигают, а просто координируют, соизмеряя усилия общим целям и задачам.

А что так можно?

Мы часто вопрошаем, неужели те там наверху и впрямь осмелятся попать закон, развязать войну, зверствовать, травить ядами и заживо выжигать людей напалмом? Хотя нутром мы уже знаем. Они и не прекращали это делать. Выполнимое для них — оправдано, выгодное — уместно, безнаказанное — должно, всё успешно навязанное — правомерно.

Книги Хомского впечатляют глубиной анализа и тщательностью, с которой он клеймит манипуляции общества политическим истеблишментом США. Всё предельно точно разобрано. Хочется аплодировать, но не поднимаются руки. Мешает горький привкус беспомощного дежавю. Разве Платон, Цицерон, Тацит, Руссо уже не разоблачали те же пороки, и что с этого? Со времён Макиавелли мы вроде знаем: успех — это не только награда за интеллектуальное или моральное превосходство, но и серебряники лжи, презрения, жадности и измены. «Сволочи, вы что хотите жить вечно?» — кричит своим бегущим с поля боя солдатам Фридрих, поучавший незадолго до этого человечество «возвышенной морали», в своей книге «Анти-Макиавелли».

Как ни крути, знание о том, кто и как именно манипулирует общественной жизнью, ничего существенного не даёт. Все перечисления взяточничества, запугивания и вымогания не объясняют, почему ложь срабатывает, подлость опережает благие намерения и как этому можно противостоять. В чём подвох, меряй не меряй, считай все возможные ходы наперед, не считай? Почему дважды два четыре политических намерений вызывают в реальности совсем иной результат?

Может ли глупость предугадывать будущее, злоба — уравновешивать и примирять, ложь — разъяснять?

Солдат убивает, защищая себя и близких. Пламенный революционер карает тиранов, их безвинных слуг, а заодно и всех сомневающихся в идеалах свободы и братства. Первопроходцы наук и культуры плебейски служат предрассудкам богатства и власти, оберегая хрупкие побегии собственных разумений. Негодяи, с другой стороны, вдохновлённые алчностью и преданные золотому тельцу прокладывают пути к новым континентам и странам. Даже пираты и душегубы следуют строгим кодексам чести. Только — преступным законам и чести.

Размышления над хорошим, вышедшим боком или наоборот, разбор злодеяний, послуживших добру, занимательны, но не очень-то в помощь. Один историк хвалит, а другой осуждает одни и те же поступки. Оба приводят неопровержимые доказательства в пользу своих интерпретаций. Но действительно ли мы знаем, почему и как одно одерживает победу над другим?

Многие звёздные часы истории на самом деле результат коварства, трусости, предательства и интриг. Может ли подлость быть праведнее отваги и чести?

Несомненно, да! — Но только, когда подлость, по незнанию, действует истинно, а честь и праведность самозабвенно воюют с крыльями ветряков. В том-то и дело, что история — это не перечень несостоявшихся идеалов, а результат целенаправленных практических действий. Все рассуждают об общем благе и осуждают пороки. Мало кто знает, как и что делать, и только единицы действительно поступают правильно, и, что странно, при этом часто совершенно неосознанно, даже наоборот, исходя из абсолютно ложных предпосылок.

К счастью, жизнь следует не за теориями, а за эффективными решениями. Промежуточный успех нередко выпадает на долю, скажем, далеко не идеальных, но тем не менее наиболее пригодных для дальнейшего прогресса движений. Многие из них выглядят на смешной здравому смыслу и всё-таки ведомы именно им. Всё, что служит человеческому совершенству, лелеется судьбой, в какие бы наряды оно ни рядилось. Изабелла I, королева Кастилии заложила свои драгоценности для осуществления экспедиции Колумба.

До этого все европейские центры силы отказали ему. Уж слишком затратным виделось предприятие. При этом Изабелла не думала об открытии и освоении новых земель, и даже не о золоте, специях или торговле. Изабелла мечтала освободить гроб господний.

Чтобы добраться до Палестины пришлось бы воевать со всем исламским миром, лежащим на пути. Возможность обхода неприступных крепостей и удар с востока вдохновил её на выглядящий безрассудным поступок. Но было бы неправильным приписывать открытие Америки набожности религиозной фанатички. Нет. Её решение прямой результат предшествующих событий.

Ещё несколькими годами ранее Испании не существовало. Следуя зову религиозных войн Реконкисты, пиренейские карликовые княжества, до этого прозябавшие в борьбе за своё выживание, объединились, разбили эмират Гранады и поднялись при этом в ранг сильнейшей страны Европы. Именно этот успех и его практическая направленность, а не католицизм predetermined устремления Изабеллы. С открытием Америки Испания стала величайшей страной тогдашнего мира. При этом между взятием Гранады в январе 1492 г. окончившей Реконкисту и открытием Америки в октябре прошло немногим более полугода. Воистину головокружительный восход! А вот гроб господний остался, как и был, в руках нечестивых. Нет, не фантазии, а практические шаги и их последствия ответственны за исход предприятий. Так же быстро их удача иссякала, как только недостатки перерастали пользу.

Испания на высоте невероятного могущества внезапно оказалась противопоставленной неизвестным и непонятым вызовам. Нидерланды и колонии запылали, желая идти своим путём. Англия и Франция занялись двурушничеством и подспудным грабежом. По сравнению со всеми ранее преодоленными трудностями, всё это казалось пустяком. Но трудности росли, что бы не предпринималось. Как тут не обратиться к рецептам былых успехов? Инквизиция огнём и мечом насаждавшая католицизм, расцвела, но привела совсем не к тому, что ожидалось. Былые рецепты восхождения, перенесённые в настоящее, только ускорили падение.

Почему проверенное и действенное оказалось никчемным? Потому что оно никогда не действовало. Решающим был порыв человечества к совершенствованию. Он присоединялся к устремлениям, обещавшим успех, как это сделали Реконкиста, Колумб и его пайщики при Изабелле, при этом не особенно обращая внимание на словесную шелуху вокруг да около. Кто и о чём думал при этом — не так уж и важно.

Парадоксально, но некоторые вычурные общественные структуры и посылы временами предлагали наиболее эффективные решения устремлениям, для претворения которых реальных предпосылок ещё не было. Гитлер и национал-социализм — прекрасный пример того, как фанатичное движение, с не терпящим возражений руководством, может ускорить и свершить всё то, против чего оно боролось, не исполнив совершенно ничего, из изначально им преследуемого.

Вожди

Что делает вождей вождями? Историки разбирают каждый шаг, телодвижения, намерения и слова власть-имущих, прослеживают последствия их решений во времени и пространстве. Однако реальная жизнь таких людей как Наполеон, Гитлер, Рузвельт и Сталин остается никому неизвестной.

Опираясь на объяснения того, как и почему восхождение стало возможным, воображение обывателя начинает рисовать картины с собой на месте властителей. Что бы они смогли достичь, оказавшись в правильном месте в нужное время.

Разве не смогли бы и они отдать такое же распоряжение, сказать судьбоносную фразу, принять позу, сделать нужный жест? Если честно и беспристрастно, конечно, смогли бы, и, наверное, даже лучше оригиналов. К несчастью, их там не было. Всё пошло иначе, а ведь могло бы быть ох хо хо как, да и вообще...! Подобно тому, как самые сложные компьютерные расчёты выражены банальной

последовательностью битов, отдельные шаги власти также предельно банальны. Посторонний видит последовательности решений, но не причинные связи и систему за ними. То, что представляет себе большинство людей под властью: демонстрация силы, титулов, должностей, неограниченные средства, ну и там, подозрительность, жестокость и прочее — всё это не власть.

Власть — это влияние и умение это влияние множить и распространять. Власть дать нельзя, она не предметна. Власти, как и любому искусству, можно только научиться.

Положение, должность, так называемая ответственность — это внешние проявления её устройства. Униформа и звания помогают отслеживать передвижения отдельных групп на поле боя или в коридорах бюрократии, но не более того. Иван Грозный часто официально передавал власть своим сатрапам, вроде бы удаляясь на покой, обрушиваясь позже на простофиль и им последовавших. Впрочем, все властолюбцы без исключений склонялись к таким штучкам.

Если власть не даётся, а только берётся, почему столько споров о том, кому, как и где следует передавать власть? Вспомните только процедуры передачи Святого Престола, когда претендентов замуровывали в залах до принятия решения. Вспомните интриги вокруг императорского титула, убийства и перевороты, возню вокруг кресел сановников и президентов. Да они злостны, да кровобильны, тем не менее всё это — потуги немощи.

Всякая смена власти болезненна, вынужденно приводя к гражданскому противостоянию, бессмысленно пожирающему общественный организм изнутри. Найти достойный путь преемственности — задача, не решённая до сих пор никем. Не стоит заблуждаться, ни выборы, ни назначения сами по себе ничего не меняют. Подъём и падение партий, восхождение на председательское кресло, принесение присяги не влияют на власть и не наделяют властью. Они сигнализируют об изменении. Уборщица, может при чистке трона сесть на него и даже надеть корону. Больше власти она сием не обретёт.

Регалии и атрибуты господства — власти не прибавляют. Как раз самые великие из властителей были аскетичнее пастуха, не имея даже каморки для уединения.

Когда вы слышите слово «Kaiser» или «царь», вы не подразумеваете ничего не значащее прозвище Цезарь, лежащее в их основе. Со времён Ришелье под первым министром стали понимать не прислугу (лат. *minister* — слуга). Со времён Бисмарка, а затем Гитлера, под словом «канцлер» стали понимать не посредника (лат. *cancellarius* — у подеста, отделяющего суд от публики и готовившего бумаги для подписи), а со времён Сталина под первым секретарём стали понимать не распорядителя обсуждаемых документов и повестки совещаний. Эти люди придали банальным именам новый вес. «Богу и Сталину должности не нужны!»

До этого были и другие имена, которые внушали почтение современникам и позже утратили свою привлекательность, например, император, султан или хан. Мы больше не знаем некоторых прежних званий, например, название должности, которую занимали фараоны, нам не знакомо её название, да и не ясно была ли такая должность.

Если слова царь, премьер-министр, канцлер, первый секретарь пустые реминисценции былого, почему люди бьются вокруг и за них? Потому, что здесь можно сесть даром на готовое и именно здесь встречаются интересы, чтобы померяться силами.

Чин и названия не важны, не за них ведётся борьба, важен перелом. Что такого важного было в Полтавской крепости, у деревушки Бородино, в полях под Лейпцигом, при Ватерлоо или в окрестностях Прохоровки? Ничего — это места сражений и памятники осознания могущества стоящих за ними сил. Так что же придаёт власти власть?

Власть

Жизнь наша и чужая неразрывны. Прочитанные жизнеописания перевоплощают непережитые нами события в собственный опыт. Чем искреннее, тем богаче. Не всё происшедшее описуемо, не всё пережитое доступно памяти, но с каждой книгой время и события собственной жизни обрастают десятилетиями и эпохами, лежащими вдали от наших дорог. Я знаю, что меня там не было, когда ласточка пролетела под колоннадой, и всё же после прочтения я, как бы, реально присутствовал при разговоре под ними.

Вихрем пронёсся по мемуарам Голованова. Задуматься есть о чём. Вкратце о содержании, чтобы прояснить, о чем я говорю. Голованов — пилот душой и телом. В тридцатых годах изучал радионавигацию во Франции, а по возвращении организовал ночную и штормовую авиацию на Дальнем Востоке. Огромные расстояния не позволяли там прибыть засветло, принуждая лететь во мгле по радиосигналам. Время кипело энтузиазмом надеждами и деяниями. Наступили 1937–39 годы. Большие чистки против предполагаемых врагов прошли по стране катком террора. А ведь Голованов был в антисоветской Франции.

Люди сторонились «потенциального шпиона». Он чудом не попал в жернова госбезопасности, но был вынужден сменить место работы и жительства. Семье его жены повезло меньше. Муж сестры был осуждён и казнён по притянутым обвинениям. Вскоре после этого жена Голованова была арестована. Её отпустили. Обвинения были сняты. Кривой рот остался напоминанием «опросов» на всю жизнь. Вроде всё предельно ясно. Виновато правительство во главе со Сталиным. Надо иначе. Голованов избегал политики, что в общем-то не странно. Он мечтал о полетах, надёжных днём и ночью и при любой погоде.

Столкнувшись на празднике авиаторов с наркомом авиационной промышленности, Голованов увлёкся захватывающими его видениями. Нарком слушал, смотря вдаль. Не прерывал, но особо и не реагировал. Последовала пауза.

Не отзываясь на сказанное, нарком вдруг заговорил о скорой неизбежности войны, и, непонятно с чего, как бы прыгая в мыслях, попросил немало удивлённого Голованова написать письмо Сталину с обоснованием острой необходимости ночных эскадрилий.

Голованов согласился, не принимая сказанное всерьёз. Звонок наркома — готово ли письмо и когда его можно будет забрать? — застал Голованова врасплох. Но делать нечего. Обещал — берись. Просидев всю ночь, Голованов оставил экспромт на столе, сказав жене, что конверт заберут утром, и уехал в аэропорт.

Приземлившись в двух тысячах километров далее в Мурманске, обнаружил телеграмму с предписанием лететь обратно в Москву. Надо, значит надо. Позвонил жене, пообещав вернуться к ужину. Дома жена иронизировала по поводу какого-то секретаря, уже дважды звонившего. Из-за непогоды все рейсы с севера отменены. Как может Голованов вернуться к 20:00? — «Сказал, значит будет, и даже раньше!» — Такие звонки были обычны. Постоянно кому-то нужно было лететь по чрезвычайным делам. Пилотов и машин, пригодных для этого, были единицы, вот и приходилось вертеться, как и в этот раз, не спрашивая о чём речь. В 20:00 его забрала машина, но повезла не в аэропорт. Вскоре он оказался в незнакомой приёмной. Через пятнадцать минут его пригласили.

За столом сидели Молотов и члены Политбюро. К нему подошёл человек, в котором он узнал Сталина, «Здравствуйте, — сказал Сталин с характерным грузинским акцентом, протягивая руку. — Мы видим, что Вы, действительно, настоящий летчик, раз прилетели в такую погоду. Мы вот здесь, — он обвёл присутствующих рукой, — ознакомились с Вашей запиской, навели о Вас справки, что Вы за человек. Предложение Ваше считаем заслуживающим внимания, а Вас считаем подходящим для его выполнения».

Я не буду здесь описывать реакцию Голованова и его захватывающую книгу. В ходе разговора и последующих событий Голованов обнаружил, что человек, которого он винил в несчастьях страны и считал причиной болезни, занят теми же проблемами, что и он сам, и ищет решения.

Он не распоряжался и не приказывал, а вдумчиво действовал, внося существенный вклад. Взаимопонимание непосредственно связало их судьбы. Государственная безопасность, бюрократия, армады мелких и крупных начальников всех этажей действовали и дальше, как заглагорассудится и составляли «систему», но вклиниться им уже было не дано. Голованов ушёл в работу довольно малочисленного, сильно поредевшего с началом войны соединения, но ведь острие любого клинка занимает наименьшее место в его плоскости.

В этом взаимно дополняющем единении разнообразных порывов заключён реальный источник общественной силы, а не в принуждении, приказах и распоряжениях.

Вес имеет только то, что способствует человеческому усовершенствованию. Деньги, сталь, заводы — не причина, а результат того. Каждый ищет, находит и обустроивает свою роль в соответствии с видением общего развития. Самоорганизация всегда была главным принципом жизни. Власть организует дополняющие стремления, взаимно продвигая и обуславливая их.

При этом совокупная мощь без всяких денежных или иных вливаний непрерывно растёт, вроде, как бы, по причуде providения. Независимо и совсем рядом влачат дальше существование бездушные исполнители, представляя общий образ системы, не будучи ею.

Можно иначе. Уинстон Черчилль также был человеком власти и оставил след. Его восхождение характеризует противоположное и черпает силы из разложения былого.

От англо-бурской войны до Первой Мировой, от Интервенции в Советской России до выхолащивания Лиги наций, от низменных розыгрышей сограждан и мировых лидеров во время Второй Мировой войны до обнулившей всё Фултонской речи — ничего, кроме «сдерживания» врагов, в основном личных, под ширмой Британской империи. Да, ему часто сопутствовала удача, но удача могильщика былого величия. Черчилль следовал веяниям времени, не ведая что творил.

SIC TRANSIT GLORIA MUNDI

Если здесь и сейчас не складывается даже то, что наши предшественники, играючи, вершили, то, наверное, потому, что мы где-то сбились с пути. А не вернуться ли к истокам, повторить в точности всё как было и уже не упускать успех. Звучит просто, но именно былое доказывает: Месопотамия, Карфаген, Афины, Рим, Монголо-Татария, Халифат, Турки, Габсбурги, Ганза, великая Британия — никто из увядших гегемонов ни разу снова не поднялся.

Могущество не падает, чтобы его поднять и усадить на трон. Тот, кто его поднял, уж точно не будет это делать, да ещё для кого-то. Дело не в желании вершить, а в возможностях. Дворцы, сокровища искусств, наука, армия — не причины, а следствия могущества. Люди сходятся, и творят грандиозное. Затем уходят туда, где важнее, оставляя груды развалин. К чему эта непоседливость?

От Междуречья до конца Советского Союза мы видим волны подъёма и распада. Очевидцы и историки, разбирающие происшедшие с тех пор катаклизмы, как один клянутся: решающим фактором краха стали ошибки в решении вопросов земельной собственности и этнического (семейного, национального, религиозного) происхождения. Несмотря на единодушие, как-то не очень в это верится. Неужели пять тысяч лет человечество знало в чём проблема, но всё равно наступало на одни и те же грабли? Сегодня (как и на исходе древнего Рима) целые регионы плодородных земель брошены, деревни оставлены, принадлежность к великим именам и народам упоминается со смущением. Никто не хочет обременять своё будущее связями с сомнительным прошлым. Куда канула прежняя бризантность? В чём смысл тогдашней смертной схватки за «землю, кровь и волю»?

Талейран интересен как инициатор, жертва, участник, выгодополучатель, могильщик и яркий летописец Великой Французской Революции. Он пронизательно задокументировал основные порывы, ожидания и мнения того времени. Вроде, жизнь до и после перелома несопоставимы, и всё же...

Описывая дореволюционную знать, Талейран подробно освещает бесчисленные уловки, направленные на выдвижение знатью своих сородичей на важные и прибыльные посты. Принадлежность сословию позволяла двадцатилетнему аристократу начать карьеру с уровня, которого простолудин мог достичь, в лучшем случае к 50ти годам. Огромное преимущество ввиду средней продолжительности жизни тех времён около сорока лет. Национальная принадлежность и гражданство имели аналогичный эффект. Они переносили своих протеже к финишу марафонов накопления. Принадлежность к «земле, крови и воле» были вопросом предоставленных возможностей. С потерей привлекательности этих подъёмников от прежних идолов отвернулись и последовали новым.

Когда-то молодёжь была неимущей. С новичков нечего было взять. Портреты предков с пышной бородой в тяжелых золотых рамах украшали стены министерств и университетов. Люди имитировали солидность, хотели казаться старше, иметь важные профессии, принадлежать к высшим кругам. Но вот какие-то 50–100 лет назад. Как это было давно! Кредитная система взмахнула волшебной палочкой. Всё стало другим. Зачем копить и собирать, когда можно оплачивать будущие расходы уже сейчас.

Пишущая машинка, калькулятор, телефон, телефакс и фотокопирование сделали пожизненный учёт долга обыденностью. Предки и возраст стали обузой. С сединой в бороде трудно получить кредит. Трудолюбие, бережливость, неприхотливость стали вместо средства самоутверждения, жупелом обслуживания кредита. С упадком наследственных средств самоутверждения расцвели напористость, цепкость, дерзость, но и зависть, подсиживание, домогательства и доносительство на всё самостоятельное и независимое.

Молодёжь бедна и неопытна. Во времена общей дезориентации у неё есть значительные преимущества: беспечность, с какой берутся обязательства, нужны они или нет, открытость, гибкость и изобретательность при погашении долга, которому отныне

посвящена жизнь, и её достаточная продолжительность для долгосрочных расчётов. Человечество стало восприимчивее для любых нововведений, снижающих бремя долга, но и неразборчивее и бесхребетнее в стремлениях. Кредитоспособность стала важнее ликвидности. Люди начали имитировать молодость, красить волосы, носить тесно облегающую одежду, отсасывать жир, подтягивать кожу. Всё среднее, посредственное, осталось неизменным, как и было. Сменилась вывеска. Люди в который раз предпочли жизни её внешнее.

Сумерки богов

А всё-таки жаль, что кумиры нам снятся по-прежнему, и мы до сих пор всё холопами числим себя...

Не будем слишком строги с Окуджавой. Элиты, бесспорно, драгоценны, как бы зависть их ни принижала, что бы там ни говорили, но, с другой стороны, их истинные представители для большинства неизвестны. С элитами как с картошкой, лучшее всегда незримо под землей.

Картофель попал в Европу одновременно с табаком. Его клубни были питательны и вкусны, их было удобно выращивать, хранить и перерабатывать. Но благая попытка законодательно внедрить картофель полыхнула от Франции до России крестьянскими восстаниями. Табак был дорог, вреден для здоровья, и тем не менее распространился от Испании до Китая, намного обогнав картошку. Картошка на столе была признаком бедности. Курение придавало шик. Разве что-то может быть никчёмным у богатых? Сорт табака, красивая упаковка, аксессуары возвещали достаток и благосостояние владельца. Смокинг был создан не для торжеств, а только для того, чтоб в нём курить. Впрочем, курение воспринималось именно как торжество.

Тысячелетия, бедность и тяжелый физический труд были сямскими близнецами. Успех грезил праздностью, многочисленной

прислугой и необузданностью желаний. Богатство состязалось в изобилии, каретах, замках, тучности телесных форм. Голод подстегивал худобу, зависть и алчность бедняков. В петиции восставшего Гуситского крестьянина есть место: «на месте господина, я каждодневно ел бы только жир». Бррр!

Сахар до XVI века был недоступен. У королевы Англии Елизаветы I проблем с ограничениями не было. За пристрастие к сладкому она поплатилась поредевшими и практически чёрными зубами, ставшими в тогдашней Англии, вы не поверите, эталоном придворной красоты. Подданные нарочно красили свои зубы в чёрный цвет, симулируя высший общественный статус.

Сахаром сегодня никого не поразишь, да и изобилием тоже. Ради очной недостижимости элита тратит состояния на дорогостоящую стерильность окружающей среды, изошрённые фитнес-программы, эксклюзивные продукты и напитки. Бутылка с питьевой водой стоимостью более 100, и даже 1000 евро больше не является чем-то особенным. Тренажёр за несколько десятков тысяч евро — обыденность. Членство в клубе с запредельными ежегодными взносами — желанный символ исключительности.

А ведь есть люди, которые, как и Гуситский крестьянин, о таком мечтают, теряя из виду самые ценные из человеческих благ: ум, скромность, тактичность, умеренность, лёгкость бытия. Многие, слишком многие, равняются на высокомерие и вседозволенность. Шесть пересадок сердца, купленных себе Рокфеллером вне всяких очередей и моральных соображений, трансплантации эмбриональных клеток, обещавшие бессмертие, но только выкосившие многих «звёзд» политики и эстрады; пластическая хирургия, ботокс, генная терапия показывают: «элита» испокон веков была материалом для сомнительных экспериментов по выживаемости. Может, это и к лучшему. Большинство этих подопытных не особенно жаль. Тот факт, что эксперименты недостижимо дороги, только подчеркивает духовную бедность самовлюблённости. Самопровозглашённая «элита» — плод иллюзии, да и сама она активно напрашивается на лесть и обман.

Альтернатив самосовершенствованию нет. Умение жить, творить, любить — можно достичь, но не купить. Истинные дворцы возводятся из подсобок.

(У)Вещеватели

Нашедшие клад, не горланят, и не становятся в позу. Они живут своей находкой, радостно делясь неожиданным счастьем с друзьями. Проталкивать, уговаривать, вынуждать — к чему это им?

Интересно, что обнаружили увещеватели, громко зазывающие нас в счастливое будущее без роста, без промышленности, генной инженерии, атома, автомобилей, да и без много чего другого? Неужели мы действительно зашли слишком далеко и обязаны развернуться, оставив воздвигнутое? Вернуться куда? К паразиту, от которого мы произошли? Нет уж, как бы зверь в нас ни выл и ни корчился в предсмертной агонии, нам с ним не по пути: только вперед к осознанию духовного и к звёздам!

В каменном веке бронза считалась делом сатаны. Позже железо было демонизировано, а бронза превозносилась. В средние века уже мельников считали дьяволами. Сегодня «их поклонники» сидят в правительствах и повсюду вздымают ветряки. В XVIII веке крестьяне выступали против железных дорог. Как коровам давать молоко, если мимо них несутся железные колоссы! Сегодня всех хотят пересадить с автомобиля на железку, а ещё лучше — на велосипед.

Генная инженерия попала в немилость с первых шагов. Её хулиганы не особенно оригинальны. Страх пронизывающий их взгляд на генетику не отличается от ужаса дикого зверя, крадущегося вокруг человеческой стоянки и боязливо вглядывающегося в пламя костра. Их критика одинаково неуместна, как и дифирамбы на выдуманные возможности генетики и научного прогресса.

Гены — это слова, их последовательности — буквы. Так же, как и документация по строительству атомной бомбы ровно ничего не значит для человека средних веков, так и вставленные в геномы

организмов неродственные гены — не более чем несумятица для них. Таким образом манипулированные организмы просто не сумеют прочесть вставленные в них секвенции, а если и прочтут, то не поймут и не реализуют. Конечно, шутник-издатель может для прикола переиздать книгу о здоровой пище, вставив между отдельными рецептами, математические теоремы и выкладки. Ниче страшного не произойдёт. Готовящий по её рецептам еду, просто перепрыгнет вставки, зачеркнёт или вырвет ненужные страницы, следуя смыслу, а не букве текста. То же самое делают генетически переименованные организмы.

Это особенно видно на примерах таких «грозных» видов биоружия массового поражения как COVID, птичий грипп и свиная чума. Получатели грантов и их работодатели мечтали о бог знает какой вундервафле, надеясь запугать и подчинить человечество своей воле. Вышел сезонный грипп. В начале ещё довольно серьёзный, но быстро теряющий свою патогенность и расщепляющийся на всё более безобидные мутанты. Оказавшись на свободе, вирус быстро вернулся к тому, чему он научился в эволюции и что представляло для него смысл. Не генная инженерия, а человеческое паскудство опасно. Оставим заклинания вечно вчерашнего их созидающим ретроградам и расслабимся, слушая их страшилки. Несмотря на все тревоги, дорога человека не обрывается за поворотом, а раскрывает только новые перспективы.

ПРИРОДА

Египтяне считали, что Земля — это шар, родившийся, чтобы однажды умереть, что звёзды состоят из огня, который, угасая, дарует жизнь на земле, что затмение наступает, когда Земля попадает в тень Луны.

В III веке до нашей эры Диоген Лаэртский перечисляет эти и другие (с его точки зрения) смешные заблуждения, предшествовавшие достоверной греческой философии.

Мы тоже снисходительно улыбаемся над нестыковками прошлого, не замечая собственных глупостей. Термин «природа» (в греческом, да и в русском тоже) произошел от слова «рождение» или «развитие». Мы забыли первоначальное значение и, подобно учащемуся, пренебрегшему домашним заданием, теряемся в интерпретации. Лес, луг, ручей, щебет птичек — это явно природа. А к чему относится остальное? Нас окружают вещи, которые не вписываются в романтический образ светлых лесов. Где грань между природным и «неестественным»? Откуда берутся неестественные вещи? Может ли в природе быть что-то вне природы? Чем «химия» отличается от очищенного натурального продукта? Мука и сахар, отфильтрованная вода — это что, чистая химия или наичистейшая природа?

Да ладно, каждый знает, что такое природа, а что нет!

— Откуда уверенность? Убеждающая сила ошибочного заключения как раз в беспрекословности «само собой разумеющегося», с которым оно себя преподносит. Дружелюбие сегодняшнего ландшафта — вовсе не свойство природы, а заслуга прошлых поколений. Даже внезапное появление между камнями шипящей и грозно извивающейся змеи нам в самом деле не очень-то страшно. Всё, что могло навредить человеку, истреблено или укрощено.

Теперь мы можем хвастливо превозносить природу, которая давно превратилась в парк отдыха, да и то не везде во вселенной, а только в одной мизерной точке мироздания. В средние века было всё повсеместно иначе. Природа была ещё бесспорным врагом и не только в космосе, но и на родной Земле.

Пустыни, болота, тёмные леса и бурлящие реки ещё не были приручены и требовали жертв не менее жестоко чем окружающее Землю безвоздушное пространство (или лежит космос вне природы?).

В 542 году южную Европу охватила чума. За следующие 150 лет население европейских средиземноморских стран сократится с 13 до 9 миллионов. Только в начале XI века оно составит 17 миллионов. Согласно записям, в Англии жило 1,2 миллиона в 1086 году

и 2,3 миллиона в 1340. Однако с 1347 по 1351 год чума забрала четверть населения Европы. В 1385 году чума снова бушует. В среднем умирает каждый пятый. Туберкулёз, проказа, сибирская язва, трихинеллы, шигелла, дифтерия также требовали своё.

Может неправильно причислять болезни природе, ведь они противоестественны. Но даже если мы и примем этот довод, болезни никогда не существуют сами по себе, а отображают условия жизни. Так вот, средняя продолжительность жизни в средние века была около тридцати двух лет. Детская смертность катастрофична.

В конце средневековья в Священной Римской империи проживало около 20 миллионов человек, во Франции — 15, в Испании — 10, в Англии — 3,5 миллиона. Только с середины XV века наблюдается устойчивый рост населения. Это при том, что тогда женщины рожали в среднем шесть и более детей. Холод, голод, грязь, бездорожье били сильно и больно. Нет, не мифическая доброта природы, а человек делает обстоятельства союзниками.

На скамейке сидит молодая женщина. Солнце выжигает тени деревьев на плавящемся от зноя асфальте, но полумрак защищает её от жары. Длинное розовое платье, широкополая шляпа, белые туфли, воздушная шаль вокруг шеи, изящная сумочка в руке: всё выглядит чарующе и загадочно, как на картинах импрессионистов. Только вот ничего загадочного нет.

Стены больницы и инвалидное кресло рядом со скамейкой выдают, что прикрывают наряды. Под их покровами опухшее и бескровное лицо, облысевшая голова, торчащая в шее пластиковая трубка и вымученное химиотерапией тело.

Почему эта женщина растрчивает свои скудные силы? К чему такие огромные усилия тому, кто без посторонней помощи и встать то с постели не может? От кого скрывает эта женщина неизбежное? Ничего она и ни от кого не скрывает. Ненавидя то, кем она кажется, но не будучи этим на самом деле, она пытается исправить ошибки природы.

Ах, была бы у нее крошечная доля тех сил, что и у её тела с миллиардами клеток, генов, гормонов. Какие чудеса она бы творила!

Но даже крайне обессиленная, она не сдаётся. Тщательно распределяя детали наряда, она превращает жалкие обломки телесности в произведение искусства. Мужчина, якобы, не способен чувствовать, что происходит в женщине, но понимает её протест и борьбу он очень хорошо.

Что отвратительнее дарованных «природой» чумы, бешенства, холеры и естественнее привнесённых химией лекарств? Что противоестественнее близорукости и естественнее пластмассовых очков? Что отвратительнее природных народов с их каннибализмом, рабством, грязью, голодом и натуральнее радио, компьютеров и космических кораблей?

«Естественное» — это всё то, что развивает жизнь. К нему относятся спорт, знания, чистота, питьевая вода, автомобили, асфальтированные дорожки. Будь-то музыка, лазерные эффекты, телевизор, сахар, мука, моющие средства, одежда — решающим, является не происхождение, а вклад в совершенство.

Назад к природе не пройти; к природе можно только прорываться, если нужно, то и через преграды якобы «естественных» и природных сущностей навреде грязи, болезней, холода и голода.

Но откуда эта тяга к первозданности?

Пару тысячелетий назад, да и позже, домом человека были леса, луга, пещеры, скалы. Человеческие чувства привычны к шороху листвы, плеску воды, зелени нив, утренней росе, сияющему рассвету, пелене тумана и баюкающей тишине сумерек. Крик совы, топот копыт, горизонты и сверкание звёзд зовут его. От этого досталось современнику мало. В тесных клетках квартир, машин, работы — всего этого нет. Бунт противления понятен, хоть и бездарен, пока слеп. Цели «зелёных» противоположны надеждам расслабиться на лоне природы. Люди — риск, люди — проблема для дикой природы, а поэтому человек — единственный вид, лишаемый зелёными политиками права жить в её стане. Природобесы называют это равновесием, забывая, что любое равновесие для жизни — это только призрак подступающей смерти. Альтернативы культурному ландшафту нет. Вместо тюрем, окруженных зелёной зоной,

запретной для посещения большинством и предоставленной избранным, важно превратить человеческие дома и работу в общий для всех цветущий сад. Повторение невозможно, оно при любом раскладе не достижимо, но и подражание вредно. Что может быть безрассуднее попытки остановить, а то и ещё развернуть эволюцию! Но куда, как идти, что взять, что оставить, не вмешиваясь в естественные процессы? Да и в чём заключается это самое, естественное?

Эпоха возрождения гордилась и в тоже время стыдилась своих машин. Рядом с совершенными творениями природы механические «монстры» выглядели удручающе. Отсюда возникло предубеждение, что естество природного выше искусно созданного человеком. Но мы-то уже давно знаем, что в природе чудес не бывает, и она тоже часто заходит в тупик и не знает, как дальше. Её совершенство — результат миллиардов лет противоречивого процесса шлифования, утряски и подгонки всего, что изобрела эволюция. Нам столько времени не дано. И всё же стыдиться не стоит. Многие из наших творений уже сравнимы по совершенству с природными и даже во многом превосходят их. Имитации же выглядят по-идиотски, как целлулоидный газон, позеленённый акриловой краской.

Природное не эталонно, естественное неподражаемо, напротив, это вообще величайшее искусство быть «естественным», расти, действовать, думать, как единое целое. Сколько грации может быть в одном жесте, и как сложно добиться её!

Кто-то, проходя, исполнит джаз, станцует степ или брейк, сложит и произнесёт стихи, наденет штаны, назвав их санкюлоты или джинсы, разобьёт парк, и все почувствуют, что эти новые: литература, музыка, движения, выражения и видения Мира самые натуральные. И, наоборот, всё, что считалось естественным, отныне выглядит неестественно и натянуто-вынужденно.

Как ни важно созданное за миллионы лет эволюции, важнее то, что будет окрылять грядущие века. Именно это право на будущее, позволяющее нежному лютику разрывать асфальтовую поверхность тротуара, является сутью естественного, которое так восхищает нас в природе.

Давайте остановимся на том, что считается неестественным. Так ли уж оно достойно презрения?

Слепая саламандра *Proteus anguis*, обитатель подземных озёр, исполняет свадебный танец, как и предки, не догадываясь, что партнёр её не видит, да и что её теперешняя внешность обветшала и неприглядна, попади она под чей-то взгляд. Этот вид саламандр потерял зрение несколько миллионов лет назад. Свадебные традиции пережили канувшую в небытие былую яркую окраску кожи и плавников. Можно привести множество примеров, когда поведение переживает телесные органы, да и целесообразность, как таковую. Мы подробно останавливались на этом «сжатию жизненного содержания» у подёнок и стрекоз. Гротескность пристрастия к изжитому превращает ранее необходимое в фарс.

У человечества много таких рудиментов: агрессия, тщеславие, самовосхваление, зависть. Становление человека заключается в избавлении от ненужных, да и вредных стереотипов поведения. Но можно ли их преодолеть, не совершая?

Воспитание состоит из проигрывания ситуаций, в которых человек неизбежно потерпит неудачу, если будет следовать своим врожденным побуждениям. Такое проигрывание может показаться неестественным, оно помогает избежать худшего. Мы видим его проявления каждодневно на глупостях, необдуманно совершаемых молодыми поколениями. Они удручают нас, но в тоже время одергивают и приводят к осознанию их исполнителей, выявляя то неправильное, что подрастающие неумышленно совершают. Будем снисходительны к дурачествам юности, мы были не лучше. Восходящая буржуазия зачастую перегибала палку. Пуританская мораль, пытавшаяся искоренить всё лишнее, породила ещё более уродливые пороки. Напористость инстинкта только растёт, когда его игнорируют. Но, к чему подавлять бессмысленный рост ногтей, бороды или волос. Пусть растут, чтобы их обрезать или сбрить в свободное время. Когда мы уже научимся обходиться со всеми назойливыми и неуместными инстинктами так же непринуждённо!

Искусство и искусственное

В наше время, деление на природное и искусственное приняло схожую остроту, как ещё недавно сегрегация на господ и рабов, рабочих и капиталистов. О природе мы говорили. Но что такое искусство, а что такое искусственное?

Ящики и шкафы пыльных чердаков и кладовых, зачастую прячут настоящие сокровища. Порывшись в накопившемся там хламе, мы неожиданно находим: старинный музыкальный инструмент, вретено, лапти, столовые приборы из дерева, почтовые открытки. Забытые «почти что в мусоре» эти предметы пережили время каждодневного пользования. Будущее, для которого они непригодны, став настоящим, отняло привкус необходимого. Все напоминания о трудах, обязанностях, расходах, повседневных заботах, связанные с их приобретением или использованием, забыты. Осталась одна наглядность возможного или чистое искусство их созидания.

Монументальные постройки и филигранные украшения, линии, цвета, формы сосуда, стола, стула — **искусство, это памятник умения, раскрытие творческой силы создателя, демонстрация завоеванной практичности, стимул и средство для личного совершенствования.**

Умение, направленное вместо созидания, на подделку видимости, превращает искусство в искусственность. Подделка — одногодка творения. Бывали времена, утопающие в фальши.

Судя по мощам, хранившимся в храмах Европы, тела сподвижников Христа непомерно разрослись после смерти.

Средневековые архивы полны документами событий, никогда не случавшихся. Деньги, золото, шедевры — всё, что имеет ценность, были целью подделок. Но что искусственного в нейлоне, тяжелых металлах и радиоактивных изотопах, электронном изображении или воспроизведениях музыки?

Искусственное определяет не материал, а тем более, не новизна, а подделка и откровенное жульничество. Химик, создающий подсластитель, свидетельствует об искусстве своей профессии, как

и врач, который использует его при лечении диабета. Тот же, кто ради кратковременных доходов пичкает им продукты питания во вред человечеству, плодит искусственное.

ЭКОНОМИКА

Экономика основана на корысти и эгоизме – утверждают основатели теорий рынка. Эпоха промышленности началась с разрушения традиционных зависимостей. Полезным инструментом для этого был эгоизм. Стяжательство переняло грязную работу пробивания дороги рыночному производству. В остальном эта формула глубоко ошибочна.

Экономика построена на стремлении человека к совершенству. Необходимой предпосылкой для этого является материальное обеспечение. Претворение человеческих стремлений через хозяйственную жизнь и есть экономика.

Отношения личного и общественного не predeterminedены какими-либо односторонними формулами, а зависят от обстоятельств. Если конкретное сообщество препятствует развитию личности, то личность предпочитает свои интересы товариществу и наоборот. Но, вместе ли или порознь, общее направление экономической жизни всегда одно и то же — ввысь. Ежедневно наблюдаемые и плохо предсказуемые развороты, колебания взлётов и спадов вызывают сомнения в поступательном ходе экономического развития.

События и в самом деле неоднозначны. Но так обстоит и с любым стремлением. Не всё желаемое реализуемо. Ошибки, падения и катастрофы неизбежны. Но всё реализуемое направлено на расширение. Обратное движение противно жизни и является не её результатом, а болезнью. Конечно, недугов не избежать, но даже там, где они возникают и распространяются, жизнь не стоит, противится и непременно перемалывает хворь или уступает место более перспективному.

О чём?

В русском переводе труда «Капитал» Карла Маркса противопоставляются стоимость и цена. Отсюда «научно» выводятся разнообразные экономические понятия, включая разнообразные формы капитала и эксплуатации. Но вот загвоздка. В оригинале, автор противопоставлял вовсе не стоимость и цену, а Wert и Preis. В русском издании немецкое слово Wert (обозначающее ценность, значение, цену) переведено как стоимость, а слово Preis (обозначающее по-немецки стоимость и номинал ценника) как цена. Другими словами, для обоих основополагающих понятий при переводе было выбрано противоположное (или по крайней мере существенно отличающееся от авторского выражения) обозначение.

Так о чём же идёт речь в русском переводе «Капитала» и как изложенное соотносится с оригиналом, если противопоставления вывернуты наизнанку? Наверное, мы никогда это не узнаем. Впрочем, никто не заметил подмены на протяжении столетия. «Капитал», несмотря на своеволие переводчика, служил обоснованием экономических экспериментов при «социализме». Ничего ужасного не последовало, хотя очень многие и ссылались на «непререкаемого» Маркса, обосновывая своё. Каждый выбирал в нём то, что ему нравилось, что не особенно удивляет или настораживает. Беда не в неудавшемся переводе. У Карла Маркса, как и у других теоретиков политэкономии тоже постоянно происходит подмена значений, иногда даже внутри одного и того же предложения. Вроде повествование течёт при этом гладко, но вот только по ходу меняется и искажается смысл. Важно разобраться о чём мы ведём речь, что мы подразумеваем под отдельными словами и как мы соотносим их друг с другом. Поэтому в этом разделе я обращаю особое внимание на однозначность высказываемого.

Для облегчения ориентации и контроля я выделил **«определения»** жирным шрифтом, чтобы легче было бы проверить, не происходит ли подмена их содержания автором или читателем по ходу повествования.

Ценности

Цель экономической жизни — преумножение ценностей.

Ценности порождаются работой, но не является ею. Если бы труд и усилия имели собственную ценность, то отжимания и приседания были бы наиценнейшими занятиями: удобными, воспроизводимыми и полезными для общественного здоровья. На самом же деле, ценности имеют отношение к работе лишь в той степени, в которой они делают усилия ненужными и, как минимум, приносят облегчение, но чего и в чём?

Ценность чего-то — это его ожидаемый вклад в наполнение жизни радостью, смыслом, свободой и плодотворностью, причём приобретение интересно не как таковое, а как превышающее затраты на его достижение. Работа, тяжелый труд — неизбежное зло. Они делают ценности возможными, но и умаляют их в размере вычитаемых усилий. В то время как затраты поддаются непосредственному измерению понятному каждому, ценности существуют только как предвкушения.

Решающим в ценностях являются не мечтания, а их исполнимость. Воплощаемость, в отличии от грёз, вполне реальная величина, не зависящая от того, что о ней кто-то думает. То, что не каждому дано правильно мерить ценности, не умаляет их значимости.

Состояние

Состояние — это объём того, что человек или общество в состоянии предпринять с имеющимися средствами. Внешним его выражением является стоимость, истинным — достижимая ценность.

Обычно, под состоянием понимают вещественное. Материальное легче мерить. Недвижимость, банковские счета, акции заслоняют суть. Умение и способности что-то вершить или держать на плаву менее заметны. Современник, копающийся в сундуке, набитом

акциями Российского имперского банка, не может понять чувства вкладчика, накопившего эти бумаги до Первой Мировой Войны. Собиратель макулатуры откладывает найденные им пожелтевшие рукописи Леонардо да Винчи отдельно от стопок просроченных телефонных справочников и использованного картона, так как первые менее прибыльны при сдаче в утиль.

Ум, образование, навыки или материальные объекты увеличивают состояние ровно на столько, как их вклад в объём достижимого. Этот вклад варьируется от человека к человеку, от сообщества к обществу, от страны к стране, от эпохи к эпохе. Тем не менее только объём задействованного и реализуемого жизненного начала является истинным богатством. Всё остальное лишь красочная обёртка.

Стоимость

Хозяйствовать — значит ставить цели, отыскивать методы и пути их достижения, учитывая наличные предпосылки. Каждый стремится приумножить свои возможности, как минимум их сохранить. Реальность предлагает оказыи, сообщество представляет средства, личность мобилизует свои способности. Для индивидуума некоторое кажется более или менее ценным, доступные ресурсы менее или более пригодными, а трудности, более или менее преодолимыми. При задействовании внешних средств и ресурсов приходится считаться с чужими притязаниями. Пересечение стремлений порождает противоборство. Чем желаннее что-то, тем труднее задача овладения им и его сохранения. Необходимые для этого издержки и есть стоимость материального или нематериального состояния.

Стоимость — это мера усилий необходимых для приобретения, удержания или достижения чего-либо в конкретной ситуации. Стоимость выражает желанность чего-либо для рынка и трудность его вычленения, получения и удержания за собой. Стоимостью, кроме прочего, пользуются для сравнительной оценки достижимости товаров.

Товар

Труд и упорство предпосылки, но не родители ценностей. Истинными творцами ценностей являются умение и компетентность, достигающие наивысших целей с наименьшими затратами. Компетентность вездесуща, но по-разному направлена.

Каждое состояние имеет поэтому наряду с личной, общественную и рыночную ценность, соответствующую мере её важности для других людей. Если вы можете достичь со своей собственностью меньше, чем кто-либо другой, если её ценность для вас ниже её общественной или рыночной стоимости, появляется стимул к взаимовыгодному обмену, при котором каждый, вроде бы следуя исключительно своим интересам, обогащает других.

Смысл и цель обмена — это приумножение ценностей. Любой обмен (зарплаты на работу, товара на денежные средства) есть выражение сотрудничества. Только при наемной работе это сотрудничество осуществляется непосредственно, а при производстве и реализации товаров сдвинуто во времени.

Товар — это предложение к обмену (т.е. сотрудничеству), сопряжённое с определённой ценой, независимо от того, является ли предложение вещественным или действенным.

Цена

Очень важным для понимания экономики является умение различать значение сходно звучащих слов. Вроде ценность и цена указывают на одно и то же. На самом деле это совершенно разные понятия.

Запрашиваемая цена является выражением готовности к обмену или соучастию, т.е. объём чужой (как правило рыночной) стоимости (состояния), ради которого индивидуум готов к обмену.

Кто-то предоставляет навыки, кто-то инструменты и средства: все эти крайне разнородные части, по мере их вклада в рост состояния,

становятся основой для минимальной расчётной выгоды обмена. Тем не менее их природа не математическая. Величина назначаемой цены зависит не от себестоимости, а от интереса участника в результатах предприятия, которому он предоставляет своё состояние.

Непосредственно заинтересованный в достигаемых ценностях работает, желая лишь возмещения трат, без которых они не могут трудиться. Величина издержек составляет нижнюю планку выставяемой цены. Безразличный к преследуемым ценностям, интересуется благами, лежащими вне предпринимаемого, и запрашивает цену, максимально выжимаемую за своё содействие. Теоретически её верхний уровень соответствует ценности для покупателя.

Работник, собственник, продавец товаров, выставяя цены, требуют собственность в залог, при которой они готовы принять участие в обмене (продать свою рабочую силу, недвижимость или продукты производства).

Нежелание (не умение) оплатить выставленные цены не предвещает достоверной пользы для потенциального участника обмена. Оплата (принятие) цен гарантирует обоюдность.

Запрашивать цену — ещё не значит её получить.

Торг

Восхваление своих товаров как непревзойденных ценностей, преувеличение собственных затрат, заламывание цен и требование их оплаты как предпосылки обмена выглядят со стороны неприкрытым торгашеством, и часто являются сплошным преувеличением если не откровенным жульничеством.

Но к чему по отдельности разбираться с нюансами ценностей, цен и стоимостей товаров если все эти величины на рынке при торгах выражаются усредненными человеческими усилиями? Разве нельзя законодательно закрепить стоимость как меру интенсивности труда и проследить за честностью применения этого эталона при обмене? Нельзя!

Смысл торгов, взаимооценок и перетягивания каната не в повороте обману, а в коллективном поиске максимально реализуемых ценностей.

Ценности — это предвкушаемые величины претворяемого, ещё не существующего, а потому пока неизмеримого. Их оценка может быть правильной, а может и ошибаться. Кто из участников торгов прав, кто грезит, а кто (по незнанию или преднамеренно) мутит воду? Истинная ценность становится очевидной только по мере созидания. Из-за расхождения сегодняшнего с будущим, ценности не являются менее реальными, даже наоборот! Но очевидны и притягательны они далеко не для всех. Их определить, усреднить и закрепить так же невозможно, как и остановить поступь будущего.

Стоимость — это величина, измеряемая средними усилиями рынка, необходимая для достижения определённой цели. Ценность прозрачна в настоящем и железобетонна в будущем, стоимость реальна в настоящем, но эфемерна в завтрашнем. С претворением ценностей, с ростом богатства и возможностей стоимость отдельных усилий падает.

Предварительная оценка стоимостью ценности и цен при торгах, выставление собственных цен и их реализация в ходе достижения ценностей и минимизации конкретных затрат позволяют:

1. Гарантировать честность намерений предпринимателя и предприняемого, а также временную беспроектность участия для тех, кто не видит поступи времени.
2. Прозондировать спрос.
3. Найти оптимальный путь для достижения своих, основанных на индивидуальной компетенции интересов.
4. Раскрыть наиболее подходящих партнёров рынка.
5. Отыскать необходимую собственность.
6. Наметить направление максимального роста.

Интерес

Величина ценности не зависит от стоимости и усилий, затраченных на её достижение. Ценность книги никак не сравнима со стоимостью её оригинала, а тем более копий. Ценность первопроходца, достигающего Америки, и рыбака бороздящего океан ради грошей пропитания никак не сопоставимы.

А зачем тогда переплачивать, если можно получить участие практически задаром, пошлав в Америку рыбака или просто дождавшись пока очередной Колумб сам не найдёт туда дорогу? И наоборот, зачем делиться ценностями с другими, если они не принимали участие, безвозмездно отдавая им открытые возможности (книги, карты, мысли) и прокладывая пути? Вопрос далеко не философский. Генуя, Португалия, Англия, финансовая империя Медины кстати отклонили предложение Колумба плыть на запад, чтобы достичь востока. Испания приняла и даже законодательно передала ему право на управление всех открытых земель и извлекаемых с них доходов, то есть, как оказалось, Америки. Оглядываясь, мы знаем, что из этого вышло — Колумб умер нищим. Испания худо-бедно живёт. Окрепло и развилось лишь то, что развивает и служит всем людям, а не отгораживает что-то от кого-то.

Самое ценное — это жизнь. Пересечь границы времени и территорий можно только совместно направляя потоки устремлений в наиболее перспективное для человечества русло. В преследовании этих целей подтверждается индивидуальный интерес и выясняются конкретные горизонты развития.

Не каждому дано их видеть в равной мере. Работник заинтересован в зарплате, а не в целях предприятия. Производитель товаров заинтересован в продажах, а не в том, что покупатели с этими товарами предпримут. Выставляемые (желанные) цены тем выше, чем меньше интерес продающих в совместных целях предприятия. При взаимности интересов и видений — торг отсутствует. А участники не только не выставляют цены, но ещё и доплачивают. А что разве так бывает? Да, и повсеместно.

Любая совместная деятельность (товарищество, научные и общественные сообщества) основаны на понимании, взаимоподдержке и взаимообогащении. Заинтересованные в ней не набивают себе цену, а вкладываются по полной ради участия. Не потому, что они безудержные филантропы. А потому что совместно достигаемые ценности настолько превышают все затраты, что делают любой торг неуместным. Поэтому самые высшие ценности жизни не торгуются, а предлагаются в качестве дара. Предлагающие их рады, если их дар будет принят и с успехом воспользован. При этом для взаимного действия важны не моральные послы и высокие устремления, а реальные перспективы осваиваемого. Какими бы желанными они ни были, последние невозможно приказать или назначить, их нужно открыть, заслужить и развить. Попытка всегда и во всём достичь взаимопонимания разрушительна. Производство хлеба, часов, машин, и даже спичек требует специальных знаний. Объяснение непосвященному преимуществ тех или иных действий ради их соиздания — неподъёмный труд. Банальная оплата выставленных цен позволяет человечеству одновременно преследовать невероятное число целей, даже не пытаясь уместить все эти цели в одной голове. Уравнение же отдельных сознаний возможно только однобоким навязыванием и не только не желательно, но и вредно. Никому не дано быть столь разнообразным, умным и способным, как всему совокупному человечеству.

Доступность

Общая динамика цен товаров и труда разнонаправленны. В то время как цена труда с ростом его производительности растёт, падает цена товаров с уменьшением затрат на их производство и с растущей доступностью. Как себестоимость, так и доступность давят на цену.

Любое эгоистическое стоимостное предложение преследует максимальную выручку. Максимальная стоимость соответствует

общественному интересу. При низкой доступности, реализуемая стоимость товара достигает потолка его ценности. При высоком интересе и низкой себестоимости разница в выручаемой прибыли может быть огромной.

Чем больше прибыль, тем больше желающих воспользоваться ей для своего обогащения. Их деятельность увеличивает доступность товара и приводит к падению рентабельности до минимально приемлемых для производства величин.

Увеличение производительности труда приводит к тому, что труженик ищет для себя достойное применение и избегает занятий, не приносящих сопоставимых желаемым результатам. Цена труда при этом растёт. Но происходит этот рост не автоматически, а только если для его участия есть достойное применение. Эффективность важна, но она не решающая. Важно лишь насколько труд служит общественному интересу. Там, где интерес насыщается, падает реализуемая цена труда. Важна не работа, а есть ли на неё спрос.

Спрос

Люди ищут счастья. Что их к нему приближает, радует и имеет спрос, то, что без пользы сковывает силы или перегружает — отталкивает.

Спрос привередлив. За банкетным столом, ломящимся от деликатесов, мы не бросаемся на картофельный салат, по опыту зная, что глаза желаний намного больше свободного места в желудке. Чем поспешнее мы уступаем своему аппетиту, тем быстрее радости переходят в пресыщение, тошноту и рвоту. Непомерная цена также отпугивает при противопоставлении затрачиваемого и получаемого. В желании достичь большего наименьшими усилиями, все стремления сходны.

Потребность или спрос — это (в жизни, как в экономике) мера желанности для исполнения стремлений, без пресыщения или усталости.

Многое ценно, и мы прекрасно понимаем его ценность, но у нас не возникнет соблазна купить Букингемский дворец или Мону Лизу Леонардо. Даже если бы мы смогли найти необходимые для покупки средства, приобретение не обогатило бы нас. Мы стали бы беднее на количество потраченных денег, сил и дней жизни. Вполне возможно, что денежный долг отправил бы нас в тюрьму или приют для бездомных. Прибыль, превышающая идеальную ценность, доступную всем, не доступна каждому. Мы не можем начать с этими ценностями ничего, что соответствует их стоимости.

Руководствуясь теми же соображениями, мы проходим мимо пышных витрин, искренне восхищаемся выставленными товарами, не покупая их и даже не думая о их приобретении. При этом предложения могут быть даже чрезвычайно дешёвы с точки зрения соотношения их ценности и запрашиваемой цены.

Человек тянется к ценности и ограничивается потребностью и затратами её реализации. Стремление должно с достижением целей его усиливать, а не ослаблять. Многое ценно, но с учётом того, что осуществимо, вовсе не обязательно желанно. «Несправедливость» общества или рынка — результат того, что от них нельзя ожидать большего, чем они способны переварить. Поэтому низкие ценности в начале всегда предпочитались высоким, а возвышенное не ценится современниками должным образом.

Какая польза от высшей математики первобытному обществу? Что толку муравью от атомной физики? Знания, умения и средства должны быть удобоваримыми для участников. Только предложения обмена, которые обогащают людей, снижают расходы, укрепляют самосознание и увеличивают их богатство, одновременно порождают спрос и позволяют переход к всё более высоким ценностям.

Можно и иначе. Если человеку перекрыть доступ к необходимому, то желанность недостающего станет выше, даже при мизерной или негативной (по затратам) ценности предложения. При таком вынужденном обмене, ценность не преумножается, а исчерпывается с падением того, что человек может себе позволить.

Вместе с растратой истинного общественного состояния, чахнет и общественный спрос. Проедаются семена будущих урожаев.

Претворение

Рабочая сила и предметные товары, по сути, одно и то же. Их ценность, стоимость и ценообразование принципиально одинаковы, только при найме (зарплатах) выступает создателем ценностей предприниматель, а рабочий исполнителем заказа, а при товарах создателем ценностей и заказчиком является массовый покупатель, для которого предприниматель является исполнителем.

Позвольте, разве всё не диаметрально наоборот? Разве не производитель создает ценности? Именно нет, производитель их производит. Зарплата или непредметный товар не приведшие после покупки к росту состояния покупателя не имеют никакой ценности. Именно покупатель превращает товар в ценности. Сходство не только в этом.

Если предприниматель недоволен работой своего работника, он отказывается его далее нанимать за предложенную работником цену. Если покупатель не имеет соответствующей пользы от товаров, он или отказывается платить назначенные цены или становится не в состоянии их приобретать. Товар становится невостребованной обузой.

Рынок

Восточный базар: шум, пестрые ларьки, стеклянные бусы и сокровища, пустое и бесценное навалено вперемешку. Торговцы восхваляют свои товары и принижают конкурентов. Карманники, впрочем, как и все остальные посетители, рыщут в поисках лёгкой добычи. Кругом незнакомые лица.

Как сильно отличается газетный киоск, продавец которого уже тридцать лет беспристрастно раскладывает яркие журналы на одном и том же прилавке, зато приветствует большинство уличных прохожих как старых знакомых. Как, всё иначе, в супермаркете с кондиционером, а тем более в бутике, полной гламура и пугающих цен.

Их противоположности кажущиеся. Как назойливость базара, так и сдержанность ювелира служат той же цели. Они ищут адекватную признательность за предлагаемые ценности, но при этом обращаются к различным целевым группам. Торгашество и вдумчивое листание в каталогах всего лишь внешние, точнее, исторические и частные различия.

Рынок — это сумма инструментов для нахождения наилучшего соотношения цены, ценности и стоимости, позволяющих состоянию течь туда, где ожидается и происходит наибольший рост.

Разнообразие предложений, глубина и поверхностность советов, серьёзность и притворство, желание выделиться, и понятная надежда на выгодную сделку омрачают обзор. Ошибочные решения нашептывают разочарованным, что на рынке правит мошенничество и что каждая фирма стремится обставить потребителя.

В любой семье не без урода. Но, если бы жульничество было в фаворе, то компании, которые производят всё более плохие автомобили, телевизоры, стиральные машины или инструменты — были бы наиболее успешными. Этого не происходит, потому что каждый участник, имеющий свободу выбора, является гарантом честности. Редко кто попадает на один и тот же трюк дважды. На мошенничестве и жульничестве долго не прожить.

Конечно, ошибки неизбежны, но и они, подстегивая или ослабляя спрос, увеличивая или прожигая богатство и перераспределяя собственность, приводят в итоге к победе будущности над вчерашним и ложным.

СОБСТВЕННОСТЬ

Даже если все и вся трубят о твоём успехе и превозносят заслуги, признание — не утешает того, кто знает, что мог бы добиться большего, но отвлекся на несущественное и растерял свой задел и призвание. Собственное, свойственное, своеобразное, как и внутреннее богатство, определяют истинное богатство сообщества и отдельного человека, но невидимы для других, пока не претворятся в свершениях.

Собственность — это общественное пространство, в котором «созидательное» и «собственное» человека может беспрепятственно развиваться.

Беспрепятственно?

Мышление и то не свободно. Человека направляют, контролируют, манипулируют, как только он соприкасается с другими людьми, не обязательно злонамеренно, но просто потому, что у каждого есть своё собственное мнение. Сила личности позволяет избежать вмешательство в мышление. Человек отрывается от суматохи событий, замыкается, пока смутная идея не перерастает в уверенность. В жизни всё сложнее. Чтобы вычлениваться, нужны средства и терпимость других людей. Везде, где каждый хочет что-то сказать и желает, чтобы его учли, самостоятельное деяние парализовано.

Собственность определяет объём и характер средств развития (земля, недвижимость, инструменты, патенты, личные права...), которые сообщество передаёт в беспрепятственное распоряжение отдельному индивидууму или группе и гарантирует их соблюдение.

Независимо от того идёт ли речь о государственной, акционерной или личной собственности, собственность — это всегда общественная величина. Даже тогда, когда она даруема исключительно некоторым, её смысл заключается в поощрении коллективного. Вопрос: «Почему собственность, почему не дискуссия или взаиморасчёт?» — неправилен. Одно другого не исключает.

Но без собственности свободное развитие личности или её союзов невозможно. Важно то, как эти субъекты приходят к собственности и каким целям эта собственность служит.

В идеале, собственность — не кража и не ответственность, а определение полномочий, предоставляющих общественное богатство в пользование тем, кто вносит наибольший вклад в его увеличение.

К сожалению, идеалы всегда далеки от реальности, тем более в таком разношёрстном организме как человечество. Принцип первобытных народов: кто что сотворил то и его — неприменим в современных условиях. Общество постоянно развивается, а с ним растут производительные силы. Созданная в прошедшие тысячелетия собственность превышает многократно всё что отдельная личность может привнести. Участвовали в создании собственности поколения разных людей и народов, а вот приписывается это совместное произведение только нескольким, даже не присутствовавшим при её созидании собственникам. По какой прихоти большинство гарантирует собственность меньшинству, если буквально все в этой собственности жизненно заинтересованы? С чего бы это? С дурости, или повинуюсь позывам разума, жадности и похоти?

И да и нет.

Всё перечисленное играет роль. Тем не менее решающим является реальное соотношение сил. Собственность при правильном её применении позволяет собственнику противостоять неимущим, чем собственники и пользуются без всяких сложных умозаключений.

Зачатками собственности в дикой природе являются территории, описанные нами в первой части этой книги. В мире животных индивидуум, семья, стая отстаивают неприкосновенность своих территорий. В человеческом обществе собственность первоначально тоже гарантировалась обычаями и деятельностью семейных кланов (аналогов стай) и охотничьих, а позже профессиональных групп. Из них постепенно развились династии, общины, государства, ганзейские союзы и империи. Общее направление неоспоримо и направлено от частного к всеобъемлющему. Семьи возвысились над личностями, общины над кланами, государства над общинами,

империи над государствами. Хотя их удельный вес постоянно смещался, ни одна из форм не была полностью отброшена, пока она вносила свою лепту.

И всё же ничто автоматически не происходит.

Отношения, обеспечивающие максимальное развитие большинству, раньше или позже пробивают себе дорогу и главенствование. Сообщества, не достигающие этой цели, чахнут и разваливаются. Каким образом происходит переход от одних к другим отношениям, мирно ли, насильственно, тихо или бряцая оружием, целенаправленно или в ходе проб и ошибок, оправданных или осуждённых задним числом, зависит от местных и исторических предпосылок.

Спор о том, что важнее личная, общественная или государственная собственность неправомерен. Без общины собственность, по существу, невозможна. Как ни странно это для индивидуалиста и не звучит, но **главным принципом собственности является: „Unus pro omnibus, omnes pro uno — „Один за всех и все за одного!“**

Имперская государственность была доселе наивысшим гарантом любой собственности и свободного развития каждого отдельного индивидуума. Что-либо лучшее, человечество пока, увы, не нашло. Хотя все прежние империи пали, не сумев удержать поступь расширяющегося вне их мира, хотя Лига Наций усопла не начав жить, а Организация Объединённых Наций после первоначального успеха еле влачит свое существование, закономерность очевидна. Собственность может выжить и развиваться, только как инструмент общечеловеческого развития.

Всякое отгораживание и замыкание в себе до золотого круга (миллиона, миллиарда) разлагает её. Решающим при этом являются не декларации, а реальная компетентность государственности. В той мере которой государство способствует утверждению и развитию личности, личность способствует утверждению государственности и наоборот. Неумение поддержать развитие человека рубит его связи к общественным структурам, раскручивая

спираль в обратном направлении от общего к всё более частному. Разочарованные ищут выход в групповом, семейном, напоследок в индивидуальном.

Государственность мельчает и гибнет. Империи распадаются на противоборствующие государства, те на города, союзы и корпорации. В одиночку или малыми группами люди пробиваются из тупика и, раньше или позже, осознанно или случайно, но выходят. При этом иначе чем это принято преподносить, материальная обеспеченность собственности сама по себе не определяет направление развития.

Работорговля, процветавшая в условиях рыночной экономики с XVI по XVIII век, демонстрирует, что собственность может служить как порабощению, так и развитию человечества. Саморегулирование рынка ничего не говорит о том, в каком направлении развивается рынок, движется ли он в сторону расцвета или упадка. В беспросветные времена собственность концентрируется в руках удушающей рост олигархии и способствует восхождению пожирающего человеческие жизни деспотизма.

Иерархия социального расслоения потворствует паразитизму. Олигархия и тирания становятся процветающими факторами экономики, правда, для ограниченного круга. Да, они обирают всех остальных, но позволяют хоть какой-то рост, вместо того чтобы равномерно душили всех. Паразитизм и хищничество играют регулирующую роль в человеческом обществе не иначе чем в дикой природе переполненных территорий, рассмотренной нами ранее.

Во времена подъёма и прорыва в неизведанные жизненные пространства, собственность, наоборот, приумножается и скапливается в творческих руках. Иерархичность дикой природы повторяется в социальной структуре человечества.

Как пришло, так и ушло

Рыночная цена собственности — это внешняя сторона состояния и богатства. Хотя в численном выражении она иногда огромна, её настоящая ценность и возможности довольно иллюзорны, и как минимум сомнительны. Ценность собственности стремительно обнуляется при её неправильном использовании. Истинное богатство заключается в реализуемом объёме жизненных сил, длительности и полноты устремлений. Глупа поговорка: «Если ты умный то, где твои денежки?» Правильным был бы вопрос: «Если ты умный то, во что ты воплотил свою жизнь?»

Хоть основной принцип и прост, его реализация проблематична. Развитие, созревание, старение и смертность чреват диспропорциями. С одряхлением и гибелью бывших основоположников, ведомая ими собственность попадает в случайные, зачастую некомпетентные руки. Но даже если наследник не так уж и плох, с ростом собственности растёт несоответствие между объёмом задач, с которыми один человек может справиться и тем, что ему принадлежит по действующему праву.

Ползущее отчуждение собственности от реальных возможностей её собственника порождает противодействие. Очевидная слабость и никчёмность использования стимулирует желания отторгнуть и перенаправить имеющееся. Перераспределение может происходить спонтанно и хаотично (как при воровстве, грабеже, восстаниях и революциях) или организовано в рамках долговременных законов и обязательств. Хотя за фасадом как хаоса, так и закона зачастую проглядываются обыкновенные зависть и жадность, побеждают в конечном счёте общие интересы. Это уже видно по тому, как возникают налоги. В основе большинства из них лежит не забота о гражданах. Всё намного прозаичнее.

Первоначально, собственники просто нанимали охранников, солдат, частные армии, чтобы защитить «своё» от чужих посягательств. Дальнейшее развитие и концентрация этих примитивных инструментов привело к возникновению более эффективных структур полиции,

администрации и армии, финансируемых уже постоянными налогами. Возникнув на почве эгоизма, эти инструменты сохранения собственности стали насосом, перекачивающим состояние от нерадивых к тем, кто извлекает из состояния выгоду, как минимум достаточную чтобы оплатить дань чужому или своему ополчению. Свой аппарат налогообложения, конечно, предпочтительнее и менее разорителен дани чужому. Так из противостояния злобы и жадности, пытающейся нахапать и удержать, возникает действенный механизм перераспределения. Собственность при этом течёт не по направлению, а против эгоистических потуг, от тех, кто цепляется за неё, к тем, кто с этой собственностью может больше предпринять.

Рождающая в таких родовых схватках справедливость однозначно пристрастна. В краткосрочной перспективе она потекает тем, у кого исходно больше, но вот именно только в краткосрочной перспективе.

Собственность, направленная на отграничение и защиту, а не на преумножение, стагнирует и растрачивается. Кто становится на пути жизни вынужден в бессильной злобе смотреть на то, как она его обтекает, пока не снесёт совсем. Несомненно, издержки такой справедливости огромны, но именно их результаты показывают, что альтернативы справедливости нет.

Государственность с налогами не единственный путь сохранения собственности. При растущих потерях, собственник невольно стремится обменять обременяющие его землю, недвижимость, фабрики на богатства, которые легче скрыть или защитить: драгоценные металлы, камни, предметы поклонения. Этой своей деятельностью он превращается в хранителя, заботящегося о том, чтобы цена собственности при неизбежности перераспределения как минимум не падала. Чем, собственно, позже и займутся банки.

Бессмысленно обременяющую собственность можно не менять, а одалживать. При этом собственник передаёт (вкладывает) невостребованное им самим в чужое обращение (владение) за определенные, как правило отдельно оговоренные или подразумеваемые выгоды/преференции.

Таких в истории было много: военно-административные (феод, лен, помещичество), финансовые (оборок, аренда, дивиденды, проценты и другие части дохода), личные услуги (крепостные повинности, служба, дружба и прочее). Собственник при этом превращается из пользователя в управителя, обслуживающего развитие чужих интересов и следящего за тем, чтобы доверенное ему имущество приносило максимум отдачи.

В эпохи с медленной динамикой развития, собственность сосредотачивалась внутри семейных, легко обозреваемых уз и консолидировалась в кланах военной, банковской, торговой и управленческой аристократии. Чтобы обрести собственность нужно было в ней родиться. А чтобы научиться её приумножать нужно было сперва эту самую собственность иметь. Жизнь одного поколения была для этого недостаточна. В этих условиях, стремительные продвижения по социальной лестнице позволяла одна лишь война и служащая ей администрация. Не удивительно что сословия считались чем-то богом предопределённым. С расцветом продуктивных сил узы семьи стали невыносимыми оковами и были сброшены. Социальный лифт стал работать и в мирное время. Роль отдельных личностей уже больше не определялась исключительно их рождением, а их способностями и вкладом. Люди из ниоткуда вдруг меняли свою социальную и клановую принадлежность.

Прижизненная смена ролей нередко вела к духовному смятению. Повести зари индустриальной эпохи часто описывают этот диссонанс. Их герои вырастают из еле сводящих концы с концами мастеров или начинающих инженеров — в руководителей и владельцев индустриальных империй. Утопая в невиданном ими от рождения изобилии, они болезненно воспринимают растущую пропасть между именем и умением, нужным и обременительным, тоскуя по временам, когда у них всего было мало, а вот жизни, идей, друзей и дерзаний было хоть отбавляй.

Что принесло им богатство? Как ни напрягайся, но нельзя спать больше, чем одной в постели, жить больше чем в одном доме. Есть больше одного обеда, носить больше одной пары носков,

заниматься больше, чем одним делом; любить, дружить и общаться больше, чем с определённым числом людей. При росте собственности выше определенного уровня, никто не в состоянии её осмысленно использовать или даже просто хранить. Чтобы вернуть легкость бытия, нужно излишнюю для своих начинаний собственность отвергнуть. Не каждый к этому готов и способен.

Ради сохранения и приумножения «непосильно нажитого» собственник вынужденно жертвует своими личными амбициями. Хотя он при этом и становится служителем чужих интересов, эта его управленческая деятельность при правильном применении заслуживает наивысшего одобрения.

Ну а если наоборот? Если собственник оказывается полнейшим ничтожеством? Если он не то, чтобы продвигать, а напротив, то ли по дурости, то ли из-за злобы, мешает любому прогрессу?

Ничего особенного не происходит. Жизнь течёт дальше. Собственность не теряется, она меняет собственника. Даже когда эта смена происходит в бесконтрольных конвульсиях, её поток направлен в сторону дальнейшего роста. Рынок и финансы играют при этом огромную роль.

ФИНАНСЫ

Структура общества и его собственности постоянно меняются. Финансы облегчают передвижение собственности туда, где она наиболее затребована. Подобно тому, как кровообращение служит телесному росту, денежное обращение служит развитию общественного богатства. Финансовые болезни не менее сложны, чем болезни кровообращения и организма, которому кровообращение служит. Анемию и нехватку денег, полицитемию и избыток оборотных средств нельзя лечить без понимания основополагающих процессов. Все они важны не сами по себе, а как средства развития общественного организма.

Деньги

Прилетит вдруг летающая тарелка и приземлится на обочине. Странное существо выйдет и заковыляет к киоску. Перед отлётом инопланетянину захотелось приобрести пару сувениров. Один за другим он протягивает продавцу дигитальную флейту, урановые часы, 3D принтер-самобранку, но тот только пожимает плечами. Посетитель потрясён. В конце концов он предлагает бесценное за погрешности. Но как это донести продавцу?

Нерадивость продавца вынуждает к обходу. Пришелец ищет того, кому его предложение покажется настолько ценным, что тот возьмёт на себя обязательства перед продавцом сувениров в обмен. Таким обязательством могло бы быть и слово, было бы оно достаточно надёжным. Нежданно вспыхивающие – вражда, социальные потрясения и стихийные бедствия обнуляют даже изначально честные намерения. Чтобы обещание оставалось в силе, его подкрепляют залогом, имеющим ценность и для других участников рынка. Если кто-то не в силах выполнить свои обязательства, их перенимают другие. Таким образом материализованное, индивидуальное обещание становится универсальным средством оплаты. Обменять своё состояние на деньги, означает получить гарантии рынка на определенное стоимостное возвращение. Оплата деньгами, означает реализацию рыночных гарантий стоимости. **Деньги — это стоимостные гарантии рынка.**

Верблюды, зерно, каменный топор — первые валюты были ценностями повседневного обихода. Чем шире круг заинтересованных и легче хранение и передача таких предметов, тем надежнее и удобнее они, как платёжное средство. Идеального среди них нет. Реализуемая стоимость потребительских ценностей колеблется и преходяща, ведь многие из них банально портятся. При накоплении (верблюдов, зерна, топоров) выше определенного уровня, трудности их сохранения и передвижения растут быстрее реального прироста стоимости. Попробуйте перегнать или прокормить стадо верблюдов в пустыне.

Залог не обязательно должен иметь потребительскую ценность, а может быть выражен в усилиях (своих или коллективных), необходимых для его получения. Так из каменных орудий с собственной потребительской ценностью (лезвия, долота, скребки) возникли когда-то огромные каменные деньги, которые никто не мог без помощи других приподнять или для чего-либо полезного, кроме как обмена, использовать.

Обтёсанные камни служили гарантом намерений, а вес защищал их от лёгкой кражи. Не имея ценности, они мерили среднюю себестоимость при сделках. Приобрести их можно было только в обмен или упорным трудом. Подделка была невозможна при доступной в каменном веке производительности. Спрос на обменные средства регулировал их количество. Если в обиходе было слишком много каменных монет, стоимость падала ниже себестоимости и выработка прекращалась. Если спрос увеличивался, рос и стимул к их изготовлению.

Металлическое долото положило конец каменным деньгам. Почитание, проявленное человеком к камню, сохранилось в монументальном искусстве последующих эпох точно так же, как золота предметов долгое время считалась выражением красоты.

Сходное произошло с железом и железными деньгами. Когда-то более дорогое, чем золото, железо с расцветом плавки превратилось в металлолом. Янтарь, медь, серебро, золото, алмазы, платина — деньги, гарантированные (себе)стоимостью, чувствительны к развитию производительных сил. Сахар, дешево произведённый из дерева, теряет цену только тогда, когда спрос на него полностью обеспечен.

Деньги, гарантированные себестоимостью, теряют значение вместе с падением их гарантий. Достоверная новость об успешном превращении каменного угля в алмазы (химически они и так идентичны) за сущие копейки, обесценивает эти драгоценности в то же мгновение. Ситуация не нова. Большая часть ранее использовавшихся в истории (себе)стоимостных денег приобрели дурную славу и потеряли своё значение. Только золоту всё нипочём.

Золото

Царь Мидас необдуманно пожелал, чтобы всё, чего он коснётся, превращалось в золото. Дурь исполнилась и кончилась ужасно. Вот уже два тысячелетия несчастье Мидаса предостерегает и тем не менее не в силах поколебать положение золота. Правительства приходят и уходят, мировые державы превращаются в руины. Золото непоколебимо и только выигрывает. Время сговорилось с ним.

Металл податлив, с ним легко работать, и его сложно подделать. Он химически устойчив. Сокровище, закопанное в схроне на поле, превосходит по надёжности сейф в швейцарском банке. Себестоимость добычи оставалась высокой тысячелетия; высокой оставалась также и надёжность, которую золото предлагает выраженной в золоте цене. Только в XX веке золото подкачало, как денежное средство, но не как средство накопления. Его банально не хватило для обменных операций и оно неподвижно осело в сейфах.

Когда производительность рынка растёт быстрее, чем производство золота удовлетворяет спрос, стоимость золота растёт выше себестоимости, предоставляя золотоискателю лёгкую находку. Охваченные золотой лихорадкой, люди берут лопаты и выходят, чтобы уравновесить имеющееся количество золота с тем, что требуется для обмена. Человеческие жизни и судьбы приносятся в жертву накопления обменного металла. Такое саморегулирование стоимости не бесконечно. Природные ресурсы золота не могут удовлетворить потребности быстроразвивающейся экономики в денежной массе.

С ростом обмена в эпоху индустрии необходимость в денежных средствах постоянно увеличивается. Доступность золота падает, а себестоимость начинает непомерно расти из-за растущих затрат на разработку истощённых месторождений. С неудержимым подъёмом себестоимости, цена золота, припрятанного в кубышке, растёт быстрее, чем при обмене. Золото перестаёт служить стоимостным эталоном. Придержанное золото стоит завтра больше, чем обмененное и вложенное.

Кто же его добровольно отдаст? В следствии, доступность для обмена ещё больше снижается. Золото ускользает от платежных операций и становится чистым средством накопления. Его физическая нехватка ведёт к сбоям в денежном обращении, как это было при «Великой Депрессии». К началу двадцатого века потребовались новые меновые гарантии стоимости. Мир созрел для центральных банков — кредитных организаций, которые следят за стабильностью платежных средств и экзистенциально заинтересованы в их постоянстве.

Кредит

Природа не кладёт в колыбель ни активов, ни профессионального опыта. Новорожденный беспомощен и гол. Но у него также есть ценности достойные обмена: здоровье, рвение, способность учиться, а главное — время продуктивной жизни. **Кредит — это операция обмена, при которой состояние временно предоставляется в обмен на участие в будущем росте.** Кредит покрывает сегодняшние расходы из будущих доходов и даёт возможность развития там, где у людей нет в наличии средств.

Банки

Банки наживаются на росте состояний, обеспечивая их кредитами. Заёмщик пропускает период накопления, банк выгадывает от своего предвидения при распоряжении состоянием. Именно от предвидения, поскольку разумное распределение кредитов усиливает возврат средств и расширяет базу деятельности банка.

Кредитная система зародилась давно. Крестьянин, одалживающий семена поселенцам весной и получающий больше одолженного осенью, является одним из бесчисленных предшественников. Решив зарабатывать на жизнь исключительно ссудами, он быстро

обнаружит, что стоимости, выраженные зерном, громоздки, но и не обязательны. Ведь ссуженные семена превращаются в семенное обязательство. Это обязательство можно передать скупщикам в качестве гарантии осенней доли урожая, не дожидаясь жатвы. В конце концов, одалживающий будет иметь дело только с обязательствами, а не с предметами.

Банк делает то же, но элегантней. Он пишет число на носителе, который трудно подделать (специальная бумага, монета, пластиковая карта, защищенный компьютерный файл), и связывает это число с определенной стоимостью. Банк обязуется при возвращении покрыть стоимость выпущенной им денежной единицы и тем самым создаёт универсальную гарантию обмена, независимую от отдельных преходящих потребительских цен.

Первыми покрытиями служили ценности такие как драгметаллы, но и другие объекты вроде мехов или каменной соли были до прошлого века кое где в ходу. Их наличие в банке создавало доверие и стабилизировало цену бумажных денег. С введением национальной валюты запасы золота или вещественных ценностей в банке стали излишними.

Современные кредиты — это письменные распоряжения на рыночную стоимость определённого объёма. **Заёмщик** приобретает на рынке необходимые для его предприятия средства и вынужден, в свою очередь, предлагать собственность и услуги на рынке, чтобы выручить цену, как минимум достаточную, чтобы погасить свои задолженности перед кредиторами. Совокупная сумма стоимостей услуг должников на рынке формирует денежное покрытие в валютной зоне.

Национальные валюты

Чем больше банк, тем крупнее предприятия, которые он может финансировать. Чем прибыльнее обслуживаемый бизнес, тем выше кредитоспособность банка. Поэтому большие компании

обращаются в крупные банки, а банки растут тем быстрее, чем сильнее их должники. Экономическая мощь зависит от эффективности кредитных организаций.

Пока золото было «гарантом и эталоном обменной стоимости», банки были сверхнациональными. Любой, кто обладал этим «универсальным» залогом, мог выступать в качестве кредитора в любой точке мира. Доверяли золоту, а уже потом финансовому учреждению. Однако объём ликвидных кредитов был привязан к золотым запасам и препятствовал промышленному развитию. Как финансировать предприятия, будущая стоимость которых даже по сегодняшним меркам в несколько раз превышает текущую стоимость всех мировых месторождений золота? В начале XX века пропорции между золотыми резервами и производительностью полностью разошлись. При нехватке валютного обеспечения, было достаточно перевести несколько связанных с золотом фондов, с одного континента на другой, чтобы спровоцировать глобальный экономический кризис. После увода денежных средств с рынка, услуги на месте больше не могли свободно двигаться, несмотря на огромную взаимную потребность и реальную покупательную способность. Требовались новые гарантии оборота. В кризисах ликвидности люди прибегали к иностранным валютам. Страны с большей экономической мощью и денежными резервами были в преимуществе. Настал час национальных и транснациональных валют.

Стабильность национальной или транснациональной валюты поддерживают заёмщики, работающие в валютной зоне. Заёмщики, желая вовремя и без потерь погасить свои долги, предлагают на рынке услуги. Контролируя спрос и предложение на валюту, центральный банк также контролирует стоимость денег. Мерилом служит корзина товаров, которую можно получить в валютной зоне за деньги. Цены на отдельные предметы, включая золото, могут колебаться. Валюта остаётся стабильной до тех пор, пока цена корзины остаётся неизменной.

Если банк определяет количество денег (оборотных средств), не покрывая и даже не обладая вещественными ценностями, а его

должники обслуживают эти денежные средства услугами, что мешает центральному банку печатать банкноты для своей выгоды, увеличивая денежную массу больше, чем реально реализуемые на рынке ценности и приводя к обесцениванию её единиц? Вопрос уводит не в ту сторону. Банк, в долгосрочной перспективе, как раз наиболее всех заинтересован в стабильности денежных цен (последнее не относится к его порою зарвавшемуся менеджменту). Причины заинтересованности очевидны. При продолжающемся падении стоимости вырученных средств, вкладчик обменивает «ненадёжные» деньги на стабильную иностранную валюту или на товары с непреходящей стоимостью. Предприниматель повышает цены на свои товары, чтобы выручить ту сумму, без которой он не может покрыть свои расходы и гасить обязательства. По той же причине работник добивается повышения заработной платы через профсоюзы, протестует ногами или окунается в классовую борьбу. А как насчёт банка? Что может сделать банк с убытками, которые ему приносит девальвация? Напечатать и потратить ещё больше стоимостных обещаний-банкнот? Хороший центральный банк поступает наоборот. Банк замораживает доступный обороту объём денег, взимает сдерживающую процентную ставку по кредитам и привлекает инвесторов высокими процентными ставками. Он продаёт свои акции и облигации и покупает иностранную валюту по хищническому курсу, чтобы обменять её на свою валюту по обещанному курсу. Обесценивание денег останавливается ценой потерь или даже задолженности банка.

Почему банк тратит своё состояние и поддерживает цену оборотных средств, которые движутся вне его хранилищ и ему не принадлежат? Причина кроется в неравенстве оборотных и ссудных средств. Доля банковских средств, выданных в кредит на десятилетия вперёд идвигающих экономику, огромна по сравнению с тем, что находится в обращении. Малейшее падение стоимости валюты приносит банку (в пересчёте на размер всех текущих распределений долга) огромные убытки. Возвращающиеся потоки оказываются по стоимости намного ниже номинала ранее ссуженных средств.

При взгляде на «развитые экономики» начала XXI века, может показаться, что всё это в прошлом, если конечно верить пропаганде вокруг. Но ничего, по сути, не изменилось. Только национальные банки скупают не чужую валюту (это бы укрепило конкурентов, да и подходящих по размерам претендентов мало), а получают средства для поддержки своих активов из перенимаемых ими внутренних и внешних долговых обязательств, проедавая былое общественное богатство, в надежде, что кто-то из конкурентов умрёт раньше. Смерть конкурента ведёт к бегству его подопечных в чужие, хоть и на ладан дышащие, но всё ещё живые активы. Находящиеся в обороте деньги оказываются распределены на большую по объёму собственность и отныне обеспечены ею. Там, где смерть конкурентов не предвидится, её подгоняют военными методами пока на это есть средства. При силовом и интеллектуальном равенстве конкурентов никаких средств не хватит. Как дела обстоят сегодня, трудно сказать, поскольку истинные числа скрыты. Вполне возможно, что за вычетом долговых обязательств, например, у теперешнего ФРС США уже нет ничего реального, кроме невероятных долгов. Правда большая часть из них принадлежит коррумпированному государству и при лопании пузыря распределится на всех.

Так и что, если это можно продолжать бесконечно? Нельзя! Долг платежом красен и, рано или поздно, предъявит счёт. Кстати, ситуация не нова и повторяет в точности происшедшее с испанскими долговыми обязательствами в XVI веке. Тогда их выпускало испанское правительство, казавшееся в своей мощи незыблемым. Полученные средства шли на оплату огромной военной машины Испании, а военная машина на выбивание средств. Испанские долговые обязательства были идеальны для накопления.

К чему огромные склады, сейфы и вооруженные галеры с золотом (которые, кстати, могли быть ограблены), если достаточно одной облигации с соответствующим номиналом, легко помещающейся в кармане и упрятываемой в шкафу от «паршивых» глаз и проворных рук! Генуэзские, немецкие, фламандские дома охотно

меняли свои золотые и серебряные монеты на испанские бумажки. Тогда всё тоже казалось незыблемым. Падение и мучительное умирание Испании аукнулось им всем огромными потерями и обусловило вознесение Голландии, а затем Англии и Франции.

Повышение курса валюты также вредит банку. Как кредитор, банк оплачивает расходы за ещё не произведенные товары или услуги, и получает взамен долю в прибыли, выгаданную при их реализации на рынке. Для того, чтобы правильно предсказать исход предварительных расчётов, рыночная стоимость выручки должна быть предсказуемой. Созидание требует профессионального опыта, которого у банка нет. Если кто-то обещает прибыль выше средней, банк склонен следовать ему, и предоставляет кредиты. Скептицизм банка выражается во временных гарантиях, которые он требует взамен. Заёмщик оставляет банку в залог часть своей собственности: дом, участок земли, фабрику, страховку. Чем более неуверенности в предприятии, тем больше требуется средств для залога.

В случае удорожания денег, предприниматель вынужден снизить свои цены. Фактический прирост стоимости, полученной им при продаже произведённого, может быть значительным и превышать ожидаемый. Тем не менее он оказывается не в состоянии погашать кредиты в численном эквиваленте их нового денежного выражения и разоряется. Ну и что, у банка ведь остаётся залог?

Это правильно лишь отчасти. Залог служит не для возможной компенсации банковских потерь, а для устрашения заёмщика, теряющего в этом случае больше запланированных по кредиту выплат. Банку залог совершенно не нужен и вовсе не в прок. Банк может обналичить залог только после того, как он будет продан. Падение цен не обходит и залог стороной и он приносит меньше стоимости, чем это первоначально предполагалось. Банкротство также означает передачу ответственности от должника к банку. Банк к этому непригоден. Повышение курса валюты превращает безопасное вложение с гарантированной отдачей (если не для заёмщика, то для банка) в провальный для обоих бизнес.

КОНЪЮНКТУРА

Взаимосвязь отдельных рыночных процессов называют конъюнктурой (от лат. *conjungo* «связываю»).

Рецессия

Рецессия, безработица и инфляция — близнецы падающей покупательной способности. То они взрываются бомбой на экономическом взлёте, то вяло тянутся годами и десятилетиями. Откуда немощь? Теряет ли общество своё состояние? Вроде нет, по крайней мере физически не теряет.

Фабрик, электростанций, рабочих и служащих полно. Только вот заводы и электростанции стоят, рабочих и служащих увольняют, и всё это по их невостребованности. При этом рост общественно необходимого находится в прямой противоположности с неиспользованными производственными мощностями.

Что происходит? Чего на самом деле не хватает? Почему инвесторы бегут, почему иссякают кредиты? Может, настало всеобщее обеднение? Это тоже не так. Богатых и богатства в избытке. Может, это заговор закулис? Неужели человеконенавистнические негодяи сговорились, чтобы дёшево скупить всё, что им ещё недоступно? Не исключено, что среди скупцов много подлецов. Однако они не несут личной вины в бедах. Напротив, порок жадности делает их сторожевыми псами общественной собственности.

Готовность инвестировать, доверить стоимость кому-то другому, возникает только тогда, когда вклады обещают прибыль. Нежелание инвестировать означает, что общество больно, что ему некуда идти, некому следовать, да и что нет у него подходящих целей и идей.

Ни стимуляция спроса, ни приказы инвестировать или создавать работу, строя пирамиды, дворцы, дорогостоящие армии и флот, не помогут. Нехватка денег не означает отсутствие

богатства, а, скорее, отсутствие роста или, что ещё хуже, уменьшение состояния по мере его вкладывания.

При непрекращающихся убытках, собственность и состояние бегут из деловой жизни, утекая за границу или прячась в предметах, имеющих материальную ценность или хотя бы стабильную стоимость. Золото и бриллианты, предметы искусства и недвижимость дорожают. Акции ищут покупателя, но, хотя денег в избытке, не находят желающих. Предприниматели нуждаются в кредитах или инвестициях, но заинтересованные стороны требуют непомерных процентов в качестве защиты от рисков. Процентная ставка стремится ввысь, несмотря на излишки незадействованной собственности. Занятость стагнирует или падает.

Занятость

Чем больше общественный организм и его совокупное богатство, тем больше должна бы быть потребность в рабочей силе уже хотя бы для поддержания существующего. Но в жизни соотношение не ладится, и за быстрым ростом часто следует глубокая рецессия. Некоторые развитые страны, раздираемые социальными конфликтами, тоскуют по «старым добрым временам», когда они были ещё тощими, но не знали безработицы, напротив, страдали от нехватки рабочей силы, даже были перегружены «работой». Они тоскуют по несбыточному и мечтают о противном. Нищета не потворствует занятости. Сегодняшние бедные развивающиеся страны как раз особенно страдают от наихудшей безработицы.

Бедные или богатые, развивающиеся или развитые страны, решающим фактором для наёмного труда является рост общественного состояния, опережающий расходы на его поддержание, а не размер общественного богатства в целом. Бедность может быть щедрой, богатство еле рассчитываться за необходимое и тягостно сводить концы с концами. Опрометчивость считает, что интенсификация ставит под угрозу рабочие места.

Пределы роста

Роботизованная система кройки и шитья, управляемая двумя или тремя работниками, и впрямь снижает цену рубашки вдвое. Взрывной рост производительности может фактически в одночасье лишить работы тысячи работников отрасли, делая их труд нерентабельным по старой цене. Однако, это только одна сторона процесса. Миллионы других участников рынка платят за рубашку половину прежней стоимости. Оставшиеся средства, а вместе с ними и человеческие силы, сохраняются, больше не уходят на устаревшие методы производства, создают избыток покупательной способности и, при правильном приложении, превращаются в новые потребности и новые рабочие места.

Покупательная способность — это сумма того, что человек может себе позволить после погашения обязательств. Уменьшение расходов рынка на ранее неизбежные издержки позволяет направить избыток средств в новые потребности. Ранее несбыточное становится доступным. Спрос стимулирует производство новых товаров. Возникают целые отрасли новой промышленности и передают заказы традиционным промыслам.

Привлеченные ростом, скуперджи раскошеляются, делают свою собственность доступной для инвестиций. Пока не видно пределов развития, объём инвестиций растёт и исчерпывает рынки рабочей силы, повышая цену наёмного труда. Люди оставляют менее продуктивные занятия, обращаясь к новым профессиям. Эта смена и добровольна, и радостна. Никто не скорбит о прошлом и не считает брошенную профессию потерей рабочего места, хотя так оно на самом деле и есть.

Рабочих ввозят из заграницы. Столкнувшись с чужими прибылями и в страхе пропустить свой час, собственность становится всё более доверчивой. Хотя ссужается всё больше и больше денег, кредитные средства кажутся неисчерпаемыми. Деньги буквально навязывают себя предпринимателю, а процентные ставки падают. Брожение охватывает все социальные слои, чувствующими себя молодыми. Да так оно и есть, они в фазе роста.

Рыночная ценность производимых услуг соответствует их вкладу в развитие рынка. Если предложение увеличивается более объёма, который рынок в состоянии принять, ценность падает при неизменной себестоимости. Расчётные цены не реализуются и вынуждены снижаться, чтобы получить хоть что-то от затрат. Падение вознаграждения за тот же труд воспринимается как несправедливость, но это только первое указание на необходимость обратиться к другим запросам и искать новые пути развития. Косность мышления не желает ни переключаться, ни принимать убытки, а вкладывается в конкурентную борьбу. Чем ожесточённее попытка переиграть конкурентов без улучшения производительности (не путать с интенсификацией, интенсификация выжимает предельно напрягаясь, производительность достигает большего меньшими усилиями), тем тяжелее последствия такого противоборства. Как будто поезд перед конечной станцией вместо того, чтобы тормозить, набирает скорость и даже после удара и поломки машины не останавливается, а таранит вокзал весом инерции, круша и разбрасывая всё вокруг.

Складывается превратная картина, в которой экономический кризис, безработица и социальные страдания как бы исходят из предшествовавшего неудержимого экономического роста. Несомненно, рост виновен, но только топорный рост, не несущий улучшений, инноваций и развития.

Вспомним французских **сабота**жников, заклинивавших деревянными ботинками-саботами ткацкие станки, или английских луддитов, портивших машины во времена промышленной революции. Их дух всё ещё жив сегодня, хотя история вроде доказала обратное, что не разрушение, а разработка улучшенных машин создаёт рабочие места и достаток. Призывы к покаянию, к обузданию прогресса не прекращаются. Десять гектаров земли деревянному плугу кажутся бесконечными, трактору — крошечными. Прежде чем соха проложит первую борозду, поле уже вспахано трактором.

Что ж, можно поломать трактор, вернуть всех к сохе. Тогда на поле было бы занято намного больше тружеников. Идея рабского труда на больших латифундиях стара, но экономически не обеспечиваема. Такой труд не в состоянии прокормить даже работников, занятых в нём. Географические и жизненные пространства не совпадают. Собиратели каменного века ограничены ареалами плодоносящих растений, охотники — своими угожьями. Первобытное аграрное общество растёт на узкой полосе берега, разливающихся весной рек. Эта плодородная земля легко обрабатываема примитивными инструментами навряде мотыг и палок.

Плуг, запряженный волом, огонь освобождающий поля от леса и дарующий удобренную золой землю, уводят хлебопашцев всё дальше от рек. С новым образом жизни, с переходом человека от собирателя к охотнику, от охотника к пастуху или земледельцу, наблюдается скачкообразный продолжительный рост в этих (по сравнению со старыми кажущимися неисчерпаемыми) пространствах. Человечество разбегается в «необъятном», расцветает, образует могущественные державы, покоряет головокружительные духовные высоты. Но вот предел достигнут. За этим следуют унылые дни угасания, повсеместного возврата к прошлому варварству — менее доходному, зато более стабильному. Века проходят в междоусобных войнах, оспаривающих тот или иной клочок, отыгрывающих ту или иную потерю. Ничего знакового не происходит, и всё же, кое-где дверь приоткрывается, то и дело делается шаг вперёд.

Подобно текущей реке, каждая эпоха выражает себя через определённое движение, которое принимает то это, то иное направление в зависимости от пространства, которое она обнаруживает впереди. Короли и царства, гремя и полыхая, чередуются. Однако самые важные события остаются незамеченными: развитие алфавита, стула, стола, ложки и ножа. Ни один король, политик или философ не оказал на нашу эпоху такого влияния, как развитие часов и книгопечатания. Открытие нейлона и противозачаточных таблеток укрепило достоинство и самоуважение женщин больше, чем все жертвы предыдущей борьбы за эмансипацию.

Сегодняшние историки всё ещё слишком заняты психоанализом правителей и воителей. Оценка социальных последствий письменности, печати, электричества, бензиновых двигателей, аспирина и компьютеров ждёт своих летописцев. Не войны, аннексии или слияния, а поиск новых, более эффективных методов, новых источников богатства и энергии ломает барьеры жизненного пространства.

С момента открытия ядерной энергетики мы перешагнули все мыслимые ограничения физического мира. Среди открывшихся безграничных возможностей стало ясно, что ни деньги, ни оборудование, ни природные ресурсы, а человек: его доступность и готовность следовать новым путям, его умственные и телесные способности, стали единственным сдерживающим фактором.

Когда-то человек был гол. Голодный и беззащитный, он бродил между сокровищ. Солнце, вода, ветер, уголь и нефть — были рядом и готовы в любой момент служить ему. Под ногами простирались залежи всех ныне известных металлов. Но он не замечал их. Сегодня он плывёт по морю энергии готовому ему служить, но только жаждет остаться сухим и придерживается «твёрдых» заповедей каменного века. Лучше цепи и застенки, лучше узость и темнота, чем бездонная бескрайность мироздания. А между тем земное время течёт и не несёт ничего хорошего.

Но, хотя обрыв возможен уже завтра, мы даже не начали раскачиваться, бежим куда-то гонимые животными инстинктами и культовыми предрассудками. Более того, мы даже избегаем нового, хотим вернуть всё в лоно первозданного, вместо того чтобы предвосхитить события и обратить их мрачные предначертания нам же в пользу.

Не слишком ли велик плод, чтобы запихивать его назад в утробу матери? Горизонты нашего жизненного пространства не даны природой. Они лежат там, куда дотягиваются руки наших стремлений. Всё, что помогает сбросить хомут бессмысленного и освобождает созидание, раздвигает их.

МАТЕМАТИКА РОСТА

Люди действуют друг с другом и друг против друга, поэтому результат не должно. Давайте упрощённо предположим, что каждому дана средняя производительность. Отклонения существуют, но не затрагивают большинство. Это своё состояние человек может превратить в цену на рынке, обменивая на рыночную стоимость. Для того, чтобы обмен состоялся, ценность предложенного для покупателя должна быть выше затраченной стоимости.

Предположим, что кто-то окрылен проектом, для которого необходимы усилия, тысячекратно превышающие средние возможности отдельных участников рынка и неподъёмные ни для кого в отдельности. Он хочет построить фабрику или открыть новые торговые или производственные пути. Для этого предпринимателю нужны внешние ресурсы. Если ему удаётся заинтересовать других, он получает от них средства в объёме определенной рыночной стоимости в обмен на обещание прибыли (проценты по выплате ссуды или раздел участия между акционерами и дивиденды). Полученные в заём средства предприниматель реализует на рынке, обменивая на услуги, представляющие для его предприятия необходимые ценности. С вычетом затраченного, объём иных реализуемых ценностей на рынке при этом падает. Предприниматель переводит производительность занятых им участников с рынка в построение и работу своего предприятия, соответственно обедняя рынок.

Предположим, что предприниматель создаёт что-то новое: автомобиль, стиральную машину, часы — продукты, которые способны повысить предыдущую среднегодовую производительность рядового участника рынка в два раза при производственных затратах, соответствующих предыдущей месячной средней производительности труда. Если предприниматель сможет предложить участникам рынка новый продукт по цене, соответствующей среднегодовой производительности покупателя, то он предлагает взамен двухкратное увеличение его годового дохода-состояния порою

на десятилетия вперёд. При приобретении покупатель также выступает в роли предпринимателя, расширяющего сферу своей деятельности, возможностей и заработка. Его первоначальная слабость покупательной способности (всё-таки цена нового продукта, его предыдущий годовой доход, а новых наличных денег ни у него, ни на рынке ещё нет) может быть компенсирована получением ссуд или выплатами в рассрочку. Со сменой владельца товара, производительность покупателя, его платежеспособность и покупательная способность растут. Следовательно, для покрытия этих трансакций не требуются дополнительные платёжные средства. Даже эмиссия денег не нужна. Новые обязательства покрываются реальной экономической силой преумноженного состояния. Достаточно кредитной записи в бухгалтерской книге или движения на электронных счетах (например VISA или Мир). Банк исходя из ожидаемого (запланированного) роста предоставляет индивидуальные кредиты, не заботясь об их будущем.

Сходное пренебрежение объёмом имеющихся в обществе финансовых средств, было продемонстрировано в СССР 30 годов сбалансированным госпланом; только, вместо отдельных самостоятельных личностей и готовых к риску банкам, выступали молодые и подвижные, завязанные на выполнение общих задач тресты. Тресты соразмерно и планомерно подыгрывали развитию друг друга и обуславливали рост всех, в условиях полной нехватки свободных наличных средств на рынке. Плата развития производственных мощностей происходила взаиморасчётами. Наличные деньги шли исключительно для выплат зарплат, не подрывая таким образом их обменную роль.

Как мы видим, отличие «капиталистического» и госпланового производства не принципиально. Основой обоих служит предвидение и реализация роста. Разница только в правильности макро и микроэкономических оценок и решений. Рынок вынужденно обращается частному. Частное уже по тому очень важно, что его очень много и невозможно досконально учесть. Государственное, научное и родственные планирования обращены к глобальным целям.

Там, где есть человеческие силы и компетенции, деньги хоть и чрезвычайно полезный, но не обязательный инструмент. Важна увязка общественных и личных устремлений. Эта увязка при частном предпринимательстве происходит через инструменты банкротства, при планово-государственном регулировании через персональную ответственность руководителей перед «народным контролем» и органами безопасности, карающими нерадивую растрату средств.

Ужасы экзистенциальных эксцессов как капитализма (банкротство, обнищание, криминал, тюрьма), так и социализма (осуждения, ссылки, расстрелы за вредительство) обусловлены, между прочим, именно этой необходимостью соразмерности реальных общественных затрат и выгод, а не индивидуальными намерениями участников. Жулик порою может оказать рынку бо́льшую услугу, чем возомнившая себя «благодетелем» бездарность.

Но вернёмся к нашему успешному предпринимателю. До насыщения рынка производимым продуктом, прибыли предпринимателя при каждой продаже десятикратно превышают его затраты. С реализацией продукта, он таким образом может не только компенсировать текущее производство, но и оплатить все необходимые в прошлом (упомянутые тысячекратные) затраты на возведение производственных мощностей, позволяя обслужить кредиты, отблагодарить соучастников-акционеров.

Из остатков вырученного он получает возможность расширить производство и поле деятельности до тех пор, пока рынок всё ещё обогащается в результате его деятельности. Чем обширнее рынок, т.е. число людей, для которых приобретение нового продукта сопряжено с увеличением их состояния, тем больше объём потенциально достигаемых предпринимателем прибылей.

Соотношение цены и себестоимости продукта облегчает его доступ к рынку, но не обуславливает его. При насыщении рынка важна не цена производимого продукта. Даже если цена минимальна, но лежит ниже ценности, и приобретение не обогащает (или уже более не обогащает) покупателя, продукт становится нереализуем.

Производственный цикл завершается, выполнив свою роль. Последствия предпринимательской деятельности могут быть с самого начала противоположными описанным.

Допустим, предприниматель запросил услуги рынка (государства, научного сообщества) и потратил их без соразмерной отдачи. Он израсходовал кредит, деньги налогоплательщиков, вверенное ему или унаследованное имущество, но не построил ничего, что способствовало бы человеческому совершенствованию и увеличению его состояния в объёме предпринятых затрат. Несмотря на то, что совокупность производимой продукции увеличилась, сумма услуг, оказываемых на рынке, оказывается ниже суммы существующих обязательств. Для их погашения уже не хватает имеющихся сил. Обычное вдруг становится неподъёмным.

Макроэкономическим выражением этого является инфляция и безработица, рост стоимости жизни и налоговых платежей. Падение производительности и рост социального долга приводят к нехватке кредитов. Процентные ставки растут, обоснованно сомневаясь в реальной отдаче вложений. Предпринимательская готовность идти на риск ослабевает из-за удорожания общественных или кредитных средств.

Как государство, так и частное лицо многократно подумают, прежде чем решатся взять очередной заём или выдать кредит. Спад ухудшает шансы для продвижения по службе и на рынке. Остаётся одно утешение. Нет добра, которое тупость и бесхозяйственность не могут обратить в свою противоположность, но также нет плохой ситуации, которую нельзя было бы, при правильном приложении сил, обернуть в свою пользу.

Основная формула процветания предельно проста. Всё, что принижает людей, вредит общественному состоянию и рынку, и, наоборот, всё, что улучшает человека, вызывает взлёт. Самое большое богатство любого общества — это составляющие его создающие люди.

ИДИОЛОГИИ

Говорят, что британские законы никогда не отменяются, а ими просто больше не пользуются. Не знаю, так ли это, но сходное происходит и со многими политическими идеями. Вслед за временем их бодрой реализации, яростной борьбы, после обильно наломанных дров и бесчисленных жертв, интерес остывает. Лозунги вроде остаются неизменными, только нет никого, кто бы оказался ими окрылён. Неисправленные ошибки тлеют до поры. Но могут снова разразиться всепоглощающим пожаром. Так стоит ли вообще тревожить старое, прикасаясь к темам, на которых человечество жестоко обожглось? Стоит, уже для того, чтобы понять в чём ошибка и как её избежать.

Рыцари Круглого стола короля Артура были одержимы поиском Святого Грааля. Всё ради глиняной стопки? Нет, ради вечной жизни. Знать то они знали (и даже ощущали это лучше нас), что она, эта вечная жизнь, есть, но не имели представления в чём и где. Грааль творца, как и философский камень, обещал сделать их владельца бессмертным. За неимением лучшего, хватало и сказаний. Невежество вело к походам, битвам, войнам, к страданиям, своим и чужим мукам.

В поиске очевидного (вечности духовного), но несуществующего (в интерпретациях кругозора ищущих), рыцари боролись, терпели лишения, не достигая ничего из задуманного. Они мечтали разорвать цепи, обрести благодать, испытать из вечного родника жизни, но вместо всего этого мученически волочили за собой кандалы предрассудков. Но мы-то лучше. Наши знания не сравнимы с их пустыми заклинаниями!

Увы, мы **заблуждаемся** не меньше бедных рыцарей!

Теория Дарвина — сплошное недопонимание. Промахи неизбежны! Однако это никоим образом не объясняет появление дарвинизма и его взрывной рост. Страшит также то, что люди вот уже более 200 лет упорно настаивают на этих человеконенавистнических посылах, отрицая саму возможность ошибки и причисляя

к своим достоинствам очевидное безрассудство. Ведь было достаточно убедительных контраргументов, чтобы, если не найти правильное объяснение для эволюции, которое уже Ламарк так удачно сформулировал, то, по крайней мере, подозрительно отнестись к утверждениям «гипотезы отбора в борьбе за существование». Всё напрасно. Несогласные голоса остались неслышанными. Но почему?

Мало что-то отвергнуть, какими правильными бы ни были доводы. Надо предначертать верный подход и решения. А с этим как раз всё было неблагополучно у противников. Что критики предлагали взамен? Веру в Бога, которой и которого уже давно нет? Этому люди хотели ещё меньше.

Дарвинизм плодил маразм мутаций, засилье генной предопределённости, мешал осмыслению фактов, но он (в отличии от веры в бога) не вставал на пути индустриализации и науки, не противился практике творческой селекции, развитию описательной биологии и генетики и уже этим играл полезную роль в прелюдии осознания.

Ещё не зная куда, человечество неосознанно выбирает из заведомо ложного то малое, что позволяет хотя бы дышать, двигаться и держать, не особенно перенапрягая мышление.

Приемлемое ещё далеко не правильное, каким бы распространённым и признанным оно бы ни было. Человеческая история полна такими заставками. Монархия, олигархия, анархия, капитализм, социализм, коммунизм, автократия, демократия, глобализм, сепаратизм, популизм — всё это случайно оказавшиеся под рукой сучки, которыми разум ковыряется в неизведанном.

Конечно даже заострённой палкой можно достигнуть многого, а вот в руках глупца, следующего букве, опасен любой инструмент. Так может стоит раз и навсегда упразднить глупость, строго запретив её предтечи?

Упаси нас «господи»!

Лжеучённость

Хватит кумиров, религий, сказок о бессмертной душе. К чёрту с невидимым, непонятым, трансцендентным! Только наука имеет право на суждение! Всё ей противоречащее следует на корню истребить.

Откуда такое злостное неприятие?

Читая опусы былых времён, мы невольно ловим себя на мысли, что большинство в них собранного не просто не точно, а совершенно ложно. Нам трудно представить, что люди принимали сказанное всерьёз, да ещё боролись за его воплощение и при этом мученически или героически погибали. Общественный разлом по вопросам стоит ли пользоваться иконами или нет, использовать два или три пальца для крестного знамения, окунать или кропить при крещении, творить добрые дела или просто верить, признавать, что вино и хлеб превращаются в кровь и тело спасителя — кажется верхом шизофрении. Тем более что споры решались не в дискуссиях кофейных или пивных залов, а на обильно политых кровью полях брани.

Разве не очевидно, что во всём этом нет и толики разума, разве не следует из этого, что религия — опиум, а Библия и Коран — сбор несуразностей одурманенно мозга? Откуда этот мрак фанатизма? Разве не проглядываются, за крестовыми походами, судами инквизиции, да и за повседневными преследованиями инакомыслящих, банальные шкурные интересы властвующих подонков? Ведь обходились же люди ранее и вовсе без религиозного фанатизма. Ведь выглядят же предыдущие мифы в сравнении с мировыми религиями безобидными сказками для детей!

А были ли сказки сказками? Пряничный домик с Гёнзель и Грётель, Красная Шапочка, Баба - Яга, драконы, пожирающие невест — такие ли уж они безобидные? Созданы ли они чтобы развлекать малолеток или они отражали реальные ужасы каменного века — каннибализм, человеческие жертвоприношения, ритуальные сожжения и членовредительство?

Если да, то со всем этим покончили именно следующие поли-, а тем более монотеистические мировые религии. В этом заключался их прогресс. Сперва человеческие жертвоприношения были заменены животными, а потом и вовсе материальными эквивалентами даров.

Всё это было так давно и так основательно забыто, что нам трудно представить, что могло быть как-то иначе, чем принято сейчас, что сказки могут быть описаниями реальных ужасов тех времён. А вот конкистадоры, непосредственно столкнувшиеся с каменным веком в Америке, познали все «прелести» тогдашнего сказочного быта.

В сравнении с более поздними идеалами гуманизма, конкистадоры были brutальными убийцами, выжигавшими противную им ересь огнём и мечом. Но по сравнению с Аколмистли и другими богами Ацтеков и Мая их боги были просто ангелами. Монтесума пригласил Кортеса и его свору в священнейшее святое — на вершину пирамиды, разрешив поучаствовать в таинстве. Эффект на испанцев был противоположен ожидаемому. Ну не нравилось им, когда у живых ещё пленных вырывалось сердце из груди, а ещё трепещущее тело с широко раскрытыми глазами сбрасывалась со ступеней жертвенной пирамиды (и, по-видимому, позже поедалось).

Шок от пережитого был настолько большим, что они сделали всё возможное, чтобы стереть свидетельства увиденного. Сделали они это настолько радикально и топорно, что вызвали восстание, приведшее к их поражению и бегству. Награбленное золото пришлось бросить, живыми ушли только единицы.

Ни страх смерти, ни потеря награбленного не остановили Испанцев в их противостоянии «ереси». Принять или пренебречь увиденным, испанцы не смогли, а потому выкорчевали всё, до чего дотянулись их руки. Не смотря на все их старания и старания их последователей, осталось достаточно следов, чтобы восстановить в общих чертах былую картину. Ладно, но ведь у греческих мифов всего этого не было. Было и предостаточно!

Мы только закрываем на это глаза, не веря в саму возможность такого. Но факт остаётся фактом. Финикийцы сжигали живых детей в металлическом череве Молоха, чтобы угодить своим богам. При этом Карфаген сосуществовал рядом с Ромом и даже занимал Сицилию. Но ведь финикийцы не греки. О если бы!

Остановимся на самом важном из греческих мифов. Отцу Зевса титану Кроносу было предсказано, что ему суждено быть поверженным собственным сыном. Чтобы избежать этой судьбы, он каждый раз проглатывал только что рождённого женой Реей ребёнка. Кроносу вместо новорождённого Зевса она дала проглотить завёрнутый в пелёнки камень. (Этот камень обозначает с тех пор центр Земли в Оракуле Дельфы).

Когда Зевс вырос, он распорол живот Кроноса и выпустил своих старших братьев и сестёр на волю. Женившись на своей сестре Гере, он разделил со своими братьями власть. Зевсу досталось господство на небе, Посейдону в море, Аиду подземное царство мёртвых. Но уже вскоре Зевс был чуть не убит своими сородичами. Да уж, сплошная сказка на ночь.

Римляне вроде со всем этим покончили, переняв только лучшее от Зевса и посадив его в свой пантеон назвав Юпитером, Карфаген был разрушен, инцест порицался, человеческие жертвоприношения, типичные для этрусков запрещены. Но те же самые римляне не чурались использовать битвы гладиаторов друг с другом, а также бросать живых людей, включая безобидных христиан на растерзание диким зверей. Всё это они приурочивали к религиозным празднествам и увеселениям. Хороши веселья! Разве всё сказанное не подтверждает необходимость покончить с духовным наследием былого мистицизма? Разве наука не возвышает нас над всем этим мракобесием? К сожалению нет.

Социал-дарвинизм, фашизм, эвтаназия, построены на прямых выводах все ещё "современной науки", а Хиросима и Нагасаки её прямой результат. Формальных правил, определяющих правильное от ложного нет. Всё что нам кажется сегодня незыблемым, будет считаться постыдным в будущем.

Но дело не во лжи и не в опиуме, а в поступательном развитии человечества. По сравнению с мифами примитивных обществ (оскопленными богами, камнями, вспоротыми животами и прочим ребячеством) мировые религии воспринимаются как откровения разума и наичистейшей объективности, чем они для современников несомненно были. Ради этой правды бились приверженцы, не замечая, что любое знание таит в себе и несовершенное. Последнее в своей массе превышает всё положительное. Так ведь лучшего не было.

Придёт время, настанет и его черёд. Мы впитали с материнским молоком это бывшее, оказавшееся правильным. Для нас оно обычно и не приносит восторга. А вот несуразности прошлого, вызывают брезгливое презрение. Для наших предков новое не было само собой разумеющимся, а представляло собой откровение. То что ему так же сопутствовали несуразности, было ещё неразличимо.

Необходимых знаний просто ещё не было тогда. Именно это откровение истины и окрыляло наших предков, а не предполагаемый фанатизм и дурман религиозного. Мы несколько не лучше. Будущему будет более чем стыдно за наше сегодняшнее «разумение». Достаточно заглянуть в учебники и научные трактаты XVII–XVIII веков.

Оглядываясь назад, мы видим что мифы достовернее шаманства представляли правду. Религии при этом были лучше мифов, монотеизм лучше политеизма, а наука лучше религии.

А вот упор на превосходство только оопределённого знания служил порабощению и вёл к истреблению инакомыслящих во все времена. Дурман лжеучений не в природе их изложения или в методике достижения истины, а в слепом следовании отжившим постулатам. Призыв верить только науке или определённой методике имеет те же корни. **Правде защитники не нужны, заступники нужны свободе мысли.** Решающим является то, что эта правда дает и куда ведёт, а не как и в каких словах преподносится. Важно понять, что именно наши предшественники искали и следовать не столько их словам, сколько созидательным порывам.

Овеществление

Если дело не в словах, а в реалиях, стоит ли вообще сосредотачиваться на рассуждениях?

Человек по себе ни плох, ни хорош, его таким сделали обстоятельства. Искорените несправедливость, и все станут паиньками. Бытие определяет сознание. Забудьте знания. Избавьте человека от невзгод, дайте ему достаточно денег, увлекательную работу, удобное жильё, доступную медицину и он без всяких наставлений будет делать только добро. Да, люди доселе часто были приспешниками зла, но, если бы была для них польза, они тут же предпочли бы стать рьяными последователями добра.

Положа руку на сердце, какая разница чему ты следуешь — прыжку или кнуту? Что хорошего в том, что ты хорош только потому, что тебе от этого польза? Суть человека — не плыть по течению, следуя наименьшему сопротивлению, а подыматься над обстоятельствами, как подобает всему живому. Не недостаток ресурсов и не пустое брюхо, а незнание и неумение использовать существующие возможности, мешает человеку поступать правильно. Свет разума, немного тепла, еды и воды вот всё что ему нужно. Да, к разуму нельзя принудить, но уже неимоверно многое сделано, когда удаётся его защитить и сохранить.

Костры ереси

Сократа отравили, Иисуса распяли, Галилея изгнали, Земельвейса заманили в психушку и забили до смерти, и всё это время повсеместно полыхали костры и процессы. Кары были призваны искоренить «заблуждения» и предотвратить расползание ереси. Жестокость, мягко говоря, поразительна. В конце концов, эти люди никому не угрожали, а желали другим лучшего. Более того, осуждённые, а не судьи, в конечном итоге оказались правы. Если речь шла о боязни нового и попытке избежать ошибок, непонятно,

почему в то же самое время очевидных нарушителей традиций и мошенников та же «строгая общественность» терпела и даже порою чествовала. Как ни странно, но отчасти в их судьбе виноваты сами мученики. Первопроходцы считали себя носителями света. Если бы они на этом и остановились! Они требовали большего, хотели вести за собой, да ещё и разменивать истину на признание и похвалу. Вместо наград их встречала враждебность. Неучи не желали следовать непонятно куда. Люди склонны отвечать ненавистью на принуждение, не дающее им ничего вменяемого.

Ошибочно ожидать одобрения собственных воззрений, опираясь на их правильность и несомненную пользу для остальных. Обращаясь к человеческому разуму, важно учитывать уровень его развития. Глупости разносятся быстро, как воронье карканье, но попробуйте объяснить этой умной и самодостаточной птице траекторию звёзд. Всему своё время. Толпа тоже не стоит на месте. Человечество взрослеет, как и любой из нас. То, что сегодня не доходит даже с помощью лучших аргументов, завтра расцветает само собой.

Отбросьте заблуждение, будто люди намеренно делают что-то плохое, избегают новаций и вредят всему рвущемуся вперёд. **Они делают то, что могут, но пока не могут иначе.** Людей много, но великое скудно распределено среди них.

Сравнивая сегодняшнее и вчерашнее, мы автоматически причисляем себя к более высокому, светлому, умному и при этом не замечаем, как мало из того, что мы считаем своим, и в правду является нашим. На самом деле, по большому счёту, мы вовсе не думаем, а повторяем знания и мнения, добытые кем-то другим. Наши предки поступали точно так же, просто их уровень был другим. Думать, представлять и даже только проверять и сортировать добытое опытом (своим ли, чужим ли) всегда трудно.

Большинство не морочат себе голову этим, а просто следуют тому, что и так «каждому ясно» или даже «должно быть ясным», и удивляются выскочкам, у которых всё по-другому. Оставим высокомерие, внимательно прислушиваясь к тому, что нам сообщают, независимо от того, что за глупости там несут.

Да что Вы говорите!

Свои мысли мы вольны двигать туда и сюда, составляя оптимальные образы, словесные выражения, формулы. Чуждое высказывание лишает нас свободы толкования. Не вправе изменить его порядок, попорченная логика вскипает. Простейшая защита от ожогов нерадивости — отдергивание восприятия, как рук от пламени: захлопнуть книгу, выключить радио, заткнуть уши или закрыть глаза. Откуда эта ярость отвержения? Ведь это только слова, да ещё чужие!

Так-то оно так, но только любое несовместимое мнение ставит под сомнение силу собственного суждения. Пыл отрицания развеивает туман и обрывает сомнения. Александр разрубил гордиев узел, не сумев распутать. Веками общество столь же бурно рубило головы, руки, языки людей, выразивших иное мнение. Наше время внесло некую сдержанность при отрицании. Напряжение осталось. Строптивых и непокорных оговаривают, переде́ргивают, высмеивают и вытесняют. Отсутствие узаконенных убийств и пыток инакомыслящих не означает, что их с удовольствием не применили бы, были бы они под рукой.

И всё же, что нам до чужого, если наше лучше? К чему борьба с тем, что нас не затрагивает? Земля имеет форму пиццы?

Да что вы говорите! Чуждое не столько утверждает, сколько рассказывает вам о собеседнике и его мирке. Что с того, что собеседники не могут вам последовать, а несут вместо этого галиматью?

Непонимание современниками — неизбежный спутник первопроходца. Вас не приемлют, а вы на правильном пути?

Так что же — вперёд! Рассказывайте ненавязчиво, думайте непринуждённо, а главное — живите и действуйте! Альберт Великий, Коперник, Кеплер, Декарт, Дидро все они думали и стремились, избегая беспредметных споров. «Largatus prode» — «двигаясь под маской», они творили в будущем для будущего и были недокучаемы особенно никем.

Они не скрывали правду и не притворялись, они не навязывали её никому, оставив наследие, вполне приемлемое и сегодня. Но разве это праведно не возражать предвзятости? Разве это позволительно с точки зрения морали?

Пафос

Вроде бы зная чистоту своих мотивов, мы ожидаем признательности. Их отвержение означает либо глупость, либо злонравие противящихся. Если же контрагенты так же ссылаются на возвышенную чистоту своих мотивов, то важным становится соотношение. Они стремятся к хорошему и в узком кругу, мы же к высшему и не только для нас, но и для всего человечества. «Кто целит выше имеет право осуждать низменное. Если же этим другим плевать на наши благие рассуждения и призывы, то это значит, что они негодны, стремящиеся к отвратному». Высказывание такого предположения вызывает праведный гнев и ответную реакцию. Круг замыкается.

Мораль — это всегда требование к другим. Отсюда и стремление к увещанию. Его напыщенность — банальная попытка собственного возвышения. С поисками правды пафос не имеет ничего общего.

Порешить

Что не так с желанием покончить с *обществом безбожия, делячества, глупости, бессердечия, бездушия, эгоизма, вымогательства* и прочих, исторически обусловленных пороков, навязанных алчностью человеку?

Да в общем то ничего. Вот только: кто судья, кто исполнитель, где начало, а где конец, да и о чём собственно речь в каждом отдельном случае? Да, мы не обязаны пищей порядочности, милосердию или разуму мясников, крестьян или булочников.

Покупая, мы не обращаемся к человеколюбию продавца, а, зачастую, к его чисто шкурному интересу. Тем не менее именно человеколюбие торжествует, когда мы завоёвываем безразличных, делясь с ними созданным нами, вместо того чтобы обирать соплеменников под предлогом справедливости.

— Творите! Добрый человек созидает и распределяет блага, вместо того, чтобы требовать и урывать. Его посыл увеличивать их, а не урезать. Последнее присуще только хищникам и паразитам.

«Позвольте, с чего бы это кто-то должен дарить что-то кому-то, да и как это возможно, если рано или поздно всё раздаренное тью-тью? Нет уж. Как кто-то мне, так и я ему!»

Как ты мне, так и я тебе!

«Поскольку каждый от обмена жаждет большего, чем отдаёт, любой торг по сути — это мошенничество. Предотвратить обман можно только силой. Чтобы сила не стала произволом, она должна быть основана на справедливости и выводиться не из выторгованной цены, а из общественной ценности устремлений».

Эта на удивление примитивная аргументация прослеживается со времён архаики, но она Наверное старше. Обоснования были во все времена схожи, только общественная ценность была у каждой исторической общности иной. В начале за основу брались, старательность, религиозная и социальная преданность, позже работоспособность — выраженные продуктом усилий и времени. Трактовка всегда подлежала надзирателю.

История наглядно показала цену такой «справедливости». К счастью, уравнение нигде не прижилось, хотя поползновения к нему и сегодня в моде. Но, к чему обмен, если он уравнивает? Что женщине от мужчины, ребёнку от матери при навязанном тождестве того, что они друг от друга получают и друг другу дают? Обмен справедлив только, когда он взаимно обогащает. А что если наоборот, если кто-то пытается у кого-то урвать незаслуженное, не

должно ли его осадить и потребовать компенсации? А есть ли у это хапуна что-либо, что стоило бы того, чтобы к нему прикоснуться или даже поднять?

Терпимость

Терпимость звучит так, как если бы вас оставили ждать в прихожей, уйдя по другим делам, нарочно не предупредив. Правильно ли жить, бесстрастно наблюдая, как негодяи обделывают их скользкие делишки, сея ложь и раздор среди простаков? Смотреть, как каждому шагу прогресса выстраиваются препоны на пути? Терпеть, как безответственность, коррупция и кумовство разрушают природу, климат, да и будущее планеты? Наблюдать, как на каждое слово правды вываливают тонны грязи и лжи?

Конечно, нет! Но к чему негодование? Будем честны. За пафосным криком возмущений часто прячется банальное желание навязать своё мнение другим.

Кто-то должен измениться. Наука, политика, человечество должны обратиться к иным вопросам, чем они сейчас занимаются: по крайней мере, они должны иначе подходить к этим темам, а не так, как сейчас. А с чего бы это, и почему именно кто-то другой? Предписание и понимание — разные вещи. Понимание ищет соратников, предписание — слуг. Разберись сперва в том, с кем тебе по пути.

Обращайся к слушающим, а не продавливай «истин» тому, кто ещё не созрел. А главное — действуй, не дожидаясь особых условий. Создавай их. Что там полумрак комнаты ожиданий! Истина прокладывает дорогу из тюрем. Даже смерть и насилие не сильны её остановить.

Истина даёт больше, чем деньги и власть, она даёт пульт для управления Миром. Нет, не кто-то безликий, ни бог, ни царь и не герой, а тот, кто видит должное, обязан об этом заботиться. Если ты ясно что-то понял — то и ухватывайся за рычаги.

Много врагов, много чести!

Считается: чем выше приз, тем серьёзнее соперники и грандиознее опасности на пути. Вообще-то всё — наоборот. Чем выше цели, чем свежее воздух, бескорыстнее и вернее соратники, тем радостнее достижения. Надо признать, что подонки, как мухи, облепляют власть и успех, а величайшее из чувств — любовь, обрамлена гнуснейшими венерическими болезнями. Однако, о какой любви при этом идёт речь? Венерические болезни наказывают не любовь, а её презрение. Собственно, где кипит борьба и меряются противники? У строительных лесов, на объектах созидания? Нет! Кишат помойки, раны, отстойники — места отходов и упадка! Да, враги и их деяния омерзительны, но не всерьёз опасны. Паразиты хотят получать, а не созидать. Чувствительные к запаху падали, они не в силах различить творения, даже стоя перед ним. Что им мешать создателю? У них есть дело, пахнущее покрепче.

Алчность нередко собирается в чёрные тучи прожорливой саранчи, приближается громохвая и извергая молнии. Однако, все тучи следуют простым законам, они не вольны выбирать направление и исход движения. Тот, кто это знает, спокойно кипятит воду, убирает с террасы подушки и мягкую мебель, раскрывает книгу, садится у окна и преспокойно пьёт ароматный чай, наблюдая за бушующей стихией.

ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО

Зло повсеместно. Только отразил одну атаку, уже надвигается новый враг. В борьбе с гидрой зачастую опускаются руки. Неужели этому никогда не будет конца?

Нет не будет.

Жизнь — это состязание со смертью. Даже там, где живое забегает далеко вперёд нет возможности остановиться и приходится начинать с начала. Приходится ворошиться, быть изобретательным, но именно в этой борьбе и заключается жизнь. А потому, что бы ни произошло. — Всё будет хорошо! — для всех и для каждого в отдельности.

Займёмся этим последним:

отдельным, личным, индивидуальным.

Займёмся даром жизни жалуемым нам и так мало

осознанным и понятым кем-то.

КНИГА ВТОРАЯ

ДАР

Всё рано или поздно пресыщает и только жизни всегда мало. Хочется всё испробовать, не влачить, а наслаждаться, лелеять и приумножить отпущенное. Но с чего начать, где искать, как удержать, да и что ценить в этой самой жизни?

В погоне за полнотой бытия одни жаждут денег, искусства, недвижимости, другие — сколачивают армады подневольных рабочих, служащих, солдат. Накопленное чрезмерно разбухает, осыпая «благами» одних, обделяя «заслуженным» других, разверзая пропасти между людьми, народами и расами. А в итоге, что даёт обладание всей этой мишурой владельцу?

Есть справедливость, неподвластная любому неравенству и произволу. Её нельзя подкупить или принудить. Сколько стоит ясный взгляд, ласкающее тепло лучезарного солнца, чарующий аромат луговых цветов, свободное дыхание, освежающая мысль? Эти дары доступны всем, и в то же время не продажны.

Жизнь — величайшее благо, данное нам рождением. Каждому её сокровища отпускаются просто так.

Что мы знаем о богатстве, присущем нам? Удивительно мало. Как мы им пользуемся? Расточительно и бездумно, как муха, жужжащая по комнате, чтобы, как пришла, исчезнуть, кто знает где. Реноме, власть и богатство, как бы высокомерно они ни рядились, могут придать телу максимум искусственный задний проход, стеклянный глаз, силиконовые вставки и другие, пусть и дорогостоящие, но не живые довески. Ни деньги, ни власть не совершенствуют тело. Болезни вырывают у тела признание, что дары жизни вовсе не должное. Люди, прикованные к постели, волей-неволей задумываются о былом, о смысле прежних

стремлений и спешки, оглядываются и спрашивают — и это всё?

Часто для ответа не остаётся времени. Но даже этот зависший, но уже сформулированный вопрос ценен.

Откровения хвори

Отче, Отче, почему ты меня оставил!

На приёме пациенты жалуются как бы на несуразности их тела; горько и с упрёком спрашивают, почему то или иное больше не получается, почему там или здесь болит; как долго это ещё будет тянуться. Их досаду можно понять. С рождения мы получаем свои способности, не заботясь об их приобретении или сохранении. Они, буквально, навязываются нам. Мы прислушиваемся к нашим влечениям, а взамен получаем опыт и новые навыки. Жизнь обретает краски. Если чего-то не хватает, то те же самые влечения подсказывают, что нам делать, а что избегать, чтобы вновь обрести вкус и радости жизни. Для этого нужно всего-то: заботиться о себе, искать удовольствий и избегать неприятностей; всё остальное складывается как должно.

Но вот беда, только мы свыкнемся с этим, довольно приятным нам руководством, как правила уже меняются. Из бескорыстного покровителя и мудрого советника тело превращается в безвольную тряпку и нытика, на которого всё меньше можно полагаться. Внешность обезображивается. Подбородок, живот и бёдра заплывают жиром. Мышцы становятся дряблыми. Кожа морщится и обвисает. Дыхание заклинивает. Да и весь мир вокруг нас как бы портится и разлагается. Привычное отталкивает.

То, что прежде крепило, изнуряет. Вкус ещё недавно любимых блюд и напитков не узнаваем, пресен и горек. На смену радостям гурманства являются непрошенными тяжесть в желудке, тошнота и боли. Игры выматывают, соблазны отупляют. Ночной сон где-то слоняется и не приходит, бросив нас с дневными заботами, вместо того чтобы прогнать тяготы и освежить думы. Но и после мучительных потуг с целью

заснуть и выспаться, после долгожданного и наконец наступившего сна, спасительного пробуждения нет. Наоборот, голова гудит, мысли мечутся, восприятие с трудом ориентируется в кажущейся чуждой среде. Суставы словно из дерева, руки и ноги налиты свинцом, всё приходится мучительно преодолевать... Откуда эти напасти?

Мы вроде не сделали ничего неверного, по крайней мере, намеренно. Чутко прислушивались к тому, что подсказывало наше тело и ублажали его по мере сил. Конечно, временами много трудились, утомлялись, во многом себе отказывали, но ведь всё это, чтобы получить ещё больше. Если мы раньше и лишали тело чего-то важного, то теперь, будучи наверху, готовы всё изменить, добыть недостающее, погасить долги, оплатить старые счета. Назовите причину и средство. Цена не играет роли. Всё доступное будет пущено в ход. Если бы это было так просто! Если бы где-то имелось достаточно средств!

Медицина открыла много удивительного: механизмы инфекций, воспаления, опухолей, нарушений обмена веществ. Наука расшифровала структуры белков, полисахаридов, ферментов, ну и, конечно, генов. Детали освещены в тысячах книг. Никому не дано всё прочитать, а тем более усвоить. Кажется, с таким багажом нам стало подвластным непомерно много. К сожалению, нет. Всё накопленное медициной — это лишь бензиновое пятно над поверхностью океана разнообразных проявлений жизни — ярко переливающееся и всё же чрезвычайно тонкое. А что с глубинным и неизведанным? Где ключи к болезням и процессам, для которых в наших представлениях даже зацепок нет?

Всё это относят к «не медицинской сфере». Это не к нам, как минимум, не ко мне. Звучит честно. Ведь врачи берут деньги, а за не оказанную помощь неправильно выставлять счёт. Но это не честность, врач просто прикрывает своё невежество по теме. Термины «не медицинский», «чисто психический», «аутоиммунный» или «генетический» — оттенки одной и той же отмазки и означают «сам виноват, медицина здесь ни при чём, в тебе что-то не так».

Те, к кому это относится, редко смиряются с квазинаучными отговорками. В отличие от заверений учёных светил, они-то знают: их

жалобы реальны и пришли откуда-то. Значит, должна быть и «настоящая» причина их возникновения. Если её узнать, то можно остановить или даже обратить болезнь вспять.

В поисках первопричин больные меняют врачей, не гнушаются целителей, шаманов, парапсихологов, паломничают к святыням и предаются мистике. Вдруг, где-то падает диагноз. Обоснования и смысл не важны, главное — внушительное название. Пустышка успокаивает и приносит облегчение. Опровержения, сомнения — нежелательны. Нет ничего более неблагодарного, чем объяснять больному беспочвенность выдуманных им химер.

Откуда эти потуги псевдо-интерпретаций, ничего не меняющие и ни к чему не ведущие? К чему этот зуд безнадёжности, только усугубляющий проблемы и прожигающий куцые толики оставшейся жизни? Может дело в вопросах вины?

Возможно.

С детства нас поучают: невиновного не должно наказывать. Кто наследил, пусть и убирает. Меня вообще здесь не было, я и пальцем не пошевелю. Диагноз как бы озвучивает источник. Раз я ни причём, не нужно перекраивать жизнь или отказываться от привычек. Сомнения закрыты, можно расслабиться и дрейфовать, куда бы течение не несло.

Выяснение вины может быть в помощь в детском саду, школе, перед лицом администрации или избирателей. Болезням наплевать на заверения.

Так почему же органы отказывают без видимой причины даже тогда, когда мы исполняем все прихоти тела? Вроде бери и восстанавливайся как было, ведь необходимое в избытке!

Ответ не прост уже потому, что вопрос с подвохом. Его постановка подспудно внушает, что здоровье и жизнерадостность — само собой разумеющиеся вещи, а их утрата противоестественна и экстраординарна. На самом деле, всё наоборот. Всё когда-нибудь рушится.

Не отмирание, а жизнедеятельность требует объяснения.

Как возникает; на чём зиждется; в чём заключается; куда

движется; как сохраняется жизнь? Именно такая «правильная» постановка вопросов раскрывает истинную трудность задачи. Знаем ли мы источники жизненной силы? Понимаем ли мы жизнь? Можем ли мы управлять простейшими жизненными процессами? Знаем ли мы, как отдельные клетки возводят наше тело, тесно взаимодействуя друг с другом? Как гусеница становится бабочкой, а семя — деревом? Я не знаю, впрочем, никто не знает исчерпывающих ответов! Мы только начинаем догадываться о принципах организации жизни. Ничто в ней не является само собой разумеющимся; ничего, даже самого малого, мы не в состоянии воссоздать. Жизнь — это чудо, перед которым я полон трепета и благодарности.

Но неужели надо так глубоко зарываться в детали? Пациента интересуют не молекулы и утончённость жизни, а простота, с которой жилось до сих пор. Встать и пойти, протянуть руку и взять, открыть глаза и увидеть, задуматься и вспомнить или принять решение. Верните эту былую простоту и не более. Разве это так уж много?

Как наивно!

Да, жизнь порой безмятежна. Однако это не данность, а тяжело заработанное достижение. Сама по себе жизнь не легка и совсем не проста, её сделали для нас простой и лёгкой. Усилия и предпосылки, необходимые для этого, огромны, мы не привносим к тому даже толики, хотя по неразумению, зачастую серьёзно мешаем. Наше тело принадлежит не нам, а эволюции! Запись в паспорте вводит в заблуждение. Мы намного старше, чем указанная там цифра.

Жизнь возникла четыре — пять миллиардов лет назад. Всё живое, существующее сегодня, является потомком этих первобытных времен. Именно тогда мы родились, чтобы жить сегодня. 5 миллиардов лет — фактический возраст каждого. Ни один переход в непрерывной череде поколений нельзя пропустить. Один перерыв — и нас сегодня не было бы. Индивидууму только кажется, что жизнь начинается вместе с ним и на нем замыкается. Хотя мы воспринимаем события личной судьбы как уникальные, они не новы для ветви, от которой мы тянемся. Наши предки действовали в аналогичных обстоятельствах до нас, борясь с невзгодами, штурмуя препятствия,

то побеждая, то оступаясь, но непрерывно двигаясь вперед. В нас сходится опыт их побед и поражений. Наше тело — это кладёшь их успешных решений, переданная нам и позволяющая построить мыслящий многоклеточный организм всего-то из цепочки ДНК, воды, света и минералов. По мере взросления мы полагаемся на долгую историю былых достижений и с легкостью штурмуем препятствия, которые когда-то уже осаждали и покорили наши предки.

Чем моложе организм, тем древнее и многообразнее опыт индивидуального развития, приходящего телесности на помощь (чего только не происходило в эволюции в том же самом отрезке жизни с тех пор) и тем реже непредвиденное тревожит ход роста и развития. Откуда ему взяться, всё уже вроде ранее случавшееся было успешно преодолено! Да, зарождающийся организм слаб и беззащитен. Оплодотворенная яйцеклетка и эмбрион не в силах сами за себя постоять; вроде, делай с ними что хочешь, навязывай любой исход, любые аномалии развития. А, нет! Что бы и где бы ни происходило — ни особенности диеты, ни экстремальные внешние условия — не сбивают эмбрион с проторенного пути развития, вплоть до «отдельных черт лица» однойцевых близнецов.

Несмотря на быстрый рост и сумбурный обмен миллиардов клеток, отклонения в эмбриогенезе встречаются редко. Только когда наука изобрела вещества, небывалые в эволюции и потому незнакомые для живущего, мутации и аномалии развития стали обычным явлением. Яркие примеры этого — радиоактивное излучение (вне природного диапазона) и талидомид.

Реклама уверяла, что успокаивающее (талидомид) менее опасно, чем стакан молока на ночь, и особенно рекомендовала его беременным для укрепления сна. Препарат и впрямь не вредил взрослым, но вызывал ужасные аномалии развития, отсутствие рук и ног у новорождённых.

Без таких вне-эволюционных вмешательств эмбриогенез непоколебим. После множества впечатляющих преобразований из одной единственной клетки формируется младенец, который растёт и развивается.

С каждым завершённым этапом созревания беззаботность и лёгкость роста уменьшаются, но при этом они сохраняются в изобилии у ребёнка и подростка.

Множество проблем, которые наш вид преодолевал и решал в прошлом, объясняют, почему мы в самом начале успешно справляемся с самыми трудными задачами. Мы поднимаемся, встаём, бегаем, учимся, беремся за что-нибудь, как будто только этого ждали. Мы мимоходом изучаем язык, даже не зная, как это происходит, сложные навыки приобретаются играючи и без особых усилий. Вряд ли найдётся событие, которое удивит растущее тело, вряд ли найдётся вредоносный фактор, от которого нет в нашей телесности противоядия.

После рождения руководство развитием перенимают врождённые чувства, помогая нам оценивать возможности и превратности. События, которые были хороши в эволюции, окрыляют при повторной встрече. То, что было критичным, настораживает и отталкивает. Мы не задумываясь следуем эволюционным подсказкам и расцветаем от успеха к успеху. Молодость полна радостей.

Время безоблачного развития в рамках многократно проверенного — и есть именно то, что люди считают здоровьем. Они смешивают надёжность, которой пронизано испытанное, с чем-то само собой разумеющимся и считают успех своим бессрочным правом: ведь то, что было возможно до сих пор, должно продолжаться и дальше. Когда возникают проблемы, они идут к врачу и требуют, чтобы тот вернул им былую лёгкость, освежил и восполнил иссякающие силы. Они просят невозможного, да и обращаются не по адресу.

Когда болезненный фактор блокирует развитие, как то: вирус, бактерия, недостаток веществ, рана или деформация, а врач распознает и устраняет эти препятствия, кажется, что он может управлять и даже дарить жизнь. Но это не так. Врач ничего не дарит. Он убирает камушки с пути телесного развития и облегчает дальнейшую жизнь, ему увы неподвластную. Жизнь не продукт обстоятельств, внешних вмешательств, случайностей или мутаций.

Жизнь — стремление против и сквозь них. Она формируется и совершенствуется благодаря собственным целям. То же относится и к каждому отдельному человеку.

Куда люди стремятся? Что ими движет? Задумываются ли они над этим? Не очень. Главенствуют позывы. Если тело говорит — это хорошо, то люди к этому стремятся. То, что тело отвергает — люди избегают. Иначе говоря, люди следуют своим потребностям.

Потребности

В XIX веке потребности внезапно стали архиважными. Счастье, свобода, совесть, Бог, разум — всё это было вчера, страшно запутанно и бесполезно для охвата и планирования. Потребности описывали тёмные и светлые человеческие стороны ясно и убедительно, их можно было выразить в числах и учесть статистически.

Вроде, всё стало научно опосредуемым, как законы планетарного тяготения. Но единодушия не выходило. Наоборот, на высказывание «От каждого по способностям, каждому по потребностям» мир раскололся на два непримиримых лагеря, ожесточённо сражающихся друг с другом вплоть до грани преднамеренного взаимоуничтожения. При этом те и другие рассуждали вроде об одном и том же. Но, в то время как капитализм демонстративно опирался на эгоизм с неограниченными в алчности потребностями-желаний «каждому как хочется», коммунизм требовал от людей общинной солидарности с уровнем потребностей «как должно».

В зависимости от трактовки, требования и правила отдачи по способностям тоже сильно различались. (Мне всё — ему хватит и этого). Единственное, что объединяло капитализм и коммунизм — это уровень амбиций. Обе системы соревновались за максимальное вовлечение людей в производство. Человечество выиграло от соперничества. Стремление к удовлетворению потребностей высвободило невероятные силы. Выросли мегаполисы,

землю окутали проезжие дороги, водные и воздушные пути; горы поменяли место со впадинами; водные и земные глубины, небо, а потом и космос стали досягаемы. Успехи и ожидания непрерывно росли. Научно-фантастические романы XIX и XX веков отражают атмосферу этого времени. Я вырос в этом оптимизме и не сомневался в нём. Казалось, что нет больше невозможного, всё можно решить. Человеку за несколько десятилетий действительно удалось удовлетворить все биологические потребности. Но вышло не так, как мечталось; а наступило то, чего никто не ждал.

Когда все телесные желания стали исполнимы, оказалось, что каждый шаг к их дальнейшему ублажению вместо продвижения и укрепления ведёт к обратному. Взлёт здравоохранения XIX и XX веков, достигнув пика, застопорился и местами попятился назад. Дальнейшие успехи медицины к концу XX и особенно с начала XXI стали всё более труднореализуемыми, дорогостоящими, а их результаты ничтожными по сравнению с затраченными усилиями. Изменился облик человечества. На смену напористости выдвинулись ожирение, депрессия, жировой гепатоз, Альцгеймер и другие, так называемые «болезни цивилизации». Средняя и максимальная продолжительность жизни человека колеблются, а местами существенно падают. В опасности даже IQ. США явно впереди планеты всей, за ними тянутся остальные ещё недо- и «развитые страны». Даже там, где статистические величины вроде устойчивы, реальное содержание жизни сжимается.

В 23 года я был дипломированным врачом и папой. В этом возрасте приоритетом для моего поколения были осёдланная профессия, собственное место жительства и семья. Синдром выгорания ещё не был открыт. Люди жаловались на заниженные требования и ответственность. Независимая профессиональная жизнь начинается сегодня примерно в 35 лет, как и семейная жизнь (в случае, если вообще до неё доходит). Период подготовки вырос, устойчивость к нагрузкам упала по сравнению с 50–80-ми годами XX века. При неизменной средней продолжительности жизни люди начинают стареть, собственно, не успев пожить.

Мое поколение мечтало о полётах, углублении в макро- и микрокосмос. Сегодня такие профессии, как физики, техники или инженеры не популярны. Светлые грёзы прогресса сменила мистическая фэнтэзи с мрачными тенями средневековья. Я вымахал выше двух метров, но в детском саду, школе и в институте многие одноклассники и сокурсники были выше меня. Акселерация бросалась в глаза, когда учащиеся в актовом зале выстраивались по возрасту рядом с учителями, невольно ставшими коротышками. Видя это, я серьёзно думал, что в будущем и мой рост будет средненьким. Вышло иначе. Люди стали не выше, а толще и неуклюжее. Что пошло не так?

Лучше всего это можно описать как потерю ориентиров. При этом виноваты не политико-экономические теории и их реализация, а сущность самих потребностей. Основатели политэкономии не задумывались о том, что такое потребности и к чему они. Потребности были чем-то само собой разумеющимся, не требующим дальнейших разбирательств. Однако так это со всем, что является естественным и очевидным: небо и земля встречаются на горизонте видимого земного диска; солнце восходит на краю земли и блуждает по небесному куполу; тяжёлые предметы падают, лёгкие поднимаются и парят. Естественными и само собой разумеющимися являются обстоятельства, значение которых лежит на поверхности, точная интерпретация которых в настоящий момент не требуется, а поэтому и проверке не подвергается.

Ситуация меняется, как только вы непосредственно займетесь само собой разумеющимся. Как добраться до края земного диска? Что поддерживает небесный купол и можно ли по его опорам взобраться? Как облегчить тяжёлые вещи настолько, чтобы они плавали, парили или даже взлетали? Очевидность тут же рушится, приходится переосмыслить истинное значение обычных явлений.

Итак, чем являются потребности и к чему они? Потребности — это мечтания неисполнимого. В дикой природе они представляют дополнительные факторы роста, которыми нельзя

длительно овладеть, то ли потому, что их мало и они редки, то ли из-за их недолговечности. Поэтому достижение потребностей сопряжено с повторными, никогда не прекращающимися усилиями. Тяга к недостижимому служит при этом не столько телесному улавлению, сколько совершенствованию навыков и сил.

Политическая экономия подчиняет производство товаров телесным вождениям. В отличие от природы, современной промышленности действительно удаётся раз и навсегда удовлетворить все биологические потребности, устраняя их воспитательный посыл. В результате удовлетворение телесных потребностей перестаёт стимулировать саморазвитие. Насыщение парализует волю, притупляет чувства и усыпляет стремления. «Сытое брюхо к учению глухо». Пресыщение также мешает в политике, науке, искусстве и спорте. Общество потребления теряет свои стимулы быстрее возникновения новых. Сегодня это яснее, чем когда-либо.

Средний американец потребляет в три раза больше калорий, чем человек в развивающихся странах при прочих равных условиях. Разрыв растёт, когда речь идёт о потреблении энергии, воды, одежды и жилого пространства. Но вместо высвобождения сил это богатство только подавляет предприимчивость. При отсутствии побуждений современная эпоха пытается оживить потребление за счёт глобализации, позволяя бедным странам работать до упаду и в то же время проталкивая в пресыщенном социуме желания, которые ранее считались аномальными, а поэтому ещё не использованы или исчерпаны. Мир наводняют гламур и элитарное чванство, виагра для мужчин и женщин, всё шире легализуемые наркотики, декаданс всех видов.

Необходимость

Издержки общества потребления очевидны, последствия для окружающей среды и людей удручающи. С растущим бременем потерь растут и протесты. Они осуждают потребление, будят страхи

за будущее и требуют контроля. Представители 1968 гг., «Римский клуб», Зеленые и «Пираты» призывают осадить потребление. Их предписания урезают личную свободу, умаляют возможности и права человека, и тем не менее всё более расплозятся по программам политических движений. Ведь что-то надо делать!

Да надо, только увь, не всякая альтернатива — улучшение и не каждая деятельность в пользу. Лучше ничего не делать, чем усердно вредить. Общество потребления зашло в тупик. Необходимо переосмысление? Безусловно! Но кто сказал, что выход находится в обратном, в отказе от роста и в урезании человеческих потребностей? Где нужно остановится с ограничениями и как, какими средствами эти ограничения реализовать?

История полна наглядных примеров ограничений и их последствий, позволяющих понять движущие силы, воздвигающие их, и результаты, достигаемые ими. Стоит сначала взглянуть на уже опробованное и разобраться с его возможностями, чем слепо повторять уже пройденное и наверное не без оснований оставленное.

Добровольный аскетизм повседневен, хоть и по-разному выражен в разные времена. Его публично хвалили, но ему редко следовали и втайне высмеивали. Общественно-государственные запреты были тоже не редки, но мимолетны и быстро вырождались в показуху на людях и оргиях в тени. Только религиозные запреты имели успех, но были крайне нелогичны для посторонних.

Вроде бы сегодня дела обстоят лучше. Наука может рассчитать нужное и регулировать распределение товаров без всяких выкрутасов.

Так ли это? — Вряд ли!

«Наука» сегодня выступает за одно, завтра — за другое, колеблется, спорит сама с собой и кроме внешних источников финансирования не имеет собственных рычагов убеждения. А вот семитский запрет на употребление в пищу свиней и канонизация коров в Индии соблюдаются и сегодня. Неужели всё это из-за религиозной дури? Нет, в основе религиозных запретов лежит чистый расчёт, обобщающий жизненную мудрость общины.

Попробуем разъяснить, что мы под этим подразумеваем, чтобы не оставаться голословными.

Свинья, в отличие от копытных животных, не может жить на траве. Чтобы расти, ей нужны те же продукты, что и человеку. В голодные времена, обеспечение одного человека свининой лишает двух других людей источников существования. Объявление свиньи нечистым животным, запретным к употреблению, избавляет бедноту от экзистенциальной угрозы без всяких оправданий и предотвращает обход заветов с помощью толкований. Аналогичным образом корова стала священным животным. Для индийского крестьянина корова была отоплением, трактором, источником молока и многим другим. Потребление говядины богатыми означало мучительный голод и смерть для крестьян, вынужденных продавать кормилиц.

Религия, освящающая жизнь коровы, уберегала население от катастроф и предпочиталась большинством, хотя её заповеди противоречили традициям и формальной логике. Возникло это предписание не случайно. Археологические находки и древние рукописи подтверждают, что в индуизме, на этапе его становления, корову и коровье мясо охотно использовали как в жертвоприношениях, так и для пищи.

Несмотря на это, индийцы отказались от жертвования коров по мере увеличения плотности населения. Не Бог сделал корову священным животным, это сделали люди со своими представлениями о ценностях. В трудные времена корова становилась главным гарантом минимального достатка, а люди выбирали религию, позволявшую им выжить. Когда индуизм ещё одобрял жертвование коров, он, будучи архаической религией, пропускал болезненные удары.

Более продвинутые и понятные современникам буддизм и ислам быстро распространились в Индии и почти вытеснили индуизм. Но, освятив корову, индуизм восстановил былые позиции, обставив конкурентов, без существенного изменения других своих постулатов. Исторически также доказано, что семитские

народы первоначально разводили и употребляли свинину и отказались от этого только с приходом иудаизма и ислама.

История религии показывает, что предписанная умеренность и воздержанность имеют смысл и могут соблюдаться отдельными лицами, группами (кастами) и целыми народами. Однако за этим нет ни абстрактных желаний, ни благочестивых намерений. Суть аскетизма не в «праведном» отказе от чего-либо, а в обеспечении жизненно необходимым.

В экзистенциальных кризисах неотъемлемое приобретает приоритет. Так почему не сразу так? Это связано с биологической природой необходимого. Связанный азот — безусловное условие жизни животных и растений. Необходимость в нём огромна. Однако потребность в его связывании эукариотами отсутствует, потому что, пока существуют азот-связывающие бактерии, недостатка в нём нет и не предвидится. То же касается воздуха, воды, света. Жизнь без них невозможна. Но, в обыденности, стремления к ним нет. Даже речь свидетельствует о нейтральности обеспеченных нужд. Есть жажда, но нет противоположного выражения «радости питья». Есть слово «удушьё», но нет слова, описывающего удовольствие от дыхания. От увеличения потребления воды или воздуха ни питье, ни дыхание приятнее не становятся.

В отличие от потребностей, необходимость создаёт стимул только при нехватке, становясь нуждой. Потребности можно проигнорировать, нужду нет, речь идёт уже о выживании. Но недостаток и нужда непостоянны, они приходят, уходят и со временем меняют своё содержание. Отсутствие нужды делает рационирование нелепым. В чём же смысл современных запретов роста, кроме как в призыве назад в каменный век, туда, где проблем ещё не было! Каким образом можно вообще достичь такого возвращения?

Первый пункт на скрижалях Джоргии гласит: «Пусть земное население никогда не превышает 500 000 000, пребывая в постоянном равновесии с природой.»

Жуткое требование при теперешних 8 миллиардах населения. Скрижали вроде недавно кто-то взорвал, а их обломки убрали. Фотографии остались. Содержание везде и всегда воспроизводимо. Кто инициировал скрижали доподлинно неизвестно. Понадемся, что сформулировавшие его призывы никогда не достигнут достаточной власти, чтобы перейти к реализации задуманного.

Влечения

С XIX по XXI век — время победного шествия биологии. Бесцеремонная животность перекроила все области бытия, географические, духовные, религиозные и научные. Человечество отбросило стыдливость и самозабвенно предалось естеству. Задуматься о том, что такое телесные влечения, откуда они и куда ведут, люди не удосужились. А стоило бы!

Влечения — это биологические автоматизмы. Они побуждают людей повторять путь своих предков во всем, что было хорошим. Сначала мы следуем им беспрекословно: сжимаем губы при прикосновении к груди матери, поворачиваемся на живот, когда нас кладут на спину, болтаем ручками и ножками, поднимаем голову, шаловливо убегаем от присматривающего взгляда, тянем в рот неиспробованное, познавая мир. Чего бояться то. Родители ведь наверняка одернут, если мы зарвёмся.

Встречи с реальностью пробуждают воспоминания о триумфах и неудачах нашей биологической предыстории, приносят радость при правильном применении или боль от ошибок. Руководствуясь инстинктами, мы реагируем на события и набираемся опыта. При этом мы настраиваем наши органы на реальность и делаем её продолжением себя.

Безапелляционность инстинктов нашептывает, что они неконтролируемо деспотичны. Человек действует, не ведая, что им управляет.

Это не так. Инстинкты — послушные слуги. Они вмешиваются, только если их хозяева неадекватны с точки зрения эволюции. По мере взросления мы освобождаемся от их опеки. Необузданное желание становится самообладанием, неуверенность — спокойствием, вожделение — любовью. Созревание превращает генетические формулы эволюции в собственные навыки и привычки. Разум постепенно перенимает руководство. Но для чего? Если инстинкты так мудры и желают нам только лучшего, к чему разум? Что это? Своего рода гордыня?

Накопленный опыт эволюции огромен, от рождения до старости он помогает нам. Но он не совершенен. Как родительские наставления недостаточны для современности их детей, так и опыт эволюции недостаточен для решения проблем настоящего.

Наше тело не имеет и не может дать ответов на ситуации, которые не возникали ранее и не были успешно преодолены нашими предками. Там, где заканчивается запас готовых решений, индивидуум вынужден смотреть в неизвестное, получать противоречивые сигналы, действовать наугад, нести потери и накапливать нарушения в структурах и функциях тела.

Взросление означает учащение конфликтов, которые телесно незнакомы и которые заканчиваются иначе, чем хотелось бы. Накопление необратимых ошибок, рост утрат над приобретениями называют старением. Старение неравномерно и начинается не в старости, а с первых потерь, для возмещения которых эволюция ещё не нашла решений.

Старость — это развитие тела за пределы, до которых до сих пор продвинулась эволюция вида. Чтобы выстоять здесь нужно идти непроторенными телом дорогами, а для начала сперва понять эту самую телесность.

Ты куда? Если удастся — вперёд!

Плохие жизненные условия изматывают и ломают. На фотографиях сорокалетних крестьян, снятых в XIX веке, часто позируют сутулые старики с обветренными лицами, шрамами, беззубым ртом, блуждающим взглядом и дистрофической внешностью. Фотография тогда была несовершенна. Но и величайшие художники прошлого оставили нам достаточно материала для наглядных сравнений.

В прошлом, не только рабочий люд, даже его управители выглядели к 40 годам старцами. Сегодняшние 70-летние выглядят намного моложе, и они обязаны этим более высоким жизненным стандартам.

С ростом благосостояния росла и средняя продолжительность жизни, удвоившись во всех промышленно развитых странах между XVIII и XX веками. Но затем её рост остановился, хотя изобилие и продолжало расти дальше. Современник может позволить себе любое благо, избежать любых трудностей. Почему же тогда он стареет, а его тело дряхлеет? По крайней мере, некоторые могут свободно выбирать условия жизни. Предположительно три процента людей имеют столько, сколько все оставшиеся вместе взятые. Почему это огромное благосостояние даже им не в прок? Это происходит потому, что свобода выбора лучшего — сплошная иллюзия.

В самом деле, откуда исходит наше понимание того, что лучше и того, что хуже? На чём основываются наши решения за и против? В основном, исходя из врожденных чувств удовольствия и отвращения. Насколько правомерны они? Ровно настолько, насколько они рассчитаны. То, что не было преодолено нашими предками в эволюции, не может быть врожденным.

За пределами жизни наших прародителей подсказки врожденного ошибочны. Да, организм вполне способен чётко распознать приближающиеся недуги. Готовых рецептов, как с ними бороться, у него нет. Болью и недовольством он подталкивает

хозяина к смене предшествующего курса. «Сделай что-нибудь», — внушает он, — «Поменяй направление, так дальше нельзя». Только люди неправильно понимают эти послы. Вы устали, апатичны, чрезмерно напряжены...

Что раньше помогало справиться с хандрой? Хорошая еда, музыка, развлечения, секс. Так в чём же вопрос, выбор есть и доступен! И вот, несмотря на отсутствие голода, люди запихивают в себя вроде бы деликатесы, одурманиваются то одним, то другим и делают всё только хуже.

Ожидания не оправдываются.

В безысходной немоги люди ищут подмогу извне, экспериментируют с травами, магнитами, излучением, лекарствами, наркотиками, сомнительными методами омоложения. Эфемерные ощущения «освежения» и кратковременные приливы сил только ускоряют общее разрушение организма. Жизнь уходит на поиски «оживляющего», на деле оказывающегося травмирующим и даже убийственным.

Потакание желаниям тела не выводит, а приковывает нас к судьбе наших предков. Они жили максимум 30–40 лет. Всего несколько миллионов лет назад средняя продолжительность жизни обезьян составляла от 10 до 20 лет. Условия обитания тех и других были суровыми. Тело помогало им продержаться необходимый срок, но подсказать, как жить после этого, оно не могло. У него просто не было возможности накопить опыт долголетия. Наши предки рано умирали. Это постигнет и нас, если мы будем слепо следовать указаниям телесных вожделений, то есть опыту наших генов. Для жизни за чертой биологического предопределения нужно больше. Необходимо преодоление несоответствующих новым послыам стремлений.

Позвольте, а к чему всё это, если за ним не прослеживаются удовольствия или хотя бы удовлетворения? Само слово «преодоление» предполагает, как минимум, неудобство, а то и наказание. Как что-то может быть полезным, если оно вызывает недомогание или утомляет? — Может!

Благо и его адекватное восприятие не всегда едины. Выпившему бутылку водки кажется «море по колено», а он еле стоит на ногах. У гимнаста после тренировки всё тело гудит, а он с «лёгкостью» исполняет сложнейшие фигуры гимнастических упражнений, немыслимые для обывателя. Важны не столько ежеминутные ощущения, сколько реальные возможности.

Ладно, но почему тело противится очевидно полезному — умственным и телесным тренировкам, усердию, диете, отказу от курения и стимуляторов?

Это не сопротивление, а скептицизм, противопоставляющий новому — испытанное. Только после преодоления, проверки и подтверждения новое принимается и воспринимается телом, как неотъемлемо своё. Не всё, что нас не убивает, делает нас сильнее, но совершенствование невозможно без преодоления похоти, неохоты и трудностей.

Когда я писал эти строчки, мне уже стукнуло 58. Вроде, не так уж и мало. Иисусу, Будде, Сократу, Аристотелю, Декарту не довелось и этого. И сколько же из отпущенного я осознанно посвятил своему телу? О ужас, практически ничего! Я ел, говорил, читал, писал и работал, пока и поскольку мне это нравилось, я отгонял невзгоды, но делал всё это по прихоти плоти, а не потому, чтобы стать лучше.

Разве это не одно и то же? Разве самосовершенствование не преследует то же самое: самочувствие, счастье и благополучие? И да, и нет! Тягости походов, головоломка над проблемами, изматывающий голод поста — неизбежные спутники стремлений. Чем выше цель, тем тяжелее нагрузки.

С каждым шагом гнёт сопротивления растёт, щемит, давит.

Малодушие шепчет: сдайся, откажись, брось эту тягостную ношу. И правда, часто приходится туго, и всё же, прежде чем отступить, спросите себя: что вам это даст и что вы потеряете при этом? Да, бремя исчезнет, оставив пустоту, от которой не лучше и не хуже. Радость победы, здоровое, стройное тело, ясный ум, удовлетворение от достигнутой цели длятся дольше.

Именно эта длительность торжества является безошибочным критерием правильного выбора. У человека старше 30 лет (т.е. среднем биологическом сроке жизни наших биологических предков) всё, что не способствует совершенствованию, подтачивает тело. Благополучная жизнь почти не даёт поводов задуматься над этим. Растущие влияние, благосостояние и аплодисменты сулят череду успехов и скрывают потери.

За ширмой достатка и карьерного роста приближается время, когда реальная нехватка сил уже не позволит что-либо затушевать. Однако эпоха за эпохой порождали людей, оседлавших свои инстинкты.

Личные трагедии, страдания, болезни, драмы исторических поворотов омрачили начало их пути, но и обнулили беспрекословность тела. Преодолевая кризис повседневных смертей, разрухи и опасностей, они научились руководствоваться своими целями, а не телесными позовами, и добились кажущегося непосильным. Читая их биографии, описания перипетий и свершений, трудно верить, что такие люди были. И всё же их деятельность достаточно подтверждена, а их труды доступны и актуальны по сей день.

В спокойные времена, вдали от революций и войн, люди редко поднимаются над телесностью. Тут тело властно и самовлюбленно рулит. Неприятное отфильтровывается. У желаний есть много уловок, которыми они оправдывают свои претензии на лидерство. Головная боль, недомогание и голод мешают пройти мимо переполненного холодильника. Красочные, меняющиеся картинки в телевизоре, гламур и лесть зовут окунуться в «эйфорию успеха». Иногда подрастают целые поколения людей, которые грезят всегда только удовольствиями и получают его.

Это «золотое» время недолговечно ни для человека, ни для общества. Мы сейчас как раз переживаем исход такой утопии ложных грёз. Развязка неизбежна, хоть и воспринимается как случайная катастрофа. Её предвещает нагромождение, казалось бы, бессвязных превратностей.

Вроде, обошел успешно одну, подкупил другую, глядь — уже новые пакости «стоят в очереди», желая нагадить.

Перспективы мрачнеют, образы, с которыми всё чаще приходится делить печальные обстоятельства, как и места, в которых это происходит, тошнотворны. Бездумных, считающих себя невинными, проблемы поражают как молния.

Почему я? Это какая-то ошибка. Я выполнял свои обязанности, всегда (по возможности) вёл здоровый образ жизни, не курил, не пил, ел только самое лучшее, многого добился.

Наигранное удивление, показное потрясение и жалобы на якобы несправедливое крушение до сих пор образцовой жизни — сплошной самообман. В глубине души все чувствуют: виновата не жизнь, а пожирающая её ложь. До сих пор признаками неудачника были слабость, болезни, старость. Рохли мешали. Тот, кто покрепче, не ждал, сталкивал замешкавшихся или шатавшихся со своего пути, не задумываясь обгонял медлительных.

«Разве не в этом использовании преимущества и заключается истинный смысл прогресса?» Но вот гроза настигает вырвавшихся вперёд и выясняется, что всё урванное не защищает от непогод, а только притягивает алчное вороньё.

Вещи, которые считались чрезвычайно важными, вдруг оказываются банальными, излишними, даже тягостными. Ранее с таким большим трудом достигнутое не помогает даже в самых простых ситуациях.

Сколько стоит один освежающий вздох? До сих пор мы дышали, не задавая себе этот вопрос. Максимум обращали внимание на чистоту воздуха, влажность, температуру и аромат. Теперь, когда легкие и сердце не слушаются, ноги разбухают, а жёлто-зелёная жижа лезет из кожных пор, приходит прозрение: никакие сокровища мира не могут купить ни одного единственного свежего глотка воздуха, как бы часто мышцы или дыхательные аппараты грудную клетку ни двигали.

Люди доверяли своему телу. А оно вдруг бросает их в беде в момент наибольшей нужды, да ещё добавляет новые испытания.

Уверения, в будущем делать всё лучше, наивны. К чему уроки плавания на тонущем посреди океана корабле.

Последний отрезок жизни быстротечен. В известной мере в этом прослеживается определенная милостыня судьбы.

В молодости люди могли бодрствовать днями, долго терпеть жару и холод, не обращать внимания на жажду и усталость — теперь это всё в прошлом.

Старение разжижает волю, путает мысли, терзает душу, но при этом помогает быстрее оставить немощь и бессилие позади. Процесс ускоряется.

Каждый пережитый сбой организма повышает нагрузку на ещё здоровые органы и усиливает износ. Повседневность, навроде: встать и выпрямиться, поднять что-либо и удержать в руках, сделать несколько шагов, принять пищу, задержать/выпустить стул и мочу становятся всё труднее или даже недостижимы. Люди идут к врачам и засыпают их вопросами-упрёками, требуют, умоляют, угрожающе хорохорятся, обманывают себя и с благодарностью впитывают ложь.

Всё напрасно. Врачи — зеркало общества со всеми его заблуждениями и общей судьбой. Они прилагают свои усилия там, где к ним текут деньги, перепродавая то, что есть.

Нельзя купить жизнь. Обстоятельства доступны. В зависимости от размеров кошелька медицина организует условия содержания и присмотра, комплексный уход, зубные и прочие протезы, лекарства, искусственные почки и дыхание, интенсивную терапию. Все эти меры разгружают оставшиеся телесные функции и не добавляют новых. Не следует преуменьшать важность таких средств. Они, замещая неработающие органы, сохраняют жизнеспособность во время критических нагрузок, дают организму время включить процессы восстановления, но только если резервы ещё есть. Сами по себе они не прибавляют жизни. Исцеляют только внутренние силы развития.

При достаточной платежеспособности, медицина способна практически безвременно поддерживать иссякающую

жизнедеятельность, но не остановить распад, а тем более восстановить что-либо. Индивидуальная эволюция как бы поворачивается вспять, от сложного к изначальному, более примитивному, но и более устойчивому.

От прежнего одухотворённого существа остаются сперва искусственно поддерживаемое тело, позже отдельные органы, ещё позже банки тканей, культуры изолированных клеток и, наконец, энзимы, протеины, гены.

С каждым шагом былая индивидуальность распадается и тает, а её останки, за ненадобностью, раньше или позже сливаются в сточную трубу.

Неужели всё так грустно, неужели исхода нет?

Есть, и он предначертан всей предысторией.

Человек обязан возглавить эволюцию совершенствования, поставив задачу увеличения активной продолжительности жизни во главу.

Для этого мало удовлетворять потребности и желания, какими бы приятными они ни были, а необходимо обогащать себя новыми способностями и средствами, тянуться к звёздам и неизведанным мирам не когда-нибудь, а как только появится малейшая возможность.

Не стяжать, а созидать, не успокаиваться на достигнутом, а искать, стремиться, расти, любить, творить в бесконечности истории. Человеческая культура предлагает всё необходимое для этого, а тело всегда будет готово нам помочь.

ЧАСТЬ II

ИСТОКИ

Согласно Платону, жизнь — это мысль, зреющая в ходе своего развёртывания и воплощения в космосе. По сути, с биологической точки зрения, к этому мало что присовокупить.

Позвольте, что может добавить Платон биологии? В древнем мире не было даже элементарных представлений об органике, биохимии, молекулярной генетике, впрочем, и о биологии, как науке. Всё сказанное верно, тем не менее античность и средневековые подошли к цельному пониманию жизни порою ближе современности. Две с половиной тысячи лет назад Платон объединил знания того времени, осознал и ясно сформулировал многое из того, к чему суетная современность потеряла доступ.

Бесконечное множество с тех пор открытых важных, но разобщенных деталей усложнило обзор. Для понимания принципов жизни не важны ни последовательности отдельных генов, ни молекулярное построение её составных частей.

Попробуем и мы разобрать нагромождения несвязанных фактов. Начнём с простых химических истоков жизни чтобы через гены, сексуальность, телесность, культуру подобраться к индивидуальному сознанию и душе.

Искра жизни

Огонь символизирует жизненную силу испокон веков. Можно ли считать огонь живым? Хотя жизнь и огонь похожи, их родство очень отдаленно. Оба переводят энергию субстанции из одной формы в другую. Однако суть горения и жизни в корне различны.

В мире физики, при низких температурах энергия связана субстратом и неподвижна. При температуре выше критической субстрат разрушается, а энергия высвобождается в виде огня. Огонь перескакивает на близлежащее, распространяется и охватывает всё более обширные и отдаленные области. Позади остаются обугленная пустошь и пепел. В одних местах огонь сохраняется, долго тлея, в других гаснет. С догоранием последних очагов и полным разрушении субстрата температура падает, огонь умирает и больше не может зажечь.

Как и огонь, жизнь живет за счёт отбора энергии у инертного субстрата. В отличие от огня, это поедание источника направлено не на выжигание, а на продолжительность и возобновление живого. Стремление к вечности суть любой формы жизни.

Генезис

Разгадку «неразрешимых» тайн обычно ожидают минимум от грандиозного — Бога, космического разума, инопланетян, хотя именно близость и повседневность истинных ответов мешают нам их правильно определить.

Если попытаться описать одним словом, что общего между столь различными сущностями как: химическим автокатализом, органической жизнью и человеческим разумом, то, наверное, слово самостоятельность подошло бы лучше всего. Самостоятельность чего? Самостоятельность обновления, возрождения, развития и распространения. Общим является также то, что автокатализ, жизнь и разум хоть и подвержены законам физики и неукоснительно

следуют им, тем не менее отстаивают своё право развиваться вопреки внешним ограничениям, при этом борются и преодолевают препятствия на пути. Как ни вспомнить при этом Гераклита, возвеличившего войну до «матери всего сущего»? Если это так, то противоборство жизни и физики — это война дальновидности против слепого послушания.

Материя тупо давит, вынуждая подчиниться обстоятельствам, требует следовать туда, куда влечёт свет, дует ветер, несёт вода или сила тяжести. Противление ставит под удар стихии, подтачивает, стирает в порошок. Глобальный поток энергии не знает милосердия и крушит всё, встающее на его пути. Только жизнь остаётся незатронутой, упрямо противостоит обстоятельствам, терпеливо выносит их удары и даже выгадывает от этого. Причина проста. Непокорность жизни выборочна. Она является не самоцелью, не признаком самодурства или твердолобия. Напротив, жизнь охотно позволяет себя носить ветром и водой, согревать солнечными лучами, когда ей это нужно. Жизни важно обновление и расширение, только ради этого она готова «страдать», частично жертвуя своей целостностью. Это позволяет сделать интересный вывод: непокладистость жизни с самого её зарождения нацелена не на противление обстоятельствам (давление возникает как раз из-за сопротивления), а на преодоление собственных недостатков и воспроизведении достоинств.

Издержками сопротивления являются износ и потери. Жизнь отказывается от части себя, чтобы стать независимее. Умирание — это разменная монета обновления. Самореализация — это стремление к совершенству.

Возможность

Самая продвинутая из всех форм жизни — это всё же крупица, не имеющая и толики энергий, блуждающих по Вселенной. Начинаясь, жизнь была несравненно слабее. Но каков рывок! Какова кладёз накопленного!

Каким образом стал возможным взлёт при такой скудности начальных средств? Где источник теперешних сил и способностей?

Сейчас, как и тогда, жизнь удосуживалась тем, что есть. Рыба не могла дышать и ходить по суше, первобытный «хорёк», от которого произошли млекопитающие, не мог летать и, конечно же, совершенно не мог читать и писать книги.

Тем не менее в ходе эволюции жизнь приобрела множество свойств, которые невозможно предугадать в генотипе вируса, бактерии или грызуна, но в которых уже заключались последующие ростки свершений. Способности плавать, бегать, летать и думать не обрушиваются на жизнь, не возникают в результате мутаций и не даруются высшими силами. Автокаталитическая молекула мала, хрупка, не может двигаться самостоятельно. Ну и что! Сначала она использует потоки воды и воздуха для своего распространения, перепробует различные способы стать независимой от их непостоянства, пока не разовьёт плавники и ноги в ходе эволюции, а затем построит корабли и звездолёты.

У автокаталитической молекулы нет глаз, нет даже рецепторов, чтобы распознавать очертания ближайшей реальности. Не беда! Она размножается, заполняет доступные пространства, достигает пределов, находит простые средства их преодоления, соответствующие её текущему уровню развития. При этом камни преткновения на её пути из препятствий становятся укрытиями и инструментами жизнедеятельности.

Жизнь достигает самых дальних уголков Земли. Без дорогостоящего оборудования её споры разносятся воздушными потоками повсюду, поднимаются в стратосферу и отправляются с кометной пылью даже к звёздам. Не мудрено, что наши космические корабли обнаруживают сложные органические вещества на астероидах. Подобно тому, как Америка была заселена человеком до европейцев, органика вытянула свои побеги в космос задолго до первого космонавта. Я не удивлюсь, если однажды звездолёты, причалившие к другим мирам, обнаружат, что Земная жизнь прибыла туда задолго до них и принесла неожиданные плоды.

Секрет успеха прост. Если у жизни нет соответствующих органов и способностей, она превращает случайности в возможности и целенаправленно пользуется ими. Важны напористость, цель и открытость новому, а подходящая оказия рано или поздно окажется перед порогом.

Но где и есть ли вообще предел? Поживём — увидим.

ПОСТИЖЕНИЕ

Высказывания, считающиеся гениальными, не обязательно удачно сформулированы автором, а уж тем более правильно поняты и применены потомками. Между великим и смехотворным тонкая грань.

«Я думаю, значит существую».

Позвольте, это что же выходит. Камень не думает, значит он не существует? И это гениально? Вот те на!

Единственная правильная интерпретация изречения Декарта — «Я думаю, значит я живу». Можно выразить это ещё доходчивее и точнее: мышление означает жизнь, а жизнь — мышление.

Разве разум присущ каждой жизни?

Да!

Значит ли это, что вирусы, бактерии, слизистые грибы могут думать? Может они в этом ещё и с людьми сопоставимы? Разве все исследования не показывают, насколько другие живые существа тупы? Разве животные не следуют заложенной в них программе, подобно механической утке, роботу или компьютеру? Разве они не просто протекающие в теле химические реакции размножения?

Нет!

Эксперименты, подтверждающие глупость животных, исследуют реакции. Но мышление и реагирование — это не одно и то же. Люди ведь тоже не всегда размышляют, а большую часть времени следуют проторенным дорожкам как-то: аппетиту (сладкое

или горькое), глазам (солнце движется), ушам (звук нарастает), подозрительности (сейчас как вдарю). Рефлексы — это готовые реакции, облегчающие ориентацию и разрешающие заняться важным, перепрыгнув пройденное, но они не мышление.

Мышление — это поиск неординарных решений, позволяющий жизни самоутвердиться вопреки чуждым обстоятельствам, с использованием этих обстоятельств, вырываясь из их тисков и выигрывая за их счёт.

Применимо к вирусу или бактерии, сказанное звучит напыщенно, и всё же оно верно. Самоопределение основополагающее для жизни, но даже в неодушевлённой природе можно найти его зачатки. Противостояние всеобщим тенденциям начинается с автокатализа. Автокатализатор перенаправляет действующее на него химическое и физическое давление в сторону самоприумножения, предотвращая этим собственное разрушение.

Жизнь — это эволюция пробивной силы возрождения, которая, вместо того чтобы послушно следовать, во всё большей степени навязывает свою волю неорганическому. Разница между автокатализатором и человеком заключается в огромном опыте, накопленном в процессе эволюции. Проследим ступени этого пути от химической реакции к восприятию.

Рецептор-Стимул-Восприятие

Представим себе одноклеточный организм, подвешенный где-то посреди мирового океана. Для его сферической поверхности реальность одинакова во всех направлениях, одинаковы и реакции, текущие в любом участке его внешней оболочки. Инструменты равномерно распределены в его оболочке.

Если при размножении дочерние клетки не разойдутся, то у реальности появятся новые измерения как-то: рядом, внутри и снаружи, ведь на участках соприкосновения прежние реакции уже невозможны. При делении на четырёхклеточные и многоклеточные

организмы появляются дополнительные особенности, для каждой участвующей клетки. Верх, низ и рядом ещё как таковые не воспринимаются, потому что на этой стадии развития отсутствуют органы чувств, мозг и т.д., однако эти высокоразвитые органы для примитивного многоклеточного и не требуются, ведь он и так может прекрасно ориентироваться по изменениям поверхностного обмена веществ. Исход одних и тех же реакций, на иных, чем внешней поверхности, границах, заканчивается иначе, или совсем не заканчивается и позволяет определять, где что.

Но зачем дожидаться окончания процесса, если его завершение в принципе невозможно. Зачем двигаться, если уже в начале пути ясно, что конечная цель недостижима?

Жизнь избегает лишних затрат. Отклонения в ходе реакций, указывающие на невозможность их стандартного завершения, являются первозданными и достаточно чуткими сенсорами внешних стимулов и изменений. Возможность опираться на показания этих рецепторов придаёт жизни зачатки дальновидности. Пусть эта первичная дальновидность ещё и очень ограничена, её превосходство в соразмерности задачам. Добиться максимальной результативности с наименьшими усилиями — основополагающий принцип, к которому стремятся все уровни жизни.

Чтобы пользоваться дальновидностью, нужно умение перенаправлять, замедлять, а если надо и останавливать реакции. Для регулировки переключений важно отрешение от конкретного. Отрешению служит пауза, включенная между стимулом рецептора и реакцией организма. По сути, восприятие — это оценка существующих стимулов вместо немедленной реакции на них. Выбор наиболее целесообразного ответа на входящие стимулы и есть разумение. Сортировка и упорядочивание стимулов, оценка наилучшей последовательности действий позволяет целеустремленно достигать желаемого, избегая метаний, проб и ошибок. Как видим, для мышления не нужны особые органы. Бактерия, слизень или человек воспринимают ровно столько, сколько необходимо для их развития.

Вовсе не нужны семь чувств, чтобы чувствовать, а глаза чтоб предвидеть. Гравитация, химия, окружение вмешиваются в жизненные процессы и могут использоваться для оценки ситуации. На каждом уровне (будь то автокаталитическая молекула, клетка, орган, организм, общество) — реальность воспринимается не как абстрактные, замкнутые законы природы, а как география возможностей.

Мы ставим мышление в зависимость от размеров мозга, уровня математики и науки. Всё это этапы и поступь одного и того же движения. Способность воспринимать, анализировать, и применять, т.е. мыслить — отличают живое от неживого. Возвращаясь к Платону и в последний раз, жизнь — это эволюция разума!

О ГЕНАХ

Глупость низвержена. — Да здравствует глупость!!!

В детективах Шерлока Холмса уроненная спичка, осколки сосуда, глина на подошве неожиданно раскрывают вроде бы неразрешимые преступления. Имена авторов и героев будут однажды забыты. Воодушевление при распутывании головоломок неподвластно времени. Извлечение тайных посылов из банальных деталей демонстрирует силу мысли и побуждает попробовать то же самое.

Звезды сияют, образуя узоры. Их мерцание притягивает взгляд в темноте. Каждую ночь и каждый час расположение светил определенным образом меняется. Вот одна звезда упала, другая вспыхнула, здесь все движется вместе, а та вот скользит между другими. Регулярные наблюдения показывали, что процессы на небе и на Земле взаимосвязаны. Со временем люди научились определять по звёздам земные расстояния, географическое положение, предсказывать солнечные и лунные затмения, засухи и половодья.

В воздухе витало: если движения звёзд определяют такие впечатляющие события, не должны ли они вмешиваться и в менее грандиозное: в политику, исход сражений, успех путешествий и предприятий?

Люди не имели ни малейшего понятия о звёздах, почему они сияют, где и как далеко, находятся. Тем не менее, считалось, что блуждающие по небу светлячки знаменуют судьбоносные повороты. Возражение «звёздам не прикажешь» не принималось всерьёз. Да, на звёзды нельзя повлиять и нельзя повлиять на события, которые они предвещают, но ведь можно избежать этих событий или хотя бы подготовиться к ним. В конце концов, так же обстоит и с временами года. Кто предвидит стужу, рубит дрова в разгар лета. Верх одерживает тот, у кого астрологические карты лучше. А как их добыть? — Плати!

С потерей доверия оракулам и гадалщикам, на астрологов полился золотой дождь. Утверждения астрологии были бессмысленны, советы — нелепы, но никто не сомневался в «правоте» звёзд. Даже учебники по хирургии детально описывали сочетания созвездий, при которых те или иные операции имели смысл, а при которых от них следовало воздержаться. Просчёты астрологических предсказаний объяснялись некомпетентностью отдельных звездочётов. Ну умер больной. Так и что? Значит этого хотели звёзды или астролог что-то недоучёл.

Те, кто побогаче, привлекали знаменитости для предотвращения халтуры, или проверяли расположения созвездий лично, как это делал Валленштейн перед каждой решающей битвой.

При наблюдении за светилами, совершенствовались инструменты, воздвигались обсерватории, уточнялись звёздные карты, завязывались тесные связи между удалёнными центрами. Но это было не главным. Колоссальные по тому времени вложения целились не на прокладывание дорог к далеким мирам, не на выяснение размеров Вселенной или положения человека в мироздании, а служили узким личным намерениям мало продвинутых властителей и их подхалимов.

Естественно, что при таком раскладе деньги текли в основном аферистам, чья интерпретация звёзд более всего соответствовала ожиданиям заказчиков. Результатом были бесчисленные гороскопы, дорогие, многословные, бессодержательные и непригодные

даже для исторических исследований. По крайней мере я не нашёл ни одного исследования, основанного на них.

Такое расточительство кажется в высшей степени досадным. Сколько всего можно было бы достичь даже с крошечной долей этих средств! На самом деле ничего бы не изменилось. Величайшее красноречие не изменило бы отношение толстосумов к истинным посланиям звёзд. Что им наука? Что им толку от кипящей солнечной плазмы в интригах, битвах и сделках? Доводы разума не имеют веса против аргументов эгоизма и корысти. Удручает? — А зря!

Не стоит переоценивать роли глупости и самообмана.

Какую роль для развития Земного разума играет неумение воробья читать книги? Ни одно из разумных обоснований и увещаний не способно убедить волка изменить своё поведение. И что? Мешают эти существа каким-либо образом человеческому прогрессу? Если лишить их средств существования и передать отобранное в распоряжение выдающимся мыслителям и элите, продвинется ли человечество дальше? Людей с мозгами воробья и аппетитом волка полным-полно. Их вклад в исторический прогресс не больше и ни меньше всех остальных живых существ.

В чём смысл попыток их перенаправить? Они к этому не способны, но значит ли это что они за никчемностью не нужны? Нет. Они выполняют им отпущенную роль как могут, ни лучше и не хуже. И наоборот, чем был бы наш мир без этих существ? Без лесов, полей, без оленей и волков в лесу, журавлей в небе и лягушек с тритонами в пруду.

Будем же и мы благодарны им за ту незаменимую роль, которую они играют, расширяя и обогащая совместную жизнь.

Могут ли они чему-то всерьёз помешать? Да ладно! Всё что требуется для безопасности — это профилактика столбняка, и опасных заболеваний навряд ли энцефалита. Ну ещё не стоит идти ночью безоружным и без света в дремучий лес. Серьёзных проблем все они для подготовленного не представляют. А вот помощь от них огромна.

Мы меряем уровень развития человечества на основании небольшого числа гениев, осветивших свои эпохи. Все остальные не

оставили следа в школьных программах современности. Но были ли эти неизвестные излишни? Смогли ли мыслители, изобретатели, ваятели встать на ноги и возвыситься без их вклада?

Кому из этих современников довелось читать работы Сенеки, Августина, Эразма, Лейбница? Кто разобрался в написанном ими? Если честно, наверное, никто.

Гениям никогда не было дано поговорить о волнующих их темах с кем ни будь из окружения. Они общались с прошлыми самородками и писали для будущего человечества. Смогли бы они это сделать, не сидя на стуле за столом, заваленным рукописями и инструментами, не ужиная, не пользуясь ложкой, вилкой, кроватью, стаканом и тысячами вещей обихода, на которые мы так мало обращаем внимания, но дарованные нам человечеством?

Тот факт, что сегодня важное из представлений великих мыслителей прошлого доступно всем уже со школы, не значит, что человечество в своей массе поумнело по сравнению с людьми 300, 600 или 2000 лет назад. Сомневаюсь, что каждый сегодня может мыслить не хуже Ньютона, только потому, что ему знакомо, что «действие равно противодействию». А ведь и правда, действию собственного чего? Где? Когда? Как? О чём вообще речь в ньютоновских законах движения?

Сегодня, как и ранее, гениальное очень редко. А то из великого, что движется среди нас, совершенно невидимо для современника. Большинство повторяет ему доверенное, не внемля откуда и куда ведёт. А так ли уж плохо, что дела обстоят именно так? Страшно, если бы сегодня рождались одни лишь Ньютоны, Ломоносовы, Эдисоны с ограниченностью их видения и без знания как вспахать поле, поднять парус, растопить котёл.

Человечество намного шире каждого отдельного индивидуума. Все мы карлики, стоящие на плечах гиганта, возведенного коллективной деятельностью человеческого разума.

Мысли человеческой присуще свойство забегать далеко вперёд. Это прекрасно, поскольку позволяет избежать бессмысленного и изнурительного тыкания. Но мысль сама по себе не позволяет

преодолеть расстояние. Любой мысли нужно тело, несущее и пре-творяющее её. Человечество, культура, сексуальность, гены обра-зуют это тело и следуют указателям, предначертанными мыслями.

Спокойствие и сдержанность истины не признак её боязливого самоустранения, а результат брезгливости и сосредоточения на важ-ном. Вопреки визгу чванства, не ложь, алчность и деньги, а правда правит миром. И вот что интересно — правда не дожидается и не очень-то зависит от светочей для своего триумфа. Она не чурается и посредственности. Гениальное капризно. Когда, где и кого посетит прозрение — вопрос открытый и никому не подвластный. Человек шаток и недолговечен даже в своих успехах. Глупость же корысти вездесуща и способна увлечь за собой и втянуть в прогресс даже существа с мозгом слизня.

История астрологии иллюстрирует это как ничто другое. В то время, как «сильные мира сего» швыряли деньгами, они непредна-меренно способствовали росту знаний. При этом звёзды всегда от-крывали исследователю нечто иное, чем то, о чем их спрашивали тол-стосумы. Непреклонность небес неизбежно приводила внимательных наблюдателей к выводам, выходящим далеко за рамки первоначаль-ных изысканий. Не удивительно, что обнаруженное не находило от-клика у заказчиков. Дюны эгоизма следуют ветру обстоятельств. Пес-чинки бодро скачут вверх, только чтобы исчезнуть под тяжестью новых. Но и дюны важны. Они создают среду обитания для ящериц, жуков и змей, а также защищают караваны от ветра и солнца. Двига-ясь за песочными горами тщеславия, Коперник, Галилей, Браге и Ке-плер смогли нанести на карты видимый космос и расширить наше жизненное пространство до бесконечности.

Благодаря им и работе многих других мы теперь знаем, что звёзды ничего не определяют. Они пассивные статисты Вселенной. Их свет раскрывает нам дали и построение космоса. Созвездия не управляют ни разлитием Нила, ни природными явлениями, ни судьбами лю-дей. Масса, пространство и время организуют космическую материю. С этим багажом мы перешли от наблюдений к свершениям. Летаем, измеряем, и обживаем космос в наших, пока земных целях.

Понимание движущих сил материи позволяет поднять паруса даже против встречного ветра. Корысть следует давлению непосред-ственных обстоятельств, втискивается в каждый просвет между скачущими песчинками, заполняя пустоту. И то, и другое продви-гает человечество вперёд.

Как нам выпадут генные карты?

Астрология и алхимия канули в небытие, не выдержав напора опровержений. Их «умозлоключения» открыто высмеиваются в школе как примеры несусветной глупости. С современной точки зрения так оно и есть.

При таком язвительном остракизме трудно себе представить повторение подобной нелепости. Кто хочет так же опозориться? Человечество избавилось от лженауки раз и навсегда! О если бы! Вывески меняются, а мотивы и образцы псевдоучёности живут и со-вершаются. Глупость шагает нога в ногу с прогрессом, и даже (как показывает генетика) намного опережает будущность, ничего нового, по сути, не изобретая. Удивительно, как точно представле-ния и предсказания современной генетики списаны с постулатов астрологии. Даже их появление и обоснование схожи:

Нуклеиновые кислоты были идентифицированы как гены. Секве-нирование нуклеиновых кислот выявило бесконечное разнообра-зие сочетаний из четырёх букв (нуклеотидов). Последовательности были уникальными для каждого организма и в то же время повто-рялись в определённых ситуациях. При некоторых заболеваниях порядок генов заметно отличался от здоровых сородичей в типич-ном для данного нарушения ключе. Как тут не предположить, что именно этот «ошибочный» порядок букв ведёт к болезням.

Если сочетания нуклеотидов объясняют заболевания, не должны ли они также определять психическое и телесное состояние чело-века, а также его характер, силу воли и способности? Почему просто не отредактировать гены. Переписать их, что-то вычеркнуть, что-то

добавить, предотвращая болезни и изменяя человеческий облик?

Сегодня огромные средства вкладываются в исследования, обещающие ответить почти на все вопросы бытия, исходя из правильной последовательности букв генов. Для этого всего-то нужно определить решающие сочетания знаков, просеквенировав, прокаталогизировав и проанализировав их. Чем проплаченная «наука» в общем то и занята. Новостные ленты пестрят сообщениями об открытии генов долголетия, интеллекта, ожирения, грации и стройности. Дельцы наперебой предлагают дорогостоящие методы, обещающие не только предсказывать и обнаруживать невыгодное сочетание генов, но и вот-вот готовящиеся их переиздать. «Спешите вкладываться, завтра может быть уже поздно. Кто сегодня не оплатит вход, останется за бортом!»

Читатель удивленно спросит: что тут не так? Как и в астрологии — всё: намерения, обещания и перспективы. Гены, подобно звёздам, ничего не определяют; гены доносят до нас конспекты эволюции жизни, а звёзды рассказывают о Вселенной.

Так что рулит телом?

Человек возникает из одной единственной оплодотворенной клетки. Она делится. Дочерние клетки тоже. Ряд за рядом, слой за слоем переплетаются в вычурном клубке. Миллиарды клеток толпятся на крошечном пятачке, нисколько не мешая друг другу. Вопреки лавинообразно растущей сложности построения, привходящие клетки не умаляют, а создают дополнительное жизненное пространство для себя и других, как предшествовавших, так и будущих клеток, расширяют общие функции и возможности. Для этого все соучастники посекундно видоизменяются (=дифференцируются). Каждая клетка делает это на свой лад, но так, чтобы все дополняли и совершенствовали друг друга. В результате образуются ткани и органы: туловище, руки, ноги, голова. Однажды мы очнёмся в этом столпотворении, откроем глаза, потянемся, встанем

и самолюбиво ощутим себя чем-то особенным и назовём его «Я». С этого момента тело подчиняется нашим командам.

Воля-«Я» — «Его величество» в царстве 100 триллионов прилежных подданных (клеток и их генов) со всеми вытекающими из этого привилегиями и обязанностями. «Я» заботится о теле, питает и балует его, управляет им, может и угробить его. Хорошо это или нет, решения «Я» определяют жизнь и смерть каждой отдельной клетки и тела в целом. Власть воли «Я» над телом кажется огромной. На самом деле, она крайне ограничена. «Я» не может менять построение тела или что-либо диктовать его клеткам. «Я» управляет несколькими готовыми реакциями. Большинство процессов в организме не относятся к ним. Деление и дифференциация клеток, построение костных trabecul, обновление клеток мышц, крови и нервов — идут сами по себе. «Я» не может даже изменить цвет кожи или волос. Для такого ограничения власти есть веские причины. Уровень развития «Я» в отличие от самомнения настолько ограничен, что любое вмешательство «Я» в телесные процессы, даже из самых лучших побуждений, неизбежно обернётся катастрофой. Отдельные клетки организма гораздо более опытные в рамках своей ответственности, чем ими (вроде бы) руководящее «Я». Они готовы следовать только таким указаниям, которые соответствуют этому опыту и исходят в остальном из себя.

Но что же тогда формирует тело?

Во времена Гальвани считалось, что это электрические токи. Затем обратились к свойствам недавно открытых органических веществ. Человечество впало в эйфорию, когда оно оказалось способным изолировать, анализировать и даже воссоздавать отдельные строительные молекулы жизни. Как выяснилось, одни органические вещества предназначены для обеспечения энергией, обмена веществ, а другие для формирования клеточных структур. Но какие молекулы определяли наследственную память?

Белки разнообразны и уникальны в построении. Одновременно обнаруженные нуклеиновые кислоты казались непригодными для наследования. В то время как расщепление белков приводило

к феерическому разнообразию сложных составляющих, расщепление нуклеиновых кислот оканчивалось скучным повтором всего четырех нуклеотидов.

Как только органика научилась не только расщеплять, но и воспроизводить порядок составляющих, оказалось, что последовательность нуклеотидов в нуклеиновых кислотах образует не бла-бла-бла, а уникальные, как буквы в тексте, сочетания. С открытием двойной спирали нуклеиновых нитей, зеркальных друг другу и восстанавливающихся при разделении буква в букву до двух одинаковых двойных-спиралей, все сомнения в значении нуклеиновых кислот для генетики отпали.

Далее дела пошли быстрее, началась захватывающая расшифровка содержания. При сравнении родственных и тем не менее отличающихся организмов, наличие у них особых генов позволяет предположить, что именно эти генные особенности несут телесные отличия признаков. Меняя последовательность генов, нуклеотид за нуклеотидом, можно определять их значение. В одних случаях вырывание огромных кусков генов никак не проявляется, в других — замена или выпад одной единственной буквы обрывает или кардинально меняет функцию.

Выяснилось, что высшие организмы могут читать, но не переписывать свои гены. Расположения букв в собственных генах являются предписаниями. Различия генетического кода в отдельных особях соответствуют различиям в цвете глаз, размерах тела, особенностях интеллекта, долголетия. Вроде сам по себе напрашивается вывод и задача. Расшифровывая и редактируя код, можно лепить человека по своему усмотрению, избавлять от болезней и одаривать наивысшими качествами. Всё, что для этого требуется — целенаправленный отбор желаемых генов, перенос, вставка, собирание ценных и удаление лишних или вредных последовательностей. Методы для стирания, переписки или вставки генов уже существуют и совершенствуются с каждым днем. Мы на пороге сногшибательного! Ещё немного и глина, созидающая человека, станет покорной в наших «ловких и натруженных» руках.

Такие радужные обещания окрыляют далеко не всех. В обществе, управляемом наглостью власти и алчностью денег, гены здоровья, красоты, интеллекта и долголетия неизбежно окажутся у беспринципных воротил. Всё человеческое при этом станет банальным товаром. Хочешь интуиции Эйнштейна, тело Миссис или Мистера Вселенная — без проблем! Да и мелочи всё это, ведь не исключено получить и орлиное зрение, медвежью силу, крылья Пегаса или даже величественность сфинкса, не говоря уже про Аватаров, Орков, Чубакков и прочей эксцентрики. Плати! И кем бы ты ни был — стань кем хочешь. Ну а если монеты нет? И здесь найдётся прибыльное применение — от секс-кукол до исполнителей всех мастей и форм: послушных, телесно идеально приспособленных для самых различных задач и при этом довольных, непритязательных и совершенно благонадёжных. Каждой эпохе присущи свои величие и чудачества. Химеры античности вернулись спустя тысячелетия, и обсуждаются не менее серьёзно, чем происшествия в Мире или в автобусе. Люди-пауки, икс-мутанты, зомби заполонили культуру развлечений. Параллельно, генная инженерия нагнетает истерию мутагенеза.

К счастью, кроме страшилок и чудовищных уродств ей пока предоставить нечего. Фактические успехи дорогостоящей генной инженерии для построения видов колеблются возле нуля.

Да, ввести в организм гены любой последовательности можно, а вот удержать их там в самобытных условиях — нет. Обычно для удержания чужеродные гены спаривают с генами устойчивости к антибиотикам или гербицидам. При постоянном воздействии ядов, потеря внесенных генов-противоядия избегается. Пока такой составной организм живёт в среде с антибиотиком, отказ от гена резистентности и спаренных с ним привнесений обозначает смерть. В естественной среде «пришлые последовательности» за ненужностью быстро отбраковываются. Прижить чужеродное не удалось пока нигде и никому. Случайность? — Вряд ли.

Может, всё дело в недостаточности средств или в бездарности исследователей, не сумевших решить такую простую на вид задачу,

хотя все предпосылки для этого есть? По крайней мере, именно так утверждают искатели грантов, живущих на распиле выделенных средств. Но, как и ранее с астрологией, накачивание средствами, привлечение известных учреждений и выдающихся имен не привело к повороту и не сможет сделать этого в будущем. Призывы — *Пилите, Шура, пилите* — не в помощь, даже при неограниченном бюджете. Причина проста и мы её уже называли. Гены, как и звёзды, ничего не приказывают и не определяют! Определяющим является смысл. Гены — это записи содержания, они играют ту же роль, что и буквы со словами в предложении. Тот, кто вздергивает руки на призыв «руки вверх», делает это не потому, что его заставляют наставленные на него слова. Решающим является интерпретация высказанной угрозы и предвидение исхода при противодействии. Изменение в требовании одной — двух букв или синтаксиса, например: «бу кивверх», «рукив вех», «пуки ерх», превращает её в каламбур. Впрочем, и в том, и в другом случае определяющим является дуло, его направление и рыло за ним.

Ещё нагляднее проявляется пассивность генов при эмбриональном развитии многоклеточных организмов. Миллионы клеток с идентичным геномом без всякого принуждения выбирают сами свою судьбу так, чтобы достичь оптимального взаимодействия. Почему одинаковый набор генов приводит к совершенно различным результатам?

Может быть, при делении на соматические ряды эмбриональные клетки последовательно теряют часть генов (как это случается с эритроцитами, которых и клетками не назовёшь) и предрешают этим дальнейшее развитие в противоположных направлениях? Какое там! Если разделить клетки первого-четвертого деления эмбриона, оставив их в матке, то вырастут однойцевые близнецы, двойни, тройни и т.д. Почему же эмбриональные клетки, будучи самостоятельными, не делают это каждый раз, а развиваются в подчинении друг другу и невидимому общему? Ещё более удивительным является тот факт, что даже уже совершенно не способные к делению соматические клетки содержат полный состав исходных генов. Если

пересадить ядро, вроде уже окончательно определившейся клетки кожи, в яйцеклетку лишённую ядра, из неё возникает полноценный организм. Именно так производится клонирование животных. Вне такого вмешательства клетка кожи покорно отшелушится через несколько дней. Почему клетки организма, несмотря на идентичность генов, ведут себя по-разному, и в то же время строго по необходимости? Почему они выбирают смерть, хотя вполне могут жить и плодиться дальше? Может, в них накапливаются вещества, мешающие активации определенных генов? Но это не так. Если пересадить у эмбриона группы клеток с одного места на другое, они меняют свою ориентацию, несмотря на предыдущие шаги.

Оказывается, раз выбранные изменения вовсе не бесповоротны, а клетка каждый раз самостоятельно решает, как быть, что делать, куда идти? Если удалить немного эмбриональной ткани, она некоторое время продолжит делиться и отомрёт. Когда количество оставшейся эмбриональной завязки достаточно велико, то отдельные клетки перегруппировываются, образуя цельный организм. Клетки, первично предназначенные для формирования кожных покровов, развиваются в нервные клетки, а конечности образуются из зачатков глаз. Оставшейся эмбриональной массе либо удастся перестроиться в полноценный организм, либо эмбрион погибает.

Изолированный зачаток ноги не станет ногой, а головы — головой, это они могут сделать только в составе тела и исходя из взаимосвязанной целесообразности. Получается, что при развитии каждая клетка ищет соответствие не только со своими соседями, определяющими её обмен веществ, соразмеряет свои задачи не только с достигнутым, но и исходит из предназначения и состояния невидимого для неё целостного. Откуда эти соизмеримость, взаимозаменяемость и дополняемость? Чем обусловлена разнонаправленность указаний одних и тех же геномов? Как при этом достигается непоколебимость целенаправленности результатов? Для понимания не нужны знания молекулярной генетики. Любой пользователь общественных библиотек легко найдёт ответ. Давайте последуем за ним в читальный зал и разберёмся что к чему.

Гены и книги

На вид книги — это длинные ряды знаков. Посетители библиотек интересуются не этими наискучнейшими цепочками, а тем, что в них закодировано. Первое посещение поражает неподъёмностью увиденного, вызывает растерянность.

С чего начать, за что взяться? Уже после первых дней приходят спокойствие и прозрение. Что с того, что, даже живя несколько жизней, всё не прочитать — этого и не нужно. Хватит усвоить важное, ограничиваясь на данный момент самым ценным. Сотрудники библиотеки помогают пользоваться индексами, каталогами, картотеками, рекомендуют определенные жанры и даже отдельных авторов.

Что бы они ни вешали, направление задаёт читатель. Он изучает, оценивает и составляет материалы для прочтения, исходя из своей профессии, опыта и актуальных задач. В поисках подходящего, он бродит по залам, спрашивает, роется в указателях, берёт в руки то одно, то другое произведение, иногда только поверхностно перелистывает, иногда подолгу задерживается на некоторых местах, ставит галочки, чтобы позже быстрее найти знаменательное, делает выписки и копии, составляя из отрывков ему нужное, обращается к авторам за разъяснениями, запрашивает у издательств и книготорговцев бывшие издания, собирает собственную коллекцию книг.

Расположение символов, слов и глав в текстах, размещение книг на полках и в личных записях регулируют удобство обхождения с содержанием. Их построение важно, но оно не определяющее. Книжки не приказывают, никого и никуда не гонят, они хранят ответы. Геномы — это библиотеки клеток. Клетки читают гены так же, как люди книжки. Они тоже бессильны сразу объять, прочесть и воссоздать всё записанное в геноме, вынуждены переходить от одного участка к другому. Они тоже ищут, пробуют, помечают и сортируют усваиваемое. Тот факт, что за событием А следует событие Б при активации генов, не означает, что А определяет Б

и что последовательность не может быть изменена или отменена. Как и что читать, определяет опыт в обхождении с материалом. Генетические, как и библиографические материалы содержат отдельные слова, предложения, абзацы, главы, книжки и цельные тематически сгруппированные разделы. Они следуют друг за другом; дидактически связаны, чтобы проще раскрывать своё значение. Их строгое расположение не означает неизбежность порядка прочтения, да и необходимость прочтения вообще, а обобщает удобство хранения, поиска и усвоения.

Клетки выбирают из библиотеки генома то, что лучше всего подходит для конкретной ситуации. Хотя выбор «за» и «против» дело самой клетки, возможности для принятия решений не допускают отклонений от доселе целесообразного в эволюции. При прочтении клетка просто не может найти того, чего в её геноме для данной ситуации нет, и не может прочесть то, что для неё не было написано. Именно поэтому ни Сфинкс, ни Пегас невозможны в результате генных манипуляций. Нет, не потому что нельзя в принципе составить необходимые указания из известных генных букв, слов и предложений, а из-за того, что такие комбинации жизнедеятельности до сих пор не использовались и не претворялись.

Эволюция не нашла места химерам, поэтому о них не написано книг. Найти соответствующие гены готовыми в генофонде всего существующего живого невозможно. Их там нет. Если мы хотим понять гены, мы должны обратиться к их содержанию, связанному с развитием. Содержание генов завязано не на буквы, а на предыдущую работу с ними в определенном контексте.

Одни и те же буквы, слова, предложения могут означать разные вещи. Одни и те же события могут быть вызваны разными способами и активацией разных генов. Слова, как и гены — лишь конспекты обозначений когда-то опробованных возможностей. Чем богаче багаж зафиксированных возможностей, тем пластичнее информационный посыл генома, несмотря на его непреклонность. Заставить клетку читать то, что мы хотим, а тем более так, как мы хотим, невозможно, не создав её заново.

Научиться писать, ещё не значит стать автором. Для авторства важно умение наполнять написанное содержанием.

Я уже слышу вопль дарвиниста. «Как можно сравнивать геномы с книгами! Организм может читать и копировать свои гены, но не может их изменить. Пусть он разборчив в том, что читает, он может только слепо следовать генетическим приговорам. Да, некоторые клетки могут переставлять и подправлять свои гены, а толку что? Любые прижизненные изменения клеток тела не затрагивают зародышевые клетки зачатия. Передача каких-либо прижизненных изменений по наследству исключена. Книги — это, напротив, воля автора, несущего читателям содержание, свободно изложенное им.»

Эта аргументация дарвинизма составлена из сумбурного салата несвязанных представлений. Она сравнивает телегу с лошастью, вагон с локомотивом. Всё-таки подвижные средства, как-никак. Давайте разберёмся, что к чему. Книжное дело объединяет творчество и книгопечатание. Жизнь многоклеточного эукариота — зачатие и рост. Правильному сравнению подлежат только творчество с зачатием и книгопечатание с соматическим ростом. Создание оригинала и его копирование совершенно разные вещи и сравнению, а тем более уравниванию не подлежат!

В средние века книги переписывались от руки. Часто, анафеты знак за знаком просто срисовывали текст. Грамотных было мало. Закрадывающиеся ошибки переходили, множась, в последующие копии. Даже если при срисовывании «с ранья» оказалось написанным вместе, а «к вас» отдельно, ничего путного, а тем более новых произведений, не выходило. Книгопечатание сохранило суть копирования, не затронув содержание.

Любые изменения первоначальной последовательности знаков были нежелательны. Копирование книг не предполагает восприятие их содержания. Писатель работает иначе. Воля волей, свобода свободой, но в выборе слов автор ограничен существующими выражениями и вынужден пользоваться ими. Иначе его никто не поймет. Словарный запас и запас понятий — коллективное творчество человечества. Отдельный человек не создаёт, а приобщается к нему.

В процессе приобщения он переживает закодированные содержания лексики предшественников, моделируя на собственном опыте, что из этого может выйти. Следуя чужим рекомендациям, он проверяет их, отбирает одни, отбрасывает другие, иногда решается на непроторенное, но по аналогии или созвучию понятное. Всё это напоминает поиски отдельных эмбриональных клеток оптимального содержания в их геномах.

В какой-то момент на взлёте вдохновения человек решает написать свою собственную книгу. Как эта книга написана (от руки, на машинке, компьютере или планшете) не важно, не важен даже язык, но с её созданием она становится общим достижением человечества.

Через увеличительное стекло собственного опыта и видения автор переплавляет знания человечества, созидая новое содержание и приобщая его к сокровищнице духовного. Писатель не переживёт свою книгу, да она и не посвящена ему, а обращена к будущим поколениям, начинающим там, где его жизнь оборвётся.

Не будем односторонне несправедливыми. Все люди, не только писатели работают над своими произведениями и созидают собственное. Результатом могут быть книги, сочинения, дневники, письма или просто записки. Что из этого переживет: неологизм, фраза, стишок, заметка или даже целая книга — решает человечество. Слова не ведут, а отображают то, чем человечество занято.

Вернёмся к генетике эукариотической клетки. И здесь творчество и воспроизведение строго разделены. Унаследованные гены неприкосновенны, как и написанные иными авторами книги.

Они копируются, но не видоизменяются, служат развитию и жизнедеятельности организма. После преодоления множества трудностей и препятствий, опираясь на генетически фиксированный опыт предков, на пике возможностей особь переходит к созданию новой жизни уже на её собственный, оправданный предыдущими испытаниями, лад. Для этого, подобно принцу в «Золушке», особь ищет достойного и отвечающего взаимностью партнера. Все представители противоположного пола могут участвовать в конкурсе.

В принципе, каждая соучастница имеет шанс стать избранницей, но далеко не все могут вместиться в туфельку выставленных требований. При этом сама по себе туфелька не играет большой роли. Важны все те испытания и притеснения, которые нужно кропотливо выстоять, не растеряв оптимизма, доброты и жизнеутверждения. Многие пытаются втиснуться в туфельку вместо Золушки, как мы знаем — безуспешно. Причём их потуги, приписать себе чуждое, преследуют совсем иное, чем обладание обувью. Им важен трон и двор с его возможностями, которые открывает им принц. Сказка довольно наглядно демонстрирует, каким образом работает сексуальность. Сексуальность сводит не гены и не фетишистов признаков, а подходящие друг другу образы жизни. В празднике любви взаимного оплодотворения, гены обоих партнеров объединяются, смешиваются и перестраиваются с целью зачатия. То, что возникает при зачатии, не служит родителям и не копирует их, а создает доселе небывалое. Каждое зачатие своей новизной обогащает вид и продвигает его вперед. В черед поколений из одноклеточного возникают двух-, трёх- и всё более многоклеточные организмы со всё более изощрёнными свойствами, проверенными и отобранными стараниями их предков.

Не каждому дано зачать и вывести в жизнь, создать и оставить потомкам творение, но каждый такой акт подытоживает целенаправленный выбор родителей, оправдывающий всю их предыдущую жизнь. Последующий клональный рост, как и книгопечатание, увеличивает массу возникшего, защищая творения от непредвиденных поворотов не особо разборчивой судьбы.

Неологизмы

Дарвиниста этим не успокоить. Любому нововведению нужны гены, описывающие эти нововведения. Просто так написать новые гены диплоидные организмы не могут. Мы уже подробно останавливались на этом в первой книге, описывая диплоидную

сексуальность. Откуда тогда берутся необходимые для нововведений гены?

А нужны ли новые гены вообще?

По подсчётам, Шекспир использовал в своих сочинениях 31500 слов, и это прекрасно, но образованный человек обходится в среднем 5000 словами. Компьютер использует вообще только два. Всё остальное многообразие возникает из комбинаций. Да они менее изящны, но не менее содержательны.

Как новые книги не требуют новых слов, так и для новых признаков не нужны уникальные гены. Достаточно иначе использовать существующие знаки и их комбинации, передавая с их помощью небывалый доселе контент. Старое и обыденное при этом становится новым и уникальным. Примеры бесчисленны и вездесущи. Поскольку для большинства язык генов непривычен, мы обратимся за иллюстрациями к знакомому нам словесному языку.

Мы пользуемся словом рукопись, хотя уже мало кто пишет от руки, а стучит по клавишам. Но разве не странно: по клавишам не пианино, а клавиатуры, у которой вообще-то клавиш нет (они были у первых механических машин). Рубль когда-то отрубали от бруска, но никто не спотыкается на слове рубль, пересчитывая «наличку», на которой правда ещё есть «лицо», но только если нет «герба и решки». Как мы видим, скрещивание процесса писания с движениями руки, соотношение отрубания от куска с товарным разменом и внешним видом валюты породило новые словосочетания, совершенно не заботясь о выдумывании особенных знаков и их последовательностей. Новые понятия возникли сами по себе следуя новому применению. На приведённых примерах мы так же видим, что со временем обозначения слов или генов теряют связь с практикой их первоначального использования.

Тем не менее мы безошибочно интерпретируем их, поскольку иного использования им не дано. Из описания конкретных действий они стали обозначением, понятным только в определенной связи. Для любого содержания найдётся неиспользованный символ, не оставляющий места для произвола, если его поставить

в правильном описательном контексте. Так и родители, скрещивая в своем потомстве свои уникальные качества порождают новые комбинации генов, следующие новому поведению, а не наоборот. Каждое новое скрещивание видовых свойств объединяет достигнутое на тот момент лучшее и служит трамплином для будущего.

Исходя из сегодняшнего, многое прошлое не понятно, поскольку переходы потеряны. Что привело и послужило скрещиванию на каком-то этапе эволюции уже досконально не разобраться. В генетических записях остались только какие-то заковырины, крючки, секвенции. Но организм безошибочно следует им, поскольку они лежали в основе его былого становления, и они расположены на правильном месте в правильной взаимосвязи.

Большая часть генофонда, как и словарного запаса, состоит из комбинаций знаков, которые когда-то были введены, сформированы и использованы для определенной цели, но больше не применяются в первоначальной последовательности, сразу переходя к оставшемуся от них важному, подчеркивая вторичность знака перед действием.

Новое, старое, косное

Люди, обращаясь со своими одомашненными растениями и животными, не изобрели оплодотворение, а попросту переняли его из арсенала эволюции, как и многое до того. Люди не исключение. Задолго до человека насекомые оплодотворяли цветущие растения под себя, покрыв голые степи колышущимися травами, а те, в свою очередь, переиздали каталог генов насекомых.

Всё живое тесно переплетено. Суть взаимоплодотворения — поддержка новшеств, облегчающих совместное будущее.

Социальный дарвинизм и фашизм тоже не новы. Хотя и они вроде призывают к отбору, но интерпретируют его как борьбу за выживание, направленную не на взаимное улучшение и освоение прежде неподвластных территорий и обстоятельств (как

у Белоснежки и семи гномов), а на уничтожение всего противоположного (как у Мачехи с её зеркальцем). Такой отбор сводится к продавливанию своей исключительности. Дарвинизм — это банальная апология клонального роста, не признающего, да и не знающего ничего иного кроме себя. В последовательности и постоянстве неприятия ему нет равных. На этом, впрочем, его преимущество и исчерпывается.

Взаимооплодотворение сексуального зачатия работает не на время, а на совесть, не выкладывается в спринте и тем не менее обходит на дальних дистанциях преждевременно измотанную клональность. Некоторые из высших видов, особенно среди растений, утратили способность к половому воспроизводству и размножаются только клонально.

Хотя мы не можем точно сказать, когда это произошло, можно с уверенностью утверждать, что ни один из асексуальных высших видов не возник обособленно. Все они отделились от видов, размножающихся половым способом, потеряв способность к скрещиванию, но сохранив самостоятельное размножение. Отделение не могло произойти давно, потому что бесполое виды сохраняют все половые признаки их предков, хотя они им, из-за непригодности, одна обуза. Ни у одного из этих видов видимо не хватило времени на самостоятельное развитие. Очевидно, в эволюции такие события происходят регулярно, но ведут в никуда, снимая претендентов с беговой дорожки.

Замена взаимоплодотворения копированием позволяет сосредоточиться на размножении, адаптации и ожесточенном выбивании менее приспособленных конкурентов, но не оставляет шансов при малейшей смене условий бега.

Адаптация сортирует и гипертрофирует имеющееся. Принципиально новые гены и комбинации при этом не возникают. Наоборот, всё вроде ненужное летит за борт. Успех такого заострения эфемерный, несмотря на временами огромное распространение асексуальных клонов. Все они, посверкав, гаснут, как выгоревший фитиль. Речь при этом идёт о каких-то сотнях и тысячах

лет — ничтожное по меркам эволюции время. Человечество болезненно пережило множество таких «следующих расцвету угасаний», не в силах что-либо при этом изменить. Об одуванчике мы уже говорили, но он пока не затронут роком. А вот многие из успешных клональных линий картофеля, сортов винограда и схожих культур, выведенных асексуально, например, благодаря клубням, саженцам, побегам и росткам, исчезли за последние 500 лет истории человечества драматическим образом, после того как они завоевали целые регионы и континенты. Весь урожай пропадал, а растения чахли по различным, вроде не связанным и тем не менее везде одновременно происходящим причинам. Несмотря на все усилия, исчезновение клонов было неудержимо и приходилось возвращаться к взаимооплодотворению их ещё оставшихся сексуальных предков. Завязанные на плодородность этих культур народы неизменно страдали.

Население Ирландии сократилось на 50% из-за картофельного мора с 1845 по 1847 годам. Весь урожай везде и повсюду гнил на корню. Только в 1960-ом население Ирландии достигнет прежних величин. Инки знали о феномене картофельного мора и как с ним бороться. Единственное спасение заключалось в промежуточном выведении картофеля из семян. Европейцы переняли этот опыт позже, заплатив за знание непомерно высокую цену.

Схожее вымирание произошло с европейским виноградом в том же веке. Правда последствия были менее жуткими. Виноград не так уж критичен для выживания.

Шрамы таких происшествий разбросаны по всему миру, болят до сих пор и не позволяют забыть происшедшее. Человек, как биологический вид, тоже снова и снова пытался отбросить взаимность, сменив её исключительностью. Преимущества богатства и власти позволяют не считаться ни с чем.

Желание остановить мгновение успеха выстраивает толстенные стены с бойницами и глубокими рвами. Монархия, расизм, дарвинизм, нацизм мечтали обособиться, ничего ни с кем не делить, и потерпели фиаско. Современная биология, пользуясь тем, что

в молекулярной генетике мало кто разбирается, бесстыдно обещают то, что не удалось социал-дарвинизму и фашизму.

По ней превосходство не нужно развивать, а только навязывать.

К чему работа над собой — плати и бери по карману всё что хочешь, позволяя толстосумам стать богаче, тщеславным — прекраснее, а властолюбивым — ещё более могущественными.

Во истину, "на дурака не нужен нож". Считывание и сравнение полных геномов сегодня не проблема, как и синтез генетических последовательностей в желаемом порядке. Можно внедрить любые гены в геном любой клетки. Однако такие клетки не вписываются в цельный организм, и ведут себя в нём, как рак, поскольку их новые свойства не согласованы с соседями. С этим ничего нельзя сделать. Многоклеточный организм — это объединение клеток с одним геномом. Однако нервные клетки, имея одни и те же гены, ведут себя иначе, чем клетки глаз, крови или кишечника. Способность к строго целевой интерпретации достигается за счет длительного и тщательного согласования всех деталей многоклеточного взаимодействия в процессе совместной эволюции.

При смене роли отдельных участников, без соответственного изменения взаимодействия остальных, всякая координация теряет смысл, а целостный организм распадается на независимые, т.е. раковые, преследующие их собственные интересы, линии.

Решающим в организме являются не отдельные супер-гены, а то, что присутствующие генные записи могут быть в любой ситуации и стадии развития целесообразно интерпретированы **всеми без исключения участниками объединения**. Такая отточка возможна только в ходе самостоятельного развития в чередующихся бесконечных взаимо-скрещиваний и увязок.

Перенести гены одного вида на другой без этой увязки бессмысленно. Страхи опоздать на распродажу генов разума, здоровья и красоты беспочвенны. Эти дары не продаются. Самореализация — единственный способ совершенствоваться. Только она позволяет всем клеткам тела проверить пригодность, значение и скрытые возможности их геномов.

ЭГО И ЭРОС

*«Я – часть той силы, что всегда творит добро,
желая всем вреда»*

В каждом противоборстве зреет семя как совершенства, так и провала. Жизнь никогда бы не вышла за пределы примитивных химических процессов, если бы она постоянно прерывалась и была вынуждена начинать всё сначала. Поэтому эволюцию невозможно представить как историю развития одного единственного существа.

Благодаря распределению стремления на многие независимые единицы, общая задача эволюции жизни перекладывается на плечи миллиардов живых существ. В этой вычурно переплетенной паутине гибель и неудачи отдельных организмов болезненны, но не критичны. Эгоизм — это ответственность, ориентированная на успех, ограниченный генетическим опытом собственного развития. То, к чему этот опыт не имеет доступа, включая гены материнских и родственных клеток, не учитывается.

В соперничестве за ресурсы, эгоистичные интересы сталкиваются. Антагонизм отталкивает схожие по жизнедеятельности существа, и разводит на расстояния, не дающие им пересекаться. Волны размножения равномерно разбрасывают организмы по доступному миру, с каждым делением ускоряя лавину его освоения.

Разветвление

При завершённом разделе пригодных мест обитания антагонизм выдавливает прирост в приграничные, не столь благоприятные, зачастую враждебные для жизни районы. Даже если первые волны миграций бесследно канут, заготовки неудавшихся колонизаций помогут последующим зацепиться и устоять в непривычных условиях. Постоянное пополнение поколениями,

выброшенными из центра размножения, помогает преодолеть проблемы адаптации. Позже, с удержанного плацдарма отвоёвываются новые места обитания. Чем дальше колонисты проникают на целину, чем дольше они остаются там, тем больше их потомки теряют признаки своих предков, и приобретают навыки, необходимые для выживания в новых местах обитания. Это приобщение происходит под сильным экзистенциальным давлением.

Новое не просто добавляется к уже существующему, а вытесняет, замещая, старое. Хотя такая замена не обогащает отдельный вид, остающийся адаптированным только к определенным условиям, жизнь в целом становится более разнообразной. Вместо того, чтобы объединять все полезные качества в одном живом существе, эволюция эффективно распределяет их между разными видами.

Объединение

Пересечение одинаковых интересов приводит к конфликтам. При встрече существ с несовпадающими интересами, вместо соперничества может возникнуть дополняющее и поддерживающее друг друга сотрудничество. Взаимоисключение (**эго**) обогащается притяжением и включением нового в сферу своих интересов (**эрос**). Противоположность Эроса и Эго кажущаяся. Оба служат одной цели. Эгоизм отталкивает то, что мешает друг другу. Симпатия привлекает то, что дополняет.

ОБЩЕЕ И СВОЁ

*«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»*

*Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...*

Жадность, коварство и властолюбие правят людьми, кто служит этим идолам, преуспевает. Иные не жильцы.

Вроде предельно ясно и доходчиво! Но странно. Если это так, то почему в дикой природе всё как-то иначе? Когда я весной заглядываю в дождевую бочку на краю сада, то вижу толстый жёлтый слой любвеобилия, плавающий на поверхности. Пыльца, приносимая ветром с трав и деревьев, превращает кристалльные капли дождя в густую жижу из семени. Осенью земля покрывается пёстрым ковром из красно жёлтых яблок и груш. Там, где идёт дождь и светит солнце, всё растёт, зеленеет и цветёт. Нет ни одного свободного пятнышка, не тронутого любовью.

А как обстоят дела с подлостью? Является борьба самцов за признание самки её проявлением? Выражает ли саранча, опустошающая поля, коварство и властолюбие? Что-то не очень.

Почему у людей по-другому? Откуда впечатление, что за всем человеческим стоят на первом месте не тепло, привязанности и симпатии, а запугивание, унижение и обман?

Разверните газету или пройдитесь по новостям. Ложь и насилие. Низость вездесуща и торжествует. Любовь или продажна, или поправа и нага. А теперь бросьте взгляд за окно. Там кулисы, и постановка другая. Вид улицы успокаивает и исцеляет. Пешеходы спешат по делам, мама, покачивая, толкает коляску, девушка играет с собачкой, пожилая пара неторопливо бредёт, студент читает книгу, удобно устроившись на скамейке, молодые люди хихикают, переговариваясь друг с другом и с невидимками в смартфонах, трамвай выскрипывает мелодию под аккомпанемент машин, откуда-то доносится колокольный звон. Жизнь прокладывает себе путь, течёт, творит, не обращая внимания на новости, дескать, «мы все завтра

умрём», и выигрывает, как бы ни вскипала в подворотнях злоба.

Два мира, какой из них верен – наговорённый или видимый, многовековой или сиюминутный? Откуда впечатление, что зло все-таки сильно? Чего достигла подлость? Где её проспекты, здания, сады? Кто говорит, что подлость вездесуща и непреодолима? Что это за вездесущность, которая с сегодня на завтра растворяется в ничём, хоть пару дней до этого чванилась бессмертием? Да, злоба прёт напролом, во всё вмешивается, но при этом не замечает решающих исторических смен и беспомощна перед лицом будущего? Какова иная цель самовосхваления зла, кроме как сокрытия собственной никчёмности? Запугивание? Чьё? Соблазн? К чему, зачем?

Чёрные точки грифов-стервятников равномерно распределены по небу. Их зоркие глаза ревниво следят за огромными территориями под ними и друг за другом. Исчезновение соседа — сигнал цепной реакции. Там что то есть. Стоит взглянуть. Всё больше и больше грифов подлетают оценить, что происходит, и они задерживаются, если падаль есть. Чем обширнее «дыра» в небе, тем сильнее притяжение к её центру. Гиены следуют за стервятниками. Антилопы, журавли и голуби держатся подальше. Опустевший район неба показывает объём мертвечины, а также местность, куда не следует соваться, чтобы избежать схожей судьбы. Именно по этой причине, «только плохие новости — хорошие новости». Они затрагивают более широкий круг и, обладая ничтожной собственной ценностью, лучше продаются.

Показная напыщенность и напористость зла имеют ещё одну цель — обвести конкуренцию и обогнать разложение. Вокруг трупа царит суматоха. Львы, стаи гиен, жуки-падальщики, навозные мухи, гниlostные грибки и бактерии пытаются опередить друг друга. Все толкаются и спешат, чтобы ничего органического не пропало зря.

Творчество же не любит ни спешки, ни показухи, ни отпугивания. Запах разложения жжёт и колет. Цветы симпатии ароматны и красочны. Созидательному чужда навязчивость. Любовь живет радостями. Она не втирается, а хочет, чтобы её оценили и открыли.

Только так она может найти достойное себе. Яблоня цветёт, не считая, сколько её цветков превратится в плоды и новые деревья. И что яблоне от этого, вроде бы бессмысленного цвета? Ничего и очень много. Её цветение — это торжество бессмертия, несомое на широко раскинутых ветвях.

Сколько человеческих стремлений достигает цели? Сколько деяний приживается? Немного. Какая выгода создателю от его творений? Истинная награда — это само произведение. А что же с незадавшимся изобилием? Корм для хищников и паразитов всех видов (от очень крупных до микроскопических), удобрение для будущих посевов.

А если трезво и без наигранной романтики, какие у любви и взаимности преимущества перед эгоизмом? Разве всё не говорит о том, что взаимность — пустая трата? Эгоисту не нужно ни с кем ничем делиться, ни о ком заботиться и ни на кого не оглядываться. Он знает, чего хочет и пользуется обстоятельствами по своему усмотрению. Взаимность посвящена другим, делясь своим и ограничивая себя дополнительными обязательствами. Чужая голова потёмки. Как можно доверять другим, не зная каким образом они этим воспользуются?

Несмотря на кажущиеся недостатки, корпоративные сообщества возникли и существенно потеснили индивидуалистов уже в самом начале эволюции. Наиболее впечатляющими представителями таких корпораций стали строматолиты. Строматолиты — это колонии неродственных друг другу и тем не менее тесно взаимодействующих микробов. Два миллиарда лет назад колонии строматолитов достигали размеров в 10 метров и оставили окаменелые свидетельства своего величия на всех континентах. Таких гигантов невозможно не заметить. Чем важна взаимность. Что она о себе так грандиозно заявляет?

Взаимность

Кабан денно съедает: 20 кг сладкого картофеля, 20 кг моркови, 20 кг свеклы, 10 кг желудей, 10 кг грецких орехов. Посетитель удивлённо спросил служителя зоопарка: «Это правда? Кабан и в самом деле всё это съест? Съест то съест, но откуда ему это взять!»

Эгоизм — это заикливание на своих интересах. В пустоши преимущество эгоизма неоспоримо. Организмы сталкиваются и расходятся, равномерно обустроивая мир. Тот же антагонизм в переполненном жизненном пространстве сводит все преимущества эгоизма на нет. При нехватке ресурсов всякая борьба вызывает равное противодействие, взаимно умаляя и так уже ограниченные возможности. Выкладываясь по полной исключительно ради себя, организмы фактически удавливают друг друга.

Сотрудничество и разделение усилий, наоборот, позволяет в тесноте преодолевать препятствия и завоевывать жизненные пространства, недоступные и неподъёмные для каждого отдельного существа. Быть зависимым — что это значит? Производитель автомобилей зависим от нефтехимика, производства топлива и масел, лаков, покрышек, пластмассы, тканей, от сталелитейщика, строителей дорог и инфраструктуры.

Кустарь, лепящий свои шедевры в гараже из того, «что бог послал», может быть и более независим в выборе того, что он делает, но и более ограничен в возможностях того, что он может достичь.

Эгоизм и взаимность — не вопрос морали или желаний. Взаимопомощь позволяет делать то, на что индивидуум не способен. Найти себя — это значит найти свою любовь, соратников и друзей. Истинная любовь важна не только в сказках.

СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

О сексе говорят часто и обильно, но редко по сути. Вроде тема тысячекратно разжёвана. Запросы в поисковых машинах выдают наивысшее число ссылок. Но все они объясняют мало.

В самом начале общинность полостью подчинена эгоизму. Объединяет лишь то, что приносит непосредственную выгоду. Всё противоречащее сиюминутной выгоде разводит и разобщает. С возникновением сексуальности пути эгоизма и эроса кардинально расходятся.

Любовь всё более служит общему, пренебрегая своими и даже интересами партнёра. На первый взгляд такое пренебрежение сплошная бессмыслица и верх противоречия, но это именно на первый очень поверхностный взгляд.

Давайте попарно и шаг за шагом сравним мнимые преимущества эго и реальные эроса. Что принесла эволюции сексуальность?

Взгляд за горизонт

Жизнь неполового организма заострена на обеспечение своего роста и размножения. Асексуальный организм видит поэтому только свои интересы. Выйти за рамки непосредственного опыта бесполой организм не может.

Жизнь полового организма нацелена на развитие, но не просто с целью размножения, а с целью зачатия будущности. Скрещивание переплетает опыт организмов, успешно развивавшихся в различных средах обитания и сводит в потомстве воедино то, что индивидууму в принципе недоступно. Сексуальное размножение — это биологически обусловленный взгляд за горизонт единолично воспринимаемого.

Незыблемость

Асексуальные виды могут изменять свои структуры и гены напрямую. Накопление опыта прямолинейно и эффективно. Прижизненные изменения непосредственно наследуемы. Всё потворствующее бесполому размножению распространяется быстрее и оправдывает привнесённое. Для благоприятного изменения генов при этом не обязательно ждать случайных мутаций или модификаций инфекциями плазмидами или фагами. Гены вполне видоизменяемы целенаправленно при помощи ферментативного «мутагенеза». Вообще-то речь при этом идёт не о «мутагенезе», а о геной инженерии индивидуального. Кстати, всё что молекулярная генетика достигла на поле геного конструирования (энзимы, процессы и прочее.), она просто переняла из существующего арсенала организмов, не изобретя до сих пор ничего своего.

В некоторых областях, таких как устойчивость к антибиотикам, асексуальный геном очень пластичен, в других, например, таких как структура рибосом — он крайне консервативен. Изменчивость бесполого генома не везде одинакова, но повсюду присуща.

Возможность целенаправленно подгонять свои гены потребностям имеет обратную сторону, а именно непостоянность. Мир сложен и изменчив. Бесполое размножение удерживает полезное, отмежёвываясь от излишнего. Невоспользованное переписывается в процессе адаптации и теряется.

Иногда сегодняшнее преимущество тягостно в будущем. Маятник обстоятельств своеволен. Условия могут легко вернуться к исходному состоянию, а вот изменённые гены этого сделать не могут. Произошедшее не подлежит зеркальной переписке. Потерянное должно быть выработано заново, и успех возобновления не предрешён. Часто банально не хватает времени. На помощь приходят разнообразие и география прежнего расселения. При достаточной массе и разнообразии потомков в каком-нибудь уголке вполне может обнаружиться осколок, сохранивший неизменным исходный генотип. Судьба, обрушиваясь на выскочек,

благоприятствует оттеснённым, сводя на нет весь промежуточный прогресс. Такое восстановление не сочетается с улучшением линейной цепочки изменений. Уходящие и за ними следующие не могут поделиться опытом. Одну и ту же ошибку, одну и ту же чашу яда приходится принимать вновь и вновь.

Основная задача полового организма это обустройство своего жизненного пространства и поиск партнёра. Изменение своих генов ненужно, невозможно, да и просто запрещено. Неизменность собственного генома увеличивает его надёжность, стойкость и исправность. Накопление опыта у половых видов происходит не методом проб и ошибок каждого отдельного шага, а через целенаправленное созидание будущих поколений, суммирующих весь жизненный путь. Каждый организм состоит из половинок своих родителей, которые, в свою очередь, несут смесь половинок от бабушек и дедушек. При зачатии гены не копируются, а смешиваются, объединяя весь вид в одно целое. Отдельные, в этот раз почему-то не востребованные, качества, не исчезают, а сохраняются в видовом разнообразии. При неожиданных поворотах судьбы они оказываются затребованными и, скрещиваясь, присоединяются к созиданию будущих поколений, обогащая их. Сексуальный вид развивается не как отдельные линии, а как общность.

Последовательность новаторства

Каждое изменение бесполого существа должно быть стоящим сейчас и здесь. Себя не окупающие свойства ложатся дополнительным бременем на и так уже непростое существование, и практически не оставляют шансов в конкурентной борьбе. О свободе творчества мечтать не приходится. Шаг влево или вправо несут упадок. Путь — *per aspera ad astra* или «через тернии к звёздам» — закрыт для бесполок существ. Обстоятельства, ведущие адаптацию только в одном направлении, к примеру от рецептора к глазу, в природе не существуют. Для того чтобы глаз смог приносить адаптационную

пользу, множество самих по себе бесполезных деталей должны собраться в одном месте и в строго определенном порядке. До своего «включения» все вложения в развитие глаза — инвестиционное кладбище. Природа не терпит такого разбазаривания.

Половое оплодотворение происходит не под давлением непосредственной необходимости, а на подъёме, по большому числу уже оценённых успехов и достижений. Судорожное переустройство с целью приспособленчества отсутствует. Влечение к совершенству, к игре с возможностями заложены не в собственной бесхребетности и оппортунизме, а в колыбели будущности.

Роль обстоятельств при половом размножении меняется с карательной в созидательную сторону. Половой организм не колеблется вместе с обстоятельствами, а ждёт пока не выпадут лучшие условия, а то и созидает их в меру возможностей. Его выбор постоянно растёт. При половом размножении судьбоносные события не обязательно должны действовать последовательно на один и тот же организм, чтобы суммироваться. Достаточно, если они произойдут и положительно отзовутся на судьбе отдельных представителей вида. Полезное выдвигает и приводит друг к другу даже во всём остальном совершенно различных партнеров. Вроде, как бы наугад, происходящие встречи приводят при этом к закономерным событиям. Вопрос о том, какое из нововведений было бы хорошим, не возникает. Потому что, хоть все разнополые представители одного вида и могут спариваться друг с другом, но лишь немногим удаётся успешно пройти все необходимые для этого испытания. При оплодотворении характеристики партнеров могут быть противоположными во всём, кроме успеха, приведшего их к встрече и празднику любви.

Безмятежность стремления

При бесполом воспроизводстве новое может распространяться только если оно непримиримее альтернатив. Новшество при этом вынуждено противостоять тем, от кого оно только что

возникло и бороться с сородичами, а то и собственными родителями. Нетерпимость, ограничение своим преимуществом, каким бы мизерным ни был его вклад, давка, «борьба за выживание» — короче говоря, огромные потери являются неизбежными последствиями. Лучшее при этом не обязательно лучшее в совокупности. Часто для успеха бывает достаточно мелочи, прихоти момента.

Половому оплодотворению чужда давка. К чему неприятие? Зачатие тем многообещающе, чем менее оно навязано и более подготовлено. Поиск партнера посвящён не своей самооценке, а выбору лучшего. При этом успех завязан не на оргию размножения, а на взаимность и взаимодополняемость. Никто из популяции не должен умереть насильственно ради прогресса. Сосуществование конкурентов даже выгодно, поскольку сдерживает бездарность, связывая её борьбой за собственную исключительность. Только нововведения, освобождающие от грызни и давления обстоятельств, благоприятствуют зачатию.

Свобода без анархии

Эгоизм бесполого сам по себе не противоречит взаимопомощи, но накладывает на взаимность жёсткие ограничения. Начнём с того, что причиной любого объединения является стремление к расширению навыков и возможностей.

Координация двух — трёх организмов ещё довольно проста. Каждый, заботясь о себе, служит общему благу, живет и процветает сообща. Но с усложнением взаимодействий интеграция новых навыков становится всё труднее. Присоединение нового к существующему сообществу вынуждает не только согласовать, но и пересмотреть целесообразность всех предыдущих взаимоотношений. Пришелец (бактерия, вирус, плазмид) вовсе не обязан разделять общие ценности и судьбу сообщества, к которому он примыкает. Инфекции — это объединения, при которых выигрывает только один участник. В краткосрочной перспективе возбудитель

прикидывается полезным для сообщества, внедряется в него, проникая в области, где он может бесконтрольно размножаться, разрушая сообщество, чтобы снова рассеяться в окружении, ища новых жертв. Анархия — мать свободы от обязанностей и отец хаоса. Для сообщества важно обнаружить и обезвредить подвох до своего разрушения. Выстраивается многоуровневая защита. Доступ к важным областям генома перекрывается. Критические данные видоизменяются так, что их шаблоны можно свободно копировать, но не переписывать. Жизнедеятельность вместо оригиналов получает рабочие копии наставлений. Их потеря или видоизменение не критичны, пока существует оригинал. Такая многоуровневая защита обуславливает устойчивость, но в то же время и жесткость. С ростом сложности организмов, лавинообразный рост требований к защите вынужденно тормозит эволюцию и препятствуют нововведениям, практически перекрывая прогресс. Но с сексуальностью, жизнь нашла элегантный выход.

Внутривидовое половое размножение объединило несовместимое, аккуратно разделив защиту и постоянство (при жизни) от новаторства и преобразования (при зачатии), неразрывно связав их в цикле развития диплоидных половых клеток.

Как соматические, так и зачаточные клетки половых организмов бескомпромиссно противятся изменениям. Их гены не предназначены для непосредственных изменений. Инфекции, переносимые чужеродные гены, собственноручные мутации или учёные молекулярно-генетических лабораторий не могут им предложить ничего кроме уродств и раковых трансформаций. Новаторство у сексуальных видов не пресекается, совсем наоборот, вот только постоянство размножения целиком и полностью переходит на его службу, подготавливая и обуславливая зачатие клональным ростом клеток.

Клональный рост и инновация зачатия уже не спорят что лучше, а беззаветно служат друг другу, при этом каждый из процессов концентрируется на своих специальных задачах. Организм растёт и развивается в соответствии с присущими ему свойствами.

Клонально размножающиеся клетки образуют ткани и органы, служащие различным задачам. Временами клоны разделяются на отдельные организмы: муравейник, термитник, грибница с отдельными грибами, или даже отдельные ландшафты, заселённые например, из оторванных и унесённых потоками воды ив. Все они при этом остаются одним и тем же организмом с различными результатами специализации. Для растений и существ, стремящихся телесно заполнить наибольшую площадь, особой разницы между локальным сочетанием отдельных органов как-то: ствол, ветвь, лист — нет. Им важно занять как можно больше места под солнцем. Мамонтовое дерево поднимается, ввысь и разбрасывая ветви как придёт, занимает объём в 1000 м³. Пандо (дерево) растёт лесом-рощей вширь и занимает 44 гектара.

Для животного важны не заполнение, а контроль окружающего пространства, поэтому дифференциация органов строго приурочена определённым функциям. Это не позволяет животному сочетать различные строительные блоки тела как хочется и не потворствует росту в ширь, но зато позволяет достичь организованности, недостижимой никаким растением и вылившейся в развитие органов движения, чувств и разума. Все клонально размножающиеся клетки внутри животного организма служат достижению его превосходства в предназначенной для этого территории. Последняя может стать огромной и как у кита включать целый океан.

Если растения ещё могут использовать длительное время клональный рост для простого распространения в огромных объёмах и площадях, то у животных распространение связано в основном с завоеванием всё новых неизведанных территорий. Инновация становится для животных наиважнейшим фактором.

Виды размножающие преимущественно скрещиванием начинают преобладать, над теми, которые пользуются как скрещиванием, так и «почкованием». При этом пренебрежение клональным ростом не происходит, только он служит уже исключительно развитию и становлению самих половозрелых организмов, а не их размножению.

Триллионы клеток делящихся, чтобы сотворить тело кита, наглядный тому пример. Человеческое тело не менее сложно.

Как у растений, так и у животных с прогрессом эволюции роль клонального роста для размножения отдельных организмов прогрессивно падает, а значение зачатия растёт. Так у млекопитающих (за редкими случаями однойцевых близнецов), размножение организмов возможно исключительно зачатием. В обиходе зачатие и размножение животных поэтому отождествляются. Это верно только наполовину. Да, зачатие у них — это ещё и размножение. А вот размножение — это совсем не зачатие. Зачатие не просто размножает, а созидает. Его творения никогда не представляют копии родителей или друг друга. Истинным размножением у млекопитающего является лишь размножение его клеток, формирующих тело. То обстоятельство, что зачатие у высших позвоночных совпадает с размножением (но никак не наоборот), приводит к кардинальной ошибке дарвинизма отождествляющего созидание зачатия с копированием размножения. Эти два процесса совершенно несопоставимы.

Пока смерть их не разлучит

Асексуальные организмы беззащитны перед лицом мутаций. Мутации могут иногда попасть в яблочко и пойти впрок, при усложнении организма они всё более мешают, поскольку статистическая вероятность случайных улучшений стремится к нулю.

У сексуальных организмов диплоидные клетки образуются за счет складывания геномов родительского семени. Но не для скрещивания, а сперва для проверки на соответствие. Посыл «Пока смерть их не разлучит» реализуется здесь буквально.

В детях, скрещивание родительских геномов происходит не сразу после образования спаренной зиготы, а лишь для последующего зачатия и используется не при жизни родителей, а для формирования будущего поколения.

Спаренные родительские геномы в детях не видоизменяются, а сосуществуют, совместно размножаясь. Благодаря этой сопряженности спаренные геномы выясняют, понимают ли они вообще друг друга и способны ли вырасти до полноценного организма. Только после этой проверки происходит смешивание родительских геномов и образование зародышевых клеток, но снова не для их размножения и участия в жизнедеятельности, а для ожидания нового зачатия.

Узы, доказавшие своё соответствие, получают право на скрещивание и образование гамет. А организмам, успешно выполнившим все задачи обустройства жизненного пространства и нашедших достойного партнёра, даруется привилегия зачатия нового потомства. Мутации, инфекции, уродства не только не приветствуются, но и недопустимы.

Всё, на практике несоответствующее друг другу и задачам полового размножения, оказывается или нежизнеспособным или стерильным. Пегас, кентавр, сфинкс, человек-паук в принципе не могут возникнуть. Собака с рыбьим хвостом и тюлень с ногами не реальны. Межвидовые скрещивания принципиально невозможны. Нововведения не отвергаются при этом, только они должны быть реальными улучшениями предыдущего, а не авантюрами типа — лишь бы вышло что-то иное чем ранее.

Ограничение скрещивания одним видом вроде бы обедняет возможности комбинаций, на самом же деле оно эффективно препятствует увечьям неразумных увлечений, кроме того, оно потворствует диверсификации и вместо нагромождения неприемлемого в одном единственном виде разделяет его на независимые развития с уникальными взаимно потенцирующими свойствами. Диверсификация видов навёрстывает в эволюции сполна то, что она вроде бы теряет, ограничиваясь одним видом.

Появление диплоидной сексуальной клетки судьбоносное явление, качественно изменившее течение эволюции. Даруемые ей преимущества огромны. Меня совсем не удивит, если окажется, что все существующие сегодня диплоидные сексуальные организмы,

несмотря на их огромное внешнее разнообразие, произошли от одного единственного вида, соревноваться с которым для всех остальных уже просто не было возможности.

Вечное вместо суетного

Бесполое размножение — это безоглядная гонка. Чем короче жизнь и многочисленнее потомство, тем лучше. Бактерия может делиться каждые 20 минут, если всё есть, или ждать 1000-летия, если чего-то не хватает. Её продолжительность жизни, простое уравнение между ресурсами и навыками. Продление цикла размножения нежелательно и допустимо только при неизбежности.

При сексуальном оплодотворении ресурсы и навыки важны не столько для собственного утверждения, сколько для подготовки будущности. Половозрелость и наличие пищи уже недостаточны, важны время и усилия, вложенные в обеспечение завтрашних поколений на свой, далеко не случайный лад. Отныне успех измеряется не численностью, а увеличением продолжительности жизни, размеров тела и жизненного пространства каждого индивидуального организма.

Фруктовая муха живёт месяц, крыса два года, мамонтовое дерево от трех до пяти тысяч лет. Соответственно растут и районы заселения успешных видов.

Самоотверженность

Сексуальное размножение сделало появление многоклеточного организма неизбежным. К этому подталкивали простейшие оказии. Клетка плодится, потомство распространяется и в процессе натывается на препятствие. Клетки перед препятствием размножаются, наслаиваются друг на друга по вертикали и за счёт этого переваливают через него. Нижние служат опорой для верхних, но, помогая, оказываются в ловушке безысходности.

С точки зрения бесполого размножения, взаимная поддержка не имеет смысла и не находит повторения. Обойденные не оставляют потомства, их гены исчезают. Честолюбцы, идущие по трупам, в свою очередь, при повторении обстоятельств не найдут среди себя никого, кто бы добровольно уступил проход. Простаки и их гены были устранены на предыдущих этапах. Каждое новое преодоление препятствий закрепляет тенденцию и пресекает самопожертвование. Многоголосый союз, часть которого специализируется на поддержке, а часть на преодолении препятствий, при бесполом размножении не возможен.

Выживают только участники с равными условиями размножения. Именно поэтому все бесполое кооперации не продвинулись дальше микроскопических биопленок. Строматолиты достигали десятиметровой величины за счёт накопления окаменевшей мертвой массы под миллиметрами по-настоящему живого слоя. Их величавость при ближайшем рассмотрении оказывается дутой.

При половом размножении «несокрушимость, отвага и самоотверженность» отдельных клонов увеличивает шансы стволовой клетки при поиске партнёра и зачатии. Способность к пропуску, самоотречению и дифференциации необходимые для этого, не вымирают с «самопожертвованием» этих клеток, а остаются в геноме после преодоления препятствий, и таким образом обеспечивают лучшие условия для успеха следующего зачатия, передавая эстафету мужества. Ведь при преодолении препятствий предпочтение отдаётся не особым свойствам выживших выскочек, а свойствам

стволовых клеток, от которых как альтруисты, так и дерзающие произошли. При следующем спаривании сходятся индивидуумы, чьи предки опробовали хоть и отличные друг от друга, но тем не менее успешные стратегии натиска. Каждое новое поколение стремится превзойти предыдущее и себя. Эволюция ускоряется и насыщается содержанием, порождая гигантов при одновременном численном уменьшении потомства.

Медуза «Волосистая цианея» (36 метров), синий кит (33 метра), мамонтовые деревья-секвойи (140 метров), Орегон-опёнок-тёмный (*Armillaria ostoyae*) клонально занимающий площадь 910 гектаров с весом около 35 000 тонн и оценочным возрастом в 8000 лет, а также государства термитов и пчелиные семьи (несмотря на многочисленность это один единственный диплоидный организм) являются яркими примерами реализации этих устремлений.

ОСТРОТА СЕКСУАЛЬНЫХ ТЕМ

Секс! Стесняется ли современник этого слова? В отличие от прошлого, а тем более позапрошлого века, вроде это слово уже везде упоминаемо, навязло в зубах и никого особенно не колышет. Но это не так. Эротофобии изменили свою внешность, но не пикантность содержания.

В повести Лема жители далёкого созвездия на каждом шагу говорят и превозносят сипульки. Но как только герой сам произносит это слово, или даже просто спрашивает — «о чём речь» — на него обижаются, его оскорбляют, а иногда, в негодовании, до бессознательного избивают. Лёгкость с какой сегодня выговаривается слово секс, за столом и по любому поводу, обманчива. Его применение было и остается строго ограниченным (хоть и по-разному) и ничего не меняет в страстях, кипящих вокруг. Не дай бог вы сопроводите намёк «непристойным» движением, взглядом или даже только мнимым помыслом!

Тут и до тюрьмы и гонений один шаг. Достаточно взглянуть на судебные процессы, ведущиеся сегодня на «просвещённом западе» по имущественным и политическим поводам, по оговору или недоразумению. Как раньше, так и сегодня люди **чрезвычайно** чувствительны к вопросам сексуальности.

Фрейд вывел из этой иррациональности представление о подсознательном и обосновал психоанализ. Снять остроту с темы до сих пор не удалось никому. Более того, каждая эпоха порождает своё не менее радикальное и бессмысленное поведение. „Me too“ свежайший из череды эксцессов этого рода и далеко не последний.

Если раньше пытались секс ограничить размножением, запретив удовольствие, то сегодня, всё наоборот. Радости плоти представляются явлениями понятными и незазорными (пусть каждый лижет, драчит, трёт и трахает чем и куда ему приспичит по своему усмотрению), а вот сексуальное разделение — это что-то мерзкое, дискриминирующее и подлежит нивелированию. Сексуальная принадлежность как величайший дар рождения отрицается. Каждый волен решать сами за себя, что оно есмь. Новые законы запрещают даже упоминание половых различий. Вместо Мамы и Папы предписываются: родитель номер один, два ...или схожее. На все гендерные имена навешиваются противоположные окончания или заменяются гендерно нейтрально исковерканными словами. Русский язык в отличие от немецкого, а тем более английского этой тенденции пока противится, но как долго ещё? Да и не только слова, люди преследуются, диффамируются осуждаются за то, что они следуют своему предназначению. Достаточно просмотреть новостные ленты последних десятилетий.

Дальше хуже. Детей, ещё даже не обнаруживших свою сексуальность, подталкивают в детском саду, школе и общественном пространстве к тому, чтобы исковеркать их жизнь сменив пол.

Делают это изощренно и на различный манер: превознося перверсии вербально, потворствуя по закону или проплачивая хирургические и гормональные вмешательства, и превращая «божественные» создания в телесных и моральных калек.

Сотворение евнухов и скопцов, запрещённое какие-то сто-двести лет назад, возродилось во всей красе и только стало равноправным для обоих полов. Только однополо-усреднённое имеет право на существование. Да здравствует равенство!!!

Половые различия дискриминируют??? Откуда это злобное неприятие? Чем дольше определенное поведение успешно служит жизни, тем сильнее его эмоциональное увязывание с повседневностью. Эгоизм безоглядного размножения «своего» был первоначальной формой самоутверждения. Его возраст не менее 4 миллиардов лет. Сексуальное скрещивание родилось где-то полтора миллиарда лет назад. Из семьи и уходом за детьми возникла культура (где-то 20 миллионов лет назад). С человеческим языком родилось сознание (1 миллион лет назад). С письменностью родилось духовное (3–6 тысяч лет назад). Биологические корни эгоизма поэтому намного глубже сексуального стремления.

Эрос намного приземистее культуры. Сознание и духовность имели пока не так уж много времени, чтобы генетически закрепиться в телесности. Хотя значение последующих инструментов несравнимо выше предыдущих, прежде чем на лучшее опереться и оценить, эти ступени развития ещё нужно достичь.

Каждый новорождённый вынужденно возвращается к истокам. Поэтому ни один из этих инструментов не потерял своё значение до сего дня. Человек берёт своё начало с оплодотворённой клетки и поднимается ступенька за ступенькой на самый верх. Там, где духовность и сознание остаются недоразвитыми, правит культура. При слабости установок культуры выпирает сексуальность, а при её ущербности неприкрытый эгоизм телесности. Там, где целостность эгоизма спотыкается, начинается борьба за первенство отдельных генов и инстинктов, действующих порою даже против телесности, разрушая её целостность. Каждый человек, каждое общество или цивилизация начинают снизу и проходят все этапы.

Но делают они это по обстоятельствам неравномерно и представляют в каждый момент времени неоднородную мозаику достигнутого.

Ведомые отдельными порывами своего лоскутного существа, люди делают вещи, которые они рационально не в силах понять, а тем более объяснить. С точки зрения духовности, сознания и культуры, поступки кажутся, да и воспринимаются лично, как отвратительные. Тем не менее человек, несмотря на своё сопротивление и внешнее давление, возвращается к ним снова и снова.

Не в силах укротить порывы, человек прячет их от себя (назовём это подсознательным), от сообщества (прикрываясь приличествующими словами, одеждой, псевдо-морализирующими теориями, показным ханжеством) и от своих близких (пользуясь бесчисленными большими и маленькими обманами).

Единственное окошко открывается для интимной близости, но и то готово пугливо захлопнуться и злобно оцетинится в любой момент.

В одном Фрейд был прав. Тот, кто не знает о чём речь, никогда не поймет истоки своего или чужого поведения и будет снова и снова действовать не по, а против своего понимания, слепо и озлобленно. **C'est la vie!** А поэтому стоит остановиться немного подробнее на том, что к чему.

К чему пол?

Пол — это как? Как пол в комнате? Нет, пол — это половина. Половина чего и зачем? Половина необходимая к зачатию, к будущности, к вечности.

Для одних секс это неисчерпаемый источник радостей, для других причина горьких разочарований. Третьи вообще утверждают, что всё это, чтобы плодить детей. Перечисленное правильно, важно, но не принципиально. Ко всему перечисленному можно было прийти и без гендерного разделения. Смысл в другом.

Деление на полы, это гениальное решение, позволявшее эффективно и просто предотвратить повторение прошлого и вынуждающее искать нового.

Геномы зачаточных клеток высших видов не пригодны для самостоятельной жизнедеятельности. В принципе размножаться они могут, например, при герминальных опухолях — особенно агрессивных видах рака, но их размножение у здоровых организмов заблокировано. Блокировка роста снимается только при их доукомплектовке в диплоидную зародышевую клетку-зиготу.

Блокировка предотвращает размножение до спаривания и делает поиск партнёра неизбежным. Однако по-прежнему существует риск, что зачаточные клетки сольются друг с другом сразу после высвобождения и образуют зиготу среди «равных», вместо того чтобы искать взаимообогащения. Их местная близость именно это и провоцирует. В результате такого смешения, построение генов меняется, а вот истинного расширения и обмена опытом не происходит. Разделение организмов на мужской и женский пол предотвращает автогамию. Мужские организмы производят исключительно мужские, женские — исключительно женские половые клетки. Анатомия мужских и женских гамет меняется так, чтобы зачатие между гаметам одного пола стало уже механически невозможным.

Гомо-транс — и прочий секс

Половое разделение вынуждает искать дополнения вместо повторения, но вдвое сокращает количество партнеров, чьи клетки зачатия могут объединяться друг с другом. В случае высокой плотности популяции это не актуально. Но что, если противоположности не встретятся в океане или в пустыне?

Что если возникнет серьёзная диспропорция между полами? Для таких ситуаций эволюция смягчила правила разделения полов, разрешив, например, альтернативу самоопыления для растений-пионеров, регулярно проникающих в пустынные районы. Другим послаблением являются механизмы прижизненной смены пола. Последняя совершенно безобидна, поскольку зачаточные клетки одного из родителей тем не менее всегда принадлежат

к одному полу и не могут спариваться друг с другом. Особенно в начале эволюции, когда Земля была малонаселённой, способность смены пола была незаменимой и широко распространённой. Многие виды растений, рыб и даже рептилий до сих пор могут менять свой пол. У людей и млекопитающих эта способность полностью потеряна и напоминает о себе только атавизмом гомосексуализма.

„Me too“

По меркам эгоизма сексуальность довольно позднее явление. Особенно при её зарождении взаимность приходилось принуждать. Предтечей такой вынужденной любви могут быть вирусы и плазмиды. Они насильственно проникают в их жертвы перенося наряду с болезнями иногда и довольно важные гены. Чем дальше продвигается эволюция, тем меньшую роль играет насилие и наоборот.

Насекомые очень старые виды. Сексуальное насилие здесь повседневно. Самцы скорпионов ужаливают самку, чтобы овладеть ею, пока она парализована, и уйти живыми до того, как она придёт к себе. След насилия прослеживается до человека включительно. Примеров так много что их нет смысла перечислять.

Блуд

Статистически (но не качественно), вероятность обогащения потомства новым тем больше, чем больше число равнозначных партнёров. У некоторых насекомых резервуар спермы у самки создан так, чтобы принимать семя многих самцов, прежде чем начнется осеменение. Новорожденная пчелиная матка летит к месту сбора с тысячами трутней, собирая семя от 10–15 из них и оставляя остальных лететь дальше. Блуд — обычнейшее из сексуальных поведений в мире секса и теряет свою роль только с ростом заботы о потомстве и с развитием культуры.

Забота о потомстве

Верность — довольно позднее изобретение эволюции, возникшее с семьёй, гнездом и попарной заботой о выводке. У человека эта стратегия привела к расцвету культуры. Но истоки не менее стары чем, сама сексуальность. Попытки создать условия, увеличивающие перспективы своего потомства и умаляющие шансы чужого, повсеместны. Программированная смерть растений для обеспечения оптимального всхода семян, один из примеров. Животные так же часто жертвуют собой ради выводка. Но есть и другие может и менее приглядные, но когда-то эффективные методы, как например ревность, не позволяющая партнёру половить рыбку на стороне. Так самка богомола и некоторых видов пауков просто поедает осеменяющего её самца. Ещё некрофильнее и радикальнее пресечь измену вряд ли возможно, если не принимать во внимание фильмы навроде *Basic instinct*.

Сексуальные практики

Обилие и разнообразие сексуальных практик (фроттаж, анал, куньяза, педофилия, экзофилия и прочие парафилии — всего не перечислить) ошеломляет. Тот факт, что большинство из них не имеет отношения к деторождению, а даже наоборот мешает ему, сбивает с толку. К чему этот абсурд и почему он с возрастом только множится, углубляется и расширяется?

Причина перверсии заключается в укоренении нашей чувственности в эволюции. Так, например, влагалище довольно позднее развитие. До этого и намного более длительный период была клоака, конечная часть задней кишки куда впадают выделительные и половые протоки мочеполовой системы. Сперва именно здесь происходило спаривание. Руководство к клоачному сношению не потеряно, но оно уже не имеет иного смысла, кроме как ранний рудимент вождения.

Частое, ничем не ограниченное употребление обычного (ради самого удовольствия) пресыщает однообразием (рано или поздно все позы и варианты испробованы), тянет к неиспытанному, перевозданному более закреплённому, даже если оно и менее чувственно.

Ища наслаждений, люди перебирают вожеления и их рудименты один за другим. А вдруг один или другой принесет лоскутик счастья или хотя бы телесное удовлетворение?

ЧАСТЬ III

ТЕЛО И ЧУВСТВА

Эпикурейство и стоицизм — два античных воззрения о смысле жизни, основанных на чувственности. Эпикурейцы упирали на телесные радости, как истинную цель. Стоики ставили разум и отрешение на первое место. История их отношений поучительна. Школы грызлись друг с другом. Жизнь шла своим чередом, не особо внимая перебранке.

Внешне абсолютно враждебные и непримиримые, их последователи не стыдились списывать друг у друга. И вот странно: те же сентенции в разных устах оправдывали противоположное, но, несмотря ни на что, всё внутри учений сходилось! Как такое возможно!?

А, может быть, правда лежала ни там и ни там, а где-то совсем в другом месте? Ведь желудок определяет мышление не менее бесцеремонно, чем мысли определяют работу желудка.

Любая попытка установить, что важнее — приятное или разумное, телесное или мыслимое, сладкое или словесное — теряет самое главное из виду — смысл.

Удовольствия, радость и боль — поощрения телесности. Экстаз прозрения, полёт воображения — это поощрения разума. Зачем противопоставлять их? Все они необходимы и друг без друга бессмысленны! Наше тело есть наш разум и наоборот. Блаженство, радость, боль, холод, жара, голод, жажда, страх, отчаяние, воздержание, непреклонность, бесстрашие, понимание, вдохновение — разносторонние оценки обстоятельств на пути к смыслу. Видение рисует цель и намечает подходы. Неприятное, утомляющее, изнуряющее, болезненное и их противоположности — всего лишь побочные детали на пути в неизведанное.

Терпеть боль и холод, жару и жажду, как предлагают стоики, или, наоборот, стремится к солнцу, теплоте и ласке, сытному, хорошо укрепленному очагу — не вопрос. Вопрос — зачем, причём не абстрактно так, а конкретно в каждом отдельном случае? С правильными инструментами, натянув теплозащитные рукавицы, можно без всякого геройства ухватить раскалённое железо и играючи придать ему желанную форму. Многое непосильное, непреодолимое, тернистое, при правильном подходе, радостно и легко. Холод жжёт. Мы кутаемся в теплую одежду и укрываемся в уютном доме. Мрак слепит, а на что нам свечи, фонарики, прожекторы и маяки? Сила тяжести не позволяет сдвинуть ношу, привязывая нас к земле? Мы изобретаем рычаги, лебёдки и колёса, строим летательные аппараты и моторы!

Да, многое ещё немислимо и недоступно нам. Но ни одно «ещё» не вечно. Рано или поздно наши тело и разум, так или иначе, помогут нам пересечь любую ранее недозволенную грань. Все осаживающие нас обстоятельства — никакие не препятствия, а средства и ещё не опознанные возможности.

Как только мы обуздаем их нрав, невзгоды, беды и стихии записываются нам на службу, исправно исполняя наш заказ. Тогда мы с любопытством наслаждаемся танцующими кольцами

готовящейся к прыжку кобры, флюоресцирующим сиянием арктического снега, текущей по склону и всё выжигающей лавой, холодными цветами туманности Андромеды и чудовищным взрывам Сверхновой. Мир раскрывает нам свои неожиданные стороны, невообразимую красоту и необузданную мощь. Удивительно, что при этом есть люди, находящие жизнь скучной.

КУЛЬТУРА ЧУВСТВ

Как плохо мы себя знаем! Проведи рукой по лодыжке, прикоснись к спине. Странно. Вроде всё это наше, но мы его не ощущаем вне боли или прикосновения. Большую часть нашего тела мы не замечаем, пока не стукнемся им обо что-то. Причина безличия не в никчёмности, а в самозабвении, с которым тело служит нам. Бескорыстная преданность тела позволяет нам забыть о нем, сосредоточиться исключительно на внешнем мире, не заботясь и не вмешиваясь в телесность.

Определенная логика в этом есть. Зачем путаться под ногами процессам, которые идут прекрасно? Но так ли это? Во всём ли тело право? Является ли предложенное телом, всем тем, на что оно способно?

Конечно, нет.

Тело делает не более того, что у него просят. Невостребованные качества плетутся молча вслед событиям и потихонечку чахнут. При полном пренебрежении невоостребованного распад очень быстр. После нескольких недель невесомости, возвратившиеся на Землю космонавты не могут ни стоять, ни идти. Их приходится выносить из приземлившегося корабля. И это, при каждодневных телесных тренировках в космосе.

Атрофии невоостребованности обрушивались на человечество и до полётов в космос. В дикой природе целевые тренировки не нужны, да и невозможны. Повседневная жизнь не позволяла расслабиться. Цивилизация даровала аристократии богатство

и свободное время. Неведомая до того «невесомость благополучия» привела к телесному разложению и периодическим упадкам культур. Наощупь выдвинулись постоянно враждующие, не дарующие друг другу послаблений города-государства. Войны и вражда поддерживали напряжение междуусобицей и походами. Кроме того, были изобретены турниры и гимнастика, как действенное противоядие разлагающей праздности.

Дух телесного соревнования не только остановил упадок, но и раскрыл неизвестные до того возможности тела. Люди впервые увидели, чего можно достичь с помощью целенаправленных тренировок. «Божественные» рекорды состязаний воодушевляли. А поскольку боги тогда жили на Олимпе, возникло и название Олимпиада.

Открытие непробуждённой телесности породило желание определить её границы. Надпись «Познай себя» — наставляла учеников у ворот гимназий превзойти видимое. Под гимназиями понимали тогда нечто иное чем сегодня, а именно — место, где занимаются гимнастикой. Науки, на которых ныне делается акцент, служили развлечению. Считалось, что здоровому телу и так присущ здоровый дух. Заклад греков дожил до нас.

Настоящее немислимо без целенаправленной тренировки своего тела. Но ведь тело человека — это не только мышцы, суставы и гигиена кожи, но и чувства а также влечения. Странно, что влечения в тренировки не включены. Исключение представляют курсы, обучающие красиво держаться, уверенно выступать, завоёвывать чужое доверие и привлекать к себе, будто главное для человека — это умение впаривать друг другу ненужные страховки и дорогие пылесосы.

Причина увиливания проста.

Для укрепления тела достаточно посвятить свободное время прописанным упражнениям. Для тренировки и развития чувств необходимо перекроить смысл и образ своей жизни. К сожалению, редко кто к этому готов, хотя уход за чувствами и влечениями намного важнее ухода за зубами, волосами или натоptyшами.

АНАТОМИЯ ВЛЕЧЕНИЙ

Намерение управлять влечениями, которые нас направляют — разве это не парадокс? Нет, в этом нет ничего странного. Ведь управляем же мы телом, которое нам в общем-то неподвластно.

Влечения и чувства — это эволюционные рейтинги целесообразности мотивов. Цели человека давно поменялись и стремительно меняются дальше, а вот биологические рейтинги остались прежними. Без пересмотра оценок, дальнейшее развитие человечества невозможно. Везде, где человек перерастает своё животное предназначение, столкновение с неподконтрольными чувствами неизбежно. Победа или поражение решают, как далеко от обезьяны продвинется конкретный человек.

Можно ли обуздать, а, тем более, рулить своими влечениями?

— Можно, очень даже нужно и в целом не так уж сложно!

Несмотря на повелительный, не терпящий пререканий тон, их власть основана на примитивных средствах. Страх перед «великим и могущественным» волшебством улетучивается со взглядом за кулисы, разоблачающим обман их напыщенного всеилия. Отважимся на это.

Задаток

Центральным элементом всех чувств является эмоциональный задаток. Пища несет энергию. Голод и насыщение контролируют её приём. Вроде всё предельно просто. Однако голод приходит задолго до нехватки энергии, а насыщение никак не связано с поступлением пищи. Даже если мы быстро и много проглотим, всё это ещё надо раздробить, перемешать с пищеварительными соками, очень длительное время обрабатывать внутри кишечника, чтобы пищеварительные ферменты расщепили крупные органические молекулы до размеров, способных пройти через стенку кишечника. Здесь их свяжут с веществами-носителями, понесут через кровоток в печень,

оттуда после химической переработки и сортировки отправят ко всем тканям, где, наконец то, предстоит синтез или сжигание для получения энергии. Получается, что с приёмом пищи и насыщением мы не получаем энергию, а затрачиваем, ведь самое сложное и трудоёмкое только впереди.

С объективной точки зрения, еда — это тяжелая работа. Реальный плюс энергетического баланса наступит намного позже. Откуда берётся позитив эмоций и ощущение прилива сил при изначально откровенно отрицательном счёте?

Удовольствие — это эмоциональный подкуп, подталкивающий организм к действиям, оправданным с точки зрения эволюции. Средства для этого подкупа не отбираются из непосредственно поступающей пищи, а перераспределяются и изымаются из существующих запасов. Похожее происходит у наркоманов, нюхающих кокаин. В щепотке кокаина нет и намека на энергию. Огромные силы, которые порошок чувственно придаёт — это на самом деле бессовестное ограбление остального тела. Эмоциональный подъём оплачивается упадком телесности. При еде, правда, резервы опустошаются с уверенностью, что скоро долг будет с лихвой восполнен. Но и эта уверенность в наше время не всегда оправдана.

Все чувства устроены схоже. Их манипулирование нашими настроениями — сплошное жульничество за чужой счёт. Люди давно заметили несоответствие, хоть и использовали это знание скорее себе во вред. Диоген прилюдно онанировал перед храмом. Пристыженный скопившимися зеваками, он воскликнул: «Лицемеры! — если бы вы могли утолять голод, поглаживая рукой живот, вы только это и делали бы». Диоген опередил своё время. То, что тогда было немыслимо, сегодня обыденно.

Животные пользуются восприятиями вкуса, формы, запаха, текстуры для ориентации в том, что важно, что полезно, что опасно, а что нет. Их телесные средства для анализа состава окружающего ограничены. Даже в наших химических лабораториях нельзя всё точно определить, а в клетках тела и подавно.

Приходится обходиться существенным, отвечающим как бы

всю остальную ценность продукта. Если животное сталкивается с веществами, ранее присутствовавшими исключительно в ценном, оно радуется, уверенное, что всё остальное соответствует пробе (поскольку иных комбинаций в природе не бывает), а если наоборот, натывается на предвестник опасного, то отворачивается и избегает пищу, хотя сам предвестник может быть совершенно безобидным и бесполезным как таковой. Приятное или неприятное, сладкое или горькое направляет живое на то, что полезно и помогают избегать вредное.

Успехи химии позволили человеку отделить сигналы от свойств продуктов, в которых они находятся, и комбинировать по прихоти. Сегодня мы производим продукты, которые по виду, запаху, вкусу и наощупь превосходят «природные», но по составу и происхождению не имеют с пищей ничего общего.

Тот факт, что съедобное по-прежнему предлагается в магазинах, объясняется не привередливостью наших чувств, выискивающих лучшее, а властями, которые тщательного следят за тем, чтобы в продажу поступали только продукты, соответствующие минимальным требованиям к еде.

Человечество не раз обжигалось на заменителях с великолепными вкусовыми и зрительными качествами и стало осторожным. Цинга, бери-бери, рахит, ожирение, наркомания — яркие и отталкивающие примеры таких «улучшений».

Но ведь это всё пройдено и забыто.

Так ли?

Да, мы удалили из нашего обихода всё, что в обозримом будущем убивает. А как обстоит дело с тем, чему нужны месяцы и годы чтобы проявиться? Мы просто не в состоянии оценить, что из личного медленно, но верно отравляет нас.

А сколько новых, ориентированных только на наши одномоментные ощущения заменителей каждодневно протискиваются в нашу повседневность и провоцирует эпидемии недугов, известных под общим названием «болезней цивилизации»?

Расходы на здоровье галопируют, но только подогревают тренд.

Чтобы избежать увядание, люди прибегают к дорогостоящим подхлестывающим жизнедеятельность добавкам: витаминам, аминокислотам, гормонам. Все они сомнительного происхождения. Их неконтролируемая добавка лишь ухудшают ситуацию. Покупатели и производители объединены в погоне за наиполнейшим удовольствием, вкусом, «качеством» и не только в питании. Голограммы, звук и изображения становятся всё лучше, в чем-то даже красивее и многообразнее реальности. Уже сегодня они позволяют свободно составлять любые «объекты» восприятия. При этом реально присутствующего, а тем более полезного становится в нашем окружении всё меньше. Виртуальное вытесняет действительное.

Прогнило что-то в Датском королевстве. Влечения должны направлять наши стремления на биологически ценное и пользуются для этого поощрениями приятного. Мы же в состоянии свободно определять, что является сладким, ароматным, нежным, сексуальным или красочным, независимо ни от каких-либо ценностей и ограничений. Но ведь там, где всё возможно, нет ничего настоящего и, конечно, совершенно ничего нужного. Ирония прилюдно онанирующего Диогена оказалась злым пророчеством грядущего: еды без пищи, напряжения без созидания, болтовни без собеседников, чувственности без удовлетворения, экстаза без достижений, секса без любви. Самоудовлетворение подменяет восприятие реального — симуляцией приятного. Зависимость делает отказ от имитации невозможным. Человечество погрузилось в океан лжи.

Нам дано воспроизвести любые ощущения без привязки к своевольным, нам неподвластным переживаниям реальности, но совершенно не дано воспроизвести значение, сопряжённое с этими переживаниями.

Можно спорить о смысле ощущений в каждом отдельном случае, но суть их предельно проста — чувства должны поощрять наши действия на пути к совершенствованию, а не наоборот. При правильном применении и неразрывной связи между переживаемым и воспринятым — ощущения непревзойдённые учителя и воспитатели человека.

Они делают мир всё красочнее и богаче. Что происходит в противном случае, мы видим каждодневно: опустошение, разочарование, эмоциональная нищета.

Тело не терпит обман бесконечно. Задатки удовольствий теряют эффект, коль обещанное не сбывается. Вкусное и приятное без намёка на ценное перестают возбуждать, набивают оскомину, а то и переходят в отвращение. Вроде, самое время очнуться. Но нет. Живя в грёзах, как в невесомости, люди разучились искать и находить простейшие жизненные радости.

Приземление в реальность оказывается для них ещё большим разочарованием, чем эмоциональное опустошение. Что ж, многие стимуляторы и желания исчерпали их привлекательность, так других ещё тьма. Как бы тело ни было истощено, как бы ни были обглоданы бывшие желания, всегда найдётся парочка телесных мотиваций, за которые ещё не были затребованы авансы. Вот они и гонятся за ними. Всё, что биологическая эволюция когда-либо испытывала: мазохизм, садизм, педофилия и некрофилия идут один за другим в дело, лишь бы их потенциал неизведанности был ещё девственным.

При попечительстве безнаказанности и неограниченных средствах, даруемых классовым обществом, симпатичные, восторженные, романтические и сострадательные от рождения юноши перевоплощаются в монстров. То, что в юности кажется отталкивающим (наслаждения молодости на порядок выше), с истощением обыденных радостей начинает привлекать, скатываясь к всё более примитивным в их эгоизме и животности извращениям. К счастью, способствующие обстоятельства редки, иначе мы бы чаще встречали Джека-Потрошителя или Генри Говарда Холмса.

Подробно задокументирована жизнь барона де Рэ. Отзывчивый юноша, любитель театра, искусства и книг. Романтик с обостренным чувством справедливости, спутник и боевой товарищ Жанны Д'Арк. Глубоко потрясённый мученической смертью Орлеанской Девы на костре, в отчаянии смятения, он удалился от общественной жизни и опротивевших ему рыцарских радостей

в свой замок, превратившись со временем в Синюю Бороду, только не по сказке, а по жизни. Став «художником смерти», он пленял в окрестностях красивых молодых людей, чтобы зверски расчленивать их в своих застенках.

Жизнеописание императора Нерона повторяет мотив Синеи Бороды, обогащая его убийством матери, групповыми секс-оргиями и массой ещё более отвратительных подробностей. Даже если предположить, что многие из этих деталей — поздние приписки, сути превращения это не меняет.

Алчность

Вы выиграли столько автомобилей, сколько сможете унести. Алчность — это мучения неподъёмно-желанного. Её появление тоже уходит к истокам эволюции.

Высокое содержание в продуктах легко усваиваемых, насыщенных энергией сахаров или жиров, говорит телу, что эти продукты зрелые, высокого качества и свежести. Поэтому сладкое и жирное востребовано телом. Необходимы, конечно, также витамины, микроэлементы и другие ценные вещества, но их восприятие не развито, поскольку в продуктах, содержащих жир и сахар, их присутствие и так постоянно. Клетчатка же и пищевые волокна не представляют собой питательной ценности.

Однако, в отличие от витаминов и микроэлементов, тело довольно точно определяет их количество по следующей причине. Сахара и жиры редки и непредсказуемо распределены; а вот плохо или даже совсем не усваиваемые клетчатка и пищевые волокна — обильно представлены в пище. Первые — удовлетворяют, последние — обременяют пищеварение. Накладывание бремени на радости позволяет избежать перегрузки. Голод и аппетит ориентируются на сахар и жиры, оценка нагрузки, наоборот, исходит из общего объёма трудно перевариваемых примесей. Такое простое уравнение очень кстати. Его сбой имеет страшные последствия.

Корова питается обычно низкокалорийной травой, жуя и отрыгивая проглоченное постоянно. Обилие клетчатки в животе предупреждает её, когда следует сделать паузу. Если же корова доберётся до зрелого пшеничного поля или до корыта с зерном, ситуация выходит из-под контроля. Зерно имеет совершенно другой энергетический вес при малом, не ведущем к насыщению, содержании клетчатки. Зерно корове очень нравится. Если не присмотреть, корова неминуемо умрёт от переедания.

Человек стремится к противоположному, не внемля урока с бурёнкой. Добавление в пищу сахара, жира и алкоголя увеличивает насыщенность энергией и испытываемое удовольствие. Удельное содержание витаминов и микроэлементов, как и полноценность пищевых продуктов, при этом падает. Падает также и соотношение с клетчаткой, препятствуя насыщению. Корова пережирается зерном до смерти и всё ещё не чувствует себя сытой. Схожее происходит с ребёнком, дорвавшимся до шоколада.

К счастью, у людей лечащие врачи лучше, родители умнее, а рвотный рефлекс покладистее и радикальнее, чем у коровы. А ведь сколько былых пиршеств сопровождалось извержениями вне праздничного зала, не мешавшим празднующим, вернуться после рвоты к ломящемуся от лакомств столу и продолжить обжорство как ни в чём ни бывало.

В типичной природной среде обитания каждое приобретение радует только в пределах допустимой нагрузки удержания и пользования. Влечения уравниваются насыщением и обрываются пресыщением. Современность успешно притупляет защиту перебора, отрывая радости от усилий. Ведь для современности любая тяжесть преодолима.

Алчность — это жажда удовольствия приобретений сверх целесообразности. В отличие от пережора, алчность не смертельна для тела (по крайней мере сразу), хоть и убийственна для души.

Искушения

Волшебник материализовался из ниоткуда и сказал: «Я исполню любое твоё желание — если ты следующую минуту не подумаешь о крокодиле». Постояв условленное время, волшебник с упрёком во взгляде, снова растворился в воздухе.

Искушение — это грандиозное предложение, связанное с условиями, кажущимися вполне доступными и тем не менее недостижимыми. Тщётность зачастую легко узнаваема. Но проще от этого не становится.

Всего пару минут назад вы шли по делам, раздумывая, как их лучше обустроить. Вдруг сталкиваетесь с искушением, и уже не способны на что-либо разумное. Спеша мимо стены, вам внезапно пригрезилась захлопывающаяся дверь, а за нею поистине райский сад. Что это было? Наваждение? Может быть. Но, пойдя дальше, вы никогда не узнаете, что находится за стеной.

Как-то ученик Сократа, познакомившись с милой девушкой, спросил учителя: «Что лучше — жениться и жить — или сперва научиться правильной жизни, а потом искать пару?» Сократ ответил: «Женись, но имей в виду, что, что бы ты ни предпринял, о своём решении ты всё равно пожалеешь». И вдумчиво добавил — «Попадётся хорошая жена — станешь счастлив, плохая — станешь философом. Кто знает, что лучше...». Испушения, базирующиеся на незнании последствий неведомых (и в то же самое время неизбежных) событий, нельзя обезвредить не испытав. Но лучше если их испытание целенаправленно, осознанно и подстраховано альтернативами.

Опьянение

Обжегшись на молоке, разум дует на водку, и далеко обходит места, где можно повстречать соблазн. Но со временем боязнь отходит. Что было, то было, мы уже крепче и умнее, можем постоять сами за себя и удержать себя в руках.

Соблазн поддакивает: раз ты уже доказал свою стойкость, что страшного в отступлении, в малюсенькой пробе. Ведь ты доселе строго отвергал куда большие искушения! Наоборот, такой шаг только докажет, насколько ты уже окреп. Однако, малейшая побрякка, глоток или щепотка «запретного» — и тело сходит с уставленного пути. Высвобождаются гормоны, медиаторы, включаются автоматические системы подачи и управления. Пока всё это только подготовка тела, перераспределение задатков и сил, но с ними уже реальные биохимические процессы противостоят как-то там «мыслям», мотающимся между синапсов нейронов. Чаша на весах приёма решений приходит в движение.

Чувственное перевешивает абстрактное. Выбор между правильным и возбуждающим становится трудным и освобождается от предвзятости только тогда, когда проходит будоражащий эффект чувств.

Подвыпивший алкоголик полон раскаяния, созерцая последствия своей зависимости. Он ломится в приёмные лечебниц, умоляя о помощи. Его намерение и решимость покончить с беспросветным пьянством искренни и чисты. Но вот алкоголь исчезает из его крови. Биохимические процессы в организме возвращаются к исходному и вынуждены болезненно восстанавливать напрасно сожжённое в топке дурмана.

Просветление оборачивается мучением. Состояние жуткое, ощущения отвратительны, но они соответствуют тому истощению, куда завел прожётший все резервы алкоголь. И вот, все благие намерения забыты. Полцарства — за стопку взбудораживающего яда! Без внешней помощи и жёсткого противодействия здесь не обойтись. Мучительно медленно тело собирается с силами. После недель абстиненции всё начинается сначала. «Слышь, другие принимают это зелье, и ничего! Ты давно избавился от зависимости. Что страшного в одном малюсеньком глоточке..?»

Исступление

Неистовство — это сгущение сильных биологических позывов в противостоянии слабым. Чем мощнее стимулы, чем меньшее напряжение воли необходимо для их поддержания, тем несокрушимее чувствует себя человек за эмоциональным валом. В исступлении люди совершают немыслимое. Мать поднимает машину, под которой лежит её дитя, герои не замечают боли, голода и холода на пике самоотдачи.

Мощь исступления — это обман «Шагреновой кожи», разменивающей силу, предоставляемую мгновению, на потерю телесной длительности. Возбуждение само по себе не даёт дополнительных сил, оно мобилизует существующие.

Курильщик, с кайфом затягивающий зелье, обжора, смакующий крем-торт, не замечают задыхающееся лёгкое или прогорающую поджелудку. Но у всего есть цена. Опьянение без достижений — сплошной обман. Наоборот, возникающие при работе ощущения усталости, недомогания, дискомфорта может быть и не приятны — они честно указывают на существующие недуги и ограничения, и уже этим помогают нам перебороть или даже по-настоящему избавиться от недостатков.

Не шарахайтесь от плохого самочувствия к похмельной стопке бранных страстей. Чем ярче они польхают, тем быстрее прожигают жизнь. Учитесь наслаждаться радостью реальных успехов, а не угаром, строго различая, что есть что.

Нетерпение

Мы можем иногда долго заниматься чем-то одним, не отвлекаясь на постороннее. Нашему телу такое не дозволено. Оно не останавливается никогда. Каждая секунда посвящена решению разнообразнейших задач жизнедеятельности. Да, организм может перестать дышать, не двигаться, отложить сон, не есть, не пить без серьёзных

последствий, но только на ограниченное, типичное для каждого процесса время и в залог обещаний прорыва к чему-то лучшему. Недовольство нетерпения следит, чтобы это время не было превышено. Чем дольше длятся ограничения, вызванные порывом, безвменяемых достижений, тем назойливее нетерпение. При превышении уровня безопасности организм сообщает болью, удушьем, голодом, что безобидно задуманная заминка переходит в убытки, а успеха всё нет и смысла продолжать тоже.

Прекращение порыва с переходом на обычный режим перечёркивает предыдущие лишения. Во избежание потерь, нетерпение подпирается остервенением, позволяя порыву продержаться ещё хоть сколько-то. Вдруг пронесёт! Результатом становятся коллапс, разочарование в предыдущих целях, медленное восстановление и переориентация.

Биологические автоматизмы, несомненно, нужная вещь, но только в соответствии со смыслом, а последний всё чаще диктуется разумом. Но если набросок рождён в голове, стоит ли биться лбом в стену? Любое препятствие можно преодолеть окольным путём, задействуя телесность по назначению.

Экстаз

Конфликт между порывом и нетерпением не может продолжаться вечно, и должен быть разрешён. Но чем бы ни окончился порыв — победой или тщетностью напряжения, для поддерживавших его сил — результат сперва один и тот же — опустошение.

До того отодвинутые на задний план побуждения поднимают вой, язвя и колюще предъявляя свои недоимки сдувшимся и обесилённым порывам. При неудачах влечения, такие разборки желанны с воспитательной точки зрения и предотвращают повтор. При успехах, соответствующее возмущение стало бы катастрофой. Экстаз противодействует этому. Он сжигает в праздничном костре все оставшиеся резервы, не оставляя ни одному влечению

сил, проявлять себя. Обессиленное тело отрешается от забот, погружаясь в приятный наркоз истомы. Под её покровом начинается восстановление. Люди знают утоляющее действие экстаза и стремятся достичь его в большом или малом: в сексе, обжорстве, запое, работе, мечтая отрешиться от мира сего и, наконец, забывшись, отдохнуть.

ОБУЗДАНИЕ ИСКУШЕНИЙ

С возвышением рекламы и её приспешников — новостных лент, искры соблазнов настигают нас повсюду, кружа в безудержной пляске ярких образов. Как тут не сбиться с пути, потеряв разумные цели из виду? Никакие благие намерения не способны предотвратить случайного укуса «яблока» искушения, когда осторожность уже не предотвращает. Яд обольщения уже проник в тело и растекается. Вожделения пробуждаются, бушуют и парализуют волю.

Что делать? Беспредметной мысли не осилить реально текущих телесных процессов, но дело их приземления незатейливое и наживное. В большинстве случаев достаточно ущипнуть себя, глубоко вздохнуть, сделать глоток воды, ахнуть, присвистнуть, выругаться наконец! Искушения блефуют, у них нет ничего своего, всё в задаток, и тут же чахнут, как только средства потекут куда-то ещё. Любой перевод внимания распыляет потоки вожделений, позволяя избежать их сконцентрированного удара. Направление мысли на воплощение разумного приносит искушению неизбежный конец. Соблазны своевольны только в отсутствии других, знаковых мотивов.

Знаковое

Отличное средство защиты от искушений восходит к каменному веку с пещерной живописью и воздвигнутыми в пределах видимости мегалитами. Подберите и придайте вашим видениям символы. Распределите их вокруг так, чтобы они были под рукой, в беде и радости. Не смейтесь над монахами с их нашейными крестами, четками, навязчивостью башен и куполов церквей. Беглого взгляда, прикосновения к кресту было нашим предкам достаточно, чтобы воссоздать нечаянно потерянную связь. Сделайте выбранные вами маячки броскими и досягаемыми отовсюду. Не забывайте их прихватить, собираясь в дорогу. А в случае потери или кражи — не беда, сохраните для таких ситуаций пословицу, четверостишие или песенку про запас. Была ли и молитва создана для этого? Несомненно!

Стойкости нужна опора.

Пауза

А если продвижения нет и нет? — Время для паузы. Паузы — это не бездействие, а периоды разгребания оползней и завалов. Пауза особенно необходима там, где она не задумана. Прекрасным примером её оздоровляющего воздействия является закон — требование каждодневного закрытия казино на несколько часов (в Европе) или закон о запрете продажи алкоголя с 23.00 до 10.00 (в России).

Воздержание — это длительная пауза.

Нетерпение окрикивает. Какая пауза, какое воздержание в решающее то мгновение!

Нетерпение лжёт!

Упорство — разбазаривает, пауза — собирает и накапливает. Не бойтесь пауз и не злитесь на них. Не избегайте и не сетуйте даже при вынужденных перерывах. Учитесь наслаждаться каждой передышкой, какую вам дарит жизнь. Там, где судьба преграждает путь:

в капризах опаздывающего транспорта, в не сбывающихся прогнозах, чужих препонах, бюрократических заслонах, она лишь предлагает вам возможность задуматься о дальнейшем, сравнить ожидаемое с достигаемым. Собранность — необходимое предусловие решимости. Важнейшее из правил гласит: ничего не начинайте и не завершайте без пауз. Художник, перед первым мазком, делает шаг назад от холста; архитектор — от наброска проекта; путешественник присядет на дорожку. Отступление не прерывает, а только открывает новые перспективы. «Потерянное время» окупается с лихвой.

Подвижность

Считается, что это Галилей ввел в физику идею, уравнивающую равномерное движение и инерцию неподвижности. Телесные движения и покой также схожи. Удержание тела в одном и том же состоянии, будь то спокойствие или движение, равно утомительно.

На вечеринке вы ничем не заняты, полулежите, растянувшись в кресле, или удобно облокотившись на стойку в баре, вольно дышите, наслаждаетесь коктейлем, безучастно внимаете пульсирующим голосам людей, время от времени улыбаетесь знакомому. Слово — там, приветственный жест — здесь, и всё же вскоре вы по-настоящему изнурены.

Вести машину или бизнес ещё обременительней. Вроде, сиди себе, слегка дави на педали, двигай руль, разговаривай с навигатором или выдавай, не подымаясь, указания из офиса персоналу, чтобы механизмы или труженики делали за тебя всю работу.

Физических нагрузок нет, и тем не менее истощение неизбежно. Уже только вынужденное поддержание внимания на определённом уровне изматывает. Одно дело, наблюдать танец световых точек вращающегося шара дискотеки, другое — предполагать, что одна из ярких точек исходит от прицельного устройства снайпера, ищущего тебя в толпе. Необходимость распознать и молниеносно отреагировать съедает все силы организма.

СОН

Тяжело не столько само внимание, сколько усилие, подавляющее всё, кроме одного побуждения.

О чём бы ни шла речь, не закливайтесь! Если усилие не даёт должного эффекта, смените направление. Займитесь чем-то другим. Перенесённое не отменено. Распределите задачи так, чтобы работать над важным, не попадая в область усталости по каждой частной деятельности. Отдых — это другой вид работы.

При наплыве усталости и потере концентрации хочется отвлечься от напряжения, встряхнуться, улучшить настроение, обратившись к новостям, к стаканчику с крепительным, к телефону, не по надобности, а просто так. Много ли это даёт? Подъём настроения только разбазаривает оставшиеся силы.

Важно не сопутствующее настроение, а радости, венчающие результат. А для последних даже лишения, преодоление голода, фобий и боли могут быть воодушевляющими.

Страдания указывают на объём существующей и ещё выносимой нагрузки. Преодоление увеличивает порог допустимого. Чем больше мы можем вытерпеть, не пострадав, тем больше предельная нагрузка, исходя из которой мы строим наши предприятия. При этом воля и самоконтроль лишь подспорья. При полном мочевом пузыре или поносе любые усилия воли тщетны. При недержании, самоконтроль ещё сложнее. Однако удивительно, как быстро пациенты справляются с невзгодами, заранее изучают маршруты, планируют места для устранения неожиданностей, временно воздерживаются от еды и питья перед поездкой, и конечно заготавливают смену белья и уборочный набор.

Врачебное искусство обеспечивает их средствами по уходу за кожей. Хирургия корректирует анатомию проходов. Анестезия отключает управление мышцами, болью, дыханием и кровообращением и держит всё это под контролем на время хирургической коррекции, погружая тело в сон.

Кто не хотел бы спать меньше, но при этом просыпаться бодрым, оставаясь весь день в отличной форме? Уже в детстве мы протестуем на призыв идти в кровать, ведь всё так увлекательно, но раз за разом терпим неудачу. Мечта о непрерывном бодрствовании при лёгкости восприятия и бытия — что не сделаешь для этого? Чтобы как-то оттянуть мгновения упадка, люди больно щипают себя, тянут за волосы, пьют крепкий кофе и принимают амфетамин. Всё напрасно, усталость и сон берут своё, да ещё и с процентами. Что делает сон таким важным?

В «День домино» опрокидывание нескольких из выстроенных костяшек вызывает цепные реакции чарующей красоты. Установка костяшек занимает недели, иногда месяцы. Кропотливая и скучная работа не заметна для зрителя. Пользуясь тем же принципом, жизнь демонстрирует выносливость, силу и скорость там, где способна лишь к медленному выстраиванию отдельных каскадов из органелл.

Быстрые сокращения мышц возможны только благодаря медленному натягиванию огромного числа микроскопических волокон миозина. Нервы молниеносно передают сигналы, пользуясь обрушиванием ранее возведённых электрических потенциалов вдоль клеточных мембран нейронов. Каждому обваливанию домино-строений предшествует длительный период их возведения. Опрокидывание костяшек различных домино-узоров кажется делом лёгким, занятым и без конца возможным. Ведь усилия для этого сравнительно малы. Но вот все постройки разрушены, а новых нет. Для опрокидывающего остаётся непонятным, как это так; всё было так легко, а теперь раз — и нет. А главное, ничто не в помощь. Какие пластинки ни пинай, как ни напрягайся, они больше не оживают каскадами реакций, даже если некоторые из них снова поднять и уронить.

СТРАХ НАШ НАСУЩНЫЙ

Во сне воздвигается то, что опрокидывается после пробуждения. Мы считаем сон проявлением слабости, бездарно выброшенным временем безделья. Отсутствие восприятия во сне не позволяет оценить усилия, затрачиваемые на восстановление «обычных дневных сил». На самом деле всё ровно наоборот. Именно сон, а не бодрствование, нуждается в максимальном сосредоточении организма.

Пока мы бодрствуем, бесчисленные несвязанные события, громыкая и ярко вспыхивая, кружат вокруг, но мы каким-то образом справляемся со своими задачами, не особенно обращая внимание на сопутствующие молнии и гром.

При поисках сна, всё меняется. Приглушенный разговор во дворе или в соседней квартире, шипение радиатора, капающий кран, важное письмо, которое ещё только предстоит завершить и отослать, неоплаченный счёт, оборванный накануне разговор не позволяют заснуть. Конечно, при полном изнеможении, сон не отсрочить. Сирены, взрывы, свет прожекторов тому не помеха. Но выспаться этот фон не даст, вернув вас преждевременно в полусон-полуреальность.

Зачем эта изоляция, требующая полного отрешения? Почему нельзя бодрствовать, при этом отдыхая?

Созерцая звёзды, Фалес Милетский (585 г. до н.э.) упал в колодец и был высмеян служанкой. Что толку от небес, когда не видишь дыру перед носом! Не в этом ли причина восприимчивости сна к помехам? Объём задачи требует концентрации. Лишнее обременяет и не позволяет удовлетворительно завершить предпринятое.

Привычка помогает игнорировать жужжание отопления, порывы ветра за окном и даже «горошину под периной». Но привыкание требует времени. Разбор полетов проще и быстрее. Прежде, чем идти ко сну, следует взвесить, как освободиться от навязчивых задач, обозначив им решение на завтра-послезавтра. Продумать, как лучше защитить оставшийся ночной покой. Помните! Сон — починка, заправка, зарядка боекомплектов, важный и тяжелый труд, старайтесь облегчить и улучшить, а не обременять или урезать его. Не бойтесь что-либо проспять.

Уже намёк знобит. Вроде всё, как всегда, ничего особенного вокруг не происходит, а недуг уже подминает тело, сковывает руки и ноги и не позволяет ничего путного предпринять. Наипростейшее в страхе чрезвычайно трудно и стоит огромных усилий. Неопределённость и путы оцепенения сводят с ума. Бежать, только бежать! Спрятаться, бросив всё, запереть двери, забаррикадировать окна и проходы. Только вот куда? Страх тут не в помощь, наоборот, он преследует нас по пятам, превращая тайную комнату, бомбоубежище или хижину глухомани в верную западню. Говорят, нет мучителя, хуже страха, но так ли это?

Что-то невидимое и неосознанное вторгается в наше пространство свободы, угрожая телу, имуществу, положению. Чем больше и ближе угроза, тем сильнее страх. При этом не важно, реальна или выдумана опасность. Монтень как-то писал: «При виде бури паломники стонали и метались по палубе корабля, испуганные полыханием молний и громом небесной тьмы. В то же самое время свиньи, радостно хрюкая, толпились у корыта с кормом. Пастырь, указывая на тупых животных воскликнул. — Что толку от разума, делающего нас безвольными трусами!»

Страх рисует нам то, что может произойти, а не то, что происходит или предстоит на самом деле. Важный экзамен, угрожающие новости, признаки неизлечимой болезни, повестка в военкомат — судьбоносные события пересекают наш путь и ставят в зависимость от своего исхода всё, к чему мы стремились. Терзаемый неизвестностью, человек теряет самоконтроль, пренебрегает едой, питьём, сном, прячется и обрубает связи с внешним миром. К чему эти мучения? Что пытается сказать нам этим эволюция?

Многое!

Представим себе беззаботного зайца на зелёном лугу с сочным листом клевера между зубами. Мир, тишина, наивкуснейшая травка. Идиллия, да и только! Вдруг заячий носик улавливает в чарующем потоке запахов нотку волка. Идиллия оборачивается кошмаром.

Луг, зелень, солнце всё ещё там же, но их уже не существует для грызуна. Заяц замирает, хотя он не слышит и не видит хищника и даже не знает, рядом ли он или только оставил неприятный душок. Все импульсы подчинены только одной цели. Тело сжимается в пружину, готовую при малейшем намёке выстрелить и нестись к спасительным ямам и зарослям. Страх — программа мобилизации тела. Призванный перенаправлять, страх интенсивнее остальных телесных порывов, за исключением, наверное, только любви. Перед лицом опасности всё остальное должно молчать. Для отключения конкурирующих импульсов страх переполюсует их значение. Любознательное в страхе нервирует. Соблазны избранных удовольствий вызывают тошноту, рвоту, судороги и беспокойство. Напротив, боль и усталость почти не ощущаются.

Неприятен ли страх? Да, очень, порой невыносим! Спокойствие и отдых становятся невыносимыми, не позволяя жить как обычно.

Враг ли нам страх? — Нет.

Бичевания

Бичевания страха принуждают к поиску спасения, не говоря и не приказывая, где именно спасение искать. Да и откуда страху это знать? Каждая ситуация уникальна. С другой стороны, страх очень древний инстинкт, включающий стереотипы, уже не очень вписывающиеся в современную жизнь. Поговорим о них.

Оцепенение парализует. Тело каменеет, в то время как чувства максимально напряжены. Слышен любой шёпот, ощутимо каждое дуновение воздуха. Мысли мечутся.

Что именно и откуда надвигается, что происходит? Как реагировать, на что решиться? Первобытная стелс-технология оцепенения минимизирует сигналы присутствия и затрудняет хищнику определение местонахождения жертвы.

Паника переключает ступор в бегство, вычурные манёвры и прыжки. Хоть и слепота панического акционизма зачастую

самоубийственна, она порою спасительна. Побег освобождает. В конце концов, не все опасности реальны и не все реальные опасности локализуемы. Бегство или разоблачает иллюзию (при отсутствии преследования) или уточняет, где собственно опасность стережёт (выманивая хищника из укрытия). Принцип паники — «пан или пропал», причём исход «пропал» не редок.

Бегство — это безрассудство драпа, трусливо оставляющего всё мало-мальски ценное за собой. Отступить, всё бросив, иногда уместно не только зайцу в дикой природе, но и человеку. Понтий Пилат у Булгакова хоть и назвал трусость «самым страшным человеческим пороком», но только сторяча. Ведь если бы люди никогда не убежали, кто бы оставался ещё жить?

Счастливый конец: Страх изнурителен, но вот тучи расходятся, испытание пройдено, болезнь излечена, опасность отступила. Можно снова свободно дышать, есть, выспаться, беззаботно праздновать, беседовать, жить. Гора упала с плеч. Всё намного ярче, вкуснее и радостнее, чем до этого. Такой исход называют «счастливым концом». Люди любят его и готовы для его достижения на многое.

Жуть: Счастливые концы замечательны. Но без зла не бывает и хороших концов. Ради счастливого конца люди ищут жуткого и страшного, правда, по возможности, заведомо оставаясь на безопасном расстоянии от реально опасного. Американские горки, комнаты страха, драмы, новости и фильмы ужасов машут дубиной страха, не ударяя ею. Садо-мазохисты доводят всё до крайности.

Жестокость: Ужасное, в применении к своему телу даже у мазохиста имеет предел. Для чужих мытарств ограничений нет. То, что никто не применит к себе, всё ещё можно навязать постороннему. Контраст счастливого конца для себя рядом с чужими мучениями только усиливается. Утопление, отсечение головы, сажание на кол, четвертование, заливание расплавленного свинца в рот — чисто человеческие изобретения, они невыносимы в дикой природе. Ритуалы жертвоприношений, амулеты с усохшими головами, пирамиды из черепов, публичные сжигания ведьм, усмирительные

акции войск СС, взрывы смертников-террористов, убийства «врагов демократии» перед камерами, стремятся превзойти друг друга в презентации жестокости.

Дурман: Наши предки пользовались грибами, коноплей, листьями коки и алкоголем. С расшифровкой биологических медиаторов ощущений, их действие стало регулируемым. ЛСД, транквилизаторы, антидепрессанты снимают боль, страх и беспокойство. Разве жить без страха, усталости и боли не чудесно? — Нет!

При многих заболеваниях теряются ощущения боли. Результат ужасен: раны, травмы, ожоги. Страх не менее важен, чем боль. Этими шпорами эволюция наставляет на правильный путь. Их отсутствие несовместимо с жизнью.

Трепет: Стоящему вне опасностей с огнём в руке легко управлять запуганными, регулируя их пути к отступлению. Политики с давних времён прибегают к террору и шантажу, сами становясь опасностью. Не менее давними являются противоядия, развитые человечеством, чтобы избегать бед.

Противоядия

Люди выработали много средств жить со страхом, не внимая его ужасам. Многие рецепты уходят в глубину веков и даже закреплены в наследственности.

Смелость — это способность продолжать свой путь посреди опасностей без ступора, паники и отречения. Знание своего призвания и тщетности альтернатив — большая помощь при этом.

Хладнокровие — плод тренировки и привыкания, независимый от морали и целей, часто уравновешивающий страх отчаянием. Даже низость может быть хладнокровной.

Отчаяние из того же ящика. Загнанная в угол крыса прыгает в лицо нападающему, а солдаты бегут под огнём противника на вражеские позиции, избегая пуль военного трибунала. Отчаяние не избавляет от страха. Оно заставляет действовать, наглядно

обрисовывая ещё большие беды. Малый шанс выжить всё же лучше, чем никакой.

В отличие от смелости, хладнокровия и отчаяния — *дерзость ищет* опасности. Можно ли любить опасность? Вряд ли. Однако лучшие грибы растут в зонах вокруг полигонов. Чем опаснее местность, тем безлюднее. Дерзость ищет не страха, а выгоду, как мародёры на поле боя ищут добычу. То, что рядится смелым и дерзким, не обязательно таковое. **Неопытность и неосмотрительность** тоже впечатляют показной уверенностью. Их различие проявляется при их противостоянии реальности. Неспособность справиться с ситуацией расставляет выскочек и хвастунов по своим местам. Там, где всё перечисленное не в помощь, выручает **перелицовка**. Опасность, которую невозможно избежать, можно переоценить. Боевым лошадям надевали шоры, людям рассказывают успокоительную неправду. Наша жизнь сплошной умышленный обман, выставляющий на передний план праздничные украшения универмагов, добротность и чистоту увеселительных заведений. Скотобойни, палаты для умирающих, больницы и морги спрятаны за высокими стенами.

Такие ухищрения помогают лишь частично, всё невозможно скрыть. Повседневность преподносит в обилии примеры болезней, аварий, банкротств, одиночеств и бедствий отдельных людей. Дело даже не в том, что «такое бывает», а в том, что удар порою прошёл совсем рядом и только случайно не задел нас самих. Значит ли это, что человек вынужден жить в постоянном страхе? — Вовсе нет!

Религии, философии, идеологии ничего другого не делают, кроме как нащупывают выход из тупика противоречий. Некоторые их объяснения по-детски наивны. Люди, выбирая их, ищут не обман и не надуманную отговорку, а свободу действий, осознанности и целостности души. Так уж ли это неверно?

Да, Земля и Солнце смертны. Тем не менее самый важный урок эволюции гласит — жизнь бесконечна. Что бы ни приключилось, воля к продолжению найдёт выход даже в тяжелейших условиях.

Мировоззрения лишь облачают эту истину в одежды, соответствующие особенностям и уровню знаний соответствующих времён.

ЛЮБО-ДОРОГО

Механика влечений сложна. Всё не обсудишь. Что остаётся в конце концов? Осознав, что удовольствия — долговые авансы, позывы и страсти — перегруппировка, а экстаз — прожигание накопленных жизненных сил, значит ли это, что мы должны отбросить эмоции, отказаться от энтузиазма, самозабвения и радостей, оставаясь по буддистки безэмоциональными во всём, что мы делаем? — Кто пришел к такому выводу, ничего не понял. Постигание оптических, звуковых, физических и других иллюзий призывает не отказываться от зрения и слуха а, наоборот, внимательнее присматриваться и соответственно подправлять ошибки восприятия. То же самое касается чувств. Важно не отмахиваться и не пренебрегать, а развивать и совершенствовать чувства, очищая их от соблазнов и иллюзий.

Чувственность в прошлом часто порицали пошлостью позывов. Это — как с ней обходиться. Разум не менее мерзок в низменных руках. Чувства и чувственность — самое дорогое в жизни. Это особенно заметно у больных с депрессией. Их ничего не волнует, ничего не интересует, они ни в чём не участвуют.

Без влечений мы ничто! Чувства укладывают нас в постель и будят нас, заряжают любопытством, придают выносливости, подбадривают, побуждают к свершениям и, конечно, предупреждают нас, если мы суёмся не туда, и не так, как они себе это представляют. Их просто нужно подправлять, направлять. Нужно обоюдно учиться.

Направлять, это как? Влечения влекут и тащат, подталкивают, а не рассуждают. Как им прикажешь?

Несговорчивость, безусловно, является отличительной чертой влечений, их невозможно переубедить. Так же, как нельзя уговорить холодильник, стиральную машину или бензопилу делать то,

к чему они не пригодны. Влечения — это программы, заточенные на конкретные задачи. Задач у организма много, и влечений много. Не справляются высшие, задействуются более глубокие и архаичные позывы. Волевое противодействие конкретным влечениям — пустая трата сил. А вот найти каждому влечению оптимальное место, распределяя их в соответствии со смыслами, вполне посильное упражнение. Инстинкты взбрыкивают только когда ими пренебрегают. Если ситуация показывает что они уместны, и заводится автоматизм, но дальше старта продвижения нет, влечение начинает крушить преграды, что обычно вредно. Ещё сложнее, когда пробуждаются многие страсти и ведут себя как лебедь, рак и щука. Но высшие организмы построены так, что все влечения могут объединяться в одном порыве, ведомые целью. Суть человеческого созревания — это созидание своей симфонии и своего оркестра чувств. В нём ни одно влечение не может встать и уйти в сторону; каждое становится частью и двигателем целостного. Их не надо принуждать, они всё делают добровольно, а в случае необходимости готовы пожертвовать собой.

Сент-Экзюпери описывает летчика, потерпевшего аварию в богом забытой каменной пустыне. Его вымученное, израненное, обзвоненное и уже вроде более ни к чему не способное тело, двигает то пальцем, то рукой, то ногой, поворачивается, приподнимается, и в процессе ничего не значащих движений и шажков, обнаруживает в себе силы и волю, чтобы не идти, так ползти, не ползти так перекачываться и в конце концов преодолеть полосу смерти. У каждого найдётся схожее переживание. Вся жизнь — это, по сути, преодоление прострации немислимого шажками возможного.

Кто не ведёт, будет неизбежно ведом. Не забывайте своих главных целей ни в работе, ни в часы отдыха, ни в мгновения победы. Тогда автоматизмы влечений не смогут вам ничего диктовать. Избегайте скучного, если оно не является кирпичиками великого. Увлекайтесь, живите по большому. Страстность развивающейся жизни ставит на службу воли не только гены, клетки и органы, но даже и их пороки, морщины, артриты и боль.

Наше тело не только и не настолько наше внутреннее. Оно прежде всего зеркало мира, в котором мы живём. Его состояние определяет то, каким мы видим окружающее и как соотносимся с ним. Не тело, а его недоразвитость требует порицания и доработки, ведь многие из подсказок (особенно ранних) хоть и обоснованы историей жизни, но уже давно не необходимы.

(Не)Обходимое

Жизнь многих могла бы быть такой счастливой, если бы они только могли объять счастье своего предназначения. Вместо этого они переполнены завистью и терзаемы страхом опоздать к празднику жизни. Хотелось бы помочь им, но как? Ключ к успеху у них одних.

Неужели и в самом деле кого-то не пригласили к празднику жизни? Чушь! Мы находимся в его гуще. Что мешает восприятию этой простой истины? К несчастью — многое.

Зависть нашептывает: «Что, если другие при распределении урвут больше благ? Какая несправедливость!»

Неужто?

Линейное размножение требует равных возможностей. Каждый вирус и каждая бактерия должны быть одинаковыми после деления, чтобы гарантировать продолжение вида. Глас зависти помогает делить наследство поровну и является одним из древнейших инстинктов.

Чем выше уровень развития, тем меньше значение зависти. Культура даёт людям гораздо больше, чем биологическая доля наследства: воспитание и социальную среду. Сознание и духовное даруют бескрайнее. При этом ограничений нет. Наоборот, каждый пусть возьмёт столько, сколько сможет переварить. Однако стремление к простому равенству присуще каждому из нас, особенно в детстве и только постепенно отбрасывается с обретением опыта. При этом зависть предлагает едва лишь минимум для

обеспечения существования. Цепляние за эти крохи мешает обретению более высокого. Чего бы зависть ни обещала, завидовать ей не стоит.

Гнев не менее низок. *Радость ретируется уже при намёке злобы.* Негодование требует «око за око, зуб за зуб». Виновник должен считаться с возможными карами. Нет виновника, например, при природных бурях, то и причин для гнева тоже нет. Правда бывают и исключения. Так, Дарий приказал высечь море, разрушившее понтонный мост для его армии вторжения, наверное с досады.

Досада — это признак беспомощности при сопротивлении обстоятельствам. **Обида** — это запятанный и не вымещенный на супостате гнев. Обида с досадой оставляют в памяти болезненные раны, которые вскрываются при встрече с виновником и побуждают, если нельзя отомстить, то хотя бы держать дистанцию от него. В дикой природе, при защите территории, досада, обида и злоба имеют смысл. В человеческом обществе они также определяют расстояние и связи между людьми. Возникший в одном месте всплеск негодования волною бежит от эпицентра, информируя социум, где и что не так. Большого значения им не дано. Современное общество не позволяет избегать зачинщика. Сегодня уйти от противного нам человека, не потеряв большего, зачастую просто некуда. Как ни вертись, в осадке остаётся одно разочарование. Поэтому лучший зарок это — «Не сердись, не гневайся, не горюй». А как же быть с **мечью**?

Боль, терзания, смерть близких призывают к отмщению, раскручивая маховик бед.

Оспа убила миллионы. Следует ли отмстить вирусу? Что и кому это даст? На доброту отвечают добротой, на зло — справедливостью. Справедливость или найдёт для вируса подобающее место, где от него нет вреда, или запрет его в пробирке про запас, мало ли что. Не вирус и не злодеи, а мы виноваты, что до сих пор не нашли защиты и противоядий.

Нетерпение противоречит, но не по праву.

При работе в пыли респиратор обременяет. Пот течёт в глаза

и заволакивает взор. Каждый вдох вымучен. Чувства кричат: сорви маску, вздохни полной грудью. Это и впрямь приносит облегчение. Кислород проникает беспрепятственно в кровь, а пыль в лёгкие. Но облегчение преходяще, а ущерб нет.

Нас тошнит, болезнь терзает тело, всё осточертело. На помощь! Но вместо послабления нам предлагают горькие пилюли, диету и строгий образ жизни. Чего ради? Пока мы не принимали лекарств, всё было в порядке. Теперь только хуже и хуже. Хватит!.....

Терпение, просто терпение, друзья мои. Неприятное входит в нашу жизнь именно потому, что мы часто останавливаемся на пол пути, так и не увидев, что за поворотом. Ведь слаб человек и грешен.

Грех? — Да что вы там несёте!

Следовать чему? — *Заповедям? Это каким ещё?*

Разве что только — обогащайтесь!

Соблюдать пост? — Неужели? Разве пасха — это не праздничный стол, пирог, и раскрашенные яйца?

Основательность, сдержанность! — Чёё?

Кто смеётся первым, тот смеётся и последним. Потом, как правило, уже никому не до смеха.

Скромность? — Не глумитесь! С ней вы не пройдёте ни одного собеседования.

Совесть? — Только если по отношению ко мне!

Прегрешение? — Да бросьте! Какое может быть жеманство, когда сам Властелин вам предлагает Мир за малую услугу? Кивка согласия или «ОК» хватит вполне! Глупо не воспользоваться таким предложением!

Изначально грех подразумевал противление божьей воли. Бог — творец. Мы давно уже не верим всерьёз в Бога. Но что понимать под волей Творца? — Жизнь? Но ведь жизнь — это стремление к совершенству. Тогда грехопадение — это отступление, разлад и распад жизненного предназначения. С этой точки зрения, мы непрерывно грешим, делая это по незнанию, из-за неправильной самооценки или недостатка опыта, и по той же причине грех первороден и неминуем. Опыт и сознание нужно сперва приобрести.

Не бойтесь оступиться, грех неизбежен, но учитесь не повторять ошибок, каждый раз возвращаясь на путь созидания.

Глупость: Если мудрость «божественна», то откуда глупость? От дьявола? — Нет, от преимущества! Что? Глупость даёт преимущество? Нет, но она слепо служит ему. Глупцы — рабы выгоды, а не творцы успеха. Они пресмыкаются перед барышом, а мнимая выгода дурачит их. *Пока живут на свете дураки ...*

Главное обойти: Прийти раньше остальных — а там увидим. Стоит ли спешка? Врата на тот свет всегда открыты. Опоздать или застрять в пути не удастся никому. Все физическое время — знаменатель разрушения. Быстрое/медленное — это соразмерные части распада. А вот для жизни время — это лишь шанс претворения и трамплин к вечности. Ход жизни определяется не стрелкой часов, а вкладом в её протяжённость, а потому непостоянен в своём течении. Часы дня могут быть заполнены до упора, не сдвигая нас с места и даже отбрасывая назад. Бывает, что дни и тысячелетия поколений пролетают, как будто их никогда не было. Наоборот, книга, разговор, мысль, раздвигающие границы осознанного, приобщают нас к вечности. Чем бы мы время ни меряли, важно только время дающее, а не забирающее.

Всё это звучно в теории. Но что если, замешкавшись, вы придёте к пустым полкам? Обидно? Ничутьточки. Важно не что-то урвать, а созидать. Для последнего никогда нет дефицита. Предпосылки не велики и повсеместно доступны. Немного хлеба, воды, угол для сна и независимость предпринимаемого. Эти средства всегда под рукой или по крайней мере достижимы.

А как же **признания и успехи?**

Разве они не самое важное в жизни?

Это зависит от того, что принимать за успех.

Романы приукрашивают, преувеличивая интересное, отбрасывая скучное, добавляя интригующее, представляя всё так, как могло бы быть или даже должно, точнее — обязано было быть... Правда даже в таких оптимальных условиях, повествование не заходит дальше определенной точки.

Занавес падает, а авторы самоустраняются с помощью дешевой уловки: «И если они не умерли, то счастливы и сегодня, ну, там ... и так далее». Аналогичным образом люди плетут свою судьбу. Они подгребают реальность под себя, сколько сил хватит, и даже преуспевают в этом определенное время. В отличие от романистов, они не могут остановить мгновение и вынуждены наблюдать, как рушится возведённое. Их беда в близорукости. То, что они принимали за главное, была проба сил и подготовка. Самое важное же заключается не в пике успеха, а в том, что нас ожидает в конце пути. Главное — в поиске ключей к вечности, раздвигающих границы жизни.

Иметь: Амстердам, Синглграхт, лодки, годами покачивающиеся у причала. Целые состояния уходят на покупку, ремонт и обслуживание, «наведение красоты» и налоги на припаркованную собственность. Зачем всё это?

Люди придают слишком большое значение «возможности позволить себе». Собственная лодка, яхта или корабль позволяют сняться с якоря, выйти в море, непринуждённо пройти по палубе, показать себя и вернуться к причалу. Люди обогащаются и тянут что-то к себе только, чтобы иметь возможность «тратить» накопленное, связывают себя недвижимостью, чтобы, если в случае чего, «свободно передвигаться». Всей этой показухе несметных богатств не хватает малости — смысла. Не дозволенность, а смысл делает проход по морю и капитана чем-то особенным. Позволить себе что-то и пользоваться, а тем более достичь чего-то — разделяет пропасть.

Люди часто растрачивают жизнь на лишнее в надежде, что они смогут с накопленным начать что-то важное. У других ведь было и того меньше, а они — ох как взлетели! Этот день не наступит, а сегодняшние и последующие дни пролетят. Предпосылками достижений являются сами достижения, растущие с каждой ступенькой и покорённой вершиной. Живите, дерзайте! Остальное придёт само по себе.

А что, если в нужный момент у тебя и в самом деле не окажется средств?

«Деревья, и птицы, и звери лесные — пусть будут воинством мне и тебе». — Как я люблю это изречение! Истинные ресурсы — это солнечные зайчики на стенах, дождь за окном, мох на тротуаре, снег на траве и деревьях. Сила создателя заключается в богатстве его идей, которые из повседневности создают необычайные вещи.

Бесприигрышное: Во время прогулки по городу собаки обнюхивают каждое дерево и мочатся на «вертикали». Поводок с ошейником доказывает вопиющую бессмысленность такой разметки территорий. Этими знаками притязаний, они ну никак не могут себе что-либо присвоить. Впрочем и хозяева далеко не ушли. Они тоже дуются, страшат друг друга, защищая, как павлины, крохи имущества и привилегий. Даже образование не освобождает от шаблонов пещерных людей.

Большинство ищет не правильное, а признанное таковым. Ведь не могут же чувства, традиции, общественность ошибаться? — Могут и ещё как! Но даже понимая никчёмность былых установок, люди и дальше бодаются, пакостят, ревнуют, завидуют друг другу. Они не глупы. Часто они даже очень проницательны. Просто они не хотят рисковать, уступая что-либо. Ведь если все за это борются, значит, наверное, это очень важно. А что может быть важнее, чем выступать на побеждающей стороне.

Где эта заведомо бесприигрышная сторона? Может быть на стороне большинства, денег или власти? На что опереться?

Пережившие исторические потрясения как-то: революции, войны и прочее, знают эфемерность надежд на чуждое. Самые железобетонные убеждения, твердая валюта, прочная власть и влияние в мгновение растворяются, не оставив воспоминаний. А главное. Мы не можем ничего с этим сделать, никак повлиять. Ведь всё это — не наше. Тем не менее как лемминг, так и гиена сидят глубоко внутри нас и полны решимости отстаивать место в марширующих рядах.

СВОЁ

«Наши пришли» — говорили на войне. Кто-то тогда пришёл, утешил, освободил. Кого ждать сегодня, откуда? Хотелось бы иного, но никто не придёт нас (хороших, не по добру притеснённых) освобождать. Да и знаем ли мы кто мы, а кто наши? Чтобы понять это, требуется порою вся жизнь.

«Наши» не где-то там, они стержень наших стремлений и привязанностей. Их не нужно просить или умолять, они тут же появятся и встанут в ряд, как только мы разберёмся с самими собой, с тем, что собственно и является нашим. И станет ясно - наши пришли. Ну и мы тоже пробились к нашим.

«Я»

«Я» — жуть как сладко и в той же мере лживо. Да, его чрезмерно балуют и лелеют, но «Я» в ответ оплачивает совершенно иным чем то, что от него ожидают и оказывается в конце концов совершенно не тем, за кого его чтут. Каждый чувствует несоответствие, и тем не менее никак не понимает, в чём подвох. Чем обосновано чувство собственной исключительности, если биология так скупно отмеряет этому «Я» жизни и не оставляет ни малейшего шанса на выживание?

Может с моим «Я» всё обстоит иначе? Но, как моё «Я» может быть исключением, если ещё никому не удалось уйти из этой жизни живым?

Предположим, себялюбие служит не «Я», а возвышению рода. Почему тогда «Я» наплевать на всё, что именно ему не в прок? Почему община ему важна только как выгодное подспорье, о котором, в противном случае, совершенно не жаль? И даже, лети весь мир в тартарары, главное, чтобы тебе от этого было ни холодно и ни жарко, дела шли хорошо и как можно дольше. Где прячется совесть, да и присуща ли совесть «Я»?

Как объяснить, что, при виде развязки, находятся паскуды мечтающие прихватить с собой весь мир или хотя бы то, что рядом: жену, воинство, слуг, богатство, друзей? И насколько такие изверги редки?

Мы неправильно понимаем истинный посыл ощущения исключительности. «Я» вовсе не призвано возвышать, выделять, превозносить. Его цели скромнее. Самовлюбленность — это пустышка, уловка, леденец, ободрение. С их помощью эволюция побуждает своих неразумных деток ступать по безнадёжному для них пути, невзирая на все прошлые примеры неудач.

И это всё?

В общем то — да. Пусть каждый считает себя наиважнейшим. Тем исправнее он тянет лямку телесности, не замечая куда. Жизни наплевать на недоумков, считающих себя центром Вселенной. Главное, чтобы они рьяно штурмовали преграды. Все заочно обречены. И всё же, некоторым удастся превзойти посредственность, пройти шаг-другой дальше золотой середины. Вместе с ними, вилляя, ползёт эволюция, из океана на землю, оттуда к небу, а там глядишь уже и к дальним Мирам.

Одиночество

В комедии-постановке Монтти Пайтон, король Артур горько сетует на своё одиночество, обращаясь к слуге, безустанно шедшем за ним, и несущим кроме тягот походов, тяжести багажа и доспехов. Не менее комичны порою и реальные обстоятельства.

У Полтавы в пылу сражения король Швеции Карл восклицает — как брошен он и одинок! Его приближенные офицеры сочувственно ловят слова, свинцовые пули и ядра, беззаветно прикрывая своего короля, в то время как его армия ложится костями под вражеской картечью.

Убегая из Москвы, Наполеон провел много времени в компании своего интенданта Коленкура. Причиной была карета, которую они разделяли.

Путь был далёк, а условия непригодны для мало-мальски быстрой езды. Чтобы неподкованные лошади не сдохли на обледенелой дороге, Коленкур шёл рядом с каретой, внимая излипаниям императора. Ночью, пока император спал, Коленкур записывал услышанное. В записях сливается прошлое, настоящее и будущее. Оглядываясь, Наполеон как бы ясно видел: его никогда не понимали, он всегда и во всём был предоставлен себе одному. Успехи были только его заслугами, бедствия и несчастья — результаты чужого предательства, глупости и упрямства.

Позади кареты тянулись следы разрушения, брошенное добро, оружие, закоченевшие трупы отставших, раненых или просто обессиленных солдат некогда великолепной Grande Armée.

Последние дни Гитлера и Муссолини, будь то в сказочном окружении на вилле Фельтринелли или в убогом фюрер-бункере, переполнены схожими стенаниями; только Муссолини и Гитлер чувствовали себя преданными и брошенными уже целыми народами.

Думается, этих примеров достаточно, чтобы осознать: одиночество — это вовсе не обстоятельство, а плата за собственные воззрения. Никто никогда не одинок. Даже когда вокруг никого нет, всегда есть деревья и кусты, птицы в небе, бабочки, цветы, жуки на траве, а также невидимые клещи в домашней пыли, дрожжи и микроорганизмы. Только в нашем кишечнике ютятся 10^{13} бактерий. Каждый из этих микроорганизмов — независимое существо. Нас всегда окружает жизнь, вокруг нас и внутри нас, мы только более или менее воспринимаем это чужое присутствие.

Но ведь это не в счёт!

Почему?

— Эти существа нам не равны!

Как неравен слуга королю Артуру, Санчо Панса — Дон Кихоту, солдаты — Наполеону, народы — Гитлеру и Муссолини?

Верно, различия громадны, только жизни такие тонкости не важны. Она цельна. Каждое существо — уникальное чудо, дополняющее и обогащающее мир живого. Не важно, кто находится наверху, внизу или в стороне. Даже если какому-нибудь

негодяю однажды и вправду удастся развязать термоядерную войну и уничтожить человечество, именно микроорганизмы выживут, наверстают потерянное (ведь они тоже не стояли на месте) и перейдут рубеж, на котором человечество споткнулось.

Продажные политики пытаются нас шантажировать, предрекают ужасы уничтожения, если нам вздумается не последовать их предписаниям, но, к счастью, вселенское им не подвластно. Все их страшилки — сплошной блеф собственных несуразностей и фобий.

Одиночество означает, что ваше стремление потеряло смысл, что оно не было и не будет никому полезно. Правда, последнее можно всегда изменить, обменяв величавость на искренность.

Величавость

Каждый жаждет большего и мечтает оставить в истории след. Но что если, переиначивая реально происходившее, обманщик объявит себя праведником, а святой выйдет как бы мерзавцем? Что если достигнутое присвоит себе вор?

— Не беда.

Каждому награда по заслугам. Жаждающий поощрения получит золотом украшенную униформу лакея и право надменно стоять на вытяжку у подеста. — Созидатель обретёт вселенную в своё пользование.

Прейскуранты общественного признания мимолетны. Наградные списки, ленты, крестики и звёздочки торгуются сперва в пышных прихожих, а потом на барахолках, не оставляя следа. Труды человеческие живут независимо от создателей и говорят сами за себя.

Но ведь дело не только в этом. Что толку от храбрости, честности, искренности и самоотверженности, если в историю ты войдёшь, как негодяй, а негодяй, как светоч и спаситель человечества?

Ты боишься посмертной оценки? Наверное поделом. То, что не придавало смысл твоей жизни, не облагородит и смерть. О потом, грезит лишь тот, у кого ничего не предвидится до того.

А как же с назидательной ролью примеров, эпосов, образов для подражания? Кого вдохновят обосранная в предсмертной агонии набедренная повязка тела, обезображенное побоями, залитое синяками лицо пригвозждённого к распятию тела?

Не бойтесь и не стыдитесь. Когда-нибудь каждый терпит неудачу. Потомков притягивают и интересуют только успехи, а не тленность, разъеденная червём.

А как же правда, задвинутая на задворки, где её невозможно ни узнать, ни найти? Не тревожьтесь о правде. Ей не нужно покровительство. Правда — не хвастовство, а возможность для человечества расправить крылья, жить, творить, совершенствоваться. У правды совершенно другие мотивы и движущие силы, чем рукоплескания чьих-то признаний.

Вклад Эйнштейна, включая формулу $E = mc^2$, соткан из неприкрытого плагиата, как и толкование спектральных сдвигов Хаббла. Но признаемся, положив руку на сердце, был бы так же быстро создан телескоп Хаббла и преодолена пропасть между энергией и веществом? Величие — это обаяние творения, а не тленности, породившей её.

Архимед должен был подтвердить содержание золота в царской короне, не беря проб и не повреждая тиары. История многим известна, но многие ли знают имя царя? Архимед был лишь одним из его слуг, и не самым важным. Его имя осталось вместе с названным по нему законом, а вот царствующее лицо, да и царство с короной, канули неизвестно куда. Если честно, то и об Архимеде (кто, где, когда, откуда), кроме анекдотов и рассказней, мы не знаем ничего достоверного. Для истории важны только свершения. Имена — лишь дорожные указатели пройденных миль. Тем, кто сомневается, достаточно пройти по улицам родного города, пытаясь разобрататься в причудах их названий. Служат ли они увековечиванию «Имен» или обозначению автобусных остановок и почтовых ящиков? Не имена важны, а польза. Если всё тобою созданное, никому не в прок, и никто им не пользуется, то ты, в принципе, и не жил.

Престиж

Быть важным льстит самолюбию и открывает двери. Значимость достойна всех похвал. Скромность стыдливо отсылается на задний план, чтобы не сгладить торжественность момента.

Но это же нечестно, низко, подло!

Как посмотреть! Быть неизвестным, невидимкой двигаться в толпе, без помех думать, мечтать, творить — что может быть приятнее такой свободы воли?

Правда всегда невероятней лжи. Ложь искажает, пользуясь очевидным, доступным, легко воображаемым. Правда преподносит доселе небывалое, не выразимое обычным набором образов и слов.

Недоверие и озлобленная вражда невежества — неизбежные спутники первопроходца. Быть непонятым и на виду — опасное занятие, ведущее к мышинной грызне и, в лучшем случае, к нареканию. Все истинно великие люди в истории познали горечь гонений, опасались за свою жизнь и жизнь близких. Так было и так будет. Словоблудие будущих признаний не защищает от преследований недоумками настоящего. Поэтому, зная истину за собой, не стоит ввязываться в бессмысленную потасовку.

Опытный боксер держит дистанцию, выжидает ошибку противника, которой он моментально воспользуется. Со стороны кажется, что его притесняют, гоняют по рингу, а он трусливо прячется в защите. На самом деле всё наоборот. Не нападающий, а избегающий удара, готовящий свой ответ, определяет правила и исход боя.

Разуму не должно оглядываться на господствующие власть и мнения, да это и не нужно. Идя вперед, вы неизбежно избегаете омут чванства и остаётесь среди друзей с которыми по пути. Конечно, предрассудки, глупость, пережитки при этом никуда не денутся, однако, оставшись за горизонтом, они не видят вас, а вам ну совершенно не до них.

МУДРОСТЬ

Где правда, а где наваждение? Чувства настолько легко обмануть, что даже хочется это сделать, особенно в приятном. Но ведь и разум падок до сладостных иллюзий? Руководствоваться приятным, что в теле и что в разуме — это ни хорошо и ни плохо. Спор, что правдивее, возвышеннее или низменнее, разум или тело — глуп. Чувства наглядно и доходчиво раскрывают нам мир, который человеческим разумом, увы, ещё не объедем. Иногда разум доказывает нам ошибочность восприятий, но не менее часто происходит обратное, и чувства вытаскивают зазнавшийся разум из заносов его заблуждений. Важно единение. Жить, черпая из закровов тела, собранных в ходе миллиардов лет эволюции, облагораживать телесность инструментами культуры, науки и сознания всего человечества, познавая сильные и слабые стороны, дополняя и усиливая, а не противопоставляя их — собственно, именно это и составляет мудрость. Если что-то не ладится, то это вовсе не основание для стыда или жалоб, а повод стать лучше.

Прекрасное и не совсем

Убегая от «серой повседневности», люди часто окунаются в мир красочных грёз, но далеко не уходят. Куда бы они не подались, радости нет и не предвидится. Иначе и быть не может. Серость не в реальности, а в самих людях. Радости — не свойства обстоятельств, а похвалы эволюции. Они побуждают нас к поступкам

прародителей, имевших феерический успех. Если чувства обещают нам, что за разворотом событий реальность должна быть прекрасной, а мы находим её скучной, с трудом перевариваем повседневность, то это означает только, что нашим предкам в тех же условиях непременно удавалось извлечь прекрасное из ситуации, а нам нет. Дело не в обманчивости ощущений. Если у нас всё складывается иначе, чем наши чувства пророчат, значит мы что-то неточно поняли, неправильно сделали, не на том месте и в неподходящее время. Не призывы чувств, а наше исполнение несовершенно. Разочарование и скука возникают тогда, когда мы не много, а слишком мало ожидаем от жизни, при этом вроде бы щадя или даже «обогащая» любимого себя.

Скучного не бывает! Каждодневное — это то, во что мы превращаем отпущенное. Реальное не просто хорошо, оно лучше, чем мы когда-либо об этом мечтали.

Это сладкое слово «свобода»

Принято считать, что за свободу нужно и должно бороться. Только вот мало кто понимает, о какой борьбе идёт речь. Чаще всего при этом люди представляют себе сеющего ужас изверга, пытающегося отнять деву, и ему противоборствующего свободолюбивого рыцаря. Беда данного представления — это убеждение, что свобода, это что-то каждому присущее и неоспоримое. Это далеко не так.

Свободу нельзя вырвать, свобода — это мерило прогресса. Не борьба с кем-то, а борьба с собою, умение подняться над противодействием обстоятельств или соперников несёт свободу.

При рождении мы слабы, легко уязвимы и не способны непринуждённо двигаться, думать, принимать решения, но наши навыки постоянно растут, а вместе с ними растёт и наша свобода. Да, мы всегда и во всём следуем обстоятельствам, не нарушая законов мироздания, но при этом заставляем эти законы работать на нас.

Материя не утрачивает своих свойств, не становится хрупче или тверже, легче или тяжелее, мы не отрицаем и не навязываем ей иные физико-химические свойства чем у неё есть, мы просто учимся вольготнее в ней перемещаться и перестраиваем её под себя.

Позвольте, а что, если кто-то ворочает этими обстоятельствами против нас? Как тут не дать отпор?

Что за дурачество? Отпор чему? Лучшая защита, это не противостояние, а инициатива. Сцепившиеся в драке уже потеряли всякое подобие свободы. Не позволяйте чужим угрозам сковывать себя и не прибегайте к ответным угрозам. Делайте то, что считаете первостепенным и правильным, а не то, что навязывается вам обстоятельствами или недобросовестными людьми.

Доброе и доброта

*Крошка сын к отцу пришёл, и спросила кроха:
— Что такое хорошо и что такое плохо?*

И правда! Что правильно, а что нет? Что справедливо? Чего нужно избегать? — Мы часто пафосно задаем себе эти вопросы и редко подразумеваем их буквально. Спрашивающее большинство ищет оправдание и сочувствие к себе, хочет отвести упрёки в малодушии. На самом деле его интересует другое, а именно — «Почему, собственно, следует творить добро и избегать зло?»

Разве в жизни всё не наоборот? Если доброта — и в самом деле что-то хорошее, то почему её обходят похвалой и наградами, а злое и подлое, наоборот, возвышают и поощряют?»

Ответ на удивление прост. Доброе творит добро именно потому, что оно доброе, и жаждет лучшего, а не наград. К злу же без 30 сребреников не подступишься. Кто же иначе на него пойдёт? Доброте не надо восхвалений, её награда — достижения. А вот зло не пошевелит даже пальцем без лести и корысти.

РАДОСТЬ БЫТИЯ

Будда, якобы, учил, что страдания происходят от желаний. Освободившийся от них не знает жажды, голода, холода, боли, горя, и ему не приходится страдать. Тут кто-то, что-то основательно не понял, а может Будда не додумал до конца, что он нагородил.

У камня нет желаний. Да, камень не страдает, но он и не живет. Жизнь — это и есть желание! Больше или меньше желанного означает больше или меньше жизни. Постепенный отказ от воли означает эдакое поэтапное самоубиение. А ведь оно вызвано как раз страхом неудачи, боли и смерти. Странно и несусветно устранять себя из-за боязни устранения кем-то или чем-то другим.

Знак равенства между желанием и страданием ещё причудливее. С чего бы это отождествление? Желание дарует прежде всего радость бытия! Да и страдания не обязательно приносят несчастья и горе. Новалис, например, их восхвалял и был в этом далеко не одинок. Чем стали бы трагедии, без пафоса возвышенного? Без самоотверженности героического?

Что плохо, а что хорошо решают не ощущения и не события, а полнота сопряженной жизни. Страдания и радости — это всего лишь пометки того, чем мы наполняем закрома судьбы. Радости обозначают наши успехи. Страх, боль и горе указывают на опасность, советуя держаться подальше от их источника или перемотать недуги. Нелепо избегать радостей из страха их потерять или не(до)получить. Да, иногда чувства нас строго одергивают, оставляют «без сладкого», причиняют боль, но они делают это из любви, как мать, шлёпающая своё дитя. Если расстояние к смерти мало и сокращается, страдания неотступно возвращают нас к теме, приказывают отбросить самодовольство, продолжать поиски, пока будущее нам снова не откроется. В этой связи мы, возможно, испытываем даже слишком мало страха и забот, слишком плотно укутаны ватой самонадеянности и лени.

Вы что, советуете вскармливать страх и страдания? — Нет. Беды явятся и так, без приглашения. Но коли гости в доме, не следует

отворачиваться и делать вид, что место пусто, наоборот, следует внимательно прислушиваться к их требованиям и учиться у них. Страдания — чистилища наших устремлений. Они раскрывают нам наши ошибки, позволяют сбросить балласт ненужного, лелеют желания бороться, расти, побеждать в обход опасностей и обстоятельств, устраняя тревоги и оцепенение, придавая жизни смысл.

Ну а что, если исхода как такового нет вообще?

Неправда! Безысходности не бывает. Страх сигнализирует нам, что то, к чему мы до сих пор стремились, не может быть достигнуто так, как мы это намеревались до сих пор, а мы только напрасно, слепо и больно ломимся как муха в окно.

Поскольку каждая ситуация допускает осмысленные, направленные в будущее действия, безысходность вызвана упрямством, с которым мы штурмуем стеклянную стену обстоятельств, за которой видимо, но недостижимо лежит заветная цель. Но к чему ломиться в стену? Любую преграду можно преспокойно обойти.

Мрак и чаяния

Нынешние знания не оставляют человечеству ни малейшего проблеска надежды. Когда-нибудь солнце, без сомнений, выгорит. Земля остынет, став непригодной для жизни. Для полёта в другие галактики требуется энергия, равная массе нашего Солнца. Придётся погасить одну звезду, чтобы добраться до следующей. Но если бы это и удалось, то обеспечило бы побег только единицам. У этих несчастных, запертых в темнице космического корабля, нет особых шансов пережить долголетнее путешествие. Прибудут, наверное, только их оледеневшие тушки. А ведь таких прогнозов много. Неужели всё так безысходно?

Мудрость — это, между прочим, непоколебимая уверенность, что выход есть, даже если он не известен, а все факты говорят против. Ведь именно так до сих пор и было! Мог ли живущий собирательством питекантроп, пугливо чурающийся волков, пещерных

медведей и мамонтов, представить себе каменные топор и копьё, и захватывающую охоту на этих монстров? Мог ли охотник, рассказывающий вокруг стоянки приготившиеся ему растения, чтобы не сгинуть с голода, предвосхитить плуг, поля, сады и огороды, выросшие из этого незатейливого подсобного хозяйства? Мог ли алхимик, экспериментирующий на плите с порошками из отложений мочи, представить себе за вонью и дымом — порох, моторы и расщепление атома? Для всего этого не было ни идей, ни возможностей, но они уже зрели в поднятом камне, в воткнутой в землю рыхлящей палке, в горниле печи и ступке с пестиком, бьющим по минералу. Прошлое учит — придёт время и из любой безнадёжности найдётся выход.

Негаданное

Какая польза от вожелений и надежд, если судьба действует, как ей заблагорассудится?

Лошадь Чингисхана споткнулась о нору сурка. Вместе с Чингисханом пала Монгольская Империя. То, что не смогли сделать вражеские армии, придворные интриги, кинжалы и яды, совершил маленький зверёк и при этом совершенно ненамеренно. К чему потуги, если дурацкая случайность может разрушить любой величайший план и это, в конечном итоге, действительно сделает? Ещё ни одно начинание не заканчивалось так, как предполагалось!

Да, мы не можем повлиять на то, что, где и когда нас настигнет. Однако то, что мы затеем и во что превратим произошедшее, зависит только от нас. Случайность вредит только тем, кто её исключает. Непредвиденное разрушает иллюзию контроля, вскрывает наши просчёты и недостатки, показывает, что за видимым скрывается грандиозное и побуждает нас его объять.

Может и несчастье со смертельным исходом тоже повод, несущий возможности? Естественно! Мы слишком много значения придаем своему присутствию. Оно не критично. А что тогда и в самом деле заветно из всего пустого и нас окружающего?

Заветное

Что делает нашу жизнь важной?

Независимо от личных оценок, самое дорогое в человеческой жизни — это сокровища былых поколений: их опыт, мысли и навыки, предпочтения и мечты, переданные нам и живущие в нас. Без них человеческая жизнь по-обезьяньи убога.

Неизбежность смерти навеваает думы о смысле существования, требует исповеди собственных мотивов. Мы и впрямь иногда обращаемся к самосозерцанию. В целом — редко, неуклюже, часто — довольно поздно. Временами нужно, действительно, всё потерять, отказаться от всякой надежды, а вместе с ней и от повседневной мелочности, а затем, несмотря на сопутствующие мрачные заверения, получить отсрочку, чтобы найти устои, собраться с духом и избавившись от балласта, двинуться вперед. Неизбежность побуждает людей действовать так, чтобы прерывание собственной жизни не причинило их делу вреда. Скоротечность жизни — поверхностное умозаключение.

Жизнь никогда не оканчивается. Она время от времени делает перерыв и переключается на другие темы. Впрочем, не только смерть пресекает нашу деятельность. Разве мы постоянно не разрываем нити собственных планов, а потом связываем их вместе различными способами и неожиданно для себя? День за днём мы бросаем начатое, отворачиваемся, иногда забываем об отложенном, потом снова находим и берёмся за прерванное дело. При засыпании, разрыв между до того и после — ещё отчетливее. Мы отрешаемся полностью от всех забот и обязанностей. Выключаем восприятия и воспоминания, как будто нас нет. И нас, вправду, нет во время забвения. Боимся ли мы непроглядности сна? Нет! Мы жаждем свежести на рассвете.

Почему?

Потому что мы уверены в непреклонности продолжения. Опыт подтверждает нам, что всё вчерашнее никуда не денется и за сном обязательно последует продолжение.

Чем же смерть отличается от сна? Неизвестностью? О чём? Бренностью? Чего?

Всё имевшее смысл будет жить, только ненужное преходяще.

Разве можно проснуться после смертельного сна? Простите, но откуда мы, собственно, взялись? Вначале была тьма. Мы вынырнули из неё, открыли глаза, глотнули воздуха и набрали его грудью, громко закричали; успокоившись, наострили уши, жадно впитывая мир и то полезное, что собрали наши предки о нём. Всё, что служит жизни, непременно будет снова найдено и продолжено. Жизнь означает стремление. Смерть, как и сон, его интермеццо. Оба приносят покой, не всегда желанный и своевременный, но всегда освежающий и спасительный для тех, кого он настигает. Потери — это всегда потери для оставшихся в живых, а не для усопших.

А как быть с непредвиденностью? Что если смерть застигнет вас за пять минут до завершения творения всей вашей жизни. Не лучше ли не предпринимать важного и великого, оставаясь при обозримом, но осуществимом?

А это поможет?

Несчастье и смерть никогда не раскрывают нам своих планов и не предупреждают нас, назидательно грозя поднятым пальцем. У рока предостаточно возможностей нанести удар всегда и везде. Но и мы не подарок, не готовы и не позволим чему бы то ни было просто так разрушать созидаемое нами. Рецепт против этого предельно прост. Живите так, чтобы уроненное вами, другие могли поднять, подправить и понести далее. Тогда все повороты судьбы станут ударами молота вашей воли.

А если смерть, в отличие от сна, покажет себя с омерзительной стороны, придя с мешком жутких инструментов пытки? Что, если человек не выдержит испытания немощью и болью? — Нет! Это не смерть бывает жестокой, а жизнь, исчерпанная, бессильная и не знающая, как дальше. Смерть не знает ни боли, ни позора — она избавляет от них.

Все мы смертны. Для тех, кто уже завершил переход, все сопутствующие обстоятельства безвозвратно забыты и совершенно не в счёт.

Угасание?

Легко храбриться, будучи при силах и здоровым. Что если твоё «Я» умрёт ещё до смерти? В настенном зеркале маячит незнакомый тебе дряхлый образ, несущий глупости. Разум скован, по большей мере дремлет, а если и просыпается, то только на минуты? Можно ли противостоять упадку сил, сообразительности, ослаблению зрения? — Не только можно, но и необходимо! Очки, слуховые аппараты, памятки в блокноте не делают глаза, уши или память лучше. Они помогают толково использовать то, что осталось.

Органы и функции тела имеют определённый срок службы, проверенный и обусловленный предыдущей эволюцией. Они постепенно разрушаются. Для созидания и творчества не существует эволюционных ограничений, они ориентированы на будущее. Неизбежны ли потери? Да, но это не запрещает нам даже в потерях искать выгоду, сочетая и используя оставшееся так, что незваные ограничения теряют действие! Неважно, что у нас есть, важно, как мы это задействуем. Пока вы живы, двигайтесь вперёд: дерзая, творя, прокладывая дороги. Долгая, насыщенная, захватывающая и чарующая жизнь — главная цель и обязанность каждого человека.

ОЧЕНЬ ДАЖЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Религия, политика и наука долгое время настаивали на том, что человек и животный мир противоположны, более того, они утверждали, что противоположны даже сегодняшний человек и его первобытные предки. Как ни странно, но это не превозносит, а унижает современного человека.

Давайте переместимся на 5000 лет назад в убогое жилище, чтобы поболтать с хозяином о смысле жизни и месте человека во Вселенной, затем прыгнем на 3000 лет вперед, двинемся оттуда ко времени рождения Христа, а затем протопчем ещё так лет 500, каждый раз, останавливаясь для серьёзного разговора с тогдашними

современниками. Для этих перемещений не нужна ни машина времени, ни волшебство: библиотечной карточки и немного терпения хватит с лихвою. Прислушаемся к мнению этих, нам далёких людей. Отбросив предрассудки, и разобравшись с изложенным, мы будем немало удивлены. Отдельные слова предшественников старомодны, вычурны, гротескны. Однако основной посыл вполне узнаваем. Чувствуется, что авторам не до красивого словца, что они, совсем наоборот, хотят вычленивать и понять важное в их жизни, ищут для этого подходящее выражение, каждый раз используя свой тогдашний язык и невольно включая распространённые недоразумения в объяснения.

Обменяв устаревшие слова, опустив изжившие себя понятия и представления, вы будете поражены глубиной содержания и пристыжены своим недавним высокомерием. Обогащенные путешествием сквозь века, вы поймёте: то, в чём сегодня уверена современность, через 100 лет необратимо превратится в хлам и тем не менее останется достойным к размышлению.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Согласно легенде, пытливый, но слишком занятый король отправил любознательного юношу в дальние страны в поисках смысла жизни. После десятилетий скитаний сгорбленный старец вернулся, уже сльвя мудрецом. Король лежал на смертном одре. Подталкиваемый близостью смерти и боясь опоздать, учёный резюмировал познанное им предельно кратко: «Люди рождаются, чтобы блуждать, страдать и умирать — это единственный узнаваемый смысл их жизни».

Лицо короля окаменело. Мысли понеслись.

И это всё?

Как муторно, странно, неуместно! Нет, жизнь преподала ему иной урок.

Подыскивая верные слова, король молчал, отрешённо глядя

куда-то поверх старца. Неправильно оценив паузу, посетитель, для вежливости немного подождяв, поднялся, чтобы удалиться, бросил прощальный взгляд и содрогнулся. Слишком велик был контраст между сказанным и результатом. Король безмятежно улыбался.

«Цель человеческой жизни — стремится к счастью», — возразил король. Глаза его сияли. «Что счастье?» — свысока усмехнулся учёный. — «Иллюзия опьянённых чувств, невесомость свободного падения в бездну...»

«Счастье?», прервал его Король, «это ликование победы, глубокое, спокойное дыхание на покорённой вершине, сладкий вкус успеха, вид блистающих позолотой городских башен конечной цели путешествия. Счастье — это беспредельное становление и совершенствование.

«Что могут изменить эти цветы на твоей могиле? — прошипел неожиданно задетый за живое старик. Король оставил без внимания сарказм и продолжал: «Именно, именно! Счастье — это уверенность одержанной победы над невзгодами и врагами, не здесь и не сейчас, а во всей вечности».

Король скончался. Спорить было не с кем. Учёный вышел из палатки, посмотрел на мерцающие звёзды, затем на свою повозку. Та всё ещё стояла по соседству, нагруженная уже никому ненужными рукописями. Он сложил годы своей жизни, сопоставил дела, мечты, стремления и загрустил, поняв — а ведь и он как, впрочем, и все, родился владыкой, но пропустил, не угадав, своё предназначение.

Убеждения

Сколько жертв и жизней героев отданы банальным заблуждениям! Уверившиеся в своей правоте, люди мнят себя полубогами. А вот осознание нелепости идеалов — их тут же убивает. Внезапно, они не в состоянии что-либо предпринять, да и не

видят смысла жить дальше. В вакууме неопределённости даже наваждения находят последователей — лучше откровенный дурман, чем отсутствие идеологии. Как часто нам приходится слышать: «Без идеологии (какойнибудь, правильной или неправильной) человечество нежизнеспособно и обречено».

— Довольно этих: дури и угара!

Ложь никогда не заменит правды, а догма совести. Человечество должно учиться жить с неопределённостью. Как часто бы нам ни твердили, что наше светило когда-нибудь погаснет. Земля затвердеет в глыбу льда. Что с того? Физический мир всегда стремился приструнить жизнь своими ограничениями. Мы же будем неустанно, целеустремленно или слепо искать слабые места в их установках, путях и стеснениях, действовать вопреки всем преградам и, наконец, мы найдём выход там, где его никто не предполагал.

Если тот или иной закон говорит против нас, то знайте — это неправда. Истинное и правильное — это не одно и то же. $2 \times 2 = 4$ — несомненно правильно. «Это так, а не иначе», говорит правильное. Но правильное не всегда уместно и уже совсем не всеобъемлюще. Правильное это всего лишь частное. Истина — это решение, она ведёт, находя неординарные решения, в обход всего правильного и даже не нарушая его. Правильное осаживает. Истинное крушит преграды — «бороться и искать, найти и не сдаваться» — её послы.

Правда?

«Что правда?» — спросил Пилат, уходя и не желая ждать ответа. Его поведение не так уж странно. Как далеко мы бы не заглядывали в прошлое, картина та же. Последователей истины всегда преследовали во имя того, что слыло правдой. Например, из-за того, что они описывали кровообращение или круговорот звёзд.

И что? И в этом была вся их вина? Нет, они разрушали повседневность. Выдвинутые им обвинения кажутся нам сегодня детским лепетом и явным маразмом, но не тогда.

ПОЧТИ РЕЛИГИОЗНОЕ

Тогда они были убийственны и непроверяемы. Мысли направляют людей вне команд и обязательств, они открывают ворота к возможному, вызывают оползни, подрывают устои. Неудивительно, что знаменосцев мысли наказывают зачастую жёстче, чем отъявленных преступников. Но распятая, сожженная, изгнанная или упрятанная в темнице правда, после неожиданных поворотов, всегда выходит на свет, независимо от того, как долго длится ночь. Причина этого проста. Правда сильна, потому она правда для всех, включая обращенных противников. Правда — это путь, и если человек достигнет чего либо, то только в правде. Учение, превозносящее счастье и добродетель, не обязательно должно быть правдой. Но правда, чтобы быть правдой, должна делать людей счастливее, сильнее и добрее. А красота? Не знаю, любая ли красота правда, но всё правдивое должно неизбежно быть красивым. Мы подрастаем в вере, что разум и справедливость всегда должны торжествовать, и в целом в этом правы.

Взрослея и сталкиваясь с бессилием нам преподанных идеалов, растёт разочарование. Что, если зазубренное неверно? Что, если лучшее не имеет шансов против прагматичного, как это денно доказывает опыт? Что, если, наоборот, миром правят макиавеллевские низменность, злоба и зависть?

Не ожесточайтесь! Рассказывают, Дьявол как-то взял слово Божье в свои уста и изумился. Люди следовали за ним, а не за Создателем. Дурень не заметил, что стал рупором творения в то время, когда истину ещё никто не понимал.

Зло, как и добро, не всегда то, чем они кажутся. Часто истина стоит рядом, а мы её в упор не желаем видеть. Она хочет помочь и делает громко подсказки. Однако, мы слепо проходим мимо её указателей, отрицая очевидное ради недалёковидной выгоды. И вот доброта надевает маску, бранится, рукоприкладствует, если нужно, чтобы её услышали, направляя нас на правильный путь.

Зло и злодеи — тоже слуги высших сил. Они отталкивают нас от мест, занятий и людей, которые нас недостойны, раскрывают нам наши слабости и подгоняют нас.

Самое время разобраться с богом ну и с чёртом.

Едва облизан, жеребенок поднимается, смотрит в большой Мир, делает всё более уверенные шаги и прыжки. Каждое его движение говорит — очаровательно, чудесно, великолепно! Это пыльное море колышущей травы, разве я не видел его раньше? Разве это вымя, полное сладкого молока, не приготовлено для меня? Конечно же мне всё не впервой, я уже был здесь до того. Я только что вернулся домой.

Нелепа ли эта наивная уверенность в вечном круге возвращения только потому, что зреет в мозгу животного и не имеет философского или религиозного обоснования? Любое восприятие подтверждает: Горы и долины, горизонтальные слои облаков, зеркальная гладь океана, темно-синее небо или свет неизвестных звёзд, куда бы нас не забросила судьба, что бы она не предлагала нашему взгляду, мы везде находим знакомое, бескорыстную помощь и верных союзников. Цветы, деревья, цвета и формы наполняют наши сердца радостью и уверенностью. Интуиция не обманывает. Мы намного старше всего, что нас окружает. Нам всё давно не в диковинку.

Искра нашей жизни проистекает из истории сотворения, насчитывающей миллиарды лет. Именно она строит нас из земли, оживает, ведёт по жизни и защищает от невзгод.

Внимательный читатель уже наверняка заметил, что я говорю о творении, а имею в виду жизнь. Иоанн выразил то же самое в обратном порядке: «Я есмь путь, и истина, и жизнь». (Евангелие от Иоанна). Знал ли он, о чём говорил? Думаю, тогда ещё не совсем. Нужного знания ещё просто не было, но он чуял нутром существенное и выразил его как мог точно, обогнав время на тысячелетия.

Если Творец — это сила, сотворившая землю, воду, воздух, леса, луга, животных и плоды. Если Творец — это начало, дарующее нам жизнь и забирающая жизнь, то этот творец ни что иное, как стремление, исходящее из истоков эволюции и продолжающее раскрываться в непрерывной серии индивидуальных судеб.

Земляне оглянитесь! Да, вы не можете повелевать реальностью, но мир, который вы видите и чувствуете, открыли и создали ваши предки в длинной череде порывов, успехов и поражений. Созидательная сила этой реальности не на небесах и не распылена без субстанции вокруг, а заключена в вас. Это опыт извилистого восхождения из глубин спонтанного зарождения до сегодняшнего человечества.

Понимание каждого данного мгновения, проникает к нам из необъятности времени и пространства, которые мы пересекли как бактерия, животное, человек и, в конечном счёте, как «Я». Форма, цвет, тон — ничто не дано, ничего не существует само по себе. Всё нас окружающее — это работа нашей интерпретации и зеркало наших способностей. Чем богаче кладёшь опыта, из которого мы черпаем наше понимание, тем ярче и звучнее момент, тем ближе мы к бессмертию.

Бессмертие

Жажда вечности — одно из самых неукротимых человеческих побуждений. Вера в воскрешение в Древнем Египте, где смерть была не наказанием, а переходом в другую жизнь, направила усилия людей в русло тысячелетней культуры, величие которой сияет и до наших дней.

С тех пор мало что изменилось. И сегодня многим хочется жить, если не вечно, то хотя бы переживая остальных, если не по длительности собственной жизни, то в словах, в детях, в репутации, а если иначе не выходит, то хотя бы в ненависти и зависти — хочется урвать хотя бы тень бессмертия.

Но так уж ли вечное далеко и недостижимо?

На удивление, нет!

Наше тело вроде бы здесь и сейчас, но это те так. Мы всегда находимся на передовой наших деяний и представлений. В нашем сознании и стремлении мы ориентируемся на исторические

события, заимствуя интеллектуальные и практические инструменты у прошлых поколений. Духовное наследие придаёт нашим стремлениям историческое измерение.

Сумма телесных и умственных свойств человека, выходящих за пределы его пространственного положения и временного бытия, это то, что раньше называли душой. Душа может быть животной и скаредной, а может — открытой и широкой.

Душа восстаёт против слабостей тела, против цепей пространства и времени и побеждает. Бренность тела не умаляет бесконечности души. Душа впитывает судьбы людей и народов и делает их частью личной жизни. Люди всегда задавали вопросы о бессмертии души, сначала благоговейно, а затем с разящей насмешкой. Но вопросы о природе бессмертия и о том, что ждёт после кончины тела, уводили в дебри. Вместо бесконечности настоящего сущности души, люди, блуждая, набрасывали себе будущее, которое, если бы оно существовало, было бы конечным и замкнутым как темница.

В двадцатом веке психика и интеллект были возведены в ранг единственно научного, чтобы вытеснить необъёмные понятия души и духовного. Подмена не адекватна. В то время, как психика и интеллект ограничены измеряемыми реакциями и результатами опросов, духовное включает весь мир человеческих представлений.

Духовное наследие похоже на свет созвездий. Человек живёт в мире мнений, оригинальных и просто передаваемых, говорит, спорит, слушает, не замечая, что большинство учителей и глашатаев вокруг него давно умерли, как звёзды в небе, доставляя нам лишь их, всё ещё странствующее, сияние.

Наши умершие окружают нас не меньше, чем наших суеверных предков. Прошлые поколения двигаются среди нас и часто оказываются лучшими друзьями и советниками, чем современники. Их бестелесность не делает их менее реальными давно угасших звёзд.

Тело

С пробуждением, каждый человек чувствует неутомимое желание потянуться, напрячься, рвануть и устремится вдаль. Какой там, себя лелеять, сдерживать и сохранять! Наоборот, тратить и разбрасывать, рискнуть, поставив всё на карту, предпринять что-то смелое и интересное, узнать и удивить мир, вывернув обыденное наизнанку.

Плоть возражает: что значит тратиться и рваться в дали? Нет, если уж напрягаться, то только ради драгоценного телесного меня — конечной цели всякого стремления.

Телесность блефует. Без внешнего мира она ничто. Взглянем на тело в отделении интенсивной терапии, искусственно поддерживаемое во всём. Всё вроде бы в нём и впрямь в порядке. Анализы в норме. Приборы подтверждают идеальное равновесие. Все без исключения клетки живы и работают как надо. Недостатка чего-либо нет. И всё же от человека не осталось ничего. Он не видит и не вникает, не читает книги, проносясь по вечности жизни и не продолжая её. Он лежит, как мешок с отходами, и безучастно позволяет себя двигать.

Схожий опыт мы повторяем, засыпая каждый вечер. Мы спим, наше тело бодрствует. Сердце бьётся, пищеварение идёт своим чередом, кровяные тельца спешат, как всегда, деловито. Уснула только наша привязанность к миру, точнее, напряжение, с которым эта привязанность поддерживается, унося человека в просторы создаваемого им мироздания.

Нет, несомненно, человек — это не тело, а его духовность!

Духовность

Пристрастие, с которым человек защищает свою духовность, примечательно, если принять во внимание её невероятную цену. Не желая отказаться от своих устоев, люди выбирают тюрьму

или ссылку, затворничество в каморках, вдали от радостей мира, добавляют ночь к дню и не дают телу покоя.

Сократ предпочёл яд самоотрицанию, Галилей выбрал изгнание умолчанию открытого им мироздания. Мария Кюри испытала смертельное облучение, обнаруженного ею радиоактивного элемента, развеявшего не только её, но и незыблемость всего вещественного.

Разве эти люди заботились о своих именах? О посвящении в книгу истории? Хотели ли они привлечь к себе взгляды незнакомых прохожих? Хотели ли, чтобы все о них горланили? Если бы они знали (а это следует предположить), что их тяготы останутся неоплаченными, что достижения определенного масштаба в принципе не могут быть адекватно вознаграждены современниками, выбрали бы они другой путь? Остановились ли они на чем-то меньшем, чем-то попроще, потратили бы они больше времени на то, чтобы изыскать похвалы? Или они получили всё им причитающееся задолго до того, как весть об их достижениях достигла кого-либо?

И хотя они колебались и раздумывали, для них не было другой дороги или выбора. **«Моё царство не от мира сего»** — слова, понятные только на расстоянии тысячелетий. Были ли и эти «их царства» менее реальными из-за того, что современники не могли их лицезреть?

Духовное раздвигает измерения пространства и времени. То, что ради него приходится порою считаться с гонениями и ограничениями, не важно. Видимое и действительное — не одно и то же. Пути, затворы, границы? — Чепуха! Горизонты претворения меряют истинные очертания души. Духовное нельзя запечатать, оно смеётся над толщиной застенок, свободно просачиваясь через камень, кирпич или железобетон.

Претворение

Воистину странны места, где люди ищут претворения. Один сидит в лаборатории, другой мечтательно играет с числами за столом, заваленным книгами, третий ходит с полупустым рюкзаком и ночует под открытым небом, четвертый возводит государственные, религиозные или промышленные империи, которые бесполезны для того, чтобы в них жить, и слишком велики, чтоб их объездить. Почему человек, как только он позаботился о еде, жилище и здоровье, покидает «практичное» и посвящает себя деятельности, далёкой от нормальной жизни — мало спит, ест как придётся, и избегает отвлечений вне своей страсти? Почему люди удаляются от нужного и полезного? Что ими движет: дурман, инерция, инстинкт?

Говорят — «Бог, сотворив рассвет, был поражен его красотой». — Хороший образ (вроде бы из Кришны), и жалок тот, кто не испытал подобного ощущения взрыва открывающихся перспектив.

На каком-то этапе эволюции жизнь учится воспринимать цвет и интенсивность солнечного света. Вначале у этого восприятия нет ни текстуры, ни глубины. Шаг за шагом животное учится интерпретировать напряжение глазных мышц, как меру расстояния, а цвет — как отличительную черту материалов. При этом оно особенно много не ожидает, а просто следует ближайшим потребностям своего осязания, запаха и вкуса.

Связь между осязанием и светом, между мышечным напряжением глаз и расстоянием: это элементарные предпосылки, но какие далеко идущие последствия открывают они! С высоты своих ног или с высоты скалы, на которую это существо вскарабкалось, оно внезапно обозревает огромное пространство, которое оно не может ни схватить, ни даже прижизненно обойти, но которое уже присваивает себе простым взглядом. Способность распознавать свет и соотносить его с расстоянием выводит обладателя далеко за рамки непосредственного им осязаемого. Подобно свету, мысль или удачное деяние внезапно вносят ясность в запутанный

клубок слепого тыкания, превращают хаос в часовой механизм, озаряют и просветляют.

Мы блуждаем в тумане предрассудков в поисках собственной цели и жизни, как по тёмным переулкам городского квартала, плотно окутанного ночным туманом. Вдруг появляется знакомый объект: указатель, доска на стене или неоновая вывеска, которая даёт представлению опору. И мрак с туманом внезапно отступают, не двигаясь с места. Окружающее оказывается знакомым, несмотря на всё ещё свирепствующую тьму. Разрозненные воспоминания выстраиваются в чёткую картину. Тревога уходит, походка становится упругой и лёгкой, каждый шаг приносит подтверждение: Мы на пути к цели.

Что может быть восхитительнее, чем когда после долгого блуждания среди тусклых огней ночи, после многих лет неуверенности и сомнений, солнце разума возвещает о себе серебряной полосой и вдруг огненным шаром устремляется ввысь? Взгляд, который в падении яблока распознает силу, удерживающую планеты на их орбитах, преобразует разброд фактов в небесную гармонию, приближает человека к звёздам задолго до того, как станут возможны космические путешествия.

Сколько рассветов дано пережить отдельному человеку? Много, очень много! За каждой горой лежат новый горизонт и новые вершины, более яркие и соблазнительные, чем когда-либо.

СОЗНАНИЕ

Сознание обычно отождествляют с «подконтрольным мышлением», «правильным пониманием» или с присутствием духа (в смысле внимания). При этом по большей части, мы думаем, не контролируя ход мыслей, и часто совершенно «осознанно», но по незнанию или неразумению, продвигаем чушь.

Мы думаем всегда, даже когда не рассуждаем, а когда что-то мастерим, ведём машину, рисуем, медитируем или спим. Иногда мы делаем это интенсивнее и правильнее, чем когда ворочаем словами мыслей. Так в чём же разница между осознанием и мышлением? И почему сознание так важно для нас?

Мышление — это работа мозга с содержанием вне словесного облачения. Мыслит любое существо. Часто не хуже человека, как, например, лиса, ворующая курицу со двора на виду у хозяйки, или собака, пытающаяся помочь хозяину преодолеть душевный кризис, когда она кладёт голову на его колени и заглядывает, полная сочувствия, в глаза.

Сознание и осознание присущи только человеку, и это совсем другое, чем мышление. Осознание — это выражение результатов мышления в форме сообщения, не осмысление — а облачение мысли в слово.

«Осознать что-то» или «сделать что-то сознательно» ещё не означает что-то понять. Это значит — придать продуманному словесную форму, т.е. сделать мысль передаваемой другим людям.

Осознание — это «внутреннее озвучивание», выражение мысли в общедоступных символах. Поэтому осознание, правильное или неправильное, всегда является коллективным, даже тогда, когда вокруг никого нет, или тогда, когда мы стремимся что-то скрыть или извратить.

Ни мышление, ни язык не являются исключительными изобретениями человечества. Мыслит всё живое. Более того, все живые существа, а не только человек, используют язык взаимных символов для общения. В отличие от животных, люди принимают результаты своей мыслительной деятельности только тогда, когда находят для них подходящее для языковой передачи выражение. Это принятие и словесное облачение и есть осознание. Так и что, если мыслимого от этого становится не больше, а продуманное не лучше? — Разница колоссальна!

Мышление, выраженное словом, письмом или компьютерным кодом, связывает отдельные судьбы, континенты и эпохи

в единый поток, противостоящий разрушительному действию времени, препятствиям расстояний, ледящей жестокости катастроф и даже гибели отдельных цивилизаций. Кто знает, возможно однажды, мы получим сигналы дальних миров, обменяемся знаниями и преодолеем межгалактические расстояния, не теряя в бескрайних пустотах драгоценные человеческие жизни и годы в поисках тех, кого там уже давно нет.

Не верно называть человека «homo sapiens».

Человек — это «homo conscius», сознательное, т.е. совместно мыслящее существо.

Чистый разум

Фильмы «Чужой», «Хищник», «Война миров» стущают мрак и нагнетают страхи. Кому будет принадлежать завтра — нам, нашим друзьям, нашим врагам или не достанется вообще никому? Каждый ощущает своё несовершенство, хрупкость и незащищённость. Что если другие воспользуются этой слабостью? Разве смена посредственного лучшим не предрешена? Не должны ли мы уже поэтому, проиграв, уступить более сильному?

Сама постановка вопроса убога. Конечно, попыток одной формы жизни вытеснить другие было и ещё будет предостаточно. Но схватка за «жизненное пространство» свидетельствует не о превосходстве, а об ограниченности. Чистый разум не знает границ. Он выше индивидуальных интересов, не отбрасывает, а впитывает их.

Чистый разум — простите, как изволите это понимать? Утверждаете ли вы, что есть разум вне отдельного человеческого мозга или существа? Нет, не об этом речь! Речь идёт о разуме, очищенном от предвзятости эгоизма. Плесень на продуктах или стенах дома отвратительна, но не лекарство, которые можно из плесени извлечь. Вирусы бывают вредоносны, порою смертельны, но не их ферменты, позволяющие управлять реакциями, недоступными нам иначе.

Гнилостные запахи омерзительны, но не продукты ферментации из биореакторов, где это гниение протекает. Чистый разум обогащает, продвигая жизнь в целом и в отдельности, частный — служит только себе.

Звучит красиво, но только разум, как известно, всегда субъективен. Значит ли это, что общность истинного не доступна никому?

Кому и что, собственно говоря, известно? Да, думать можно только одной головой. Вопрос не в том, в чьей голове, что и как происходит, а в том, чему мышление посвящено и как связано между собой.

Неизбежность субъективного не умаляет общности разумного, а наоборот, расширяет её даже тогда, когда это этому противится. Ни одна форма жизни не способна выведать все аспекты реальности, быть всегда и везде. Человек не может проникнуть в мир бактерий, как и те подняться до него. В этом нет необходимости. Жизненное многообразие выполняет эту задачу без принуждения.

Каждая форма жизни пытается утвердиться в конкретной реальности. Дерзая там, куда им никто не следует, вроде бы эгоистичные организмы выполняют роль разведчиков в экстремальных условиях, недоступных кому-либо ещё. Ими не нужно понукать, достаточно разобраться в их посылках и использовать уникальный опыт.

Учёт и направление субъективного в взаимовыгодное русло превращает индивидуальные восприятия в чистый разум. Плоды чистого разума — это то духовное, что человек волен объять и перенять. Нет живого существа, особые способности которого не могли бы послужить доброду делу. Нет злодея, которого нельзя было бы запрячь в повозку общего блага. Использование означает не одобрение или подражание, а приобщение, чтобы с чужой помощью проникнуть в неведомые нам Миры. И наоборот, уничтожение любой жизни обедняет, оставляет пустоту, которую приходится худо-бедно заполнять самому, не имея на то

предпосылок. Дайте негодяю то, что негодяево, не жадничайте и не огрызайтесь и он станет одним из булыжников, мостящих человечеству дороги. Везде, где наши стремления способствуют чужому прогрессу, направляя его в безопасное и одновременно полезное русло, мы найдём поддержку нашим устремлениям не только среди героев, мыслителей и друзей, но и у возбудителей болезней, скрытых и явных врагов человечества, не уподобляясь им и не заключая сомнительные компромиссы.

Сознание — это ключ отворяющий доступ к чистому разуму. Духовное — его кладезь. Чтобы не слишком повторяться в повествовании мы подробно остановимся на духовном лишь в следующей, третьей книге и ограничимся на этом месте пока только уже сказанным.

Эпилог и предисловие

Данная рукопись — это гимн жизни, а не заключительное слово. Я начал работать над ней более сорока лет назад и не спешу с завершением, а значит буду снова и снова возвращаться, расширять, добавлять и исправлять написанное. Я знаю, что однажды наступит время, когда я не смогу больше ничего путного вставить и даже понять ранее изложенное. Но тогда я уже не буду собой.

Неуверенность в том, что я оставляю что-то незаконченным, меня не особенно беспокоит. Я радостно жил и вольно дышал. Главное в продуманном не довести, и даже не донести осознанное, хоть это тоже совсем не плохо, а увидеть, предугадав что там нас ждёт впереди. Если, познанное тобою, верно, то рано или поздно люди пойдут той же дорогой просто потому, что иного пути нет.

Пока же, в поиске будущности, я не томлюсь порою неизбежным затворничеством, живу, наоборот, как накануне большого праздника, когда все несуразности и тягости момента — всего лишь соль и пряности предвкушения, а потому стараюсь освободиться от мелочного — к чему спешка на корабле?

ПОСЫЛ

Корабли на рейде неизбежно расходятся. Мир полон неизвестного. Полученные познания и достижения людей их снова сводят вместе. Эта рукопись — послание в бутылке моим друзьям, теперешним и будущим, прокладывающим свои, отдалённые от других дороги. Если она кому-то в чём-то поможет, значит, она выполнила своё предназначение.

Думаю, незаконченность моих записей заметна любому. Она аukaется невольными повторениями, непоследовательностью изложения и ошибками грамматики. Я вот уже сорок лет не писал по-русски. Даже за это время орфография, пунктуация и привычки словоупотребления изменились и будут меняться дальше. За всем не угонишься. Не беда.

Изложенное задумано для всех людей, не зависимо от их родного языка, места жительства или рождения. Каждый в праве, править, переписывать, менять и развивать далее то, что считает нужным, не указывая что и откуда он взял. Часто чужое, это лишь повод для воспоминания и оформления своего заветного. Да и осознание не делает разграничений на свой и чужой. Духовное принадлежит всем и связывает всех.

На разборе духовной сущности человека можно было бы и закончить, поместив её обзор сюда. Но такое окончание неизбежно стало бы продолжением предыдущей полемики, дотошно разбирающей несуразности прошлого (и к несчастью ещё теперешнего). вместо того, чтобы рваться вперёд. Эти глупости не заслуживают такой чести.

Третья книга подытоживает первые две и ведёт без всяких отклонений напрямую к тому, что делает человека выразителем чистого разума. С ним эволюция оставила пелёнки биологического, перешагнув порог духовного. Что из этого выйдет мы уже очень скоро увидим. Но обратного пути у человечества нет.

Настало время для основания нового общественного движения — Движения жизни. Жить просто так, человечеству уже больше нельзя, да и не выйдет. Человеку важно найти себя, определиться, кто он. Не в виду разрозненности. Взаимопроникновение — основа жизни. Дело так же не в том, что не хватает партий и хартий, ратующих за жизнь человека. Наоборот, все современные общественные течения непрестанно бахвалятся приверженностью жизненным интересам. А вот стремления осознано озвучить и разобраться что к чему, не прослеживается. Словами «жизнь», «человек», как ранее «Бог» или «Творец», часто прикрывают призрачность содержания.

Нас не интересуют ни броские лозунги, ни предписания якобы «лучшей, справедливой или даже иной жизни», которым должно следовать всем остальным. Наоборот. Мы ищем: очищение смысла жизни от ханжества, вывод стремлений из лабиринта сиюминутной выгоды, преодоление слепых биологических устремлений и культурных предрассудков. Современности свойственна непримиримая схватка враждующих групп, партий и организаций. Наше движение не собирается конкурировать или даже отмежеваться ни от кого. Мы, наоборот, ищем сотрудничества со всеми и во всех областях, где интересы совпадают и направлены на совершенствование жизни. А эту задачу можно решать только совместными усилиями.

Данная книга в сжатой форме характеризует движение жизни и имеет три раздела:

- I ИСТОКИ
- II ОСНОВОЙ ЗАКОН
- III ЦЕЛИ

ИСТОКИ

Жизнь — это борьба органического возрождения с разрушением. Бушующий океан энергии физического мира сметает всё, что встаёт на его пути. Только жизнь избегает крушения, уворачиваясь, обновляясь и всё более удаляясь от неизбежности смерти.

Как бы жизнь ни старалась, за любым поворотом подстерегает опасность неизведанного. Жизнь минимизирует риски, дублирует достигнутое и предоставляет наследникам ранее накопленный опыт. Множась и повторяя штурм обновления, жизнь сглаживает отдельные неудачи. Потомки, хоть и вынуждены начинать жизненный цикл сначала, но идут уже по проторенному пути, пользуясь заделами их родителей и получают возможность вырваться дальше.

Многие ограничиваются накопленным, другие, сталкиваясь с неожиданным, ищут неординарные подходы. Самодовольные ломаются на преградах, неутомимые переваливают через заслоны и добавляют найденные решения к сокровищнице изведанного. Индивидуальная жизнь складывается из рождения, созревания в поступи наследия, бесчисленных столкновений с неизведанным, маленьких и больших побед, воплощения в свершениях, а также потерь, истощения, неудач и поражений.

УКАЗАТЕЛИ ПАМЯТИ

Если бы жизнь тащила с собой все блага достигнутого, она бы не продвинулась далеко. Снежный ком полезного уже после нескольких шагов стал бы неподъёмным и несдвигаемым. Но к чему брать с собой камни, разбросанные везде? Вполне достаточно описания,

как из камня изготовить скребок, жернов, а то и дом. Опыт не обременяет. Жизнь расстаётся с пока не нужным в уверенности воссоздать его по необходимости и спешит налегке дальше.

Наиболее важными кладями памяти на сегодня являются:

геном (инструкции для индивидуального развития тела, закреплённые в последовательности нуклеотидов),

культура (социальные, профессиональные и политические инструменты, традиции, здания, улицы, атмосфера сотворённые человечеством),

сознание (в общепонятных символах изложенные человеческие мысли) и

духовное (совокупность всего жизненного опыта, записанного или отраженного в чём-то).

Геном

Эволюция жизни — это усовершенствование её возможностей. Приобретаемые навыки расширяют достигаемое и способствуют распространению жизни. Для наследования навыки плохо пригодны, поскольку охватывают только уже развёрнутое и используемое. Неудачное и где-то отложенное может при этом утратиться.

Первыми совершенными носителями наследственного опыта стали гены и их библиотеки или геном. Геном обобщает содержание предшествовавшей эволюции вида и удваивается перед наследованием. Удвоение происходит независимо от непосредственного использования. Организм растёт, приспосабливается к противодействующим обстоятельствам, подгоняя свои структуры и гены непосредственным вызовам. Новое наслаивается на былое и усовершенствуется, не только исходя из насущных задач, но и включая всё ранее достигнутое и закреплённое в генетической памяти. Как инструменты, так и гены, ответственные за успешные изменения, множатся при размножении и вытесняют менее удачные решения.

Первоначальная передача генетического опыта происходила на своё прямое потомство, (отсюда и название линейное, т.е. напрямую от одного наследника к другому). Опыт был поэтому эгоцентричным и недоступным всем ответвлениям. Всё, что не было собственным, мешало и пресекалось. Заповедь: «каждый каждому враг» была при этом верховным законом. Родственники не исключение. Вне эгоизма линейное накопление опыта было невозможным. Перенос генов вирусами и плазмидами правда возможен, но он случайный и непреднамеренный, а потому не может приравниваться к наследованию.

Половое размножение преодолело узость индивидуального, не нарушая его своеобразия. Каждый сексуальный организм живёт соразмерно своим задаткам, а вот при размножении, в детях скрещиваются гены родителей, позволяя потомству использовать самобытные преимущества их мам и пап. Сексуальное размножение служит таким образом не приумножению своих ограниченных навыков, а взаимообогащению опытом (партнёра), к которому у индивидуума доступа нет и быть не может. Нельзя находиться в одно и то же время в разных местах и условиях. При этом важно не само различие (ноги и плавники), а именно взаимное дополнение (например — ноги и копыта). Родители сексуальных видов могут во многом не совпадать и даже быть в чём-то противниками. Общим для них должен быть успех предыдущего жизнеутверждения, ведущий их друг к другу. Сексуальное порождение превращается таким образом из размножения предыдущего в созидание нового, небывалого.

Сексуальность не только преодолевает ограниченность индивидуального опыта, но и связывает сексуальный вид в родовую общность. Все представители рода участвуют прямым (зачатие) или опосредованным путём (поиск и выбор партнёра, условия становления выводка) в созидании будущих поколений. В природе, как и в сказках, всё: девицы, бабариха, дьяк, ткачиха и прочие стороны определяют исход событий, а не только царь Салтан и лебедь.

Превосходящие навыки и свойства отдельных индивидуумов начинают целенаправленно передвигаться и переплетаться внутри

вида (хотя пока только попарно). Процесс накопления и усовершенствования опыта неимоверно ускоряется по сравнению с линейным размножением генов.

Совокупление преимуществ (достигнутых их родителями в разных средах обитания) позволяет потомству расширить кругозор возможностей, а потому выстоять и процветать там, куда родителям доступа не было. Распространение в ранее недоступных жизненных пространствах, делает борьбу друг с другом всё менее актуальной. А вот взаимодействие с окружающим жизненным пространством и его переустройство под себя — всё более важными. Восхождение культуры становится вопросом времени.

Культура

Половое оплодотворение геномов связало партнёров и расширило базу накопления опыта на всех представителей вида, но не далее. Обмен навыками без обмена генов (т.е. сексуального наследования) был невозможным. Жизнь обошла и эту преграду.

Любая жизнедеятельность постепенно меняет климат, состав атмосферы, воды и почвы окружающей среды, да и всей планеты. Эти необратимые изменения обуславливают последующие шаги эволюции.

Культура действует схоже, но целенаправленно и предвосхищая будущее. Она намеренно и рукотворно созидает условия человеческого развития, значительно ускоряя прогресс. Уже не отдельный половозрелый человек, а общность, окружённая засеками, защитными стенами, возделанными полями, дорогами и каналами составляет субъект развития и накопления опыта. Культура хранит свои содержания в ритуалах, традициях и зримых монументах свершений. Совместные действия разных поколений наглядно показывают подрастающим, где, каким образом и что они должны делать, чтобы достичь успеха. В этих условиях цивилизация и социальные скрепы, а не гены, определяют наследуемую память.

Культура выборочно выдвигает тех, кто ей больше содействует, определяя будущие гены социума.

Без терний, как всегда, не обходится. Механизмы преемственности противопоставляют культуру всему отличающемуся и приводят к противоборству. Это противоборство неизбежно. Иначе предписания культуры, на которых она зиждется, станут необязательными для её участников и потеряют связующий и наставляющий смысл. Непримируемость другому обуславливает как силу, даруемую консолидацией культуры вокруг устоев, так и слабость культуры, чурающейся привнесённых новаций. Культура, как и простое генное размножение, может расти и развиваться, только подминая под себя или выдавливая всё чужеродное из обозримого жизненного пространства. Скрещивание и зачатие нового происходит внутри культур в результате порабощения и войн.

Культура подняла человеческие возможности на недостижимый для биологических видов уровень, однако доказала свою неспособность к разумному взаимопроникновению. Сегодня невозможно себе представить просвещённого человека, отвергающего Библию, Коран, Конфуция, Сократа, Омар Хайяма, Сервантеса, Бэкера, Эммерсона, Ницше, Достоевского, Бергсона только из несовпадения их и его собственной культурной идентичности. А ведь ещё недавно, да и сейчас кое-где, дело обстояло именно так. *Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им никогда не сойтись.* — Слова, увы, не потерявшие злободневность.

Мнимое превосходство «собственной» культуры — яд для духовного. Что бы ни произошло, слово «атом» останется греческим, «алхимия» — арабским, «спутник» — русским, «чип» — американским. Что с того, что кто-то их ввёл в обиход? Эти понятия рождены человечеством и принадлежат всем. Свободен тот, кто может с чистой совестью сказать — «Я уроженец голубой планеты или просто Землянин». Национальность, профессия, возраст и пол — интересные, добавляющие красок детали, но, по сути, всего лишь довески. Только сознание и духовность открывает доступ в круг всеобъемлющего.

Сознание

Генетический язык одного вида непонятен другому, а его содержание вне генов не переносимо. Развитие ограничено механизмом наследования на своё потомство.

Культура позволяет расширить базу наследуемого одновременно на всех её участников. Вовлечение принципиально возможно независимо от пола, зрелости, возраста, занятия и даже места проживания, хоть и выпадает в разных культурах по-разному.

Сознание делает следующий шаг. Оно кодирует и передаёт смысл не в приказах генов, не в совместных деяниях культуры, а в универсальном языке возможного и делает его этим доступным любому, кто понимает языковой код.

Почему сознание, почему не мысль, не разум, не идея?

Потому что СО-ЗНАНИЕ, в отличие от всего названного — это именно «СО (совместное) -ЗНАНИЕ», т.е. знание, заключенное не где-то в генах или извилинах и синапсах мозга, а созданное, выраженное в общедоступной форме и выложенное на обозрение и дальнейшее развитие всеми.

Думают все животные. Некоторые, в определённых областях, делают это даже лучше человека. Общение знаками между собой присуще тоже всему живому. А вот сознанием обладает только человек. Только он выражает свои сокровенные мысли в предназначенном для общения языке и не приемлет иное.

Духовное

Животное мышление оперирует собственным опытом. К чужому опыту доступа у биологического мышления нет.

Какими бы развитыми не оказались мозг и способности животного, оно вынуждено ограничиваться пережитым (или унаследованным). Для сознания таких ограничений нет.

Сознание — это мышление, оперирующее духовным, т.е. не собственно отведенным, а пережитым и созданным человечеством.

Как сознание записано, не так уж и важно. Шумерский язык переводится на аккадский, древнеегипетский, греческий, римский языки — на язык компьютерных битов, а посему и на ещё неизвестный межгалактический. Универсальность перевода позволяет сознанию проникнуть в жизнь даже противоборствующих культур. На чём опыт был первоначально записан (и был ли он вообще преднамеренно записан) становится неважным. Археология показала, что язык свершений не менее красноречив языка эпосов, а во много даже точнее преданий.

Молекулярные структуры, гены, следы деятельности и даже отбросы и испражнения оказываются доступными расшифровке. Не потому, что они что-то прекрасно выражают, а потому, что они помогают духовному максимально проникнуть в реальность. Смысл дарует духовную пищу тем, кто готов её отведать. Усвоение духовного превращает каждого в росток и семя, впитывающее, несущее и созидающее содержание в объёме, который он способен переварить. Общность становится хранилищем и гарантом всей совокупности изведенного. Духовное живо, пока жив (или способен подняться до понимания) хоть один единственный, умеющий его расшифровать разум. Ранее такие важные: происхождение, клановая, социальная, культурная и гендерная принадлежность — блекнут.

Путь от эгоистических генов до культуры и одухотворённости был длинным, полным виражей и препятствий. Процесс не закончен, а если по-честному, то находится ещё в самом начале. Духовное даруемо, но (в отличии от культуры, морали и законов) к нему нельзя принудить.

Чтобы его понять, каждый вынужден самостоятельно переварить многообразие индивидуальных починов, предпринятых до него, и найти между ними общее, важное, вечное. Умение отделить зёрна от плевел не навяжешь, для этого нужно созреть, самостоятельно дерзая и думая. Люди смертны. Дети вынуждены

каждый раз начинать изнова. А потому в начале пути каждый раз оказываются гены, вождения, сексуальность, культура.

Все они твердой рукой направляют отроков от одной ступени к следующей.

Повторение облегчает тернии созревания, но и отбрасывает каждый раз к истокам. А потому, как индивидуальное, так и общественное вынуждены снова и снова воссоздавать, а не просто продолжать уже достигнутое.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ

Становление «Я» начинается с соблюдения созревающих и последовательно проявляющихся позывов растущего тела. Привходящие побуждения ещё не знакомы подрастающему. О их значении он по неопытности не может судить, а их требования противоречат его предыдущему, хоть и ограниченному, но уже собственноручно проверенному жизненному опыту. Взрослеющий не встречался с такими ситуациями ранее и вынужден при этом делать что-то необычное, не понимая к чему. И в самом деле, ведь он и раньше жил, и не плохо справлялся с повседневностью, пользуясь совершенно иным. Откуда ему знать, что несёт это новое и несёт ли оно кроме проблем что-либо ещё? Тут уговоры и размышления бесполезны. Внимающий не понимает, что к чему и о чём.

Телесность, культура или общественность навязывают новичку испытание для него неизведенного, но исторически оправданного опыта. Инстинкт, ритуал, общественное мнение, закон давят на новичка, сметая все сомнения и страхи. Послушание поощряется, а непокорность наказывается.

Чем первозданнее и непровержимее опыт, прививаемый новичку, тем однозначнее предписания и строже наказания нерадивости.

Это связано с достигаемыми на каждом уровне возможностями. Ранее шаг влево или вправо от правильного пути карался смертью

или по крайней мере серьёзнейшими осложнениями, поэтому и теперь отклонения от посылов былых предначертаний воспринимаются экзистенциально и жёстко окриками.

Ценность наказов растёт с последовательным переходом от генетических к поведенческим инстинктам, далее культурным, моральным и наконец духовным предписаниям. А вот строгость и жесткость падают в обратном порядке.

С каждой достигнутой ступенькой развития совершенство растёт, а вероятность оступиться падает. Ширится свобода выбора. Ритуал, а тем более инстинкт, беспелляционно противятся нововведениям. Сознание не только допускает, но и поощряет обсуждения и видоизменения своих рекомендаций.

Для биологического (**животного**) созревания достаточно роста в соответствии с приказами генов и позывов тела. При этом сами по себе формируются органы движения, ощущения, восприятия и мозг с мышлением. Всё это детально отточено в предыдущей эволюции и происходит автоматически. Телу всего то и нужно, что преследовать радости и избегать неприятного — остальное приложится.

Для **культурного** развития важно следование её наставлениям: делай так как все, а не как тебе подсказывает телесность. Будешь паничкой — получишь конфетку (аплодисменты, признание, титулы, богатство, власть), нашалишь — то могут и отшлёпать (отругать, бросить в тюрьму, казнить). Чем выше уровень культуры и благороднее биологический материал, с которым она работает, тем величественнее результат. Для созревания до бравого, выдающегося, а то и великого **гражданина** достаточно соблюдение общественных законов и религиозных и моральных предписаний.

Для **очеловечивания** необходимо осознанное усвоение духовного и приобщение к совокупному опыту всего живого. Последнее не так просто, как кажется. Знание языка и соблюдение общественных норм не одно и то же, что и осознание с очеловечиванием и одухотворением. Даже собака понимает язык и следует должному. Язык и должное выучиваются, следуя грамматике и правилам. Для осознания, необходимо **постижение** духовного.

В то время как языковые и культурные правила чётко обозначены особенностями существования этноса, духовное не определено. У него нет ни временных, ни географических, ни государственных границ. Духовное безгранично.

В своём первозданном состоянии деятельность человеческая состоит из бесчисленных индивидуальных порывов в неизведанное и описания их результатов. Всё это (пока свалено в кучу) не представляет большой ценности, не связано, противоречиво и попросту необозримо. Перед тем как тарабарщина может принести пользу, её необходимо разобрать, оценить, обобщить и перевоплотить в ясные образы мироздания. Эта задача обобщения вменяется культуре, сознанию и **одухотворению**.

У культуры нет своей головы. Её оценки происходят задним числом и исходят из того к каким последствиям привело то или иное содержание в истории (подъём и упадок отдельных культур), т. е. соответствуют слепому приговору истории. Такой подход, несомненно, действенная, но довольно длительная и очень болезненная процедура.

Одухотворение происходит в отдельных головах с использованием достигнутого другими. Для развития духовного не страшны ни свои, ни чужие ошибки, а важны открытость, взаимосвязь с общностью и критичность оценок.

Результаты осознания зависят с одной стороны от индивидуальных интеллектуальных способностей, а с другой, от качества чужих разработок. Эти разработки всегда предварительны, а потому неизбежно представлены запутанным клубком противоречивых, несовершенных и недоведённых до логического конца попыток, разобраться с имеющимся.

Духовное созревание заключается в кропотливом разматывании намоток чужого опыта и устранении разрывов и прочно затянутых узлов прежних мыслесплетений. Критика чистого разума и необременённого противоречиями разноголосия, неизбежная предпосылка просветления. Думать нельзя иначе чем самостоятельно, при этом беззастенчиво пользуясь совместным и делая его

своим. Духовность — это всегда свободомыслие при свободе доступа и воспользования чужим.

Гены, религия, культура, законы говорят — делай как тебе сказано, а не иначе. Духовное предлагает множество альтернатив. Какая из них стоящая, должен разобраться каждый сам. Ссылки на кого бы то ни было, наставления, приказы, правила не в помощь духовному, достигшему порога неизведанного. Единственным надёжным критерием являются правда, ясность взгляда и обретаемая свобода.

Уровень индивидуального развития определяется долей животного, культурного, гражданского, свободолобивого и духовного — достигнутого и сосредоточенного в каждом отдельном человеке. При (ещё) недоразвитом духовном, главенствуют культура и гражданственность, а без них животность. С приобретением собственного опыта, предыдущее блекнет и отступает за ненадобностью на задний план. Зрелый человек уже может самостоятельно и без мелочных наставлений оценить значение происходящего и как на него реагировать. На первых порах же, школа жизни наглядно показывает ученику преимущество до него изведанного перед собственными шатаниями, и приучает слепо полагаться на до сих пор безупречных наставников: свои гены, инстинкты, традиции, законы, общественное мнение.

Это упрощение ему дорого обходится позже. При переходе от ученичества к самостоятельности, слепое, хоть и совершенное послушничество оборачивается разочарованием и болезненной потерей иллюзий. Иначе быть не может. Учение ограничено отработанными примерами, исход которых предсказуем. Неминуемый успех старательно исполненных упражнений не соответствует реальному положению дел. Разнообразие жизни безгранично. Стереотипность былого редко достигает ожидаемого в будущем.

Взросление — это переход в неизведанное, для которого предыдущее всего лишь пример, а не гарант возможного. Чем далее выдвигание, тем важнее становится собственное понимание.

Унаследованное не теряет значения, но его применение, без постоянного уточнения и улучшения, приводит к удручающим последствиям.

Внешне выглядит так, что безукоризненное послушание, до того только нахваливаемое и поощряемое, наказывается ходом вещей, а шаловство, ранее одергиваемое и порицаемое, вдруг распрямляется и выходит в фарватер. Но это только кажется. Важно не баловство, а жажда и успехи самопретворения. Кто научился повторять правильное — ещё ничему не научился. Понимание приходит с умением пользоваться преподанным с подобающим обстановке смыслом.

Не каждому дано переступить порог зрелости и познать радости праздника самовоплощения. Жизнь человеческая коротка. Многие стареют, оставаясь духовно немощными детками, не переросшими предписаний их генов и биологических инстинктов. Многие застревают на уровне культурных табу или остаются пленниками «общественного мнения». Их убожество и скучное увядание показывают никчёмность потуг ограничить реальность порогами дома, училищ и «узаконенных, правильных знаний».

УЗЫ ВЗАИМНОСТИ

Жизни важны не отдельные свойства (особые размеры, качества и превосходства), а только их взаимодействие. Даже такое вроде бы примитивное существо, как вирус, состоит из многих неоднородных компонентов, служащих разным целям, и действующим как целое, только благодаря строжайшей координации между ними. С человечеством всё намного сложнее.

Если бегло взглянуть на общественную жизнь, взаимность трудно различима. Все ищут личной выгоды, каждый думает о себе и пренебрегает чужими интересами, норовит оторвать кусок побольше, будь что будет. Как может вообще возникнуть единение

у существ, в чьей основе лежит боязливое стремление к самосохранению? А чем собственно самосохранение мешает общему?

Самосохранение — это защита идентичности, всего того, что позволяет организму развиваться в соответствии с собственным генетическим, индивидуальным и социальным опытом. Задачи самосохранения включают условия жизни, инструменты, пропитание, запасы на непредвиденные случаи, «хороших и верных» товарищей, на которых можно положиться, учителей к которым можно обратиться, а также знания, позволяющие разобраться в окружающем и воплотить мечту. Тело — одно из условий и, как всё перечисленное, не сохраняется, а постоянно меняется.

Чем дальше в эволюции и в каждом отдельном случае продвигается жизнь, тем многочисленнее и увесистее всё то, что необходимо для самостоятельного развития, но тем больше и возможностей, это необходимое обслужить. Мотыга, бесспорно, неприхотливее трактора, но трактор достигает несравненно большего. Самосохранение — это стремление расширить и сделать неуязвимыми предпосылки своего становления.

У примитивных существ, таких как вирус, стремление к самосохранению ограничено поддержкой преумножения вирусных генов и их обслуживающих белков. Бактерии заботятся о большем. Но всё это ничто по сравнению с задачами многоклеточного организма, координирующего сотни, тысячи и миллионы (вроде бы самостоятельных) клеток одного и того же тела. Каждый достигнутый этап развития меняет представления о «себе», вместе с тем видоизменяются и растут требования «самосохранения».

Эмбрион повторяет успехи эволюции вида. Первые шаги ограничены координацией его отдельных клеток. На большее он не способен. По мере созревания до уровня малых детей, а позже подростков, происходит развитие телесных и умственных способностей, направленных на познание мира, осваивание культуры и формирование сознания. Ничто не стоит на месте, никакой порыв не сохраняется неизменным. Культура и сознание выводят человека за пределы его биологического предопределения,

даруют власть над пространством и временем, одновременно ставя задачу их обустройства. Запросы «самосохранения» при этом стремительно растут, но неизмеримо растут и навыки, силы и энергия, а также радости побед и достижений. Далеко не все из былых посылов самосохранения сохраняют значение при созревании человеческой личности, многое ребячество, например эгоизм и самовлюблённость, в её бесчисленных проявлениях, выбрасываются как ненужная обуза.

Застравший на «низших» этапах развития не может даже представить что-то важнее телесных потуг или лести общественного мнения, но и к большему он не способен. Попытки навязать ему возвышенное обречены на провал и озлобленное противление. Вирус, кроме как инфицировать, ни к чему не способен. Эгоист поглощён завистью, стяжательством и обманом. Они не умеют иначе, но в их узколобии никому, кроме как себе и ещё более низкому, не в состоянии всерьёз навредить. Ну, борются они. Иногда побеждают. Выйти за границы собственного кругозора им не дано. Бодание с себе подобным сковывает противоборствующих, поскольку серьёзного перевеса нет, а случайности изменчивы и непостоянны.

Умный уступает то, что ему не особенно важно или даже вовсе не впрок. Видения, открывающие новые возможности, делают спор излишним. Конечно, преимущество должно быть реальным, что требует терпения, времени и трудов. Тем не менее высшее, по достижении своего могущества, не обрушивается на низшее, мстя и карая (к чему расточительство), а наоборот, часто берёт его на поводок. Так, люди каменного века приручили диких животных, регулярно опустошавших их огород или даже нападавших на них. Воры свиньи и травоядные скоты, вытаптывающие и пожиравшие посадки, превратились при этом в важных пособников домашнего хозяйства, а волки-изверги стали верными и надёжными друзьями.

Что толку меряться, у кого круче токсины, мышцы, зубы, стволы или машины. Тяжба — мера недоразвития противоборствующих.

Чем напряженнее их потуги, тем ниже уровень развития. Победа, это всегда победа лучших идей с наименьшей затратой сил. Силы важны не для противостояния, а для достижений.

Видения возбудителя не выходят за рамки инфекции. Раковая клетка не видит дальше забот её собственного деления. Их вредоносность — результат обстоятельств, которые они не обозревают, которыми они не в состоянии пренебречь и на которые не в силах повлиять. Сознание опирается на развитие восприятия и мышления, ищет помощи и ответов от живущих и живших когда-то людей. То, что оно при этом получает, превышает суммарные возможности всех существующих возбудителей, раковых клеток и хитроумных мерзавцев, не видящих ничего, кроме своей непосредственной выгоды. Да. Рак, инфекции и подонки могут серьёзно нагадить, но только при благоприятных для них обстоятельствах, и пока разум не наденет на них намордник. Самосохранение не поощряет подлость, оно всего лишь вознаграждает по заслугам и отводит каждому достойное место в общем здании.

ОБЩЕСТВЕННОЕ

Укрощение огня, превращение выжженной солнцем степи в плодородную землю, прокладывание путей к неизведанным странам и континентам, обращение глины-слякоти в керамику и дома-мазанки, извлечение твердых металлов из «податливого камня», оказавшегося (как это в последствии выяснится) рудой. Всё это непосильно отдельному и вполне подъёмно для преемственности общего.

Руководство

*Un mauvais general vaut mieux que deux bons
(Один посредственный генерал лучше двух хороших)*

Объединению нужно руководство, а руководству важна однозначность. Самым древним и фундаментальным утверждением однозначности является передача управления одному единственному из геномов. Там где неясно, какое из решений правильное, такое регулирование оправдано. При его претворении противоречивость приказов исключена, а лучшее просто побеждает и выдавливает несовершенное. Судьёй при этом выступает история.

Сей принцип оправдал себя настолько, что жизнь от примитивных до высших организмов (вне полового зачатия) пользуется им и делает это тем навязчивее, чем менее в ней проглядывается разума.

Первые человеческие объединения также не чурались прибегать к нему, отдавая решения на откуп одному единственному геному выборного или наследственного начальника. Смена руководства при этом, как и в пчелином улье или муравейнике, сопровождалась физическим устранением всех претендентов, независимо от личных или родственных отношений, будь то ближайшие друзья, родители, сёстры или братья. Узость разума такого правления с лихвой окупалась достигнутой концентрацией силы всей общины.

Чем крупнее и сильнее геном-центричное объединение, тем дальше оно отбрасывает тень своих правителей, подминая под себя всё мало-мальски самостоятельное вокруг. Смена правителя неизбежно означает внутреннюю политическую, а затем, после консолидации, внешнюю завоевательную войну. Ведь к претендентам относятся не только внутриобщинные, но и руководители соседних образований. Взлёт и падение империй Монтесумы, Александра Македонского, Цезаря, Тамерлана, Наполеона, Гитлера демонстрируют принцип распространения культур и возможности управления один-фюрер-геном на весь народ. Их фееричность обманчива. Преимущества вертикального управления аukaются колоссальными недостатками выбора направления.

При неудачном выборе приложения сил, усердие приводит к тем более удручающим результатам, чем выше его накал. Ни один взгляд не может заменить совместного видения общества. Деспотии сильны, пока им некому противостоять, и рушатся, как только повстречаются с пусть и малочисленным, но целенаправленным дарованием.

Широкое распространение в истории геном-центричных форм руководства создаёт впечатление, что цивилизованность — это результат борьбы тщеславий за то, кто принимает решения и кто обязан им подчиняться. Но это не так. Жизнь, переходя к новому, часто пользуется в прошлом отработанными рецептами, но не потому, что они лучшее решение, а чтобы не распылять силы и внимание на то, что можно на первых порах достичь с меньшей затратой ресурсов. Даже современные „демократии“ сохранили типичные черты архаичного геном-центризма. В них, как и в монархиях, пирамида власти сужается до отдельных геномов президента, канцлера и генерального секретаря. Разница между прежними формами правления и современными демократиями заключается в способе получения «первого» голоса, продолжительности его действия и последствиях, с которыми нужно считаться при противлении. Важны и министерства, суды, палаты и прочие исторически оправданные институты вокруг них. Выбор правильного направления постепенно отвоёвывает себе достойное место рядом с централизмом продавливания. Как бы ни была важна однозначность руководства, единственным решающим фактором является то, насколько хорошо оно служит интересам объединения.

История, конечно, беспристрастный судья, но уж больно близорукий, когда речь идёт о будущем, а не о прошедшем. С усложнением общественных организаций роль первого голоса падает, а умение регулировать разнонаправленные интересы становится всё важнее. Успешные руководители постепенно теряют свойства приказывающих и приобретают качества **первых** служащих (= ministrant — **министров**, начиная с Ришелье) составителей документов (= cancellarius — **канцлеров**, начиная с Бисмарка)

и ведущих обсуждение секретарей (Сталин). Важнейшими факторами здесь оказываются преимущества стратегически правильного видения и возможности его претворения. Направление хода истории неоспоримо. Способы же, независимо от содержания, во все времена просты.

Насилие и право

Разношерстный хор голосов, в котором все наперебой трещат, не слушая и не слыша друг друга, не приносит единства. Поднятый для удара кулак вносит порядок и прерывает словоблудие. Плох или хорош — даже плохой порядок лучше беспорядка.

Поединок на кулаках, с оружием, в словесности — доказывает телесное, боевое или вербальное преимущество оппонентов. Однако, оценка умения требует других сертификатов. Закон сильного ласкает грубияна и обходит созидателя, а потому препятствует общественному развитию. Передача судебной власти третьему, облачённому общественной силой, освобождает людей от засилья тумачков. Закон описывает объём и степень, в котором право поддерживает чаяния людей, когда они сталкиваются с противлением. Пока никто, включая групп, не имеет силы встать выше закона; слова закона достаточно, чтобы без боя расчистить путь.

Отдельному человеку не подвластные, но обязательные для него законы и законодатели надменно называют себя «правом». Они делают это не по праву. Как история, так и современность, полны примеров человеко-ненавистных законов. Законы становятся правом только тогда, когда служат справедливости. Отсутствие или неправильные законы не освобождают от ответственности. **Уважение долженствует только правде и праведному. Несправедливые законы следует соблюдать в той мере, в какой это необходимо, чтобы избежать насилия. Долг каждого — противоборствовать законам, несовместимым с собственной совестью и искать пути для поддержки и утверждения справедливости.**

В одиночку закон не преодолеть. Тем не менее отсутствие законодательного органа и соответствующих кодексов не помеха и не оправдание.

Строгость закона — ничто. Важен инструмент за законом. Без механизма, стоящего за законом, закон превращается в набор бессмысленных букв. Знающему это, любой закон — не помеха. Средств для этого много (плохих и хороших), как и примеров, демонстрирующих их. Закон, например, бессилён там, где ему противопоставлена более мощная сила как то: разведывательные и тайные службы (Моссад, ЦРУ, КГБ), сплочённые сообщества (мафия, «Свидетели Иеговы», профсоюзы, пресса и общественное мнение), законодательная государственность (помилование), чужое, но более сильное государство (США и «Запад» насаживающие цветные революции или предоставляющие оппозиционерам убежище и гражданство), транснациональные движения («мировое сообщество»).

Где судебная власть отсутствует (при революциях, при перегруженности) судить так же некому. Самым простым противодействием закону является экстерриториальность. Где нет осуждающего, вызывающего к закону, нет и суда. Тот, кто двигается вне щупалец закона, не достигаем им. Отсюда склонность к конспирации.

Самым действенным средством, отрицающим неправомерные законы и воздвигающим новые, является совесть. Только она позволяет найти и сплотить соратников и симпатизантов, необходимых для жизненности возводимых законов. Совесть позволяет действовать в духе справедливости, даже там, где соратники пока физически отсутствуют, в более чем оправданной уверенности их найти и на них опереться в ходе противостояния. Клин клином вышибают.

Компетентность

Кулаки идут в ход при отсутствии объединяющих предначертаний. Для компетенции важны умение и реально обозначаемые достижения.

Вроде бы у компетенции нет инструментов давления, нет единого начала. Да и выглядит компетенция внешне довольно серенько для неискушенного.

Нет у неё блистательных униформ, дворцов, дорогих часов, костюмов, машин и яхт. А к чему ей эта мишура? За её спиной достигнутое и задействованное, на которые она может всегда опереться, так же, как и организм опирается на свои гены, органы, вехи эволюции и индивидуального развития. То и другое плохо обозримо для того, у кого их нет.

Ответственность

Человек, доверяющий деньги банкиру, показывает этим, что не знает, как путно их применить и надеется на большее, передав управление в чужие руки. Прислуживающий другим, поступает так же в отношении собственных способностей и сил. Одни ведут, другие следуют, часто и то и другое одновременно: руководят там, где в себе уверены и следуют там, где не хотят ничёмно разбрасывать силы.

Быть чем-то особенным или самонадеянным — не одно и то же. Ничтожность втискивается, бесстыдно бахвалясь, во все уровни управления. Поэтому каждое сообщество создаёт механизмы защиты и очистки от невежества и некомпетентности. Часто в дело идут не высшие размышления, а банальные злоба и зависть. Тянувший на себя, но не умеющий удержать и распорядиться властью, вынужден считаться с возможной отповедью таких же как и он нарциссов, с последующими: изгнанием, нищетой, каторгой, пыткой, наконец гильотиной, и задуматься перед прыжком.

Страх перед ответкой, то есть ответственность, удерживает надменность и самомнение, а вот обогатить содержание власти, ответственность не в силах. Тираны и их сторонники обезглавлены. Победители и соучастники представляют собой жалкое зрелище. Выборы проведены в соответствии с лучшими правилами, но избранники разобщены. Фракции грызутся между собой. Общепризнанного руководства нет и не предвидится. Безликие правительства меняются, лезут из кожи вон, но могут только наблюдать, как всё выходит из-под контроля. Откуда такие разброд и бессилие, хотя все рычаги приведены вроде бы в действие, все законы изданы, а правила соблюдены?

Зрелость социальных институтов не может заменить достойных перспектив, а также опыта и способностей их претворения. При отсутствии целей, реально продвигающих развитие большинства, общность распадается на отдельные группы, пытающиеся самостоятельно найти выход из тупика. Поскольку возможностей для заблуждений неизмеримо больше правильных решений, неизбежно мытарное продвижение крошечными шажками междуособно грызущихся мини-ватаг.

Советы

Слово «совет» имеет много значений: наставление, обмен мнениями, слушания для определения взглядов. Общим является поиск решений и соратников. Чем малочисленнее и компетентнее совет, тем легче вынести решение. Чем обширнее совет, тем больше потенциальных соратников. В зависимости от цели выбирается подходящая форма.

Название совет(ы/ники) приняло со временем множество родственных кличек: обсуждение, консультация, собрание, встреча, семинар, консилиум, митинг, конференция, коллегия, сенат, съезд, конгресс, пленум, парламент, дума. Вроде совсем по-иному звучащие и режущие слух: Рейхсрат, Бундесрат, Ландрат, Штадтрат

— имеют ту же основу. Рат в переводе с немецкого это совет. В Германии советы на каждом шагу от деревенского до государственного управления.

Каждая из перечисленных структур, выбирая особенное название, подчёркивает свои мнимые превосходство, исключительность и противоположность всем остальным, что, собственно, и типично для противоборствующих мнений. На самом же деле, названия не принципиальны. Важна уместность и на что конкретно отваживается совет, как далеко хватает легитимность его представителей.

Легитимность

Легитимность — это готовность к пожертвованию идеалам, целям и руководству сообщества ради собственных ожиданий. Правомерность описывает желаемые, легитимность — реальные соотношения. Как бы пропаганда не пыталась затуманить понимание истинных рычагов властвования, их постижение не так уж трудно.

Политик противостоит общине, как производитель покупателю. Для предпринимателя естественно хвалиться, преувеличивать, лгать. Это иногда даже откровенно мерзко, но не так уж страшно. Покупатель, приобретая и реально оценивая те или иные продукты, поощряет или наказывает производителя и таким образом осуществляет контроль.

Плюсы и минусы политики, также как и производства, определяются не красочностью риторики выступлений и резолюций и даже не результатами выборов, а реальными достижениями подопечных. Политика, соответствующая ожиданиям или даже превосходящая ожидания, вызывает энтузиазм и идентификацию, даже если свершившееся не было обещано в политических заявлениях. Люди реагируют так, будто у них открываются глаза, как будто исполняются их невысказанные, да и неосознанные мысли и желания.

С возгласом — «Я это давно знал, только не мог выразить» — люди бросаются в общественную жизнь, внося свою лепту. Этой своей совместной деятельностью они удерживают политику на плаву, а не голосами и бюллетенями. Наоборот, последствия сумбурной политики приводят к растущему безразличию, пассивности, не озвученному, а потому неконтролируемому сопротивлению. Люди шарахаются от пустой болтовни, ищут дистанцию или, наоборот, возмущаются, становятся агрессивными. Механизм общественного управления, контроля и подавления перенапрягается, но достижений всё меньше и меньше.

Но разве власть не может просто приказать, следовать ей?

Ах, как бы ей этого хотелось!

Я хорошо помню собрания позднего Советского Союза 80-х годов: бесконечные речи ни о чём. Слова, слова, снова и снова слова, иногда перепалки. В заключение — пафосно напыщенное голосование по вопросам, которые никого, собственно, не интересуют, и пугающее молчание по темам, волнующим всех, но не допущенных к обсуждению; растущее озлобление на нежелание видеть очевидное, неприкрытое безразличие и застой во всем. То же самое мы видим сегодня в США и ЕС, причём, на любом уровне, от муниципалитета до правительства. Тогда и сейчас, там и здесь результаты выборов были однозначными. К власти приходили «правильные». Указы принимались «обещающие»; только легитимность у них была нулевой. Резолюции и законы штамповались, но, как и бессмысленно произведенные товары, оставались незапрошенными, вынуждая аппарат действовать в ручном режиме управления, всё более сковывая силы. Руководство растрчивало кредит доверия, погружаясь в немощную деменцию.

Тем временем, люди по отдельности и группами расходились в поисках более достойного (как минимум выгодного) приложения своих способностей и обретали его, часто перекраивая всё предыдущее. Конечно, зная о закономерности таких исходов, хотелось бы заранее знать, где и в чём будущность. В борьбе ли она или в напряженном труде? Нет, в созидании.

Творчество

Творчество подходит к задачам иначе чем культура, единоначалие, авторитет компетентности или выборность, не отказываясь ни от одного из этих инструментов.

В то время как все хорохорятся, пытаются повелевать, спорят, голосуют, задумка покидает скопления болтунов и дерущихся пехотов в поиске нестандартных подходов. Она без лишних разговоров делает то, что считает правильным, увлекая людей наглядным примером и плодами своих творений. Толпа, шум и обилие навязчивых мнений только мешают. В споре рождается гипертония. Истине нужна тишина. Рейтинги компетенций, авторитетов и рангов тоже не в помощь, если они реально не могут предложить путного. С мыслями легче разобраться сидя на лавочке в парке, болтая в озере ногами, глядя на удочку, гуляя по улице или в лесу, читая, сравнивая, мечтая, ища соратников и друзей, делая записи, позволяющие сформировать свои мысли, присоединяясь к союзам и основывая новые по веяниям сердца и разума. Ключ к творчеству открывают не деньги и не инструменты, это всё производное, ключ к творчеству даёт только духовное.

ДУХОВНОЕ

Сознание и духовное появляются на поздних стадиях развития человечества. Но возникли они не на пустом месте. Их семена заложены уже в истоках эволюции, а предпосылки к ним угадываются у первых живых существ и последовательно развиваются далее. И вправду, величие жизни не вещественно. Оно является следствием предвидения последствий своей деятельности и выбора, наиболее обещающих из них. Чем более развиты возможности охвата реальности, тем более продвинута жизнь.

Эго

Жизнь — это преуспевание созидания перед разрушением. Не зная, за кем будущее, жизнь не ставит всё на одну команду и великодушно позволяет выскочкам забегать вперед, особенно, если речь идёт о неизведанном.

Возможности охвата реальности первых организмов (вроде вирусов) незамысловаты. Они ограничены химическими реакциями, протекающими на их поверхности и таким образом не слишком уж отличаются от примитивных автокаталитических молекул, из которых зародилась жизнь. Автокатализаторы, как и живые существа противостоят беспристрастному ходу глобальных преобразований физического мира. Материя течёт и постоянно меняется, круша всё встающее у неё на пути. Автокатализаторы противостоят изменениям, перенаправляют разрушающий поток внешней энергии на собственное восстановление и размножение.

Автокатализ — предпосылка, но ещё не жизнь. Жизнь зарождается начиная со способности автокатализатора выбрать ту или иную форму химического преобразования. Размножение потворствует молекулам, умеющим сделать наиболее удачный выбор. Их распространение и дифференциация закрепляют успех и служат первым механизмом накопления опыта. Больше опыта и выбора при переработке различных химических субстратов автоматически обуславливают более независимое, обильное и обширное распространение. Молекулы, позволяющие этот опыт удержать, получают преимущества. Их эволюция приводит к возникновению автокаталитических нуклеиновых кислот, ставших генами или наследственной памятью. (Ранее были наверняка и другие органические носители памяти, но с возникновением и развитием нуклеиновых кислот, они канули в небытие.)

Гены кодируют наиболее оправдавшие себя в прошлом алгоритмы роста. Выбор отдельных инструкций происходит не случайно, а завязан на ситуацию. В неблагоприятных условиях гены молчат. При возникновении подходящих условий гены включаются

и записанные в них правила реализуются. Завязка генетических алгоритмов на ситуации наибольшего благоприятствования позволяет первым примитивным организмам воспринимать внешний мир вне своей телесности, обособив «себя» от внешнего мира.

Первоначально, включателем и выключателем генов была сама ситуация. С развитием жизни, многообразие сходных ситуаций сжалось до ограниченного числа стимулов, символизирующих эти ситуации. Встреча с этими символами сообщала организму, являются ли предпосылки для его роста **хорошими** или **плохими** и следует ли к ним стремиться (например размножаясь в их направлении) или их избегать, не проявляя себя и ожидая лучшего. Стремление к хорошему и игнорирование, а то и отталкивание от плохого позволило ориентироваться. Мир перестал быть чем-то безличным и получил систему координат. Пусть эти координаты и просты, по сравнению с предыдущим топорным автокатализом они высокоэффективны и позволяют во всё большей мере накапливать информацию о внешнем мире и соответственно усовершенствовать и развивать самих себя.

Первоначально телесное самоусовершенствование своих генов происходило непосредственно. «Полезные» гены росли вместе с их подопечными, а те стремились опереться на лучшие из них. Своё при этом было превыше всего.

Эволюция, не имея лучшего, подначивала эгоизму и самовлюблённости, поскольку они заменяли ей отсутствие глаз и мозгов. Самолюбие и эгоизм служили белой тростью незрячего. Механизм такого охвата реальности прост: малые и большие эго(измы) насканивают друг на друга и вынуждают более слабых искать дали от побоев, а равносильных — расходиться. Зло порождается в обилии, напрягается по полной и служит тем не менее добрым целям. Противостояние расширяет область расселения, выталкивая одиночек за грани привычного, вынуждает идти непроторенными путями в местностях, часто вовсе не лучезарных или приветливых. Поднимая безжизненную целину методом проб и ошибок, пионеры приспособляются к новым условиям, видоизменяя себя и окружение.

Жизнь становится разнообразнее, а область обитания шире.

Самодовольство и исключительность терпимы и оправданы в необжитом мире. При достигнутых границах расселения напор натывается на напор, удар бьёт рикошетом с той же, как и вложенной, силой. Напряжение противостояния растёт, но, не имея выхода, пожирает любой рост. В горниле взаимоуничтожения и бессмысленной толкотни родились: **сообщества, сексуальность, культура, сознание и духовность**. Пройденный при этом путь, как и достижения при охвате реальности колоссальны. Для автокаталитического предшественника жизни мир — это субстраты размножения. Их узнавание и переработка позволяет органическому автокатализатору обновить себя до разрушения. Бактерия обзревает её непосредственное окружение и уже целенаправленно движется в нём, выбирая лучшее направление. Животное контролирует свою жизненную территорию уже целиком, охват постоянно расширяется и скажем у кита распространяется на весь океан. Духовное же охватывает всю вселенную. Проследим в кратце этапы становления разума. Их обзор позволяет избавиться от многих несуразностей.

Сообщества

Первые содружества обосновали организмы, которые взаимно дополняли друг друга, при этом не конкурируя за общие ресурсы. (Например, организмы, использующие углекислый газ и производящие кислород // с организмами потребляющими кислород и образующими углекислый газ.) Взаимодополняемость увеличивала их возможности и позволяла выжить там, где у отдельных организмов не было шансов. (Например, в атмосфере, начисто лишённой кислорода и углекислого газа.)

Сообщество сочетает разнообразное, расширяет ограниченные возможности образующих его членов и позволяет вырваться в жизненные пространства недоступные эгоизму. С этого времени

общность и исключительность соревнуются друг с другом, но, будучи непримиримыми, только продвигают жизнь вперёд разными путями. Эгоизм пыжится, давит, разгоняя размножение до границ возможного, пытаясь обогнать других. Сообщество ищет партнёров и средства, ломает ограничения и преодолевает доселе невозможное. В длительной перспективе побеждает всегда взаимно обогащающее сообщество, проникающее туда, куда эгоизму доступа нет.

Большим недостатком первых объединений была невозможность обмена опытом между их участниками. Первоначальным языком, записывающим и закрепляющим опыт предыдущих успехов были гены. При их линейном размножении гены можно модифицировать в зависимости от ситуации и передавать потомству, но не обмениваться ими друг с другом. Каждый организм внутри таких эгосообществ преследует исключительно свои цели и терпит всех остальных только пока они непосредственно облегчают достижение «своего».

Непосредственная выгода — плохой советчик для притязаний будущности. То, что повстречал один участник, неведомо остальным. Каждый видит мир из своего иллюминатора и не имеет возможности сообщить соседу, что лежит перед ним, просто по тому, что сосед у другого окошка (и с физической точки зрения рядом быть не может). Так в чём проблема, если каждый получает сполна то, к чему он стремится? Беда в том, что эгосообщества противятся дальнейшему развитию составляющих их участников. Получаемое от эгосообщества позволяет неплохо жить, но не позволяет стать лучше.

Соотношение членов внутри сообществ-эгоистов регулируется не их личными преимуществами, а потребностями общности. Собственное выживание и размножение напрямую зависит от выживания партнёра. Размножение возможно только в строю и чеканя с напарниками шаг. Как в таком случае преимущественные «собственные» гены могут получить большее распространение и закрепиться в эволюции? Предпочтительное размножение одного из участников разрушает сообщество. Примеры такого роста — инфекции или рак. Эго-объединения могут расти не иначе, чем совместно

заполняя площади или разрываясь на отдельные полноценные конгломераты. Первые сообщества не сумели поэтому подняться выше биоплёнок. Дальнейшее развитие и совершенствование эгосообществ возможно исключительно за счёт урезания их компонентов до безвольных шестерёнок одного единственного супер-организма, что привело в своё время к возникновению эукариот, объединившего в одном теле множество ранее самостоятельных существ.

Чтобы разношёрстные участники могли самостоятельно развиваться, тем не менее оставаясь вместе, им необходимо обмениваться генетическим опытом. Такому обмену противостоит линейное размножение. Эгоцентричные организмы совершенно не согласны с тем, чтобы кто-то вмешивался в их гены, ведь таким образом, они теряют свою идентичность. Возникает основополагающая проблема. Для развития сообщества его участникам необходимо взаимно улучшать себя и соратников. При этом они не имеют права что-либо изменить в чужих или в своих генах. Вроде бы совершенно невыполнимая задача. Сексуальность нашла решение элегантно преодолев противоречие между эгоизмом и единением.

Сексуальность

Сексуальное зачатие взаимным оплодотворением устраняет родовой недостаток линейного размножения. Половые партнёры смешивают свои гены в будущих поколениях и таким образом позволяют сочетать образы жизни, созданные в совершенно разных условиях, не изменяя самим себе. Ведь гены родителей остаются при этом неприкосновенными, модифицируется исключительно генный состав детей. Размножение вне сексуального оплодотворения ограничивается клональным ростом и служит преимущественно подготовке к будущему скрещиванию.

Хотя гены родителей неприкосновенны, сексуальность не уменьшает, а усиливает способность организмов целеустремлённо переписывать гены. Чтобы зачатие с оплодотворением произошло,

родителям нужно вырасти, созреть, отстоять и обжить своё жизненное пространство, найти партнёра и скрестить свои и его гены (доказавшие их преимущество), соединив в потомстве успехи родителей. Только родители, успешно прошедшие через огонь, воду и медные трубы предыдущих экзаменов жизни, получают право к зачатию. Эта проверка на годность и выбор партнёра вытягивают как магнит лучшее из предшествующего, определяя гены будущности. Более того, сексуальность связывает вид в единую общность развития, каждый участник которого остаётся независимым и тем не менее никак не ограничен в своём творческом потенциале. Умение свести воедино различный опыт ускоряет эволюцию, приобретающую с каждым поколением что-то новое, созидает многоклеточные организмы, а с их расцветом органы восприятия и мозг.

Восхождение разума

Первоначально творческий потенциал сексуальности ограничен отдельным видом. Передача опыта от одного вида другому невозможна. Всё более ускоряющееся развитие многоклеточных усовершенствовало телесность и одарило её органами чувств и анализа. Центральная нервная система неимоверно расширила непосредственно воспринимаемое, ранее пережитое и поэтому уже предвидимое. Мир перестал быть чем-то просто соприкасаемым, а стал всё более полным и дифференцированным представлением, порою очень обширного жизненного пространства. Так аисты научились читать звёзды, летая от одного полушария к другому, включив лежащую под ними географию и распростёртую над ними звёздную карту в своё мировоззрение. Передача опыта вне генов оставалась тем не менее невозможной. В начале, такая передача была в целом не так уж и важна. Многоклеточность организмов открывала их отпрыскам всё новые ниши, в которых они размножались, причудливо переплетаясь вроде бы в одном месте, и тем не менее населяя по большей мере не соприкасающиеся друг с другом миры.

Всё более тесное соприкосновение, чередование и перемешивание различных жизненных пространств породило паразитизм и иерархию социального. Возникли сложные биоценозы, стаи, табуны, семьи. Многосторонняя зависимость их участников друг от друга росла не только при симбиозе, но и при паразитизме, ведь прожорливый паразит уничтожает и свой достаток. Координация и согласование отдельных вне-видовых отношений становились всё более важными. Определение мира в образах его непосредственного восприятия стало недостаточным. Иерархия добавила к ним совершенно произвольные символы, не имеющие ничего общего с реальностью, но важные для маркировки территорий, управлению движений и поведения конкурентов и стай. Символы перестали быть частью и наиболее выдающимся признаком определённых ситуаций, а начали самовольно устанавливаться живыми существами. Используемые для них жесты, звуки, позы и запахи всё более дифференцировались и приобретали абстрактность. Ко всему прочему, эти символы уже не служили собственной ориентации, а исключительно общению и управлению социумом.

Ячейкой и тихой гаванью индивидуального развития в этом всё более сложном и многовекторном мире становится семья. А от заботы семьи о её потомстве уже один шаг до возникновения культуры.

Культура породила рядом с генами совершенно новый и уже буквальный «язык» словесности для записи опыта. Традиции приказывающие — «Делай как мы, а не как тебе подсказывают инстинкты и мгновение ситуации!» — собирают, удерживают и прививают опыт, не ожидая развития соответствующих для этого генов. Пока живы носители культуры, закрепление опыта в генах уже не является необходимой предпосылкой сохранения знаний. Все одновременно живущие участники социума, а также знаки, которыми они пользуются, хранят собранные в прошлом познания в приказах и наставлениях.

Мышление в образах этих «абстрактных от непосредственного

переживаемого» знаках породило сознание. Сознание, в отличие от чувственного созерцания, оформляет результаты своей деятельности не в конкретных образах переживаемого, а исключительно в языковых, преимущественно словесных символах общности. Порождается этнос. Мышление превращается из анализа собственных деяний в анализ общественного опыта, из индивидуального — в общественное прозрение.

Сознание — это мышление, выраженное в языковых символах человечества. Его содержание вырабатывается каждым отдельно, а вот сохранение в памяти и разговорной речи происходит с использованием словарного запаса и коллективного мышления всего человечества. Это не значит, что все разделяют всё продуманное, даже очень наоборот, но содержание осознанного получает возможность бродить и передаваться друг от друга независимо от генов, приказов начальства и требований культуры. Единственным мерилем содержаний сознания становится даруемая их преемнику возможность лучше и насыщеннее жить. Правильно ли осознанное или нет — уже доказывают не сила и не авторитет, а факт, может ли оно послужить развитию. Именно это воспользование даёт осознанному путёвку в жизнь.

С укрощением огня и необходимыми для этого общественными предпосылками, значение словесного языка взрывообразно возросло. Непосредственное присутствие людей (их указания, деятельный пример, наставления) становятся для передачи содержания всё менее необходимым. Прошлые поколения обретают наряду с живущими весомое слово.

Первыми скрепами прошедшего и будущего служат при этом совместные творения как-то: пещеры и привалы (а позже дома), обустроенные вокруг огня, каменные и металлические инструменты передаваемые и оттачиваемые из поколения в поколение, вспаханные поля и посадки плодоносящих деревьев, совместно воздвигнутые монументы. Их всё более абстрактные контуры обрисовывают былые свершения, записывая культурную память независимо от живущих.

Культура, сплавив вместе языки жестов, звуковых и образных символов с их инструментальными и монументальными символами изобрела **письменность**, создав рядом с генами и словесным языком новый, более ёмкий и совершенный носитель памяти. Книга, компьютер стали уже его продолжением.

Итак, всё живое может думать. Животные особенно наделены этим даром. Но каким бы интеллектом животное ни обладало, записать и передать продуманное вне своих генов животное не может. Умение читать и ориентироваться по звёздам у птиц вынужденно врождённые. Культура хранит и записывает опыт в поведении сосуществующих поколений, направляя к примеру, неопытных журавлей при их сборищах перед перелётами. Язык криков и демонстративного поведения наставляет новобранцев, выбирает из них наиболее восприимчивых знанию и таким образом лепит гены будущих успешных поколений.

Словесный язык человеческого общества породил сознание, а письменность породила духовность, оставившую культуру аистовых сходок далеко позади.

С развитием письменности, содержание сознания стало независимым от живущих людей, географии и времени, в которых они были подняты. Письменность подняла сознание до уровня вселенского разума. В нём оказались собраны все языки мира, сегодняшние и вымершие, но расшифрованные и доступные прочтению. Более того, к нему добавилось содержание генов, вовсе не предназначенных для того, чтобы быть прочитанными кем-либо, кроме их владельцев. Секвенирование вкупе с молекулярной генетикой сделало это возможным. Каждое существо, вроде бы стремясь ради себя, пополняет кладёз духовного, невольно или целенаправленно обогащая всех. Всё переводимое в язык сознания (включая химические, физические и прочие формулы) сосредоточилось в духовности. Палеонтологические находки и даже отпечатки ног в высохшем русле реки стали читаемы. Оказалось что и случайно оставленные где-то следы — это тоже язык и вполне может быть доступен духовному. Их расшифровка связала воедино устремления давно

вымерших цивилизаций и даже эгоистичнейших из узколобых вирусов с высокими порывами человечества.

В античности для кладёз познаваемого ввели слово духовность. Люди приобщённые, т.е. получившие большой доступ к ней, считались одухотворёнными, светлыми, по-нашему, просвещёнными. Люди обойдённые духовностью — грубыми, темными, непросвещёнными. Ради духовного люди перерастали самих себя.

Приобщение к духовным богатствам давало огромное преимущество перед сумерками непосредственно воспринимаемого (посредственного), но только если приобщение было истинным, а не бумажным. Духовность, не выходящая за рамки письменных или любых других внешних формул, ещё не содержание и не одухотворённость. Одухотворённостью она станет только тогда, когда человек научиться не только повторять, но и применять, т.е. понимать содержание. Без понимания, духовное всего лишь благозвучная трепотня.

Духовность, воплощённая в реальную жизнь и дела человека, это то, что раньше называли **душой**. В зависимости от её развития, душа могла оставаться животной, мелочной, забитой и узкой, а могла стать широкой и всеобъемлющей. Дух рассматривался как нематериальное содержание, лежащее вне человека. Душа — как претворение духа (одухотворение) в каждом отдельном человеке. **Независимость духа и души от времени и пространства была очевидна для каждого, кто с ними соприкасался. Бесконечность и бессмертие духа и души было невозможно отрицать.** Хотя эти, нутром воспринимаемые истины были непогрешимы, детский лепет религиозных объяснений с небом, адом, жизнью после смерти, а также несуразности вычурных философских объяснений вроде «Феноменологии духа» сделали их посмешищем для многих.

Впрочем, понятия души, духа, духовного всё ещё повседневно используются и несут глубокий смысл. Даже завязтые из материалистов не могут без них обойтись. При этом сомнения в реальном существовании духовного не менее глупы чем сомнения в существовании разума.

Разум и дух не имеют материальной субстанции. И это правда. Их нельзя засунуть в какую-нибудь пробирку, взвесить, пощупать, облучить или расщепить. Тем не менее они вполне измеримы, весомы и осязаемы по тем последствиям, которые они воплощают или только способны претворить.

Разум и дух — это масштаб возможностей живого вмешиваться в материальные процессы физического мира, исходя из опыта отстаивания своей самостоятельности. **Разум упорядочивает индивидуальный опыт. Дух упорядочивает опыт всего живого, жившего и будущего.** Хотя оба используются одинаково, а дух непосредственно вытекает из разума — разница более чем колоссальна.

Расцвет сознания, души и духа перевели окончательно эволюцию из биологической в мировоззренческую плоскость.

Для формирования генетического знания нужны миллиарды лет непрерывной эволюции. Для его уничтожения достаточно нескольких секунд. С каждой смертью отдельного существа до размножения обрывается эволюционный процесс одной из веточек роста. Знания представленные культурой труднее искоренить, но и для их поддержания необходима критическая масса живущего. Разрыв поколений лишает культуру корней.

Войны, неурожаи, эпидемии выкорчевывают культуры без малейшей надежды на их возрождение. Ценность духовного заключается в том, что оно сохраняется, когда создатели спят, впадают в слабоумие или, все как один, вымирают. Смерть — не помеха для духовного, пока его содержание записано. Как только тот, кому оно обращено, добирается до изложенного, духовное оживает в процессе усвоения. Душа как бы просыпается и рвётся к воплощению. Душа при этом не становится всемогущей и уж вовсе не отрешённой. Она всё ещё привязана к телесности, генам, сексуальности, телесным дарованиям. Хотя решающим является то, что именно духовное даёт, важным остаётся и то, что может взять тот, кто его впитывает. Придурок потыкается в непокорных формулах и отвернётся. Достойный растворится во вроде бы чужом, перевоплотив и воплотив далекую мысль в свои навыки и плоть.

Разношёрстность дарований человечества нивелирует слабости отдельных его представителей. Сопряжение разнообразнейших стремлений человечества позволяет душе окончательно вырваться из пут личной односторонности, расширив горизонты своей деятельности на всю обозреваемую историю человечества и шаг за шагом углубиться в мироздание. Мы вроде сейчас здесь и на этой границе, но наша душа живёт, думает и претворяется далеко за этими пределами на территориях отвоёванных духовным.

Биология, молекулярная генетика, палеонтология, археология и лингвистика переводят на язык сознания давно минувшие повествования, читают следы и записи вымерших существ, видов и культур, раздвигая границы нашего собственного времени и бытия. Содержание генов смертельных возбудителей, ритуалов каннибалов, отморожков нацистов или продажных политиканов могут пугать и отталкивать. Что с того? Только от искателя и его духовности зависит, что и как из найденного пойдёт в ход.

Отрешиться от генов, культуры, биологии человека — духовность не в силах. Индексы, компьютеры, интернет и «искусственный интеллект» компенсируют слабости человеческого мозга, но заменить его они не могут, поскольку не в состоянии жить. Человеческий разум современника слаб и ненадёжен, разумная жизнь коротка и разделена перерывами сна и рождения. Сознание перебрасывает мосты через мрак обрывов бессознательного, связывая вершины минутных просветлений сетью первоклассных дорог. Пробуждаясь после сна или при рождении, мы отправляемся по ним в путь и в мгновение ока наверх выстраиваем то, для чего нашим предкам потребовались тысячелетия.

Духовность приобщает к бессмертию, но не дарует её. Слишком часто телесность вмешивается, перетягивая на себя одеяло имеющих, очень даже ограниченных сил. Для восхождения в духовное нужна дисциплина, самоотречение, усердие и собранность. К чему всё это, если телесность предлагает радости бытия задаром и даже подталкивает к ним? Разве своя рубашка не ближе к телу? Разве может абстрактная мысль сравниться с животным экстазом?

Пока телесность самодостаточна, личность не склонна погружаться в духовное. А потому многим так никогда и не удастся выкарабкаться из люльки животного. В обществе переизбытка, разрыв между телесным и духовным неимоверно увеличивается, приводя к удручающим последствиям и численному росту ожиревших, накаченных наркотиками, гормонами, мертвой собственностью и деньгами тварей.

А что, разве нельзя человека к духовному принудить или хотя бы подтолкнуть? Ведь культура, религия, мораль и закон делают это каждодневно и с успехом. В отличие от заповедей культуры, морали и законов, духовное не приказуемо. И в самом деле, от кого должны эти самые приказы исходить? Кто решает, что правильно, а что ложно? Ответы хранит только истина. А для неё чужое мнение не приказ. Единственное, что позволяет духовному подняться на ноги, это праведность, любовь и устремление к высшему.

КАЖУЩЕЕСЯ

но «Не то»

Вы строите общество, где каждый или станет шестерёнкой маховика, или будет раздавлен им.

Нам не с вами!

Нищие

Примеры всеилия генов, инстинктов, государственности и закона наводят на мысль, что их можно применять независимо от содержания. Отберите здоровые гены, искорените порочные влечения, служите правильной культуре и ценностям, издайте правильные законы – и всё и всем будет хорошо!!!

Так не бывает. Ген, инстинкт, аппарат и закон сами по себе ничто, а смысл – всё. Смыслы можно найти, но не предписать. Истине не нужны подачки – ну а глупость не спасут ни деньги, ни власть.

Если вытравить зло, добавится ли от этого доброго? Оздоровится ли человечество, избавивших от больных и калек? Восторжествует ли человеколюбие, истребившее корысть?

Не стоит заблуждаться. Социализм и капитализм, семья или община, частная или государственная собственность – это подручные средства, неизбежные и несовершенные, как нынешнее сельское хозяйство и животноводство. Противопоставление личного и общественного неправомерно. Их борьба возникает не от противоположности, а от неразумения. Оба качества сосуществуют и успешно двигают эволюцию на протяжении миллиардов лет.

Право на частную собственность – это всего лишь один из механизмов роспуска и воссоздания объединений. Покидающий объединение уходит не с пустыми руками, он не вынужден всё начинать сначала, бессильно созерцая, как ранее созданное им спускается «нерадивыми» под откос или ещё далее.

Уходящий забирает с собой определённую долю, выраженную деньгами, патентами или конкретными средствами: землей, машинами, зданиями. Эта доля не утрачивается, а переходит в другой союз и сообщество, которые уходящий основывает или к которым он присоединяется. Объём и правила «частного» меняются в соответствии с веяниями времени. Изменения и перераспределения важны, но без частной собственности не обойтись никак. Утверждение правил дробления и новообразования союзов и объединений даёт им преимущество гибкости и живучести, позволяет людям осознанно участвовать в сообществах и видоизменять их состав и направление.

То же относится и к «неприкосновенности» личности. Речь идёт не о поощрении эгоизма и преступности. Прикрытие и защита личности от вмешательства большинства дают каждому возможность беспристрастно формировать взгляды, вступать в объединения по духовному выбору.

Частная собственность регулирует средства, частное право регулирует время и пространство, на которые человек может рассчитывать, покидая отдельные союзы.

Терпимость и право частного противодействуют предательству, насилию и лжи, как единственно оставшимся возможностям исхода. Они обеспечивают поток талантов между сообществами. Пренебрежение личным провоцирует двурушничество, ложь, коррупцию и интриганство.

При здоровом целеустремленном и динамически развивающемся государстве и общественных структурах нет раздора между частным и общественным, местным и общесоюзным. Возникающие противоречия своевременны и безболезненно поправимы. При застое развития, всё диаметрально наоборот; при этом ни частное, ни государственное руководство, ни национализация, ни интернационализация ничего не смогут изменить. Правила частного важны только в контексте максимального расцвета общественного сознания. Любое правило легко превратить в противоположность, топорно следуя букве. Примеров тому громады: частное право на владение рабами, крестьянами, средствами производства, жизнеобеспечения и «интеллектуальной» собственности. Подмена смыслов при сохранении слов исключают сознательное участие и развитие общего тех, кому эти смыслы скрыты.

Война дворцам

*Мы на горе всем буржуям –Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови — Господи, благослови!*

Как можно терпеть несправедливость? Безучастно смотреть на попираание человеческого достоинства вместо деятельного участие в войне против угнетения и зла? Эти и схожие призывы тревожат человеческое общество с момента его становления, но до сих пор не ведут никуда. Вопрос не в том, терпеть или не терпеть, а в том, как достичь лучшего.

Жизнь несовершенна. Полная изъянов, она импровизирует недостатками, пользуется примитивным для продвинутого, сочетает

несовместимое порою в абсурдных для логического осмысления комбинациях. Независимо от нашего восприятия, понимания и отношения к этим образованиям, каждый союз олицетворяет в себе синтез общего и индивидуального и выполняет определенные задачи для своих членов. Многие из задач и решений существующих объединений уникальны, исторически обусловлены и уже более неповторимы. Их разгром делает необходимым подмену целей и смыслов, чуждую его членам и зачастую несущую им смерть. Каким бы омерзительным нам ни казался чужой образ жизни, пока он самодостаточен и не агрессивен, нам не дано судить.

А как же праведность и справедливость?

Вопрос наивен. Разве львы не охотятся на безобидных травоядных, чтобы выжить, а люди не режут свои одомашненные растения и животных? Всё существующее провизорно. И тем не менее временное, до прихода лучшего, не перескочить.

Эволюция отвела человеку роль паразита, хочет он того или не хочет. Но он эту роль в корне видоизменил. Забирая жизнь только у тех животных и растений, которым он сперва эту жизнь обеспечил, человек выступает всё больше и больше не как нахлебник природы, а как творец, созидательный новый мир. Безусловно, в этом мире можно и должно очень много улучшить. Только кому в помощь отрицание фактов и их подмена судорожным акционизмом? Изгнать холёных животных из стойла в неизвестность, предоставить орошённые поля и леса палящему солнцу и ветру, прекратить защищать заповедники, самоустраниться за чужой счёт — не лучшее решение ни для людей, ни для жизни Земли.

Справедливость — это не каждому по желанию, а каждому по той роли, которую он готов перенять. Рецепт прост. Товарищей приглашают, с ними делят заботы и успехи. Кто с мечом придёт — от меча и падёт.

ДЕМОКРАТИЯ

*Власть исходит от народа, но куда она приходит
и откуда происходит, до чего ж она доходит?*

Говорят, демократия — «величайшее достижение и венец истории». Хотя это высказывание верно, большинство понимает под демократией то, чем она вовсе не является, явно пренебрегая её сущностью. Каждый подразумевает иное и прячет непонимание за громкими морализирующими фразами навроде: демократия это — центральное, определяющее, общечеловеческое, антиавторитарное, подавляющее **волеизъявление большинства**. Последнее утверждение с упором на большинство совершенно ложно.

Воля большинства, как историческое «достижение», вовсе не ново и уж совсем не прогрессивно. Решать многими за некоторых пытались всегда и тем строже, чем недоразвитие человечество. В каменном веке «отщепенцев» забивали камнями, во времена Маккартизма бросали в тюрьмы или лишали средств к существованию за их банальное желание понять иное и отход от общепризнанного. Современные демократии основаны не на давлении большинством, а на противоположном, на максимальном суверенном участии всех и защите индивидуального от посягательств воинствующего невежества.

Ух ты!

А как же тогда понимать первенство голосования над единичным? Разве не определяется демократия характерной, только ей присущей строго определённой структурой принятия решений.

Уже здесь начинается несуразица. Узязка >> размышление — выборы — постановление — контроль претворения << вовсе не эксклюзив демократии, а основополагающая последовательность любого поиска решения и на всех уровнях организации жизни.

Давайте разберёмся что к чему.

Кибернетика демократии

Жизнь — это созидание. Живое в отличии от неживого не давит, слепо повинуюсь законам физики, а изыскивает оптимальный для себя путь. Чем разнообразнее варианты предполагаемых действий, решительнее претворение и своевременнее корректировка (всё нельзя заранее знать), тем успешнее жизнь.

Решительности нужна воля. Общественная воля сконцентрирована в органах власти. Демократия — это механизм позволяющий разбросанные среди людей представления предельно чётко формулировать, дерзновенно осуществлять и в то же время чутко и своевременно подправлять, если результаты не соответствуют ожиданиям.

С организационной точки зрения демократия — это правление, чьё руководство:

- Приходит к власти исключительно на основе выборов.
- На определённое время и в оговоренном объёме получает мандат на реализацию выбранных замыслов.
- Регулярно отчитывается о своей деятельности.
- Несёт ответственность за происходящее перед избирателями.

Всё сказанное звучит солидно и верно описывает кибернетический контур, но не имеет отношения к сути демократии или к тому, насколько она хороша или порочна. Описанное устройство объясняет результативность, но не направленность выбранных структур. На тех же, вышеописанных принципах построены мафиозные братства и сообщества воров в законе, которых в человеколюбии ну никак не заподозрить. Хорошо задокументированная реальная история буканьеров с острова Гаити (XVII век) или поэтическое описание Либерталии на Мадагаскаре (XVIII век) наглядно показывают зловещий оскал технически безупречных демократий. Демократичнейшие друг другу, члены этих обществ были одновременно кровожадными бестиями всем остальным. Буканьеры сотнями выступали против испанских городов

и провинций, защищённых тысячами и десятками тысяч профессиональных и полностью экипированных солдат, и играючи побеждали, сея ужас и вырезая противящееся грабежу население. Банда действовала как слаженный, хищнический организм, в котором каждый делал то, что в данный момент было важнее, не дожидаясь приказов.

Может быть бандитизм и воры в законе ничего не значащая аномалия? — Нет! Любое обособление демократии, любая исключительность криминализирует её. Отдельные шаги зачастую невинны, переходы незаметны. Их результат всегда один — дедемократизация. В русском языке есть специальное слово для обозначения её неприглядности — дерьмократия. Мы не воспользуемся им не смотря на его наглядность, поскольку она затмевает суть происходящих трансформаций и не позволяет понять, что к чему.

Дедемократизация

*Каждый человек должен быть свободным
и иметь для этого рабов по Аристотелю*

Сократ вызвал громкий смех, выставив на голосование предложение «признать ослов лошадьми». Веселье прошло, когда он, наигранно сделав большие глаза, продолжил: «Но ведь афиняне проверяют то же с министрами, судьями или генералами!» Предчувствовал ли Сократ, что афиняне беспечно проголосуют и за его казнь, произнося такое? Наверное нет, иначе бы он не дразнил сограждан такими каверзами.

Сократ любил проясняющие разговоры. Он сопровождал их вроде невинными вопросами, ведущими к серьёзным выводам. Сократ не спорил и не поучал, а позволял каждому довести свою мысль до естественного конца. Он жил в эпоху смены тирании на демократию, искал правду, бывшую для него нравственной, и платился за это жизнью. При этом казнили его не тираны, которым

он лично досаждал, а сборище, для которого он был безразличен.

Как мог такой свободолюбивый народ античных Афин, проголосовать за убийство безобидного вопрошателя? — Преспокойно и без всякой суеты!

Все правила были соблюдены и нюансы запротоколированы. Сказанное тогда, мы можем дословно прочитать и сегодня. Даже перерывы на праздники были учтены.

Сегодняшние «демократии» сдерживают себя формальностями ещё меньше; они превозносят себя за то, что без зазрений совести сбрасывают бомбы на мирных жителей, сжигают детей напалмом, держат секретные тюрьмы вне всяких правовых норм, пытаются несогласных, устраивают шоу-процессы и распространяют ложь перед камерами. Они делают всё это, как бы с одобрения наблюдающего эту вакханалию «большинства». Как только что-то не так, страшили замещаются новыми куклами. Безобразия цветут и пахнут дальше.

Большинство не может ошибаться! Да ну? Большинство нельзя провести! Правда? С казнью Сократа вроде бы стало окончательно ясно, что голосование — это не только право на голос, но и индульгенция на его намеренное убиение. Что с того, что двое из трёх (волк и медведь) проголосовали за смерть третьего (лося). (У Сократа это соотношение было ещё эфемернее 281 против 220. Окончилось противостояние, кстати, сходно. Подстрекатели были позже разнесены, лишены прав и изгнаны. Сократ же вошёл в вечность.) Голосование — это инструмент и как любой инструмент (палка, молоток, спички, нож) его можно применить как ради, так и против голосующего. Чтобы защитить себя от шулерства, важно ещё до вступления в игру разобраться в том, как она протекает и что преследует. Что может, а что в принципе не может дать голосование?

Позволяет голосование выбрать истину? — Истину выбрать невозможно, на то она и истина. Труды Коперника, Галилея, Ньютона широко известны и особо не оспариваются. Однако, если бы их выводы зависели от согласия людей, то и сегодня не было бы

гелиоцентрики, маятника и физики твёрдого тела. Наука и политика недалеко друг от друга. В реальной политике требуется не меньше прозорливости. Правду выборами не найти. А вот цензура всегда пользовалась «заботой о большинстве», прикрывая низость власти — мнимыми общественными интересами.

Может важно, как и что преподносится для правильности его оценки и выбора наиболее предпочтительных вариантов? — Ни один жулик не придёт к вам с исповедью своих намерений. Наоборот, он будет красноречиво и с пылом доказывать вам, что все его посылы служат только вашим и высшим интересам. Поэтому как раз самые отвратительные мысли преподносятся нам милосердными и заслуживающими симпатии лицами.

Может быть, выборы определяют, что и как надобно делать? — Пекарь, электрик, архитектор и авиатор учатся у мастеров, а не у клиентов. У клиентов они спрашивают, нравится ли ими созданное, а не что и как созидать. Знания и средства для собственного мастерства они ищут в других местах и у иных умельцев.

Политики — ремесленники государства. Голосование мало помогает при выпечке политических реалий. А вот ссылка на результаты поверхностных мнений позволяет опрокинуть любой закон, любую традицию и норму сообщества, опираясь на колебания голосующих, да и то не всех, а выборочных, и в зависимости от того, какие результаты желательны для организаторов.

Может Сократ исключение, а суть демократии в особой восприимчивости толпы к справедливости? — Нет ничего безмозглее и страшнее! Потрясения и революции полны примерами мерзости плебса, но ни одного обратного. Преступник чувствует себя безнаказанным и защищённым толпой. Смотрите, не я это сделал, этого требовал народ. Я только ревностно исполнил его святую волю. Совесть же любит собранность, независимость и тишину уединения, а не крики Линча.

Разве голосование не проявление народной воли? — Не надо путать волю и настроение. Воля проявляется в незыблемости реализации, а не во всплесках подогретых, зачастую, проплаченных эмоций.

Разве голосование не уравнивает старых и молодых, немощных и сильных, позволяя здоровому пробиться? — Всё это побочное. Свобода нуждается в людях, которые её любят, ни на что не меняют, следуют своей совести против давления, в том числе и со стороны «проголосовавшего большинства». Истинная демократия опирается на людей, которые не просто ставят крестики на терпеливой бумаге, а голосуют трудами, заботами и радостями, каждым вздохом, всей своей жизнью за дело, которому они себя посвящают.

Люди, прожившие век, не выберут дважды Гитлера. Там, где опыт предыдущих поколений отсутствует, отсутствует и свобода. Мы видели, как ещё совсем недавно в Африке и Азии кровавые революции проводились вооружёнными 12–20 летними, по сути, ещё детьми. С исчезновением (или разбавлением) наученных историческим опытом поколений сила волеизъявления всё более блекнет. Правительства уже не оглядываются и не боятся чьих-либо возражений, пока не вырастут новые свободолюбивые поколения. Молодость падка на демагогию.

Но разве право голоса — не есть право свободы!

Свобода бывает разной. И не к каждой следует стремиться. Особенно, когда свобода одних выстраивается на порабощении других. Противоположные устремления плавно переводят демократию в диктатуру большинства (национального, католического, пуританского, буржуазного, пролетарского,). Всё это уже было. Примеры этих диктатур (Кастовые сообщества, Папство, Цвингли, Наполеон, Большевики) ярко проявились и прекрасно задокументированы в истории. Чем шире массы на которые такие диктатуры опираются и чем непреодолимее препоны между отдельными группами, тем жёстче их беспредел. Последнее особенно чётко видно на ещё не затянувшихся телесных и духовных ранах, нанесённых фашизмом.

Фашизм

«Триумф воли»

«Наше дело», воры в законе, семьи «Коза ностра» разрастаются порою до международных преступных синдикатов. В большинстве случаев общества заражённые ими очищаются от гнилостного до того, как громилы разгуляются и открыто выйдут на политическую сцену. Фашизму же удалось подняться до высшей формы демократической государственности и даже европейского рейха.

Начала были романтичными, точнее рядились в возвышенное. Итальянский фашизм выбрал символом своего движения связки (fascis) прутьев, которые носили в виде пучков почетные стражники римских (кстати выборных) магистратов. Отсюда обозначение фашизм. Слово наглядно выражает суть. «По отдельности каждого можно согнуть в дугу или просто обломать как пруттик. В связке же мы непобедимы!»

Фашизм поднял знамёна борьбы за общность, силу, красоту, свободу, моральную и культурную чистоту. Требовал самоотдачу каждого общему. Возносил особенно выдающихся выразителей в пантеон почитаемых вождей, собирающих вокруг себя робких, непоследовательных и ещё незрелых отроков. Неумолимо крушил препятствия и врагов на пути к «народному благоденствию».

Всё, от начала и до конца, нагло инсценированная ложь и красивая картинка под дулами ружей! — утверждают либералы.

Инсценировано? — Не без театральности. Фашизм любил грандиозные сцены. А вот ханжество и преднамеренное враньё, основанное на принуждении и угрозах расстрелов — вовсе не главное, В целом грубая сила была даже менее востребована в фашистском государстве чем в «западных демократиях». В 1935 году численность всех, именно всех сотрудников Гестапо составляла 4200 человек в центральном аппарате и на местах. В то же время страну с большим полицейским аппаратом и числом заключённых чем

в США даже в истории не просто найти. А вот искренняя поддержка фашистских режимов была феноменальной.

Референдум в Сааре 1935 г. с 90,7% голосов «за», референдум в Австрии по аншлюсу с Германией 1938 г. с 99,73% голосов «за» и при явке в 99,71% в Австрии и 99,56% в Германии неоспоримо подтверждают широкое одобрение. Такие результаты можно было подчистить, но не в такой мере исказить. Восторг итальянцев при объявлении Абиссинской войны и провозглашении империи 9-го Мая 1936 года были менее точно измерены в цифрах статистических анализов и всё же не менее правдиво задокументированы в кинохронике и дневниках современников. Люди не просто танцевали от восторга. Молодожёны отдавали их обручальные кольца для финансирования захватнической войны. Всё это результат манипуляций, устрашения и лжи?

Наоборот! Фашизм отвергал обман как средство политики. Компромиссы, тактирование, маскарады, обходы и сделки были ему ненавистны. Фашизм требовал максимальную открытость, ясность, последовательность и честность в своих высказываниях, а также бескомпромиссную твёрдость в претворении своих намерений, да и во всех деяниях. Этой своей ясностью и открытостью он привлёк большую часть своих последователей.

Книга Раушинга «Говорит Гитлер. Зверь из бездны» (вторая часть названия добавлена издателем) 1932–34 гг. особенно интересна в этой связи. Раушинг знал Гитлера лично, был его восхищенным последователем и стал непримиримым врагом. Возникнув в эмиграции и предназначенная для антигитлеровской пропаганды в преддверии второй мировой войны, книга содержит ряд явных вымыслов. Но что бы Раушинг не сообщал, он везде подчеркивает абсолютную откровенность фашистской идеологии. Фашизм ничего не прячет, а вместо этого навязчиво выставляет свои помыслы, как заядлый эксгибиционист. Всё сказанное Гитлером в книге «Моя борьба», все фашистские лозунги и прокламации не какие-то там отвлечённые метафоры, сказанные для красного словца на публику, а жёсткие директивы к действию.

То же верно и в отношении всех остальных документов и прокламаций фашизма. В настаивании на аутентичности нацизма Раушинг оказался совершенно прав. Фашизм довёл все предшествующие поползновения дедемократизации до логического конца. Сделал ли он их последовательнее — нет, отморозеннее.

О ужас! Уже только одно предположение, что фашизм может быть искренен, что он основан на тех же принципах, что и современные демократии и только более последователен в их применении — бросает в озноб. Ведь тогда получается, что и наше поле удобрено тем же навозом и отдаёт тем же душком. Особенно неуютно становится от этой мысли при созерцании событий, приведших к второй мировой войне и её последствиям. Не может быть, чтобы смертельные враги в лице фашизма и «западных демократий» пользовались теми же инструментами. Ведь должно же быть что-то принципиально иное между обоими! К примеру, фашизм всегда провозглашал себя врагом парламентаризма и последовательно боролся с ним. Разве уже не в этом проявляется принципиальное различие?

Так-то оно так, но разве не грызутся парламентские фракции друг с другом по любому поводу, да и без повода, со смыслом, да и без смысла, лишь бы нагадить оппоненту? Так в чём же разница в непримиримости или в успехе устранения противников? Фашизм всегда подчеркивал неприемлемость поверхностной склоки малочисленных групп и группок. Он настаивал на сплочённом волею большинства руководстве. Разве не ту же сплочённость ставят во главе угла «западные демократии» против их предполагаемых или просто провозглашенных врагов? Ввести 1933 г. «Закон против образования новых политических партий» — не вопрос, вопрос как найти большинство, которое этот закон поддержит и претворит в жизнь.

Основами фашистской государственности являются:

— Замена личной совести, духовности и порядочности общественным консенсусом.

— Безоговорочное верховенство большинства над личностью.

Непосредственное и неограниченное применение этого права к каждому без исключений и при всех обстоятельствах.

— Удаление любых преград, мешающих выражению «народной воли» как то: бюрократических процедур, социальных различий, исторически обусловленных законов, традиций, религий и мировоззрений.

При таких условиях, размежевания и разборки отдельных партий, сословий, профсоюзов и предпринимателей становилась непереносимыми. Их заменили Дополоворо, Пимпфы, Гитлерюгенд, «Сила через радость», Чёрные рубашки, СА, СС и прочие. Всё сопротивляющееся и настаивающее на своей самостийности тут же распускалось, даже если речь при этом шла об ультраправых националистических объединениях, вроде «Стального шлема» или попытавшейся взбрыкнуть верхушке СА. Всё, что оказывало малейшее противодействие (верования, масонство, социалисты, коммунисты, роялисты) изолировалось или в корне истреблялось.

— Устранение социальных, экономических, политических, культурных и природных особенностей, могущих отделить личность от большинства. В идеале для всех та же еда, та же одежда, те же условия быта. Паёк фельдмаршала и солдата должен быть один. Портной для их униформ — тоже.

— Создание прозрачного человека задолго до эры компьютеров и тотальной цифровой слежки. Даже нагота и интимность не вписывались в фашистское мировоззрение, мешали и были объявлены врагом общечеловеческого. Лишь то, что можно нести открыто и публично заслуживает уважение и поощрение как источник народной силы и здоровья. Все отклонения достойны не порицания (от этого они только спрячутся) а искоренения. Эвтаназия и преднамеренное, планомерное истребление стали синонимом стремления к высокому. Пафос монументального фашистского искусства, эстетики, спорта — зашкаливает.

— Кристаллизация аморфных, ещё неоформленных масс вокруг наиболее выдающихся представителей большинства (Duces, Führer = Вождей). Вместо правил и законов на первое место

ставилось личное руководство: «Будь примером. Пример заменяет тысячи предписаний!» Или призыв «Mehr sein als scheinen = Будь, а не кажись!» стоял выгравированным на клинке наградного кинжала СС у охранников концентрационных лагерей, руководителей айнзатцгрупп и ваффен-СС.

Конечно, напрашивается возражение, что фашистские решения «большинства» были вовсе не демократичными, в том смысле, что поднятыми и признанными голосующим большинством, а были навязаны людям грубой силой, что в корне не верно. Они были более чем признанными. Они были народными. Во-первых, фашизм с удовольствием прибегал к разному виду голосований и референдумов для усиления своего влияния, во-вторых, он спрашивал непосредственно у рычащей улицы, что она хочет, а не у запуганного и прячущегося в своей каморке мещанина, готового согласиться и подписать всё что угодно, лишь бы его не трогали. Правда при формальных выборах одиночка может запереться в отхожем месте, не прийти, неправильно заполнить бюллетень или совсем не заполнить. Фашизм привёл выборы в любой закоулок, любой дом, любую семью, сделав их всеобъемлющими и неизбежными, заставив каждого обрести лицо.

Фашизм предпочитал массовые марши, демонстрации и факельные шествия каким-то там урнам и записочкам, не брезгуя последними. Воля народа проявлялась непосредственно и более чем наглядно в массовых сходках, демонстрациях, маршах и парадах. Просто так, неподвижно стоять посреди кричащей толпы, вздёрнувшей вверх руки римского или гитлеровского приветствия, представляло намного больший афронт большинству, чем любые голосования или высказывания за закрытыми дверями. Толпа расправлялась с такими чужеродцами, не обращая внимания ни на что, да и не удерживаемая никем. Наоборот, своеволие улицы всячески поощрялось.

Рёв народа на „Fogo Italico“, на площадях Нюрнбергских партийных съездов (во времена взлёта) или в Спортивном Дворце 1943 г. (на скате, когда смерть после Сталинграда уже прочно

вошла в каждый дом) невозможно приказать, или подтасовать. Хрустальная ночь и сожжение книг на Опернплатц из той же когорты. *«Пусть никогда не погаснет яркое пламя нашего восторга — именно оно даёт свет и тепло созидательному искусству современной политической пропаганды. Только оно исходит из самых глубин нации, и, в них же, оно должно искать свои корни и черпать силу. Может и неплохо, обладать властью, дарованную силой оружия, но гораздо лучше и радостнее завоевать сердце народа и не терять его.»* Геббельс был предельно искренен в каждом своём слове и сделал всё от него зависящее, чтобы разжечь это пламя в каждом немце.

Фашизм уходит своими корнями в культуру. Культура построена на принуждении к её посылам. Вот только заповеди культур проверены и опосредованы предыдущей историей, в то время как фашизм опирается на незрелые представления большинства в теле итальянского этноса, или ещё более строгого обособления «немецкой расы» в рамках нацистской идеологии и «научного» дарвинизма. Ariernachweis или «Свидетельство об арийском происхождении» были необходимы для мало мальской общественной деятельности, но уже не выдавалось, если один из родителей или прародителей не являлся «арийцем». (Приблизительно тоже прописывают «негражданам» прибалтийские последователи сегодня). Неоспорим тот факт, что фашизм нашёл наибольший отклик среди культурных народов. Удивление по поводу того, как мог распространиться фашизм среди наций великих мыслителей, поэтов, музыкантов и учёных — неправомерно. Именно правило подчиняться высшему, делало их особенно чувствительными к разразе согласия, навязанного большинством.

Фашизму можно справедливо поставить в вину излишние брезгливость и чрезмерную чистоплотность, а вот стремление к косметике, к ретушированию и приукрашиванию — чужды фашистской эстетике. Упрёк притворства совершенно не заслужен. Фашизм предельно откровенен в своих стремлениях. Его главная цель и посыл — это безусловное подчинение личности общественному.

Большинство, народ, народная общность имеют абсолютное превосходство над индивидуумом. Личность может самоопределяться и развиваться только с ней и в ней.

История показала, что скрывается за этой внешне романтической формулой — концентрационные лагеря, фабрики смерти для инакомыслящих, «Дранг нах остен» и к мировому владычеству, порабощение и истребление всего живущего по иным канонам.

Ценою невероятных жертв человечество пережило эту, наверно самую тёмную страницу своей истории, и очнулось из фашистского мрака. Правда не везде и не во всём. Фашизм как таковой не потерял своей привлекательности для многих политиков и сегодня. Его открыто проповедуют в Прибалтике, в Италии, да и в Европе и Америке в целом, перефразируя и втискивая его постулаты везде, даже там, где вроде бы с ним борются «псевдодевые», по сути, фашиствующие бесы. Национал-большевизм Лимонова не менее наглядный пример.

Фашизм может подняться до вершин могущества, он может сделать сильным, каждого кто ему следует и тем не менее он не жизнеспособен. Сила позволяет легче воплотить предпринятое, найти истинное — сила не в силе. Наоборот, триумф воли (без разума) накладывает кандалы и цепи сознанию и убивает духовное и душу. Люди принуждаются стать слепыми инструментами и органами сверхорганизма, у которого, увы, ни своих мозгов, ни сознания, ни духа нет, да и на этой стадии биологического развития быть не может. (Для последнего необходимо телесное сращивание геномов и возникновение новой формы жизни как это было у эукариотов. Такого на сегодняшнем уровне эволюции уже не проверить. Более возвышенное и действенное духовное не позволит.) Строгими колоннами, чеканя шаг и гордо размахивая знамёнами фашистские пособники собираются в тучи саранчи и маршируют как лемминги к неминуемой пропасти. Демократии им не враги — они их с лёгкостью подминают.

Получается, куда ни ткни при сравнении фашизма и демократизма — везде только сходство. Но даже если и всё сказанное

верно, правомерно ли вообще указывать на схожее в фашизме и современных демократиях? Так геномы человека и шимпанзе совпадают на более чем 98%. Тем не менее вряд ли кто-то хоть на мгновение усомнится в принципиальном различии обоих существ. Не правильнее было бы заострить внимание на несомненных отличиях, вместо того чтобы подчеркивать сходства? На каких например?

Разве не отличается фашизм от демократии уже жестким временным ограничением мандатов последних? Даже если принять во внимание, что Рузвельт продержался бессменно у власти столько же, а Аденауэр и Меркель даже дольше Гитлера, всё же их выбирали каждый раз заново, а Гитлер после прихода к власти 1933 г. стал безальтернативным. Аргумент так себе. Во-первых, если бы Гитлер провёл выборы, то он был бы выбран с разгромным счётом для любого теоретического оппонента, во-вторых, длина и объём мандата не имеют никакого отношения к большей или меньшей демократичности.

Мандаты

В 1917-ом на восточном фронте немецкий офицер описывает картину, приведшую его в крайнее удивление. Рота русских революционных солдат пошла в атаку на его позиции, но залегла под пулемётным огнём и огнём орудий. Далее произошло нечто необычное. Недалеко от вражеских укреплений солдаты в воронках начали перекрикиваться и поднятием рук голосовать за то, продолжать ли наступление или оборвать его.

По-видимому, первым решением было продолжить атаку. Солдаты поднялись, но тут же вынужденно залегли под огнём и, оставив многих убитых на поле боя, поползли назад по жиже, размочшей от дождя и перепаханной взрывами земли.

Что это было? Чистейшая демократия или полная идиотия? И то и другое одновременно.

Но к чему вообще правление? Нельзя ли передать эту функцию непосредственно народу, перепрыгнув посредников. Почему сразу не решить все предстоящие вопросы голосованиями и референдумами и не искажая властвующими посредниками исполнить? Потому что постановления, какими детализованными они бы не были, сами по себе ничего не меняют. Всё желаемое ещё нужно претворить.

На что-то решиться и довести до конца — это разные вещи. Кроме того, желаний много, а времени и сил мало, за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. Порядок и соразмерность предпринимаемого целям и возможностям важны не менее самих целей. Выбор ведущего, ответственного за претворение переводит терзания в плоскость конкретных решений.

Мандат — это предоставление полномочий в оговоренном объёме средств и времени, необходимых для достижения конкретных целей. Выборы и предшествующие обсуждения служат поиску наиболее подходящих кандидатов. Мандат ограничен кругом задач. Длительность мандата не имеет отношения к тому, насколько он демократичен или нет. Мандат должен быть достаточным, чтобы завершить предпринятое.

Различные задачи требуют различных мандатов. Одно дело подготовка праздника или перехода через горный хребет. Другое дело повседневная организация армии, медицинского снабжения, науки, культуры или религии. Поиск для всех этих областей общественной деятельности универсального и для всех времён и условий оптимального мандата — несусветная глупость. Но поскольку все эти предприятия финансируются из общего котла, то и общее соразмерное управление более чем целесообразно. Именно для последнего важно чёткое определение мандата большинством налогоплательщиков. Эта общая надстройка, представленная сенатом, магистратом, парламентом, советом, думой (или как-то ещё названными выборными управителями) распределяют средства, не вмешиваясь в чужие мандаты, их длительность и объём. Выбор академиков, религиозных, военных званий, руководителей

учебных, научных, промышленных заведений независим и следует собственным исторически оформленным целесообразностям. Да, правительство может назначить кого-то маршалом, царём, императором, судьёй (примеров тому много), а вот сделать их таковыми оно не может. Для этого нужно внутреннее подтверждение мандата именно этими структурами и соответствие ему.

Сравнение общих и специальных мандатов показывает, что выборность никакое не исключительное качество демократий, а универсальное средство для получения любого общественного поручения. Различия соответствуют специфике задач. Некоторые мандаты выдаются на день, как для принятия парада, другие на длительность жизни или даже длительность династии, как при наследственных монархиях. Все эти представительства без исключения были когда-то и кем-то выбраны. Пока они соответствуют своему предназначению, повода для отставки/отречения и перевыборов нет. Кстати, не только царствующие персоны и понтифики выбираются на длительность жизни. Так же пожизненно выбираются верховные судьи. Да они могут потерять свой мандат, но не вынуждены переизбираться. Почему это делается пожизненно? Потому что они отвечают за сохранность традиций — а что может быть надёжнее в этом плане чем длина жизни.

Современная государственность состоит из пёстрой мозаики специальных, исторически возникших, оправдавших себя в отдельности и взаимно дополняющих учреждений. Их состав не определяет, насколько они «демократичны». Сегодняшние монархии Японии, Испании, Норвегии, Бельгии, Дании, Швеции, Великобритании, Канады, Австралии и многие другие доказывают это. Разница между правлениями, выбранными на короткое время и царственными династиями не принципиальна, пока все выборные структуры соответствуют своим задачам и поручениям. Проблемы начинаются, когда они действуют друг против друга вместо того, чтобы служить общему делу в соответствии с их ответственностью перед сообществом.

Отчётность

Кьеркегор жестко осуждает демократии за их якобы полное отсутствие подотчётности. В то время как любой чиновник или военный отвечает головой за свою работу — результаты демократических действий безлики. Найти виновного как правило не представляется возможным. Их исполнители не несут ответственности, а только указывают на волю избирателя. Если что-то идёт не так, а то и вовсе выходит боком, причиной оказывается избиратель.

Кьеркегор творил полвека после Великой французской революции, да и в стране, не особо затронутой народными волнениями. Воспоминания о том, как не созревшие и провальные решения выбранных, приводили их на гильотину или гнали в изгнание, стёрлось в памяти живущих и уже полностью отсутствовало у современников. В его время демократия расправляла крылья и шла под полными парусами, её капитаны могли позволить себе колоссальные глупости и выходили не смотря на все крены государственности сухими из передраг. Отсюда и уверенность Кьеркегора в вседозволенности выборного люда (как, впрочем, и уверенность либералов в безнаказанности бездарных чинуш). Ни то ни другое не верно. То, за что Кьеркегор осуждает демократию, не признак демократии, а её дедемократизации.

Любая, незаслуженно обрётённая и веянием времени пожалованная, власть склонна к заносчивости и приписыванию себе превосходства, которого у неё нет и в помине, а даровано должностью. Каждая должность — это прежде всего долг. Вступающий в должность перенимает не только привилегии, но и ответственность. Вообще-то отчётность перед выборщиками — это основополагающий принцип демократии. В реальности этот принцип часто обходится или превращается в свою противоположность. Редко правительства и правители после выборов предстают перед выборщиками, чтобы ответить на их вопросы, объяснить, что происходит и оправдать, что они собственно, предпринимают. Как правило эти задачи передаются на откуп пресс-релизу, оформленному строго по

лекалу — мы говорим, вы слушаете. Вопросы и ответы подаются, фильтруются и перефразируются заранее. Всё это явные признаки дедемократизации и мера того, как далеко последняя зашла. Для демократии, как и любой общественной организации важно, чтобы личная ответственность не спихивалась, а оставалась у исполнителей. **Ответственность лежит не на тех, кто за что-либо голосует, а на тех, кто воплощает исполнения в жизнь (как в хорошем, так и в плохом). Право голоса только тогда существенно, когда оно заключается в праве наказывать нерадивость, ложь и злонравие облачённого мандатом правительства.**

Указание на то, что сами выборщики стоят за решением — превращает демократию в фарс. Совершенной катастрофой оказывается подмена ответственности. Там, где выборы служат оправданию бездарности или даже злонамеренности власти, следуя принципу, это не мы, это же вы так хотели — демократия перерождается в карательный меч диктатуры. Тоталитаризм, достигаемый такими диктатурами несравненно жёстче любых предыдущих форм тираний. Поставить на голосование можно всё, включая само право на голосование. Ничто при этом не оказывается защищённым — ни конституция, ни право на жизнь и самостоятельность во мнении, поступках и поведении.

Мы видим это на таких декретах, как закон о защите немецкого народа (Нюрнбергские законы 1933 г.), и совсем недавно на законах об обязательной вакцинации «О защите от инфекций», принятыми в той или иной форме выборными правительствами большинства стран мира. Эти, вроде «демократические» процедуры, обнулили в одночасье все исторические достижения личных свобод предыдущих эпох. Всё что для этого было нужно — это посеянная паника, медийные устрашения, беспросветная ложь и открытое насилие над инакомыслящими (штрафы, угрозы тюрем и реальные сроки для протестующих, лишения профессий для непослушных или просто вопрошающих). Если не получалось добиться желанного с наскока, проводилось повторение голосования там где нужно, с теми кому нужно, пока не выходило, то что нужно.

Всё несоответствующее замалчивалось и отсеивалось, как неподобающее «демократиям». Такой подход позволил «легально» попира́ть все основные законы ссылаясь на особенность ситуации. Мы всё это недавно пережили и наблюдаем каждодневно за дальнейшим развитием. В условиях, при которых ответственность перекладывается на выборщиков, а руководство при этом, как бы ни при чём, какого бы барана овцы себе не выберут, направление стада решается стоящими за урнами пастухами. В самом деле. Если выбранным «представителям народа» вздумается приняться за исполнение чаяний именно этого народа, то они рискуют своим состоянием, своим хорошим именем (их просто оболгут, затравят, а то и засудят) и даже жизнью (тайные службы всегда при деле и у них много разных не очень чистых, зато действенных инструментов). Служа народу, его представители вынуждены лавировать, притворяться, делать так, чтобы никто не знал, куда они направляются. «Никогда не допускайте, чтобы ваша левая рука знала, что делает правая», — поучал президент Франклин Рузвельт своего любимца Г. Моргентау-младшего. «Какая я ваша рука?» — спросил Моргентау. «Правая, но левую я держу под столом», — невозмутимо отозвался президент. Всё строго по Оруэллу.

Если же избранные наплюют на предвыборные обещания, открыто пренебрегут тем, что от них требуют незримые и далёкие выборщики, а вместо этого займутся продвижением интересов их коррумпированного окружения, поднявшегося (не важно какими средствами) на вершины влияния, то максимум, что им за это может прилететь, это потеря следующих выборов при сохранении доходов и приобретении выгодных мест в акционерных обществах, университетах и разношерстных неправительственных фондах, созданных их закулисными попечителями. Такой исход не так уж горек и оставляет более чем обоснованные надежды уже завтра снова оказаться внутри обоймы и самой кормушки. Поэтому не мудрено, что на наших глазах, ярые противники НАТО становятся его генеральными секретарями и мы видим, как бескомпромиссные в молодости пацифисты, либералы или зелёные «идеалисты»

(не успев прийти к власти) тут же развязывают войны, вводят законы против «неправильных» мнений, учреждают тайные тюрьмы и службы защиты «демократических ценностей», отравляют воду газовым трекингом, а воздух серным дымом бурого угля (ради экологически чистых электрических машин и водорода). Сердечное согласие с закулисьем приятнее, спокойнее и доходнее, чем какие-то там мнения беззубых избирателей.

Забастовки и акции протеста при таких условиях служат уже не первоначальному смыслу, а становятся клапаном для спуска пара и низводят праведное возмущение до карнавала придурков и сумасшедших. Пусть побесятся и растратят в пустую силы. Наоборот, власть имущие с удовольствием присоединяются к демонстрирующим и встают в первых рядах, ради хорошей картинки. Если нужно, они организуют массовки и направляют их специально обученными мессенджерами, профессиональными ведущими и крикунами с театрализованными хорами. Опасности от этого им никакой. Если что не так, то распустить такие «антидемократические» сборища не представляет особой трудности. В случае чего в ход идут резиновые пули, шумовые, световые и газовые гранаты, аресты и увольнения. Демократии любят массовки не менее, чем античный Рим любил гладиаторские схватки.

Отсутствуют спонтанные выдвижения, самое время организовать собственные. Протесты, опросы и даже простые обсуждения, скажем в интернете, используются для выявления и уничтожения противников, позволяют целенаправленно изолировать и диффамировать их.

Свобода начинается с независимых решений личности и нуждается в законах, оставляющих человеку место для размышлений и действий, законов, которые неподвластны дискуссиям и голосованиям.

Свобода кончается там, где право толоса используется для предписаний и затыкания отдельных голосов, для низведения чьей бы то ни было личности до шестерёнки в маховике какого-нибудь большинства.

Свобода слова

- *Прошу слова! — Чего? — Слова. — Шутит! Он шутит!*
— *Господин Дракон, это явная шутка,
такое нельзя сказать всерьез.*
— *Зачем тебе слово? Чего ты с ним будешь делать?*
— *Все-таки, если нельзя протестовать,
...то хотя бы поспорить.*

Духовная жизнь общества позволяет порождать многообразные мнения. Дискуссии по вопросам политических видений формируют накопленное в общественном сознании до конкретных предложений. Чем шире обсуждение, тем разнообразнее результат. Правду таким образом не найти, а вот мечты в их общих чертах вполне возможно обрисовать.

Разнообразие — важнейшая предпосылка, неординарных решений. Только оно позволяет разносторонне охватить проблему и наметить новые подходы. Всё плохое и хорошее, «правильное и неправильное», «возвышенное и отвратительное» должно быть доступным восприятию и проверке источника, не боясь слежки и преследования. Демократия обязана максимально освободить свободу высказывания и защитить это право от поползновений власти, большинства и высокомерия всезнайства.

Конечно, при этом может выплеснуться гнусное и в корне лживое. Но и эти пороки не менее важны выверенных наукой фактов. Они наглядно показывают мирок их пророков и приучают слушателей внимательно следить за делами и истинными намерениями, а не за пустословием ложных увещаний. Там, где свобода слова приносится в жертву морали, политической корректности, этичности, life-matters, хорошим намерениям, защите здоровья и персональных данных — именно там волеизъявление превращается в смирительную рубашку сознания, разобщающую общность и позволяющую только взгляды, проштампованные цензурой. Учредители балаболят обо всём, кроме предметов важных для становления личности.

Всё отличающееся и самостоятельное отрицается, порицается или штрафуется.

Во времена откровенной цензуры и запретов плодятся иносказания и тайные сообщества. Последние возникли из стремления избежать контроля. Их возникновение, развитие и деятельность порою не менее разрушительно для сообщества, чем сами запреты на свободу волеизъявления. Чтобы не дать тайным обществам почву для злокачественного роста любое самообразование, доступ к книгам, обмен знаниями и мнениями, переписка и волеизъявления личности должны быть защищены законом. Там, где кто-то вышестоящий затрудняет общий доступ и руководит потоками легко достигаемого, предварительно отфильтрованного знания (например, через количество подписчиков, достижимость аккаунтов и ссылок, списками запрещённых и тут же автоматически блокируемых слов, оплаченными ботами) — диктатура уже в полном расцвете.

Балаганище

Мы уже упоминали тот факт, что никто из властвующих не пришёл к власти без того, чтобы его кто-то ранее для этого не выбрал. Но чем же тогда одни выборы отличаются от других? Какие из них демократичные, а какие нет? Кто и как об этом решает? Может особенное истинно демократических выборов заключается в числе голосующих? Ведь короли, понтифики, императоры и династии избирались ограниченным числом правомочных. А вот за кандидатов в Европейский парламент голосуют все граждане Европейского союза. Разве не в этом таится истинная близость к народу Европейских парламентариев (которых никто никогда не видит, да и не знает кто они и чем они, кроме сомнительных делишек, занимаются). Разве отсутствие выборности не обуславливает отдалённость монархов, например тех же Люксембурга или Монако? (Которые вообще-то у всех на виду и не гнушаются прямого общения даже с прохожими).

ТРИУМФ ДУХА

А не взять ли всех людей нашей планеты, дать им проголосовать и подчинить центральному, в результате такого голосования выбранному правительству, экстерриториально расположенному в Гааге, Давосе, Манхэттене или где-то ещё? Разве не станет такое правительство самым демократичным из всех демократий?

Уже по иронии, сквозящей в этих вопросах видно отношение автора к прожектёрству такого рода. Какой смысл имели бы всеобщие выборы для назначения академиков, священников, генералов, князей? Да, их деятельность касается всех. Но какую роль играют «эти все» к примеру в конкретной деятельности учёных? Станет ли их деятельность лучше, если учёных, священников и генералов будут выбирать поголовно все?

Свобода слова измеряется не числом проводимых дискуссий и голословных голосований, а реальными возможностями развития, которые общество делает доступными своим членам и гарантирует по закону и против прихотей большинства. Выборы являются выражением суверенности личностей, участвующих в них и в претворении их постановлений, а не определяют число согнанных овец.

Голосования ради подъёма и опускания рук или ради большего числа бюллетеней являются чистой воды профанацией. Демократические учреждения вырастают из конкретных задач и консолидирующихся вокруг них полноправных участников, а не из тумана мошенничества числами «мертвых душ».

Демократия нуждается в праве собственного выбора мышления, соратников и деятельности, а не в праве беспрекословного подчинения профильтрованному «правильному», чем бы оно себя не оправдывало. Право голоса заключается не в праве навязывать определённое мнение, а в свободе выявления и консолидации неординарных видений, в возможности высказаться без страха о последствиях, и в праве отстаивать своё мировоззрение. Самое же главное право голоса — это право призвать к ответу зарвавшееся представительство.

При обсуждении различных аспектов современных демократий мы пока вольно-невольно останавливались на негативе. Выдвинутые обвинения многочисленны и все без исключения горьки. Это не удивительно, поскольку речь до сих пор шла о заблуждениях, насаживаемых демократизаторами: фашизмом, криминалом, диктатурами большинства и прочими трансформациями.

Но ведь это не может быть всем сказанным по поводу демократии. Ведь что-то должно быть возвышенного в демократии, что делает её желанной и даже жизненно важной для участников. — Несомненно!

Самое важное в демократии это суверенитет личности и уважение к чужому, а не выбивание послушания сворой.

Демократия связывает взаимодополняющее, вместо того чтобы, доминируя критической массой, уничтожать более слабое и противоборствующее. Пусть каждый кто хочет внесёт свою лепту как только может и пусть противящийся ищет свой собственный иной путь (вдруг он окажется лучше).

Иными словами: **ДЕМОКРАТИЯ — это участие, диктатура — это насильственное подавление и исключение.** Как эти цели достигаются технически важно, но не принципиально. Выборы и голосования великолепно подходят для продавливания и возведения беспощадных диктатур. В то же время демократии, свобода голоса и равноправие перед законом зачастую возводились авторитарными правительствами без обсуждения с будущими участниками.

Религиозные ордена, пираты и мафия, воры в законе, фашизм, хиппи и фрики-альтернативщики — все они могут пользоваться инструментами присущими демократиям, не становясь таковыми.

Демократия — это предельная открытость и направленность устремлений на **самостоятельное развитие всех участников.** Так же как и дух человечества, демократия обогащается от каждого присоединившегося к ней самородка.

В античной Греции право голоса было ограничено свободными горожанами (рабы по Аристотелю рассматривались как говорящий скот). Граждане других городов не имели прав и считались потенциальными противниками. Решения голосований в одном городе-государстве не имело последствий для всех остальных. Срастание сообществ было в этих условиях возможно или за счёт доминирования одного из городов (Афин или Спарты), или за счёт поглощения узурпаторами, как-то Дарием или Александром.

В Римской империи право выбора распространялось на патрициев всей, сперва довольно обозримой республики, позже к нему частично присоединились плебеи. Власть сената и магистратов опиралась на всю территорию римской унии и позволила Риму вырасти до империи. Императоры были ещё немислимы и всё же уже неминуемы. Неумение распространить демократию на все римские владения привело к централизации и упадку Рима. Ограниченная Италией, Римская республика не нашла в огромной Римской империи достаточно людей, готовых её отстаивать, зато нажила бесчисленное число врагов, ненавидящих римское чванство.

Право на собственное мнение невозможно аннулировать. Пренебрежение умаляет не чужие, а пожирает собственные возможности. Противодействие провоцирует и лелеет закон сильного, подпитывая деспотию и военизированные народности. Рим пал не в противостоянии с лучшим, а в противостоянии с бесчисленным иным. Демократия при этом не погибла, она распределилась иначе. Вместо одной империи возникли суверенные государства. Рядом с князьями, королями, монархиями сосуществовали и развивались далее сельские и городские общины, двор, советы, рейхстаг германских земель, ганзейские и другие союзы.

Парламентская монархия, возникшая после Славной революции в Англии (1688), подарила стране 200 лет небывалого расцвета и позволила распространить свое влияние через все океаны.

Цензовое избирательное право, привнесённое Великой французской революцией, достигло новых рубежей.

Начиная с него, вперёд вырываются государственные формирования, всё полнее развивающиеся и опирающиеся на всеобщее избирательное право. Общества, не поспевающие за ходом истории или даже тянущие назад, разваливались или даже тянущие назад разваливались или оказывались на периферии прогресса. Был ли у фашизма реальный шанс? Нет. Сумеют ли вездесущие потуги дедемократизации достичь своих целей? Тоже нет.

Демократия соучастия не знает и не приемлет границы национальностей и государств. Современные демократии этим принципом пренебрегают и поэтому неизбежно скатываются в диктатуры.

Сталин вроде сказал: «Я всегда считал, что демократия — это власть народа, но вот товарищ Рузвельт мне доходчиво объяснил, что демократия — это власть американского народа». Как раз сегодня становится всё очевиднее, что общества, отменяющие право на государственной границе и признающие во вне только врагов и вассалов, нежизнеспособны, как в своё время был и Рим.

С развитием духовного, отграничение и замыкание в себе становится всё большим анахронизмом. Истинная демократия возможна только как демократия всего человечества. Предпосылкой для этого является не насаживания какого-то порядка по правилам «сильного», а суверенитет участников. Но суверенитет личностей не может быть там, где пренебрегается суверенитет их объединений. Да, Рим был продвинутое варварских племён. Но именно пренебрежение варварских интересов привело к его упадку.

Всеобщая демократия вырастет из суверенных демократий и сообществ, а не из искусственных установок и постановок навроде Европейского парламента или (пока ещё тeneвых) Мировых правительств. Не благие намерения приведут её к власти, а силы, которые она высвобождает за счёт **привлечения к самостоятельному (а не подчинённому) соучастию и взаимному продвижению.**

Поехали

Если демократия непобедима, а уязвимы лишь незрелые её формы, почему вся история пестрит периодами расцвета и увядания демократических начал? Почему не наблюдается последовательное расширение и совершенствование демократий?

Дело не в слабостях и уязвимости демократий перед автократиями. Как раз наоборот! Но мы слишком много ожидаем от безвольных инструментов, одним из которых является и она. Жизнь — это развитие, демократия — отражение уровня соучастия в нём. Там, где развитие застопоривается и не знает как дальше, демократия, по сути, упраздняется за ненужностью, оставаясь, по форме, вроде бы неизменной.

Во времена безграничных ресурсов, например при осваивании малонаселённого континента (Америки), при распространении по земному шару новых хозяйственных основ (например огня, обработки каменных орудий, земледелия на ещё не занятых просторах), при росте производительности (за счёт нововведения машин, электрификации, автоматизации, компьютеризации) происходит быстрый рост, требующий как можно более широкого участия в нём различных людей и дарований. Соответственно перестраиваются общественные структуры. Каждый, кто этот рост усиливает — желанен, а его участие поощряется и приветствуется. Заинтересованность участников в совместном деянии велика, как и их положение в обществе. Демократия мобилизует все имеющиеся силы и направляет на возникающие задачи и вызовы. Как только границы роста достигнуты — картина меняется. Рост разбивается о преграды. На первое место выходит необходимость привести рост в соответствие с ресурсами. Специальных постановлений для этого не надо. Грызня всех против всех справляется с этой задачей автоматически.

В отсутствии роста, новое может прийти не ранее, чем старое освободит своё место, а значит, состарившись до того, как это новое встанет на ноги. Общество дряхлеет, впадает в деменцию,

государственность расшатывается. Инициатива, отрешение, самоотдача, энтузиазм отдельных личностей наказываются ходом вещей. Вместо того чтобы поощрять былые добродетели, общественность отвечает презрением на бесплодные потуги «самоотверженности». Затраты добродетелей растут при отсутствии мало мальской отдачи или вознаграждения. Подонки, тормозящие рост, наоборот снимают в тех же условиях сливки и оттесняют героев. Общество распадается на отдельные группы, пожирающие друг друга. Паразитизм расцветает. Поднимает одних до чванных вершин, других обрекает на прозябание или существование прислужников, а то и питательного планктона. На словах вроде всё остаётся как было, выборы протекают как раньше. В реальности демократия трансформируется в фашизм или дедемократизируется до различных степеней выборной диктатуры. В этих условиях ни строгие законы, ни освободительная борьба не могут принести облегчения. Восстание кроликов против их хозяина может закончиться не иначе, как на сковородке. Восстание крестьян тоже. Выйти из тупика позволяет только открытие новых источников роста. Их находят земледельцы, вводящие новшества, ремесленники в городах, первопроходцы на их путешествиях, предприниматели в мануфактурах, учёные в лабораториях. Здесь, в задействовании новых ресурсов и методов, происходит истинная битва за демократию, а не на полях брани, хотя на последних часто становится заметным сам перелом.

Демократия — это не столько форма организации сообщества (форму можно наполнить любым содержанием), а симптом и показатель общественного состояния. Уровень демократии (т.е. реального соучастия) наглядно показывает каждому, насколько общество находится на правильном пути, растёт и полно сил, напористости и здоровья. Демократию нельзя приказать, её можно достичь, только обеспечивая непрерывный рост общества.

Каким образом?

Рецептов тому бесконечное множество. Всё что расширяет человеческую деятельность, увеличивает объёмы ей подвластной

энергии, высвобождает духовные и телесные силы, увеличивает длительность жизни — одновременно усиливает демократию.

Что это значит в переводе на нынешнюю ситуацию, задымлённую заревами зарождающихся диктатур?

Единственный путь, непрерывно гарантирующий человечеству демократию — это путь к звёздам. Только в этом стремлении для развития человечества не предвидится преград. Средство необходимое для того — человеческое сознание и дух. Демократия — это ТРИУМФ ДУХА.

Сегодня о царстве духовного говорить не приходится. Очертания сияющего града на холме («Город солнца» = «La città del Sole») ещё не видимы на горизонте мироздания. Даже такая минимальная предпосылка духовности, как доступ каждого к плодам сознания и разума, блокируется повсеместным низменным правом на «интеллектуальную собственность» и банальной необходимостью выжить для большинства населения Земли. Движение жизни не ждёт и не живёт надеждами взгляда из тюремной камеры, как это делал Кампанелла, 30 лет притворяясь безумцем в застенках инквизиции, а стремится каждым своим шагом создавать условия для духовного развития человека.

Не грезить, а осуществлять необходимое, не когда-нибудь, а здесь и сейчас.

Для этого не нужно изобретать колесо, поначалу достаточно осмотреться на месте, к которому приговорила тебя судьба (каждое место, хорошее или плохое — это прежде всего уникальная возможность, даруемая только тебе и недоступное остальным) и начать созидать, насыщая старый мир новым смыслом.

Чем мы при этом собираемся руководствоваться описывает следующий раздел или «Основной закон» Движения жизни.

ОСНОВНОЙ ЗАКОН

Власть исходит от народа — прописная истина, стоящая в начале почти всех конституций. Только большинство понимает этот пункт превратно. Власть не даётся, как милость правителей холопам, хоть это власти и ох как хочется; не забирается, не завоёвывается или отстаивается народом, хоть он об этом часто грезит. **Власть исходит из осознанного порыва человечества к совершенству и растёт с развитием его жизненных сил.**

Много места в государственных конституциях уделяется определению соотношения высших органов как то: должности президента, канцлера; федерального или парламентского совета, верховного суда с избирателями и гражданами в сетях обязанностей и требований. Деталей много, посыл один. Личность обязана подчиняться указаниям этих инстанций в установленном конституцией порядке. С чего бы? — Вопрос к органам служб безопасности: полиции, армии, слежки, и не только к ним. Всё это правильно, но однобоко. Постараемся быть чётче.

Высший орган человечества — это осознание истины; только её инициативе принадлежит право отдавать приказы, а авторитету умения и познания координировать взаимодействие. Высшим судом над всем возвышаются совесть и личная ответственность, ищущая опору и поддержку у соратников.

Что это — общество без приказов, инструкций и средств принуждения, как у князя Кропоткина или народного «бича божьего» батки Махно? — *Бей белых, пока не покраснеют, а красных, пока не побелеют!* Склока всех против всех.

Нет!

Верховенство сознания, исторический опыт, совесть не наследуемы. Смена поколений возрождает невежество и биологическую предопределенность, путь от которой к сознанию тернист и далек. Не каждому суждено преуспеть на нем. Человечество же не может ждать, пока его детки дорастут, а обязано обеспечить свою работоспособность с тем, что есть в наличии. Органы, структуры, правила, описанные в конституциях и законах, чрезвычайно важны уже потому, что противодействуют никчёмности, одергивая и вразумляя недоучек силой традиций и права. Мудрость их уставов проверена долгой историей межчеловеческих отношений и обеспечивает преемственность там, где её прерывают неопытность, глупость и смерть.

Нужно быть предельно осторожным и максимально почтительным при внесении каких-либо поправок в законы, освященные исторической бытностью существующих сообществ. Тем не менее ни закон, ни принуждение опытом прошлого не являются, да и не могут быть высшей инстанцией для тех, кто осознал лучшее.

Духовное находит последователей, строит и действует там, где ограниченность ничего не видит, а бездарность не может помешать. С сомнением всё иначе. Оно выставляет себя либо шутом, либо жертвой, либо молохом и делает это у всех на виду.

~ III ~

ЦЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Самая обширная часть любой конституции — это описание целей и обязанностей. Всех целей движения жизни не назовешь, да и их число со временем будет только расти. Попробуем перечислить наиболее важные.

— Утверждение

Закладка обжитых островков повсюду, куда доберётся человеческое стремление, от хижины в первозданном лесу до межпланетарной станции на кольцах Сатурна. Превращение пустошей и пустынь в оазисы, разбросанные между Марианской впадины и отдаленными галактиками. Возведение баз на дальних границах Мироздания, придвигающих нас к неизбежному броску к бескрайности звёзд.

— Поддержка всего живого

Раскрытие богатств эволюции, сосредоточенных в нашем теле, но ещё не обнаруженных и не задействованных. Приращение полноты и длительности жизни. Ценной и неполноценной жизни не бывает. Всё живущее — итог миллиардов лет эволюции и уже тем самым достаточное освидетельствование того, что оно достойно жить. Даже если существо «уродливо», болеет и мучается, но всё же борется за жизнь, значит в нём что-то есть, чтобы противостоять напасти и преодолевать ограничения физического мира, а потому важное для остальных.

Равенство — ничто; взаимодополнение возможностей и сил — всё. **Важно поддерживать и ободрять жизнь в её стремлении перерасти себя, сбросив путы физических ограничений.**

Кто и что бы, на каком пути ни достиг для себя, достигает это одновременно и для всего живого.

Но ведь таким образом мы порою множим лишения и страдания! Потери — разменная монета стремлений, их следует уважать не меньше жизнеутверждения. Каждый волен сам решать, куда идти, когда и чем пренебречь. Отказ, зачастую, всего лишь решение оставить громоздкое, чтобы подняться ещё выше. Не нам судить, что для каждого важнее. Жизнь вечна. Сон и смерть — это всего лишь полезные паузы сознания.

— Совершенствование

Утончение чувств, развитие ловкости, выносливости, поиск новых переживаний и опыта. Да чего ещё не скажешь в этой связи! Возможности совершенствования неисчерпаемы, границы необозримы. Вроде, после пяти миллиардов лет эволюции в наше тело можно мало что внести революционного и принципиально отличного от бывшего. Но вот приходит неизвестный из глуши, танцует на коньках, летает на лыжах, кувыркается на кольцах, оседлывает серфингом волны, парит в аэродинамической трубе и доселе невиданным образом изменяет наше представление о том, на что наше тело способно. Люди пишут картины, используя для этого, вместо красок: камни, ткани, растения и даже потоки воды, песка и ветров. Они перекраивают города и пейзажи и проникают в тайны мироздания, обнаруживая в себе и вокруг невероятное, как будто только для этого и созданы. **Человечество рождено не для того, чтобы сохранять и эксплуатировать доступное до упада, а чтобы предвосхищать и воплощать светлое будущее — чтобы и на Марсе яблони цвели.** Движение жизни должно воодушевлять каждого независимо от возраста и его телесных предпосылок стать лучше, богаче, дальновиднее, а не позволять использовать себя, как отходной материал.

— Одухотворение

Совместное осмысление, то есть СО-ЗНАНИЕ человечества, стало с его возникновением глашатаем и выразителем всей духовной жизни. Пока ещё неумело и неохотно, но уже неизбежно целью сознания становится — продвижение всего того, что служит взаимному

оплодотворению на генетическом, культурном и социальном уровне. **Ради одухотворения, человечество должно обеспечить максимальную открытость и доступность письменных, визуальных и звуковых свидетельств, везде и для всех. Всё выраженное общечеловеческим языком является достижением человечества; свобода распространения и доступа к нему — наиважнейшие задачи и обязанность любой власти.** Язык творчества не признаёт авторских прав, привилегий сословий и национальностей. **Никакое мнение не может запрещать иные воззрения, вместо этого оно должно подавать пример и доказывать превосходство, воплощая свои творения и доказывая этим свою правоту. В свою очередь, тех, кто стремится к знаниям и истине, нельзя урезать в этом, о каких бы истинах ни шла речь.**

Ростовщики скупают хлеб во время нужды, придерживают его, взвинчивают цену и, благодаря этому, обогащаются. Ростовщик не ухаживал за полем, не создавал инструменты, не собирал, не хранил, не доставлял, не обрабатывал, не производил и не продавал зерно, а использовал голод других людей. Он сеял ненависть, которая его и уничтожит. То же самое происходит и с содержанием. Содержание является хлебом насущным, воздухом для сознания. Только вот потребность в знаниях, иначе чем в хлебе — неутолима и всегда велика.

Признание авторских прав, запрещающих «неавторизованное» (а тем более кем-то другим запатентованное) распространение, допустимо только в том случае, если оно гарантирует более высокое качество и ограничено платными формами воспроизведения и распространения.

Всё осмысленное имеет право на безвозмездное воспроизведение и распространение и ограничениям не подлежит. Кто бесплатно копирует и распространяет знание уже сполна выполнил свой долг перед автором и достоин похвалы, а не порицания!

Только получение неавторизованной выгоды запрещено.

Законы, мешающие распространению осознанного, ничтожны,

чем бы они не прикрывались, включая правила цитирования. Пусть каждый списывает и подписывает, что ему угодно. Труды будущих составных «Писаний» (Тора, Библия, Коран и прочие компиляции — полнейший плагиат предыдущего), а также именных заимствователей чужого навроде Тацита, Шекспира, Гримов, Бальзака, Брехта, Толстова или Волокова только выиграют от этого и неимоверно обогатят всех. Противящиеся безвозмездному распространению света знаний, закливающиеся на их «личном вкладе», заслуживают того, на чём они настаивают — тьмы забвения.

— Созидание

Первопроходцы штурмуют дали, лежащие за горизонтом познанного, изобретатели проектируют для них инструменты и корабли, энциклопедисты объединяют разрозненные свидетельства, не выходя из комнаты. Наброски позволяют преемникам подготовиться и расширить радиус действия. Куда бы мы ни отправились: к чужим континентам, другим планетам или внутрь клетки, в ядро атома или земного шара, цель любой экспедиции — не собрание (новое невозможно втиснуть в рамки обычного), а созидание доселе небывалого. Созидание не просто описывает то, для чего в предыдущем не было даже названий, изобретая вычурные понятия и формулы. Творчество прокладывает дороги, создаёт жизненные пространства и пользуется для их описания обыкновеннейшими из слов навроде: иди, смотри, бери.

Человечеству, вместо бессмысленных подсиживаний и толкотни, открываются безграничные перспективы для совершенствования и роста. В них, товарищество и взаимодействие получают абсолютное преимущество перед так лелеемыми ранее — вытеснении, порабощении и истреблении.

Созидание, поскольку речь идёт о неизведанном, нельзя купить или приказать. Его можно только поощрять, стимулируя способности и устраняя препятствия. Прошлое будущему не судья, а костёр инквизиции.

Всё «не запрещённое» — разрешено без оговорок, позволение к поиску нового у самопровозглашенных комиссий по этике, хорошему тону или политической корректности претит званию человека. Эврика — высшее из его чувств и неотъемлемое из прав. Любое вмешательство в познание незаконно.

— Суверенность личности и её союзов

Цели ложатся на плечи тех, кто их разделяет. Свобода образования союзов и движения между ними — краеугольный камень духовной жизни. При несоответствии деятельности союза с представлениями части или отдельных его членов, никакие препятствия не должны им мешать выйти и искать новых товарищей и союзов.

Человечество обязано гарантировать и облегчать эту подвижность:

- *защитой личных прав,*
- *материальной поддержкой в ходе поиска своего призвания,*
- *финансовыми программами, направленными на продление длительности и продуктивности жизни,*
- *максимальным сокращением необходимого для личной независимости (еда, жилище, доступ к информации), наёмного, т.е. подневольного, труда,*
- *разрушением всех преград (дипломы, титулы, степени, свидетельства), препятствующих доступу к специальному образованию и вольноопределяющейся профессиональной деятельности, независимо от возраста и телесных качеств.*

Важно создание общества, в котором значимы навыки и взаимодополнение, а не сертификаты.

— Свобода

Свобода — это не столько право и позволение, сколько объём реально возможного, достигнутого человечеством и каждым человеком в отдельности. Наше движение жизни служит свободе и подчиняется только её продвижению.

Не верь уверениям, не подкрепленным делом; не бойся шантажа ни непредвиденным, ни злонамеренным, не проси поблажек = «**Не верь, не бойся, не проси. — Созидай!**»

ЛЮДИ БУДУЩЕГО

Сознание бросает в каждого из нас семя миротворца. В одних — стремление улучшить мир взойдёт и вырастет до желания украсить свой сад, квартиру, дом; в других — разожжёт страсть градо- или ракетостроителя. Зачатки и ростки можно найти, как у бомжа, так и у президента. Каждому свойственно мечтать о лучшем мире и думать, как исправить сегодняшний.

Каковы желания, таковы и рецепты. Кто сам не может, пытается навязать «лучшее» другим. Ради надуманных идеалов счастья, равенства, свободы, первозданной природы люди всегда были готовы бороться и страдать, а также принуждать безразличных, наказывать неисправимых, казнить противящихся.

Не жизнь, а жертвы — свои или чужие, освящали мнимую «возвышенность» их целей. Человечество перепробовало для этого много броских схем и фраз. Жертвы вели к мести, закручиваясь в торнадо смерти. Виновными были всегда другие, почему-то не желающие в предписанный рай.

Всегда был и иной подход, не менее интуитивный. Там тоже грезили, искали и создавали новый мир, но делали это не чужими, а своими руками. Давайте помечтаем с этими создателями и начнем с того, каким мы видим этого будущего человека.

Должен ли он быть менее прихотливым, законопослушным, серьёзным, осмотрительным, довольным плодами верховных распределителей межлюдских благ? «Господи» избави! Наши цели совершенно противоположны.

Мы стремимся к человеку:

- живущему не 5–10 десятилетий, а столетия и тысячелетия;
- человеку, распоряжающемуся не какими-то там тысячами мегаватт, а триллионами и более мегаватт энергии;
- человеку, чья жизнь и работа совершается не взаперти десятков метров жилища или бюро, а в далях мироздания без каких-либо иных ограничений, чем его собственная целеустремленность и способности.

Для претворения этих целей бессмысленны насилие и принуждение, уговоры, постановления, гиммлеровское выращивание рас, классовые, расовые, гендерные сегрегации или наоборот «поощряющие» число, а не умение квоты. **Для этих целей каждый должен начинать с себя, дерзая, достигая, доказывая и показывая, как лучше, дольше, свободнее и полнее жить.**

Альтернатив самосовершенствованию нет. Кто с пеною у рта доказывает «свою» правоту и первенство, ничего, собственно, не представляя, ворует только и без того драгоценное время.

ДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Творение, как и всё зарождающееся, уязвимо и нуждается в месте сосредоточения. Религия выдумала для этого слово дом (собор, приход, храм). Стоит ли человечеству искать иного имени для мастерских созидания, чем «Дом Человечества».

Дом Человечества — это гнездо, детский сад, дворец пионеров, ателье энтузиастов-новаторов, лаборатория учёных и мудрецов, горящих, вдохновленных, но ещё не родивших свои шедевры. Каждый зарождающийся творец здесь находит помощь, убежище для уединения и для общения с товарищами и мастерами. Где расположить это пространство?

У Дома Человечества нет прописки. Он там, где сознание празднует встречу единомыслия, поддерживая и поощряя созидательный порыв.

Со временем отдельные, тут и там возникшие Дома Человечества прирастут своими формами организации и сосредоточения средств. — Какими в частности? — Зависит от лепты каждого.

Звезда пленительного счастья

Дом Человечества — неплохое имя для обители Движения жизни. Но каким символом выразить его?

Символы вроде не так уж и обязательны и всё же важны. Сегодня без символа не оформить и интернет-страницу.

Примем пока звезду, сияющую над контуром дома, за символ движения. Всё-таки человечество — наш общий дом, а звёзды заветная цель. Несмотря на все ещё так жёстко подчеркиваемые различия и раздуваемую непримиримость, мы все ходим под звёздами и одинаково далеки от них, как бы высоко отдельные из нас и ни вознеслись бы. Звёзды украшают флаги СССР (моей неизменной родины), Китая, США и ЕС. Но нам, звезда желанна не для украшения, а как маяк надежды, цели и пути.

Цвет звезды пусть выбирает каждый в зависимости от языка, традиций и страны: чёрный, как бесконечность ночного неба, красный, как предвосхищение рассвета, жёлтый, как солнце, синий, как океан, белый, как Млечный Путь на фоне полночного неба, зеленый, как жизнь. Все цвета прекрасны.

Гори, гори наша звезда — мы на пути к тебе!

